

И46

Красноярск

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

М.Ф. Косарев

БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

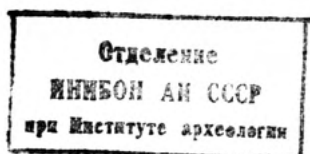

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1981

В монографии систематизирован материал по бронзовому веку исследуемого региона, дается общая историко-культурная стратиграфия, рассматриваются вопросы социально-экономических условий. Комплексное исследование, в основе которого — археологические материалы, позволяет автору решать проблемы неравномерности развития разных районов Западной Сибири, зависимости между формой хозяйства и уровнем социальной организации и др.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Ю. С. ГРИШИН

К $\frac{10602-303}{042 (02)-81}$ 123-81. 0507000000

© Издательство «Наука», 1981 г.

ВВЕДЕНИЕ

Западная Сибирь в археологическом отношении до недавнего времени оставалась одной из самых малоизученных территорий нашей страны. Между тем, по мнению специалистов, Восточный Урал и Западно-Сибирская равнина издревле были ареной контактов европеоидного и монголоидного населения, степных и таежных групп, носителей разных культурных и производственных традиций. Здесь, как считают лингвисты, следует искать ранние этапы формирования угорских и самодийских народов.

Хронологический диапазон настоящей работы охватывает почти две тысячи лет — вторую половину III — первую треть I тысячелетия до н. э. (рис. 1). Это время отмечено крупнейшими экономическими и социальными событиями — развитием медно-бронзовой металлургии, внедрением в экономику производящих отраслей хозяйства, активизацией миграционных процессов, углублением этнической дифференциации населения, сложением нескольких параллельных линий культурной преемственности. В бронзовом веке с особой отчетливостью обозначилась неравномерность социально-экономического развития разных районов Западной Сибири.

В работе обобщены и систематизированы археологические данные, накопленные усилиями многих специалистов в течение последних ста с лишним лет. Однако мы считаем, что изложение археологического материала, его типолого-хронологическая классификация и другие сугубо археологические характеристики не должны являться самоцелью. Настоящая работа задумана нами прежде всего как историческое исследование, где не только устанавливается наличие тех или иных фактов, но и предпринимаются попытки раскрыть причины, содержание и исторические результаты фиксируемых явлений и процессов.

Обобщающий характер работы не мог не наложить определенной печати на методику исследования. Характеристика отдельных культурных комплексов во многом подчинена попытке выявить широкие этнокультурные ареалы, объединяющие родственные культуры. Так, например, сузгунская культура эпохи бронзы в таежном Прииртышье долгое время ассоциировалась у нас с единственным исследованным памятником — Сузгуном II, давшим почти исключительно керамику. Мы не имеем данных для определения ареала сузгунской культуры, по существу не знаем сузгунских орудий и украшений, погребального обряда и т. д. Будучи включена в круг родственных ей культур (черкаскульской, еловской), представленных сейчас десятками памятников, сузгунская культура становится составной частью обширного андроновидного культурного мас-

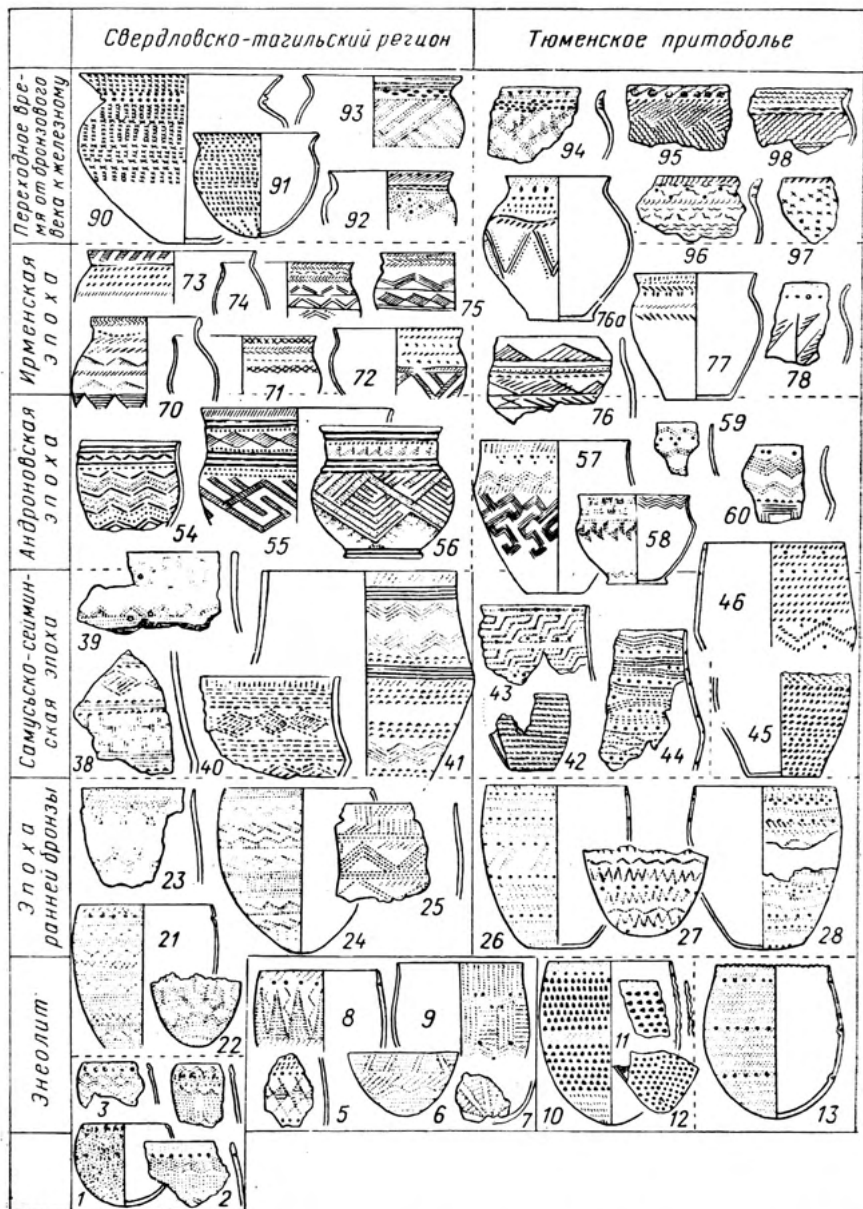

Рис. 1а, б. Схема культурно-исторического развития Нижнего Притоболья и юго-восточного Приобья в переходное время от неолита к металлу и в эпоху бронзы

1, 4 — Сосновый Остров; 2, 3 — Байрык IД; 5, 39 — Карасье озеро; 6 — Шигирский торфяник; 7, 8 — Липчинская стоянка; 9, 11, 45, 76а, 77, 94 — Иркуль I; 10, 12 — участок XII южного берега Андреевского озера; 13, 95 — Байрык-Иска I; 14 — Ирба; 15, 29, 30, 47 — Ордынское; 16 — Киприно; 17—20, 36 — Самусьский могильник; 21, 22 — Береговая I стоянка; 23 — Аятское II поселение; 24 — Макуша; 25 — Коптяки X; 26—28 — Шапкуль VI; 31, 48 —

Преображенка III. 32—34 — могильник на Мусульманском кладбище; 35, 37 — Томский могильник на Малом Мысе; 38, 71, 73—75 — Коптяки II; 40, 41 — Коптяки V; 42—44 — раскоп 1 участка X южного берега Андреевского озера; 46, 97 — Ипкуль VIII; 49—53, 87 — Самусь IV; 54, 72 — Исетское озеро; 55, 56 — Новая III; 57—59 — поселение на северном берегу Андреевского озера; 60 — Ипкуль II; 61—63 — Вахрушевский могильник; 64—66 — Еловский II могильник; 67, 68, 88, 89 — Десятковское поселение; 69 — Еловское поселение; 70 — Коп-

тяки I; 76, 78 — Мысовские поселения; 79, 80 — могильник Ордынское I; 81 — Красный Яр; 82, 83 — Ирмень I; 84, 85 — Еловский I могильник; 86 — поселение Чекист (Большекегизское); 90 — Палкинские стоянки; 91 — Боевское городище; 92 — Свердловская обл.; 93 — гора Маленькая; 96 — Андреевские 5-е и 7-е городища; 98 — Андреевская II стоянка; 99, 100 — поселение Завьялово V; 101 — Томский могильник на Большом Мысе; 102 — Тургайские материковые группы ям; 103, 104 — городище Молчановская Остяцкая Гора

сива, и в его пределах получает и ареал, и определенное место в общей периодизации андроновидных памятников Западной Сибири.

Касаясь хронологии, мы стараемся не сводить вопрос к определению даты отдельных памятников, а пытаемся выявить широкие культурно-хронологические пласты, последовательность которых отражает прежде всего общие закономерности и общие тенденции историко-культурного развития Западной Сибири. Здесь обращение к отдельным «датирующим» вещам мало помогает. Дело в том, что даже сравнительно хорошо изученные турбинско-сейминские бронзовые изделия имеют три исключаящие друг друга, но равноправно существующие даты: дату О. Н. Бадера (XVI—XIV вв. до н. э.)¹, дату В. А. Софронова (XIII—XII вв. до н. э.)² и дату Н. Л. Членовой (предтагарское время)³.

Поэтому на данном этапе археологической изученности Западной Сибири более рационально подходить к хронологии этапов бронзового века, во-первых, с точки зрения выявления общей стратиграфической позиции того или иного культурно-хронологического пласта, а во-вторых, в плане синхронизации западносибирских культур в целом (и культурных общностей) с датированными культурами соседних территорий. В отношении таких хронологических привязок особенно интересен Северный Казахстан, где благодаря многолетним исследованиям петропавловских археологов под руководством Г. Б. Здановича, создана сейчас обстоятельная и обоснованная периодизация памятников и культур эпохи бронзы⁴.

В вопросах периодизации западносибирских памятников и культур бронзового века мы исходим из того, что стратиграфия одного памятника не обязательно отражает историко-культурную стратиграфию района в целом. В ряде случаев разные памятники могут показывать разную последовательность одних и тех же культурных напластований. Такое явление закономерно в контактных зонах, где два или несколько культурных ареалов тесно соприкасаются своими перифериями. Подобные случаи неоднократно вводили исследователей в заблуждение, порождая споры о том, какая стратиграфия верна, а какая является результатом ошибочной методики раскопок (например, многолетняя дискуссия о хронологическом соотношении керамики федоровского и алакульского типов).

Мы убеждены в том, что многие явления древней истории Западной Сибири не могут быть до конца понятны без учета естественно-географического окружения, в котором шло социально-экономическое развитие древнего населения. Так, например, различие ландшафтных условий северных и южных районов Западной Сибири привело к коренным отличиям в хозяйственном укладе, а именно к возникновению скотоводческо-земледельческого хозяйства в степной зоне и к длительной консервации охотничье-рыболовческого уклада в таежной полосе. В эпоху раннего металла и в бронзовом веке, в связи с изобретением металлообработки и развитием производящих отраслей экономики, стала особенно явственной зависимость между особенностями географической среды, типом хозяйства и уровнем культурного и социального развития.

¹ Бадер О. Н., 1964, с. 144—145.

² Софронов В. А., 1966.

³ Членова Н. Л., 1972, с. 135—139.

⁴ Зданович Г. Б., 1975.

Особенно содержательной и многогранной зависимость человека от природы на территории Западной Сибири стала с бронзового века, когда в связи с переходом в южных районах к скотоводству и земледелию, наряду с традиционными охотничьим и охотничье-рыболовческим типами хозяйства, входящими в область присваивающей экономики, оформились еще две огромные экономические области — пастушеско-земледельческого хозяйства в степной и лесостепной зонах и многоотраслевого комплексного хозяйства, сочетавшего производящие отрасли с присваивающими промыслами, в южной тайге и северной лесостепи; каждая из этих трех хозяйственных зон могла существовать лишь на определенном ландшафтно-климатическом фоне.

Географическая среда оказывала огромное влияние на жизнь первобытного общества, задерживая или ускоряя его развитие, влияя на выбор хозяйства, характер контактов, темпы социального развития. «Различные общины, — писал К. Маркс, — находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам»⁵. Таким образом, географическая среда является материальной основой процесса производства, и в этом смысле их теснейшая связь и взаимозависимость очевидны и бесспорны.

Мы исходим из того, что орудия, украшения, керамика и другие археологические находки сами по себе не могут являться полноценными историческими источниками, если их рассматривать вне связи с палеогеографией, экологией и этнографией. Археологический материал в большинстве случаев заставляет нас лишь предполагать наличие явления. Объяснить и понять эти явления, внести в них определенное историческое содержание помогают данные об особенностях природного окружения, свидетельства о характерных экологических проявлениях той или иной ландшафтно-климатической зоны, а также наличие сопоставимых аналогий в богатейшем фонде этнографических свидетельств.

Сейчас нередки высказывания, что обращение археологов к этнографии неизбежно приведет к искаженным представлениям об экономике, социальной организации и идеологии древних, ибо все современные народы, не вышедшие из состояния первобытности, затронуты влиянием высокоразвитых обществ. Этот тезис представляется нам слишком односторонним. Археологи, этнографы, специалисты по истории первобытного общества, особенно те, кто давно и тесно связан с полевой практикой, в состоянии отличать традиционные элементы культуры от признаков, свидетельствующих о поздних влияниях или о присутствии каких-либо чужеродных черт. При желании это положение, конечно, можно оспорить, но в любом случае остается совершенно бесспорным, что без обращения к сибирской этнографии нельзя успешно заниматься изучением экономики, социальной организации и идеологии древнего населения Западной Сибири, не говоря уже о проблеме происхождения современных сибирских народов.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 364.

Крупнейшие специалисты по истории первобытного общества у нас и за рубежом справедливо полагают, что древняя история бесписьменных групп не может быть в полной мере воссоздана только на археологическом материале. Я имею в виду такие великолепные сборники и коллективные монографии, как: «Матрилинейный род»⁶, «Человек-охотник»⁷, «Новые перспективы в археологии»⁸, «Охотники, собиратели, рыболовы»⁹ и др. Примером умелого использования этнографического материала для реконструкции хозяйства, социальной жизни и верований древнего населения Урала является двухтомный Свод В. Н. Чернецова «Наскальные изображения Урала»¹⁰.

Обращаясь к археологическим материалам, мы вслед за В. Н. Чернецовым исходим из того, что западносибирская керамика с ее выразительной орнаментацией, характерной традиционностью орнаментальных мотивов и широким распространением является наиболее важным и объективным источником при определении границ культурных областей, выявлении преемственности культурного развития, выяснении характера и направления культурных связей и т. д.

Пожалуй, главная трудность, с которой придется столкнуться в настоящем исследовании, — преодоление некоторых устаревших взглядов и историко-культурных схем. Отдельные традиционные точки зрения и изложенные в них положения считаются несомненными потому, что стали привычными. Так, общепризнано, что на урало-западносибирской территории в бронзовом веке существовала единая культурная общность, хотя археологический материал никогда не подтверждал этого. Опровергать подобные высказывания чрезвычайно трудно, так как они сами по себе играют роль непререкаемых аргументов, которые лежат в основе многих положений и гипотез, бытующих по сие время.

В то же время нельзя не признать, что имеющийся в нашем распоряжении фактический материал еще недостаточен для решения многих затрагиваемых в настоящем исследовании проблем. Поэтому в ряде случаев мы ограничиваемся лишь постановкой вопроса или попыткой решить его предположительно, на уровне рабочей гипотезы. В целом книга имеет целью дать общую историко-культурную характеристику Западной Сибири в эпоху бронзы, очертить круг основных проблем бронзового века этой территории, наметить пути их дальнейшего исследования.

⁶ *Matrilineal Kinship*. Berkeley and Los Angeles, 1961.

⁷ *Man the Hunter*. Chicago, 1968.

⁸ *New Perspectives in Archaeology*. Chicago, 1970.

⁹ Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.

¹⁰ Чернецов В. Н., 1964, 1971.

Глава I

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Состояние источников. В восточноуральских и западносибирских музеях, а также в фондах Государственного Исторического музея, Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии и других хранится сейчас более тысячи коллекций керамики и вещей эпохи раннего металла и бронзового века, происходящих из разных мест Восточного Зауралья и Западной Сибири. К сожалению, значительное число коллекций, особенно из дореволюционных раскопок и сборов, плохо документировано и не имеет точных адресов. Это относится, например, к коллекции Шигирского торфяника, хранящейся в Свердловском областном краеведческом музее и Эрмитаже. Площадь Шигирского торфяника, с которой поступали находки, составляет около 120 кв. км, и здесь существовали, по всей вероятности, десятки памятников разных культур и разных исторических эпох. Это создает большие трудности при составлении археологических карт. Пять карт-схем, приложенных к настоящей работе, включают лишь основные памятники эпохи раннего металла и бронзового века, культурно-хронологическая идентификация которых, за редким исключением, представляется бесспорной. Таких памятников сейчас известно около 350.

Наиболее исследованы предтаежные и южнотаежные районы — Среднее Зауралье (свердловско-тагильский регион), Тюменское Притоболье, Среднее Прииртышье, томско-чулымский регион, Верхнее и Нарымское Приобье. Они лежат примерно между 55-й и 60-й параллелями и занимают площадь более 1 млн. кв. км. Памятники бронзового века к северу от 60-й параллели изучены много слабее.

Исследователи бронзового века Западной Сибири. Дореволюционные исследования в Зауралье и Западной Сибири — это период первоначального накопления археологических материалов. Первые активные шаги по изучению восточноуральских древностей относятся к середине прошлого столетия и связаны с деятельностью нижнетагильских краеведов И. М. Рябова и Д. А. Шорина. В 1870 г. в Екатеринбурге было создано Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), сыгравшее большую роль в развитии интереса к древней истории края, накоплении археологического материала и его публикации. В УОЛЕ сотрудничали известные уральские любители старины и краеведы О. Е. Клер, М. В. Малахов, К. И. Фадеев, А. И. Гаккель, Ф. Ю. Гебауэр, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. А. Рыжников, В. Я. Толмачев и др. В 80-х и 90-х годах активизируются археологические исследования в Западной Сибири. Полевые разведки и стационарные раскопки велись в основном в районе Тюмени (И. Я. Слобцов), в бассейне Топи и на Алтае (С. К. Кузнецов, А. В. Адрианов, С. М. Чугунов, В. М. Флоринский, Н. Ф. Кащенко

и др.). Поступившие от них коллекции частью являются результатом их собственных раскопок, частью были закуплены ими у местного населения.

Отдавая дань уважения дореволюционным археологам и краеведам-энтузиастам и признавая их несомненные заслуги в накоплении материалов по древней истории Восточного Зауралья и Западной Сибири, следует заметить, что раскопки проводились ими на низком методическом уровне, без четкой фиксации глубин, характера культурных напластований, взаимоположения находок, без подробных полевых дневников. Крайне недостаточен был и интерпретационный уровень исследований. Все каменные вещи было принято относить к каменному веку, все бронзовые — к бронзовому. Не ставились вопросы определения этнокультурных ареалов, не были определены достаточно правомерные принципы выбора аналогий.

В 1920—1930-х годах наступил новый этап археологических исследований — были начаты систематические раскопки по микрорайонам с целью периодизации местных памятников и выявления локальной специфики культурного и экономического развития древнего населения Зауралья и Западной Сибири. В свердловско-тагильском регионе и Тюменском Притоболье такие работы ведут Д. Н. Эдинг, П. А. Дмитриев; в районе Омска — В. П. Левашова; в Верхнем Приобье — С. М. Сергеев, М. П. Грязнов; в Минусинской котловине — С. А. Теплоухов, В. П. Левашова, М. П. Грязнов, С. В. Киселев; в Нижнем Приобье — В. Н. Чернецов, В. С. Адрианов. Особенно большое значение имели работы С. А. Теплоухова. Ему удалось определить и убедительно обосновать схему историко-культурного развития Хакасско-Минусинской котловины в широком хронологическом диапазоне — от эпохи раннего металла до железного века. Он выделил несколько хронологически следовавших друг за другом культурных комплексов — афанасьевский (эпоха раннего металла), андроновский (развитой бронзовый век), карасукский (поздний этап бронзового века) и тагарский (скифское время)¹. Эта периодизация, дополненная и расширенная впоследствии С. В. Киселевым², имела очень важное значение для понимания закономерностей социально-экономического развития Сибири и Казахстана в целом и Западной Сибири в особенности.

Большой археологический материал для историко-культурной периодизации зауральских древностей был накоплен в 1920—1930-х годах усилиями Д. Н. Эдинга и П. А. Дмитриева. Особенно интересные данные были получены при раскопках Береговой I стоянки, VI разреза Горбуновского торфяника (Д. Н. Эдинг), стоянок Калмацкий Брод и II Андреевской (П. А. Дмитриев). К сожалению, Д. Н. Эдинг смог опубликовать лишь часть материала³. Обобщающие заметки П. А. Дмитриева были извлечены из архива и опубликованы посмертно⁴.

Первые успешные опыты периодизации памятников Западной Сибири и Восточного Зауралья были осуществлены в конце 1940-х и в 1950-е годы. В эти годы вышли монографии и большие обобщающие

¹ Теплоухов С. А., 1929.

² Киселев С. В., 1949.

³ Эдинг Д. Н., 1940.

⁴ Дмитриев П. А., 1951а; 1951б.

статьи, посвященные периодизации памятников бронзового века Южного (лесостепного) Зауралья, свердловско-тагильского региона, низовьев Томи, Верхнего Приобья, Северного и Восточного Казахстана и др.

К. В. Сальников предложил трехступенчатую периодизацию бронзового века Южного Зауралья, выделив федоровский, алакульский и замараевский этапы⁵. Вывод о существовании здесь в эпоху бронзы трех разновидностей памятников (федоровской, алакульской и замараевской) был признан всеми исследователями, однако уверенность К. В. Сальникова в том, что они образуют непрерывный хронологический и генетический ряд и относятся к одной (андроновской) культуре, всегда вызывала сомнение. Тем не менее А. М. Оразбаев считал возможным перенести периодизацию К. В. Сальникова на бронзовый век Северного Казахстана, но выделил замараевский этап в особую замараевскую культуру⁶. Позже зауральская схема (имеются в виду первые два этапа — федоровский и алакульский) была распространена на Западный и Восточный Казахстан⁷ и даже на Минусинскую котловину⁸.

В работе В. М. Раушенбах, посвященной каменному и бронзовому векам свердловско-тагильского региона (Среднего Зауралья)⁹, при весьма интересных экскурсах в область древнего хозяйства и идеологию местного населения бронзового века, умелом использовании этнографического материала и данных палеогеографии автору не удалось четко расчленить комплексы неолита, бронзового и железного веков; в выделенных ею этапах бронзового века присутствует керамика различных культур и эпох.

М. Н. Комарова, предпринявшая попытку периодизации культур низовьев Томи, использовала материал лишь Томского могильника. Поскольку для его ранних материалов близкие аналогии в то время еще не были известны, М. Н. Комарова не смогла сослаться на достоверно синхронные комплексы и поэтому неоправданно удревнила погребения эпохи ранней бронзы на Большом Мысе, отнеся их к неолитической эпохе. Вместе с тем М. Н. Комарова верно определила культурно-историческое место Томского могильника, высказав обоснованное предположение о генетической близости ранних погребений окуневским, а более поздних — андроновско-карасукским.

М. П. Грязнов в книге «История древних племен Верхней Оби» (1956 г.) подвел итог многолетним исследованиям в районе Бийска. Предложенная им периодизация местных культур бронзового века в принципе является вариацией минусинской схемы С. А. Теплоухова и С. В. Киселева. Однако М. П. Грязнов высказал несколько иную точку зрения о происхождении, локализации и абсолютных датах андроновской и карасукской культур. Он считает, что андроновская культура сложилась на огромной территории (Южная Сибирь, Казахстан, Южный Урал) одновременно, в результате сходных закономерностей развития в степной и лесостепной зонах скотоводческо-земледельческого хозяй-

⁵ Сальников К. В., 1948; 1951.

⁶ Оразбаев А. М., 1958.

⁷ Комарова М. Н., 1962; Максимова А. Г., 1959; Сорокин В. С., 1962.

⁸ Комарова М. Н., 1962.

⁹ Раушенбах В. М., 1956.

ства. Культуры карасукского времени явились, по его мнению, непосредственным генетическим продолжением культур андроновского типа; они возникли в результате новых существенных сдвигов в древней экономике. Кроме минусинского варианта карасукской культуры М. П. Грязнов выделил еще около десяти «вариантов» Карасука, в том числе верхнеобский, томский, еловский, нижнечулымский, восточно-казахстанский и нижнетобольский. Эта схема вызвала возражения ряда западносибирских археологов, которые считают, что она не отражает богатства и разнообразия этнокультурных процессов на территории Западной Сибири в эпоху бронзы¹⁰.

Одновременно появляются первые работы с удачными попытками выявить общие закономерности развития западносибирских культур бронзового века в сопоставлении с этапами историко-культурного развития соседних территорий. В этом отношении много и активно работал В. Н. Чернецов¹¹, определивший направление поисков общей и локальной историко-культурной стратиграфии ранних периодов древней истории Западной Сибири. Особенно велики его заслуги в изучении хозяйства, социальной структуры, идеологии и этнической принадлежности древнего западносибирского населения. С наибольшей полнотой эти проблемы разработаны в его книге, посвященной древней уральской наскальной живописи¹².

В 1960—1970-е годы можно считать новым этапом археологического изучения Западной Сибири, который характеризуется прежде всего решительной переоценкой многих прежних точек зрения на бронзовый век Южной Сибири и Казахстана. В 1960 г. вышла книга С. С. Черникова «Восточный Казахстан в эпоху бронзы» (МИА, 1960, № 88), где он изложил свою периодизацию андроновской культуры, в которой не нашлось места федоровскому, алакульскому и замараевскому этапам, выделенным К. В. Сальниковым для андроновской культуры Южного Зауралья. Хотя работа С. С. Черникова основана на сравнительно небольшом материале и не вполне удачна в некоторых своих частях (в частности, не оправдано отнесение к андроновской культуре усть-буконьского и трушниковского этапов; неубедителен вывод о происхождении андроновской культуры на основе восточноказахстанского неолита), тем не менее после выхода в свет этой книги стало ясным, что схема К. В. Сальникова не приложима к восточным районам степного Обь-Иртышья.

Одновременно появилась интересная статья Э. А. Федоровой-Давыдовой, в которой она рассмотрела случай совместного нахождения в одном из погребений могильника Близицы на Южном Урале копыя сейминского типа, ножа срубной формы и двух сосудов — алакульского и кожумбердынского. Основываясь на этой находке, Э. А. Федорова-Давыдова обоснованно предположила, что федоровские и алакульские памятники Южного Урала характеризуют не этапы одной (андоновской) культуры, как считал К. В. Сальников, а представляют собой два одновременных культурных комплекса¹³.

¹⁰ См., например: Членова Н. Л., 1955.

¹¹ Чернецов В. Н., 1953а, табл. XX.

¹² Чернецов В. Н., 1964; 1971.

¹³ Федорова-Давыдова Э. А., 1960.

Вслед за этим В. С. Стоколос, обратившись к стратиграфии поселений бронзового века лесостепного Зауралья, пришел к выводу о хронологическом приоритете алакульских памятников этого района перед федоровскими¹⁴. На протяжении последующих лет археологи неоднократно находили на Южном Урале и в окрестных районах могильники и поселения, показывающие неоднозначное стратиграфическое соотношение федоровских и алакульских комплексов¹⁵. Такая неоднозначность объясняется тем, что в контактных зонах население соседних культур могло взаимодействовать таким образом, что отдельные этнокультурные группы неоднократно проникали на соседние территории, по-разному сменяя друг друга в пограничье ареалов.

Успехи, достигнутые в 1960-е годы, явились результатом планомерных целенаправленных работ, которые производились большими археологическими коллективами. Особенно широкие полевые исследования велись в Томско-Нарымском Приобье (В. И. Матющенко, М. Ф. Косарев, Л. А. Чиндина, Ю. Ф. Кирюшин, В. А. Посредников и др.), в Кузбассе (коллектив кемеровских археологов под руководством А. И. Мартынова), в Верхнем Приобье (Н. Л. Членова, Т. Н. Троицкая, Л. И. Копытова, В. И. Молодин, Б. Х. Кадиков, А. П. Уманский и др.), в Среднем Прииртышье (В. Ф. Геннинг, Т. М. Гуснецова, О. М. Кондратьев, В. И. Стефанов, В. С. Трофименко и др.), в тюменско-тобольском регионе (В. Т. Юрская, В. Д. Викторова, М. Ф. Косарев, В. Ф. Старков и др.), в лесном Зауралье (Е. М. Берс, Н. П. Кипарисова, А. И. Россадович, Л. П. Хлобыстин, В. Ф. Старков, Ю. Б. Сериков), в лесостепном Зауралье (К. В. Сальников, В. С. Стоколос, Г. Н. Матюшин, Л. Я. Крижевская, Т. М. Потемкина).

Исследования 1960-х и 1970-х годов шли также в направлении активизации археологических работ в районах, где памятники бронзового века до этого не изучались или почти не изучались — в Западносибирском Приполярье и Заполярье (Л. П. Хлобыстин), в Сургутском Приобье (Ю. П. Чемякин, М. В. Елькина и др.), в Петропавловском Приишимье (Г. Б. Зданович, С. Я. Зданович, В. Ф. Зайберт). Особенно обстоятельно эта работа велась в Петропавловском Приишимье (Северный Казахстан). К настоящему времени там раскопано на широкой площади около 40 поселений и могильников бронзового века, в том числе ряд хорошо стратифицированных памятников, что позволило Г. Б. Здановичу дать четкую и убедительную периодизацию бронзового века этого района¹⁶.

В эти годы были опубликованы две солидные монографии (К. В. Сальникова¹⁷ и В. И. Матющенко¹⁸), обобщившие результаты многолетних полевых работ в двух больших регионах — на Южном Урале и в юго-восточном Приобье. В книге К. В. Сальникова рассмотрен огромный материал по бронзовому веку предтаежной и отчасти южнотаежной полосы Урала, причем он дан не только по отдельным памятникам, но и по

¹⁴ Стоколос В. С., 1967; 1972.

¹⁵ Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А., 1964; Потемкина Т. М., 1973; Зданович Г. Б., 1973; 1975.

¹⁶ Зданович Г. Б., 1975.

¹⁷ Сальников К. В., 1967.

¹⁸ Матющенко В. И., 1973а, б, в; 1974.

культурным комплексам. Много места уделено вопросам периодизации, абсолютной хронологии, экономики, этнокультурных связей. Этот фундаментальный труд является настольным пособием для всех специалистов по бронзовому веку Урала, Западной Сибири и Казахстана.

Однако большой объем материала привел к излишней тезисности изложения, особенно в той части книги, которая посвящена характеристике андроновской и черкасульской культур. Видимо, поэтому из книги полностью выпал раздел о комплексах коптяковского типа и их хронологическом, а также генетическом соотношении с федоровскими и черкасульскими памятниками, о месте черкасульской культуры среди культур андронидного круга Западной Сибири. К. В. Сальников начал свою книгу сразу с эпохи бронзы, без попытки показать предшествующий историко-культурный фон, хотя в распоряжении автора находились чрезвычайно интересные материалы эпохи раннего металла (бобрыкинские, суртандинские, липчинские, аятские и другие комплексы).

В отношении периодизации андроновской культуры К. В. Сальников остался верен своей прежней схеме (три этапа: федоровский, алакульский, замараевский) и даже, пожалуй, сделал шаг назад, распространив, вопреки новым данным, зауральскую периодизацию на территорию, лежащую далеко к востоку от Урала, — до «линии Петропавловск—Кокчетав—Акмолинск»¹⁹. Вместе с тем создается впечатление, что автор был уже не так тверд в своем убеждении о прямой генетической преемственности федоровского и алакульского «этапов». Так, он обращает внимание на замечание В. В. Гинзбурга о существенных антропологических различиях между федоровским и алакульским населением. Примечательно, в этой связи, что К. В. Сальников относил федоровцев и алакульцев к двум разным языковым группам: первых он связывал с предками угров, вторых — с древним прапалеоазиатским населением²⁰.

В монографии В. И. Матющенко изложены материалы по неолиту, эпохе раннего металла и бронзовому веку томско-чулымского региона, и отчасти Верхнего Приобья. Основная масса данных была получена в результате активных и плодотворных 20-летних работ коллектива томских археологов под руководством В. И. Матющенко. Открытые им памятники — Самусьский могильник, Самусьское IV поселение, Еловское поселение, Еловские I и II могильники и другие дали богатейшие коллекции керамики и орудий, а также материалы по домостроительству, погребальному обряду, хозяйству, идеологии древнего населения этой территории. Эти уникальные памятники во многом изменили наши представления о древней истории Западной Сибири и заставили полностью пересмотреть ряд традиционных точек зрения.

К сожалению, обобщающая работа В. И. Матющенко не лишена некоторых весьма существенных недостатков. Нельзя признать правильным отрицание им эпохи раннего металла как промежуточной стадии между неолитом и развитым бронзовым веком. По В. И. Матющенко сразу же за неолитом²¹ идет самусьская культура с ее очень высоким уровнем бронзолитейного производства²². В своих построениях автор

¹⁹ Сальников К. В., 1967, с. 347.

²⁰ Сальников К. В., 1967, с. 347.

²¹ Матющенко В. И., 1973а.

²² Матющенко В. И., 1973б.

исходит из устаревшего мнения о существовании в неолите и бронзовом веке единой урало-западносибирской культурной общности.

Очерки, посвященные хозяйству, социальной организации и верованиям, содержат ряд интересных наблюдений, выводов и догадок, но они разбросаны по разным главам и разделам монографии и выглядят как отдельные, не связанные единой сюжетной линией фрагменты. Совершенно очевидно, что В. И. Матющенко следовало вынести все эти вопросы в заключительные главы работы, где можно было бы на основе уже изложенных археологических материалов, с широким привлечением этнографических свидетельств, дать цельную картину развития экономики, социального устройства и идеологии населения Верхнего и Среднего Приобья во всем хронологическом диапазоне исследования — от неолита до финальных этапов бронзового века.

Значительным событием в археологии Зауралья и Западной Сибири явился выход в свет монографических работ Л. П. Хлобыстина «Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье» (Л., 1976), Л. Я. Крижевской «Раннебронзовое время в Южном Зауралье» (Л., 1977) и В. И. Молодина «Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья» (Новосибирск, 1977), где были предприняты попытки обобщить материалы по разным этапам бронзового века отдельных районов, рассмотрены вопросы хронологии и культурной принадлежности памятников, а также затронуты проблемы происхождения и хозяйственной деятельности древнего населения названных территорий.

Задачи работы. Несмотря на большой объем полевых исследований, археологам, работающим в разных частях Западной Сибири, пока не удается преодолеть локальную замкнутость. Публикуются отдельные памятники эпохи бронзы, разрабатывается типолого-хронологическая классификация материала по группам памятников, ставятся вопросы происхождения тех или иных культур, появляются обобщающие работы по некоторым районам. Однако мы достигли сейчас той ступени археологической изученности Западной Сибири, когда частные темы и локальные проблемы не могут успешно разрабатываться без выявления историко-культурного фона, без учета общих закономерностей культурного и социального развития населения Западной Сибири в рассматриваемый период.

Основные задачи нашей работы заключаются в следующем: обобщить и систематизировать весь доступный материал по бронзовому веку предтаежной и таежной полосы Восточного Зауралья и Западной Сибири; определить этнокультурные ареалы эпохи бронзы, наметить внутри них локальные культуры; выявить общую и локальную историко-культурную стратегию бронзового века Западной Сибири; рассмотреть вопросы происхождения западносибирских культур бронзового века; показать общие и региональные закономерности развития экономики, социальной организации и идеологии западносибирского населения в этот период. Значительное внимание уделено влиянию экологических условий на характер и направление развития первобытной экономики, зависимости между формой хозяйства и уровнем социальной организации, неравномерности исторического развития разных районов Западной Сибири, причинам и социальным последствиям древних миграций и т. д.

В работе нет раздела, посвященного этнической истории Западной Сибири. Эта проблема была рассмотрена нами на уровне имеющегося материала в ранее вышедшей монографии²³. К сожалению, данные, касающиеся этнической принадлежности древних западносибирских культур, накапливаются очень медленно, и сейчас мы мало что можем добавить к сказанному несколько лет назад.

Глава II

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Общая физико-географическая характеристика. Западная Сибирь занимает огромную территорию, равную 2,5 млн. кв. км. С севера она омывается Северным Ледовитым океаном, с запада ограничена Уральским хребтом, на юге соприкасается с Казахстаном, на востоке примыкает к бассейну Енисея. Западная Сибирь (сюда мы включаем и Восточное Зауралье) почти целиком находится в пределах обского бассейна — самого крупного в Евразии (площадь около 3 млн. кв. км). Исследуемая территория, за исключением предгорий Урала, Алтая и Кузнецкого Алатау, расположена на необъятной Западно-Сибирской равнине, занимая ее среднюю и северную части. В ландшафтном отношении Западная Сибирь включает в себя степь, лесостепь, тайгу, лесотундру и тундру.

Русские застали в Западной Сибири народы угорской языковой ветви (ханты и манси), самодийской (алтае-саянские самодоязычные народцы, селькупы, северные самоеды), кетоязычной (кеты), тунгусо-маньчжурской (эвенки) и тюркской (татары, шорцы, северные алтайцы). Все они, кроме кетов, частью переселившихся на Енисей, частью ассимилированных татарами и селькупам, а также некоторых южных самодийских групп, растворившихся в тюркоязычной среде, живут на этой территории до сих пор. Татары — наиболее многочисленная языковая группа дорусского населения — продолжают занимать предтаежные и южнотаежные районы; манси живут в основном в таежном Зауралье, ханты — в Нижнем Обь-Иртыше, селькупы — в Нарымском Приобье и в бассейне Таза, северные самоеды (ненцы, энцы, нганасаны) занимают преимущественно тундровую зону.

Степная и лесостепная зоны Западной Сибири весьма существенно отличаются от соответствующих зон Восточно-Европейской равнины. Восточноевропейским лесостепным дубравам здесь соответствуют березовые рощи — «колки», а овражно-балочному рельефу — «гривы», параллельные ряды которых однообразно тянутся с северо-востока на юго-запад. Такой своеобразный рельеф определил направление кулундинских и барабинских речек: все они имеют русла, вытянутые с северо-востока на юго-запад (Омь, Каргат, Баган, Карасук, Бурла, Кулунда, Алей и др.). В этом же направлении протянулись реликтовые сосновые боры — фено-

²³ Косарев М. Ф., 1974а, с. 147—160.

мен, совершенно несвойственный европейской степи. Особенно много болот по ложинам древнего стока между Кулундинской и Алейской степями, по долинам рек Бурлы и Кулунды.

Другим своеобразием степной и лесостепной зон Западной Сибири является обилие озер. Так, в Курганской обл. их более 2 тыс.¹; в Барабинской лесостепи — свыше 2500 общей площадью около 5 тыс. кв. км (из них оз. Чаны имеет площадь 3,3 тыс. км, Убинское — 569 кв. км, Сартлан — 268 кв. км)²; в Кулундинской степи около 1400 озер общей площадью 2 тыс. кв. км³. С севера на юг (от лесостепной к степной зоне) возрастает число соляных озер⁴. Особенно много соляных озер в междуречье Тобола и Ишима.

За последние 250—300 лет происходили неоднократные усыхания и следовавшие за этим возобновления озер. Так, в окрестностях с. Кривинского (Курганский округ) до 1854 г. было лишь шесть озер; после 1854 г. их стало 30⁵. Похожая картина наблюдалась и в других местах юга Тобольской губ. В Чистоозерской и Локтинской волостях перед 1854 г. озер вообще не было, а затем в одной только Локтинской волости их образовалось около 50⁶. Высокая вода держалась примерно до 1860 г., а затем началось медленное усыхание. Около 1883—1886 гг. произошло новое поднятие уровня озер.

В периоды таких наводнений, или «смок», повторявшихся через 30—40 лет, озера степного и лесостепного Обь-Иртышья нередко образовывали цепь взаимосвязанных водоемов. Так, в Ишимо-Иртышском междуречье озера Сладковское и Большепесчанское сообщались в многоводные годы при помощи «перейм» через другие озера с Мангутом, а тот — с Салтаимом, который в свою очередь был связан с Иртышом⁷. В эти годы в степных и лесостепных западносибирских озерах появлялось много рыбы (щука, карась, окунь, чебак, язь и др.) и создавались хорошие условия для ее промысла. Местное население не склонно связывать периодические подъемы уровня озер с увеличением осадков. В Тюкалинском округе Тюменской губ. наивысший уровень озер наблюдался в 1888—1889 гг., хотя 1889 г. был очень засушливым, а в 1895 г. вода в озерах сильно убывала несмотря на дождливое лето⁸. Наполнение озер сибирские старожилы связывают с выходом на поверхность «земляной» воды («озера вздышут», — говорят по этому поводу чалдоны).

Годовое количество осадков в степной зоне составляет в среднем около 250 мм (из них 70—80% падает на летний период). Засухи в лесостепной зоне повторяются через каждые два-три года, а сильные засухи, приводящие к гибели урожая, — приблизительно раз в 10 лет⁹. Если в лесостепи среднегодовое количество осадков примерно равно испаряемости, то на юге степной зоны испаряемость в среднем в 2 раза

¹ Садовский К. Ф., Лаврентьев М. В., 1966, с. 18.

² Абрамович Д. И., Крылов Г. В., Николаев В. А. и др., 1963, с. 178.

³ Западная Сибирь. М., 1963, с. 134.

⁴ Природа Челябинской области. Челябинск, 1966, с. 111.

⁵ Извлечения из дневников членов Крас-

ноуфимского отряда. — ЕТГМ, 1895—1896 гг., V, с. 9.

⁶ Там же, с. 15—18.

⁷ Гордягин А., 1897, с. 9.

⁸ Извлечения из дневников членов Красноуфимского отряда, с. 27.

⁹ Ступина Н. М., 1965, с. 9.

превышает объем осадков, а вероятность засух, как и их губительная сила, здесь гораздо выше, чем в лесостепи.

В степной и лесостепной зонах наиболее благоприятными для пашен были поймы рек, котлованы пересохших озер и вообще пониженные места. Здесь хлебом не грозили засухи и кобылка, которая предпочитает гривне участки и не выносит влаги. Однако пониженные места были более подвержены заморозкам, губившим посевы. Думается, что те трудности, с которыми столкнулись в Южной Сибири русские крестьяне-переселенцы, должны были еще в большей мере сказываться в древние эпохи, когда земледелие здесь делало первые шаги.

Животный мир степей относительно беден. Из копытных здесь сейчас встречается косуля, иногда забредает лось; из пушных — заяц, волк, лиса, сурок. В изобилии водятся суслики, хомяки, тушканчики. На озерах и лягах (мелководных безрыбных степных озерцах) гнездится разнообразная водоплавающая дичь. В древности фауна степей была богаче. Несколько тысячелетий назад здесь была обычна дикая лошадь, в поймах водились дикие свиньи и даже бобр, заходили из Казахстана стада сайгаков¹⁰.

Большая часть Западной Сибири покрыта лесами (почти 1,5 млн. кв. км). У исследователей нет единого подхода к определению границы тайги и лесостепи. Если по почвенно-ботаническим признакам в Западной Сибири выделяется пять зон: степь, лесостепь, тайга, лесотундра и тундра, то по биолого-климатическим лишь три: степная, лесная и тундровая. Между таежной и лесостепной зонами некоторые исследователи выделяют особый ландшафтный пояс; одни называют его зоной лиственных лесов¹¹, другие — зоной смешанных березово-хвойных лесов¹², третьи — предтаежной зоной¹³. А. П. Сляднев подошел к ландшафтному районированию Западной Сибири с сугубо климатологической меркой — исходя из температурного режима и количества осадков. Такой узкий специализированный подход привел к тому, что Томск оказался в лесостепи, намного южнее таежной зоны¹⁴. Во избежание разночтений мы принимаем точку зрения тех ученых, которые проводят южную границу тайги (и соответственно северный рубеж лесостепи) по южной границе распространения кедра. В пределах Западно-Сибирской равнины это примерно 56-я параллель.

В таежной зоне выпадает за год от 450 до 500 мм осадков, что при сравнительно малой испаряемости приводит к значительной переувлажненности поверхностных грунтов. Более половины территории западносибирской тайги занято болотами. На отдельных водоразделах заболоченность достигает 80%. Так, главный Обь-Иртышский водораздел к северу от Барабинской лесостепи почти целиком занят знаменитым Васюганским болотом. Площадь его равна 53 тыс. кв. км¹⁵. Торфяные болота Западной Сибири богаты травами и ягодами и являются прекрасной кормовой базой для многих таежных птиц и зверей.

¹⁰ Тахаев Х. Я., 1959, с. 115; Смирнов Н. Г., 1975, с. 35—36.

¹¹ Иоганзен Б. Г., 1963, с. 105.

¹² Никонов С. П., Тарасенков Г. Н., Черезов В. И., 1968, с. 41.

¹³ Горшенин К. П., 1955, с. 175.

¹⁴ Сляднев А. П., 1965, рис. 1.

¹⁵ Нейштадт М. И., 1971, с. 21.

Растительный мир таежной зоны Западной Сибири близок флоре восточноевропейских хвойных лесов. Основным отличием является отсутствие в Восточной Европе кедра, который в западносибирской тайге занимает площадь не менее 13 млн. га (из них чистых кедров — около 7,5 млн. га). Ежегодный урожай кедрового ореха в Западной Сибири колеблется от 1 до 1,5 млн. т¹⁶. Кедровый орех составляет значительную часть пищевого рациона более 50 видов животных и птиц.

Здесь водится до 70 видов млекопитающих и более 220 видов птиц¹⁷. Из мясных промысловых животных наибольшее значение в жизни аборигенного населения имеют лось, олень, а в южнотаежных районах, особенно прилегающих к Уралу, еще и косуля. Кроме того, здесь распространены медведь, лиса, росомаха, рысь, барсук, выдра, бобр, соболь, норка, колонок, горностай, белка, заяц и др. Лиса, барсук и заяц достаточно характерны также для лесостепной и отчасти степной зон. Бесчисленные таежные озера изобилуют водоплавающей птицей (гуси, лебеди, различные породы уток). Из боровой дичи особенно ценны в промысловом отношении глухарь, тетерев, куропатка, рябчик.

На территории Западной Сибири насчитывается около 800 тыс. озер, в том числе около 96 тыс. в тундре и в лесотундре и более 690 тыс. в таежно-болотной полосе¹⁸. Большинство из них невелики по размерам и не глубже 2—3 м. Часть озер расположена в междуречьях («материковые» озера), часть — в долинах рек («соровые» озера).

Западносибирская тайга покрыта густой сетью рек (0,3—0,4 км на 1 кв. км) — примерно в 10 раз более мощной, чем в степной и лесостепной зонах¹⁹. Многие таежные притоки Оби по площади водосбора гораздо крупнее таких европейских рек, как Западная Двина, Буг, Днестр. Левый приток Оби Северная Сосьва при длине 886 км имеет площадь водосбора около 90 тыс. кв. км. Другой левый приток Оби, Васюган, при длине 1120 км имеет площадь водосбора 66 тыс. кв. км. Так же мощны и правобережные притоки Оби: Вах — длина 1124 км, площадь водосбора 66 тыс. кв. км; Кеть — длина 1356 км, площадь водосбора более 80 тыс. кв. км; Томь — длина 839 км, площадь водосбора свыше 61 тыс. кв. км²⁰. Каждая из этих рек принимает множество притоков, которые в свою очередь тоже имеют притоки. Так, в бассейн Васюгана входит около 5 тыс. речек²¹. Ширина междуречий редко превышает 12 км, а максимальное удаление от реки в любой точке тайги обычно не более 6 км.

На севере тайга постепенно переходит в тундру, которую иногда называют полярной степью. Поскольку зона тундры не является предметом нашего исследования, мы отметим лишь, что в экологическом отношении она во многом сходна с южной степью: открытые пространства, бедность лесом; мигрирующие стада копытных; сходство хозяйственных традиций (кочевое оленеводство в тундре, кочевое скотоводство в степях) и пр.

¹⁶ *Абрамович Д. И., Крылов Г. В., Николаев В. А. и др.*, 1963, с. 194—195.

¹⁷ *Никонов С. П., Тарасенков Г. Н., Черезов И. В.*, 1968, с. 48.

¹⁸ *Земцов А. А.*, 1976, с. 224—225.

¹⁹ *Западная Сибирь*. М., 1963, с. 103.

²⁰ Там же, с. 102.

²¹ *Крашенинников М. В.*, 1966, с. 132—133.

На западной окраине и в юго-восточной части Западной Сибири (Южный, Средний и Северный Урал, Кузнецкий Алатау, Алтай) равнинные степь и тайга сменяются горно-таежным ландшафтом.

Геологические особенности. Палеогеография. В пределах Западной Сибири известно несколько низменностей (Ханты-Мансийская, Ваховская, Надымская, Пуровская, Тазовская) и возвышенностей (Северо-Сосьвинская, Люминвор, Верхне- и Средне-Тазовская, Вах-Кетская и Васюганская). Западно-Сибирская равнина покрыта мощной толщей четвертичных отложений и почти не имеет выходов дочетвертичных пластов. Поэтому древнее западносибирское население всегда испытывало нехватку сырья для изготовления каменных орудий и вынуждено было либо использовать местонахождения береговых галечниковых пород, либо импортировать камень (а возможно, и некоторые каменные изделия) из районов, богатых каменным сырьем. Традиционные пути, по которым доставлялся камень, начинались на Урале (южноуральский яшмовый пояс), в Ангара-Байкалье (нефрит), в верховьях Кети (сливные кварцитовидные песчаники), Казахстане (кремь и эквивалентные ему породы), Алтае, Кузнецком Алатау. Месторождения сырья для бронзовой металлургии также были приурочены к горным районам — Южному Уралу (медный колчедан), Кузнецкому Алатау (самородная медь, береговые кассетитовые россыпи), Алтаю (Калбинские древние оловянные рудники).

Н. Я. Кац, А. В. Шнитников, А. И. Дзенс-Литовский, Г. В. Крылов и другие специалисты считают, что в течение двух тысячелетий, предшествовавших нашей эре, в Западной Сибири сменялись три климатические фазы: влажный период — канун II тысячелетия до н. э., усыхание — середина и вторая половина II тысячелетия до н. э., новое сильное увлажнение — середина и вторая половина I тысячелетия до н. э.²²

Некоторые специалисты оспаривают это мнение²³, однако точка зрения о циклических сменах сухих и влажных климатических эпох в указанное время подтверждается археологически. В ранее опубликованных работах мы приводили эти данные²⁴. Особенно четко они прослеживаются для степной зоны и юга лесостепной полосы²⁵.

Большинство палеогеографов склонно полагать, что в пределах пограничья лесной и степной зон на равнинных территориях усыхания климата должны были создавать условия для продвижения на север, в тайгу, элементов степного ландшафта, тогда как увлажнения, напротив, способствовали наступлению на юг, в сторону лесостепной и степной зон, лесной флоры и фауны²⁶. Этому мнению не противоречат археологические материалы. Так, в бронзовом веке, совпавшем, по мнению специали-

²² См., например: Кац Н. Я., 1952; Шнитников А. В., 1957; Дзенс-Литовский А. И., 1957; Крылов Г. В., 1961, с. 69; Долгушин И. Ю., 1968; Архипов С. А., Вдовин В. В., Мизеров Б. В., Николаев В. А., 1970, с. 202; Зубаков В. А., 1972, с. 181—182.

²³ См., например: Хотинский Н. А., 1977.

²⁴ См., например: Косарев М. Ф., 1974а, с. 24—39; 1975.

²⁵ Косарев М. Ф., 1975.

²⁶ См., например: Кац Н. Я., 1952; Крылов Г. В., 1961, с. 69; Шумилова Л. В., 1962, с. 110—111; Долгушин И. Ю., 1968; Архипов С. А., Вдовин В. В. и др., 1970, с. 202; Зубаков В. А., 1972, с. 181—182; Гаджиев И. М., Савина Л. Н., 1976.

тов, с засушливым климатическим периодом, наблюдается активное перемещение в таежную зону Западной Сибири степных и лесостепных пастушеско-земледельческих групп, что привело к сложению в последней четверти II тысячелетия до н. э. на юге обь-иртышской тайги еловской, сузгунской и других «андроноидных» культур. Позднее, в переходное время от бронзового века к железнному (примерно VIII—VII вв. до н. э.), отмечено продвижение на юг, в сторону лесостепи, северного охотничье-рыболовческого населения, в результате чего на юге тайги и в лесостепной зоне распространились памятники гамаюнского, красноозерского, молчановского и завьяловского типов, керамика и производственный инвентарь которых имеют много лесных черт. Думается, что эти перемещения происходили при ландшафтно-климатических изменениях, создававших благоприятные (либо неблагоприятные) экологические условия для хозяйственного освоения новых территорий.

Однако необходимо учитывать, что в действительности взаимоотношения лесного и степного ландшафтов в периоды многовековых климатических колебаний были сложнее, чем просто «наступление степи на тайгу» или «надвигание тайги на лесостепь». Это оговаривал, в частности, известный палеоклиматолог А. В. Шнитников, высказавший предположение, что в некоторых физико-географических районах климатические колебания могли вызвать не «победу» леса или степи, а взаимопроникновение лесного и степного ландшафтов²⁷. Интересные факты о возможном взаимопроникновении лесных и лесостепных ландшафтов на юге Западно-Сибирской равнины в эпоху бронзы приведены Н. Г. Смирновым (на основании остеологических материалов)²⁸.

По нашему мнению, для понимания зависимости между колебаниями увлажненности и изменением характера ландшафтов большой интерес представляют периодически повторяющиеся в западносибирских степях и лесостепях наводнения и следующие за ними усыхания степных и лесостепных озер. Продолжительность этих короткопериодичных колебаний увлажненности (циклов Брикнера) равняется в среднем 35 годам. Они вписываются в 1850-летние ритмы Петтерсона—Шнитникова и являются как бы их микромоделью. Эти малые циклы тоже состоят из двух фаз — влажной (сравнительно короткой и бурной) и сухой.

Начало циклов Брикнера отмечается бурным выходом на поверхность грунтовых вод. Заливаются пойменные пашни и сенокосы, гибнут низинные колки, повышается уровень воды в колодцах, появляются новые родники и т. д. Высокий уровень воды держится несколько лет, а затем в течение последующих 20—30 лет (до новой «смоки») идет процесс усыхания — мелеют озера, речки и курьи, понижается уровень воды в колодцах, иссякают родники; отдельные пресноводные озера становятся солеными, другие вообще исчезают, а в пересохших озерных котлованах и освободившихся от воды поймах рек вновь начинают возделывать пашни и появляется древесная растительность.

Исходя из характера ландшафтных проявлений циклов Брикнера, можно предположить, что в степной и лесостепной зонах Западной Сибири крупные многовековые увлажнения климата, происходившие в древ-

²⁷ Шнитников А. В., 1957, с. 300.

²⁸ Смирнов Н. Г., 1975.

ности, влекли за собой затопление пойм, гибель пойменных лесов и низинных колков; ухудшение условий для оседлого пойменного земледелия и скотоводства; улучшение травостоя в открытых степях; хорошие возможности для рыболовства, охоты на степных копытных и кочевого скотоводства. Усыхания должны были вызывать исчезновение или обмеление озер и мелких речек, угнетение гривной растительности и ухудшение условий жизни в открытых степях, появление лесов в озерных котлованах и пересыхающих речных поймах, ухудшение условий для рыболовства и охоты на степных копытных, благоприятные возможности для пойменного скотоводства и земледелия. В разные эпохи в соответствии с уровнем развития производительных сил местное население по-разному приспосабливалось к меняющейся географической среде — главным образом путем увеличения удельного веса наиболее рациональной в конкретной ландшафтно-климатической ситуации отрасли хозяйства.

Глава III

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ НЕОЛИТА К БРОНЗОВОМУ ВЕКУ

С позднего неолита (а по некоторым данным с более раннего времени) на территории Зауралья и Западной Сибири существовало одновременно несколько культурных традиций, наиболее хорошо выраженных в традиционности орнаментальных комплексов: гребенчатая традиция, позднее разделившаяся на собственно гребенчатую и андронидную, гребенчато-ямочная и отступающе-накольчатая (последнюю мы иногда называем самусьской)¹. В переходное время от неолита к бронзовому веку андронидная орнаментальная традиция локализовалась в основном в районах, прилегающих к Южному и Среднему Уралу; отступающе-накольчатая — в Среднем Зауралье, Тюменском Притоболье и юго-восточном Приобье; гребенчатая — главным образом в северных районах Зауралья и Приобья, заходя на юге до района Тюмени и, возможно, южнее; гребенчато-ямочная — преимущественно в лесостепном и таежном Ишимо-Иртыше.

Районы локализации названных орнаментальных (культурных) традиций следует связывать, видимо, с определенными этнокультурными ареалами. Границы этих этнокультурных (этнических?) общностей неоднократно менялись: имели место взаимопроникновения и частичные перераспределения ареалов, причем, на стыке этнокультурных областей обычно возникали «гибридные» культуры, сочетавшие элементы двух или нескольких культурных традиций. Нестандартный характер взаимодействия названных культурных традиций во многом определил своеобразие локальных западносибирских культур энеолита, бронзового века и более поздних эпох.

¹ Косарев М. Ф., 1974б.

НИЖНЕЕ ПРИТОБОЛЬЕ. ПАМЯТНИКИ С ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ

Сосновоостровский этап. Этот этап был выделен О. Н. Бадером для обозначения поздней, гребенчатой стадии неолита Восточного Зауралья². Название «сосновоостровский этап» применительно к Восточному Зауралью в целом следует считать устаревшим, так как сейчас стало очевидным, что в позднем неолите здесь наряду с носителями гребенчатой орнаментальной традиции жило население, изготовлявшее посуду с отступающе-наколычатым орнаментом и оставившее поселения кошкинско-го типа³. Кроме того, поселение Сосновый Остров⁴, давшее название сосновоостровскому этапу, относится к типу памятников, характерных в основном для свердловско-тагильского и тюменского регионов Нижнего Притобья. Всего сейчас зафиксировано более 20 поселений, где типологически выделяется керамика сосновоостровского типа (поселения Сосновый Остров, Байрык IД, Дуван V, Аятское I, Чашиха, Нижняя Макуша и др.).

Само поселение Сосновый Остров не однослойно, но горизонт с сосновоостровской керамикой является здесь основным и достаточно хорошо стратифицирован.

Керамика сосновоостровского типа имеет закрытую форму и круглое дно (рис. 2; 3). В тесте обычна примесь талька (в свердловско-тагильском регионе), песка и шамота (в Тюменском Притобье). Венчик округлый, иногда чуть уплощенный. По срезу верхнего края характерны отпечатки гребенки (рис. 2, 1, 3, 8 и др.). Нередко ряд отпечатков гребенки или гладкого штампа (иногда в виде зигзаговой линии) наносился на внутренней стороне сосуда, ниже венчика (рис. 2, 1, 3, 7, 16 и др.). В верхней части сосудов располагается пояс из глубоких круглых вдавлений, которые в большинстве случаев наносились с внутренней стороны, отчего на поверхности обозначался ряд бугорков — «жемчужин» (рис. 2, 1, 3, 5, 15, 16; 3). Присутствие «жемчужин» ниже венчика — одна из характернейших черт сосновоостровской керамики. Заметим, кстати, что «жемчужный» орнамент особенно распространен на сосновоостровской посуде Тюменского Притобья; ближе к Уралу «жемчужины» встречаются реже; их место занимают обычно круглые ямочные вдавления⁵.

Характер орнаментальной композиции на сосновоостровских сосудах заключается в однообразном чередовании рядов оттисков гребенчатого штампа или шагающей гребенки с поясами гребенчатых (реже прочерченных) зигзагов. Зигзаговые полосы часто складываются из трёх и более зигзагообразных линий, что не характерно для местного гребенчатого неолита (на местной позднелитической посуде обычен одинарный или двойной зигзаг), но очень типично для посуды эпохи ранней бронзы (аятский этап). Иногда вместо гребенчатого штампа наносились ряды мелких насечек (рис. 2, 15). В некоторых случаях вся поверхность сосу-

² Бадер О. Н., 1970а.

³ Ковалева В. Т., Варанкин Н. В., 1976, рис. 3.

⁴ Викторова В. Д., 1968а.

⁵ Берс Е. М. Альбом к отчету по раскопкам Средне-Уральской экспедиции за 1959 г. — Архив ИА, № 1906а, рис. 43.

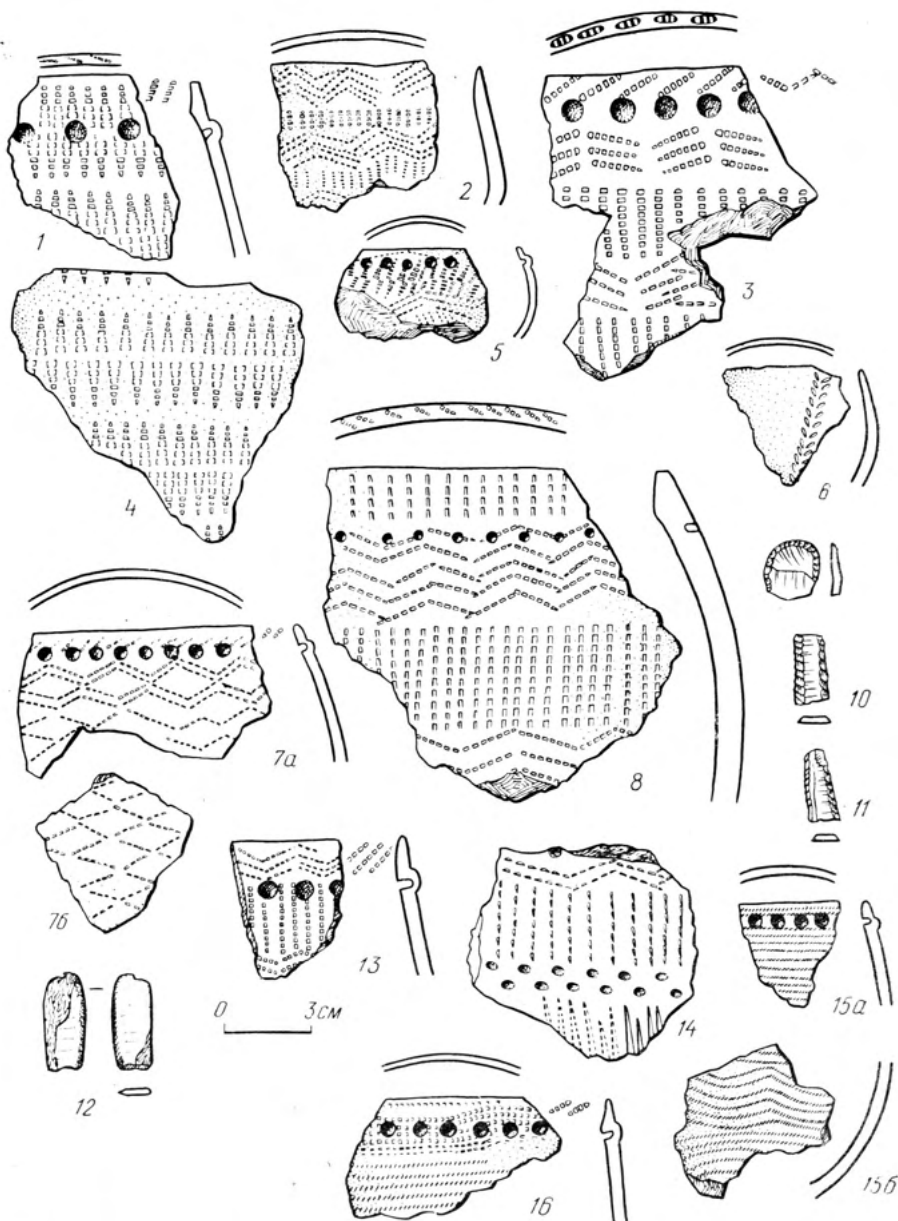

Рис. 2. Переходное время от неолита к металлу. Нижнее Притоболье. Керамика и каменный инвентарь сосновоостровского этапа. Поселение Байрык IД (1—16)

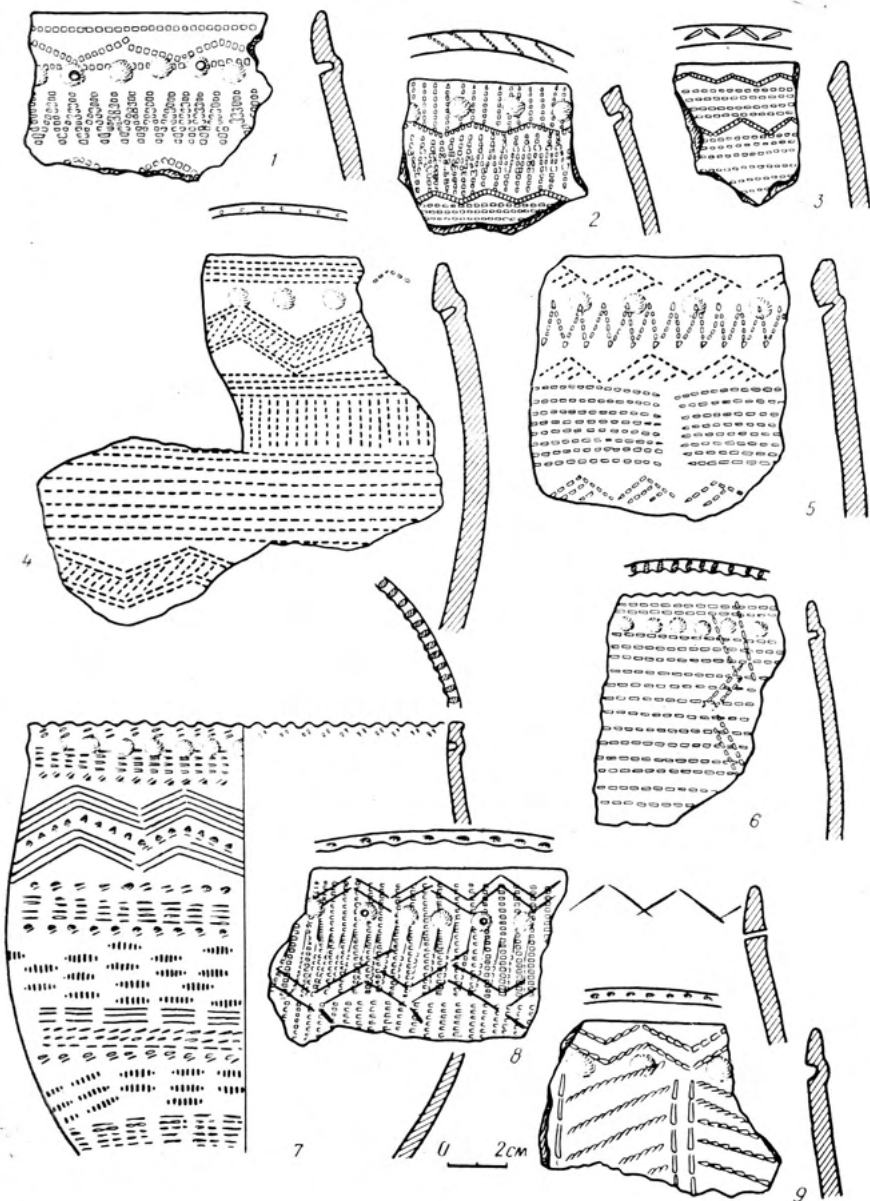

Рис. 3. Переходное время от неолита к металлу. Нижнее Притоболье. Керамика поселений сосновоостровского этапа

1—5 — Сосновый Остров; 6, 8 — Байрык VI; 7 — Ипкуль VIII; 9 — Байрык I

да покрывалась гребенчатыми зигзагообразными линиями — так что вершины нижележащих зигзагов соприкасались с вышележащими, отчего получался решетчатый узор с ромбическими ячейками (рис. 2, 7). Такой орнамент характерен для ранних этапов бронзового века (аятский и коптяковский типы посуды).

Нередко орнаментированная поверхность разграничивалась не зигзагами, а поясами геометрических фигур из треугольников, заштрихованных лент, ромбов, простых меандровых узоров и др. (рис. 3, 4, 5, 7, 8). Наличие достаточно развитого геометризма также сближает сосновоостровскую посуду с керамикой эпохи металла.

Орудия, найденные с сосновоостровской керамикой, судя по материалам опубликованных памятников, немногочисленны. В. Т. Ковалева (Юровская) считает, что найденные на поздненеолитических и энеолитических памятниках Тюменского Притоболья каменные одношпильные наконечники стрел на пластинах, отнесенные В. Н. Чернецовым к «кельтеминарскому типу», возможно, в значительной своей части связаны с сосновоостровскими керамическими комплексами⁶. На поселении Байрык IД встречены две пожевидные пластины с ретушью по краям (рис. 2, 10, 11), а также небольшой скребок на отщепе, с округлой рабочей частью (рис. 2, 9). Аналогичные пластины найдены на поселении Сосновый Остров; там собраны также скребок, изготовленный на пожевидной пластине, два шлифованных тесла и обломки образивных плит⁷. Из других орудий следует отметить небольшой сланцевый ножичек с двусторонней заточкой лезвия (поселение Байрык IД; рис. 2, 12). Такие ножи в Томско-Чулымском Приобье характерны для ранних периодов эпохи металла⁸. Рыболовные грузила в сосновоостровских комплексах не встречены. В целом облик инвентаря позволяет предполагать, что население, оставившее керамику сосновоостровского типа, жило в основном охотничьим бытом.

На Сосновом Острове выявлено четырехугольное жилище типа землянки площадью 96 кв. м. Оно ориентировано с юго-востока на северо-запад; коридорообразный выход находился с восточной стороны. Котлован углублен в грунт на 170 см⁹. Это, видимо, зимнее жилище, характер которого (землянка с перекрытием на уровне древней поверхности) обеспечивал максимальную защиту от зимних холодов. В. Т. Ковалева упоминает о четырехугольных жилищах земляночного и полуземляночного типов с сосновоостровской керамикой на поселениях Дуван V (Тюменское Притоболье), Аятском I и Чащихе (свердловско-тагильский регион). Жилище с сосновоостровской керамикой на поселении Нижняя Макуша имело овальную форму¹⁰.

На Сосновом Острове обнаружены три грунтовых погребения. Глубина могильных ям 170, 190 и 220 см. Детали погребального ритуала установить трудно, так как кости почти не сохранились. В первой могильной яме найдены остатки полустлепшего черепа, кальцинированные кости и молот из зеленоватого сланца; во второй — челюсть человека и сосуд сосновоостровского типа¹¹; в третьей — череп, кости рук и полуис-

⁶ Ковалева В. Т., 1977, с. 97—99.

⁷ Викторова В. Д., 1968а, рис. 8, 9—14.

⁸ Косарев М. Ф., 1974а, рис. 6, 17—20; 8, 23, 24; 21, 12.

⁹ Викторова В. Д., 1968а, с. 163—164.

¹⁰ Ковалева В. Т., 1979.

¹¹ Викторова В. Д., 1968а, рис. 6.

тлевшие ребра. Положение костей в третьей могильной яме позволяет считать, что погребенный лежал головой на восток — северо-восток.

Аятский этап. По мере приближения к эпохе бронзы гребенчатая керамика свердловско-тагильской части Нижнего Приобья развивается в сторону повышения удельного веса геометрических элементов в орнаменте. В процессе этой трансформации сосновоостровская керамика эволюционирует в так называемый аятский тип посуды, основным признаком которого является развитой гребенчатый геометризм, предвосхищающий по существу все геометрические элементы, известные позднее на коптяковской и черкаскульской посуде эпохи бронзы.

Поселения с керамикой аятского типа локализовались в основном в свердловско-тагильском регионе и тяготели к предгорной части Урала. Наиболее богатые и яркие аятские комплексы (керамика, каменный инвентарь) получены при раскопках Аятских I и II поселений (раскопки Е. М. Берс, 1950-е годы) и Береговой I стоянки (раскопки Д. Н. Эдинга, 1930-е годы). Отдельные группы аятского населения заходили, видимо, далеко на север — во всяком случае, керамика аятского типа была встречена в 70—80 км северо-восточнее Нижнего Тагила (IV Юрьинское поселение, Кокшаровское погребение) и даже в верховьях Конды (р. Ух близ пос. Советский). Южная граница распространения аятских памятников проходила в пределах лесной части Южного Урала. Очень близка аятской посуде керамика поселения Черкаскуль I; фрагменты аятской посуды встречены на Иткульских I и II стоянках (Челябинская обл.)¹². К сожалению, до сих пор не найдено ни одного однослойного аятского памятника, но на некоторых многослойных поселениях аятские материалы составляют основную массу находок (например, Береговая I стоянка) или залегают в хорошо стратифицированном слое (Аятские I и II поселения).

Для аятских сосудов характерны чуть закрытая форма (или слегка отогнутый венчик), круглое или приобстренное дно (рис. 4, 5). Иногда встречаются сосуды с уплощенным и, возможно, плоским дном (рис. 4, 4; 5, 2). В тесте обычна примесь талька, отмечены также песок и шамот. «Жемчужины», круглые ямки у венчика, ряды шагающей гребенки на тулове, столь характерные для сосновоостровской керамики, на посуде аятского типа почти не встречаются. Хотя общий характер орнаментальной композиции по сравнению с сосновоостровским этапом не претерпел существенных изменений, орнамент в целом становится более богатым и разнообразным. Появляются новые вариации геометрических узоров — решетчатые пояса (рис. 4, 3), меандры (рис. 5, 3, 5), вписанные ромбы (рис. 5, 8) и др. Усложняется декоративная схема. Нередко мы видим в орнаментации одного сосуда чередование не двух, а трех и более разных декоративных поясов, например (рис. 4, 7): в верхней части идут ряды горизонтальных гребенчатых линий, затем двойной зигзаг, ниже — полоса из треугольников, под ней — ряд ромбов, далее — горизонтальная полоса из вертикальных оттисков гребенчатого штампа и т. д.

¹² Кипарисова Н. П. Отчет об археологических работах на берегах озер Иткуль и Черкаскуль в Каслинском

районе Челябинской обл. в 1955 г. — Архив ИА, № 1113.

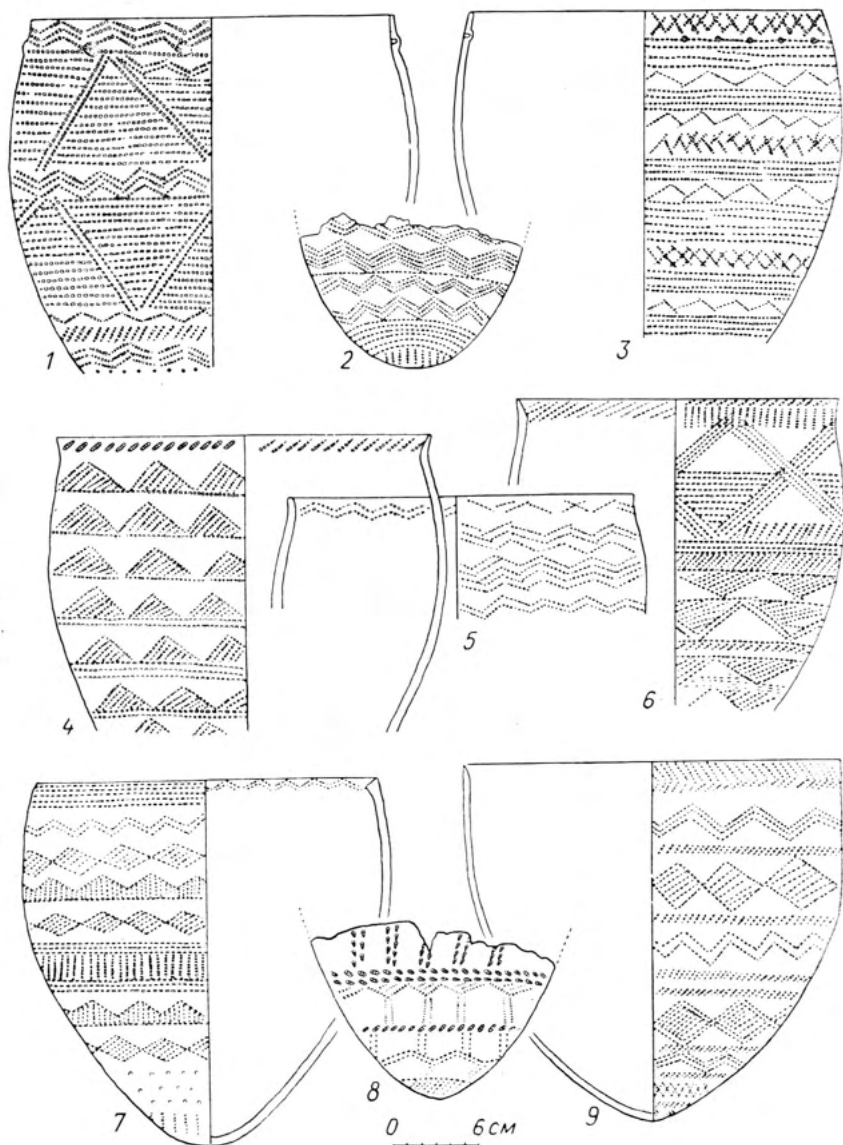

Рис. 4. Эпоха ранней бронзы. Свердловско-тагильский регион. Керамика поселений аятского этапа

1—3, 5, 6 — Береговая I стоянка; 4 — Палкино; 7 — Макуша; 8 — Шигирский торфяник; 9 — Первомайское поселение (Камское Приуралье, гаринский этап)

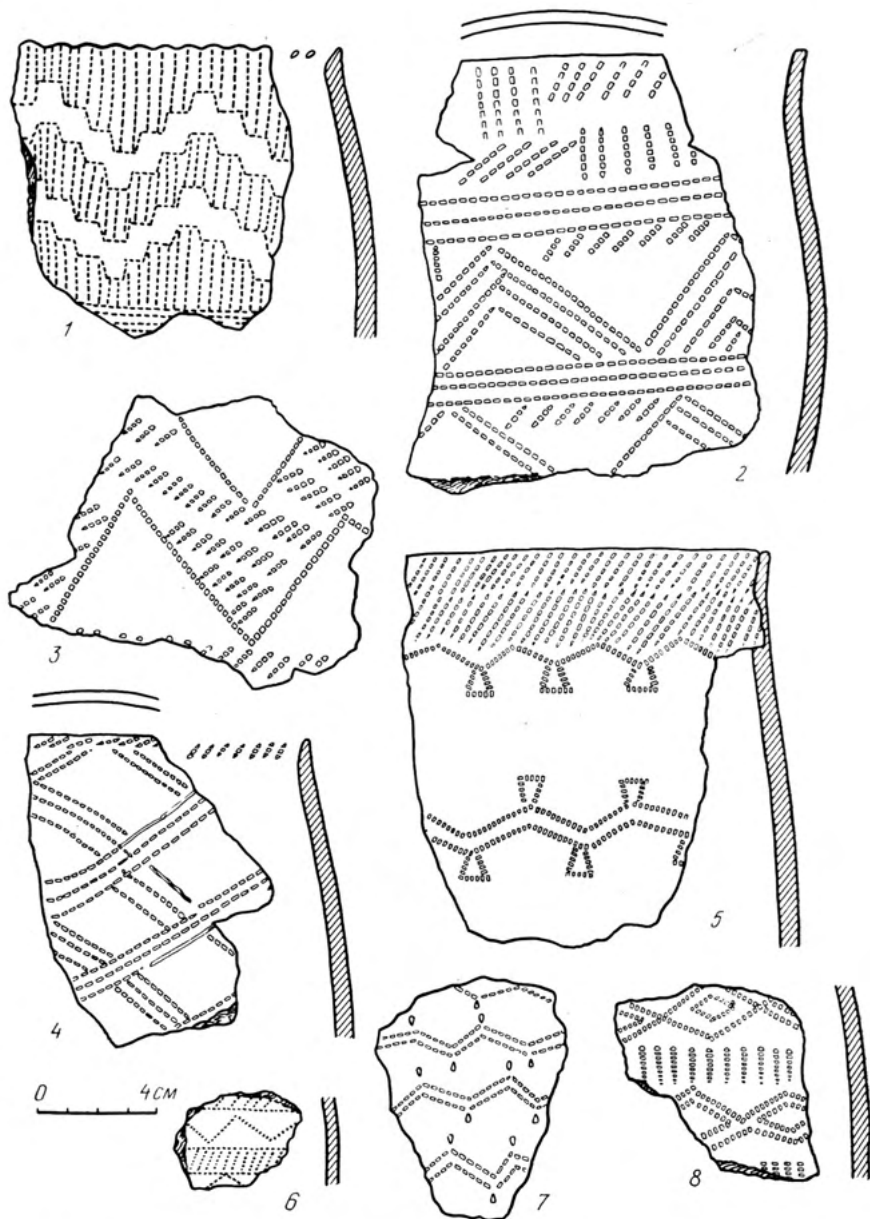

Рис. 5. Эпоха ранней бронзы. Свердловско-тагильский регион. Керамика поселений аятского этапа

1 — Абселямовская стоянка; 2 — Коптяки X; 3 — Исетское озеро; 4 — Коптяки I; 5 — Аятское II поселение; 6, 8 — Калмацкий Брод; 7 — Анин Остров

Начиная с аятского этапа можно говорить о сложении андроновидной орнаментальной традиции; это уже не просто гребенчатая традиция, а традиция гребенчатого геометризма, на последующих этапах которой складываются коптяковский, черкаскульский и отчасти андроновский (фedorовский) орнаментальные комплексы. Что касается собственно гребенчатой традиции, то она продолжается в северных районах Зауралья, где андроновидный геометризм в орнаментации глиняной посуды не получил большого распространения.

Каменные орудия, найденные на аятских поселениях, многочисленны и разнообразны. Особенно много наконечников стрел. Они преобладают в каменном инвентаре Береговой I стоянки (рис. 6, 5—14, 16, 17, 21, 28, 29, 32), на Аятских поселениях¹³, в раннем Кокшаровском погребении (рис. 6, 1—4). В коллекции Береговой I стоянки более сотни каменных наконечников стрел, не меньше их на Аятских поселениях; на селище Макуша на дне аятского жилища Е. М. Берс обнаружила скопление из 41 каменного наконечника¹⁴. Известны наконечники с выемчатым (рис. 6, 5—14, 16, 17, 18, 26, 27, 30) и прямым (рис. 6, 1—3, 15, 25) основанием, лавровидные (рис. 6, 10, 29, 32), с намечающимся черешком (рис. 6, 4, 11, 12, 20, 21, 28), шлифованные (рис. 6, 13, 22) и др. Аятскую керамику сопровождают по существу все типы наконечников, известные в позднем неолите и в эпоху раннего металла в восточноуральской и западносибирской тайге. Видимо, данное обстоятельство объясняется тем, что наряду с сохранением неолитических производственных традиций зарождались и развивались технические навыки, соответствующие производственному уровню эпохи бронзы. Каменные скребки, встречаемые вместе с аятской керамикой, изготавливались как на отщепах, так и на ножевидных пластинах. Последние имеют удлиненную подтреугольную форму и обработаны довольно аккуратной ретушью (рис. 6, 23, 24).

Разнотипность аятских наконечников стрел, скорее всего, объясняется их неодинаковым назначением — они могли использоваться для охоты на разную дичь. Это свидетельствует не только о большой роли охоты в жизни аятского населения, но и о сравнительно высокой технической оснащенности охотничьего хозяйства. Орудия рыболовческого промысла немногочисленны. Видимо, с аятскими комплексами можно связывать некоторые биконические глиняные грузила (рис. 6, 34, 38). Одно из таких орудий было найдено на Аятском I поселении вместе с керамикой аятского типа¹⁵.

При раскопках поселений Макуша и Аятских обнаружены жилые постройки полуземляночного типа, содержащие аятскую керамику. Однако о форме и глубине их по отчетам Е. М. Берс судить трудно, тем более что они не раз нарушались жилищными котлованами последующих эпох.

¹³ Берс Е. М. Альбом к отчету по раскопкам Средне-Уральской экспедиции за 1959 г. — Архив ИА, № 1906а, рис. 46а; 47.

¹⁴ Берс Е. М. Отчет по раскопкам Палкинской археологической экспедиции Уральского университета в 1950 г. —

Архив ИА, № 443, с. 70.

¹⁵ Берс Е. М. Альбом фотографий, прилагаемый к отчету Средне-Уральской археологической экспедиции за 1956 г. — Архив ИА, № 1305а, рис. 28, 13.

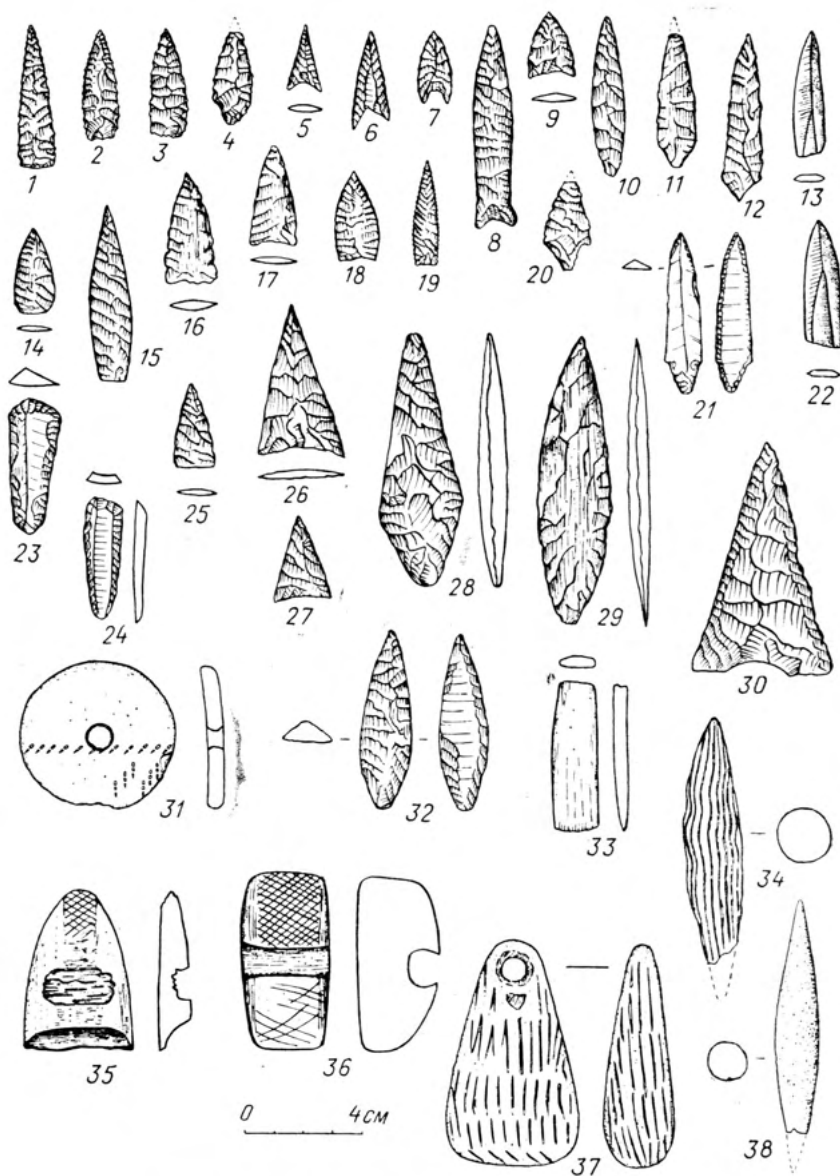

Рис. 6. Эпоха ранней бронзы. Свердловско-тагильский регион. Инвентарь

1—4 — Кокшаровское погребение; 5—14, 16—24, 28, 29, 32, 33 — Береговая I стоянка; 15, 25 — Шигирский торфяник; 26, 27 — Горбуновский торфяник (VI разрез?); 30, 36—38 — Палкино; 31 — Калмацкий Брод; 34 — Свердловская обл.; 35 — Исетское озеро; 31, 34, 38 — глина; остальное — камень

К настоящему времени известно лишь одно аятское погребение (?), исследованное В. Ф. Старковым при раскопках Кокшаровского I поселения. Оно представляло собой слегка углубленный в землю каменный ящик, содержащий сосуд, каменные орудия (в основном наконечники стрел) и охра, причем каменный инвентарь и охра залежали в трех горизонтах, перекрытых плитами. Костяк отсутствовал. В. Ф. Старков предполагает, что это «условное погребальное сооружение — кенотаф, а членение вещей на три горизонта наводит на мысль о групповом захоронении»¹⁶. Так ли это, судить трудно, и окончательный вывод на этот счет следует отложить до той поры, когда будут выявлены и исследованы древние кладбища этого времени.

При определении абсолютной даты аятских комплексов необходимо учитывать, что аятская керамика в типологическом отношении занимает промежуточное положение между сосновоостровской и коптыковской посудой (последняя относится уже к развитому бронзовому веку). О. Н. Бадер уже давно обратил внимание на присутствие в ранних гаринских комплексах Камского Приуралья керамики с тальковой примесью «зауральского происхождения»¹⁷. Она найдена, в частности, на поселениях Бор I и Первомайском (рис. 4, 9). Эти сосуды имеют полные аналогии в аятской керамике свердловско-тагильского региона (ср., например, сосуд из поселения Макуша близ Свердловска с сосудом из поселения Первомайского в Прикамье: рис. 4, 7, 8). В. Ф. Старков склонен датировать аятские комплексы первыми веками II тысячелетия до н. э.¹⁸ С такой датой можно согласиться. Скорее всего, аятские памятники существовали в пределах первой трети II тысячелетия до н. э., заходя, возможно, в последнюю четверть III тысячелетия до н. э. Сосновоостровские памятники, генетически предшествующие аятским, можно относить к двум первым третям III тысячелетия до н. э.

НИЖНЕЕ ПРИТОБОЛЬЕ И БАССЕЙН ИСЕТИ. ПАМЯТНИКИ С ОТСТУПАЮЩЕ-НАКОЛЬЧАТОЙ И ЛИНЕЙНО-НАКОЛЬЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ

Кошкинская группа памятников. Эта группа поздненеолитических памятников была выделена В. Т. Ковалевой¹⁹, считающей, что они в значительной своей части синхронны сосновоостровским. К 1979 г. в Нижнем Притоболье и в бассейне Исети найдено 13 поселений, содержащих керамику кошкинского типа; из них 10 исследовано раскопами (Кошкино V на р. Исети в Курганской обл., участки V, VI, IX, XII на южном берегу Андреевского озера близ Тюмени и др.).

Керамика кошкинского типа представлена остродонными, круглодонными и плоскодонными сосудами, со скошенным внутрь либо наружу венчиком, с прямой или слегка наклонной внутрь стенкой²⁰. В тесте ха-

¹⁶ Старков В. Ф., 1970а, с. 106.

¹⁷ Бадер О. Н., 1961, рис. 15; 94.

¹⁸ Старков В. Ф., 1970б, с. 11.

¹⁹ Ковалева В. Т., Варанкин В. Н.,

1976, с. 26, 28—29, рис. 3; Ковалева В. Т., 1979.

²⁰ Ковалева В. Т., Варанкин В. Н., 1976, с. 26.

рактерна растительная примесь. Внешняя поверхность украшалась горизонтальными волнистыми, реже — зигзагообразными линиями, выполненными прочерчиванием или отступающей палочкой. В верхней части некоторых сосудов имеются горизонтальные пояски из мелких неправильной формы ямочных вдавлений и насечки по краю днищ. Узоры располагаются разреженно, занимая в основном лишь верхнюю, иногда придонную часть сосуда; порой орнаментировалось и дно. В. Т. Ковалева связывает с кошкинскими комплексами немногочисленные каменные орудия, сделанные преимущественно на пластинах, — скребки, ножевидные пластины — в общем неспецифические по форме, похожие на сосновоостровские и более поздние боборыкинские изделия. Орудия на пластинах выполнены из серого и розового кремня, на отщепах — из различных сланцевых пород. Грузила и другие свидетельства рыболовческих занятий не встречены.

По имеющимся сейчас материалам памятники кошкинского типа локализируются в основном в Среднем Притоболье, однако в последнее время поступили сведения о находках кошкинской керамики севернее — по рекам Сосьве и Конде. На кошкинских поселениях располагается до четырех-пяти жилищ, четырехугольных в плане, площадью от 36 до 60 кв. м. Кошкинские могильники неизвестны. В. Т. Ковалева находит возможным датировать кошкинские комплексы периодом между концом IV и серединой III тысячелетия до н. э.²¹

Нам представляется убедительным ее мнение, что материал кошкинских и сосновоостровских памятников, прежде всего глиняная посуда, характеризует две разные и в общем параллельно существующие культурные традиции²². Однако в поисках причин этого явления она не вполне оправданно сводит их к разным направлениям культурных связей: сосновоостровское население контактировало с южноуральским, для которого гребенчатая керамика была характерна, а кошкинское в большей мере было связано с населением Средней Азии и Северного Казахстана²³. Думается, что искать истоки гребенчатой и линейно-накольчатой орнаментации, распространенной в Зауралье и Западной Сибири с раннего неолита, где-то в стороне от этих территорий на нынешнем уровне знаний не совсем правомерно.

Боборыкинская культура. Была выделена К. В. Сальниковым по материалам поселения Боборыкино II на р. Исети близ г. Шадринска²⁴. Позднее комплексы боборыкинского типа были выявлены в других местах бассейна Исети, а также в Тюменском Притоболье. К 1979 г. стало известно уже более 20 памятников, давших керамику боборыкинского типа, причем 13 из них были исследованы раскопками (Ташково I, участки IX, XII, XV и другие южного берега Андреевского озера близ Тюмени, поселение Байрык ID и др.).

Для керамики боборыкинской культуры характерна прочерченная (линейная), отступающе-накольчатая и ямочная техника нанесения орнамента. Гребенчатый штамп не встречается вообще. В. Т. Ковалева выделяет по форме три основных типа боборыкинской посуды: а) остродон-

²¹ Ковалева В. Т., 1979, с. 6.

²² Ковалева В. Т., 1979.

²³ Там же.

²⁴ Сальников К. В., 1961.

ные сосуды (рис. 7, 1); б) плоскодонные, хорошо профилированные горшки (рис. 8, 3); в) плоскодонные баночные сосуды²⁵. Узоры представлены зигзагами, волной, треугольниками, ромбами, горизонтальными рядами ямок или насечек. Нередко орнамент располагается только в верхней части, но обычны и сосуды, у которых узорами покрыта вся или почти вся боковая поверхность. Встречаются сосуды лишь с пояском небрежно нанесенных в пограничье шейки и тулова ямок или вообще без орнамента.

Подавляющая масса каменных орудий сделана на пластинах — вкладыши со слегка подработанным краем, наконечники стрел, скребки, резцы, резчики, ножи (рис. 7, 2—6, 8—20)²⁶. Типичных для позднелитических и энеолитических комплексов с гребенчатой керамикой наконечников «кельтеминарского типа» нет, хотя манера изготовления наконечников стрел в общем сходна (легкая подправка острия и черешковой части при необработанности остальной части пластины). На участке XII южного берега Андреевского озера, кроме перечисленных орудий, найдены крупные шлифованные изделия (два топорика и шесть тесел), а также орнаментированный глиняный «утюжок»²⁷. Интересно присутствие в каменном инвентаре боборыкинских памятников некоторого количества микропластин (7—10%), в том числе геометрических — сегментов, трапеций, скошенных острий. Все орудия на пластинах изготовлены из серого и розового кремня, шлифованные — из туфопорфирита. Несмотря на обилие накопленного материала по боборыкинской культуре, до сих пор не найдено ни одного грузила, равно как и других свидетельств рыболовецкого промысла.

Для боборыкинских поселений обычны жилища прямоугольной и овальной (возможно, многоугольной) формы, с канавками на полу и очагами в центре. Котлованы построек углублялись в землю на 60—70 см. Всего исследовано около 20 боборыкинских жилых сооружений, в том числе семь на участке IX и три на участке XII южного берега Андреевского озера. Они различны по площади — от 25 кв. м (поселение Байрык ID) до 187 кв. м (участок XII южного берега Андреевского озера); в последнем выявлено шесть очагов. В зависимости от площади постройки в жилищах имелись три очага, один или ни одного.

Могильников боборыкинской культуры не найдено.

Характер и количество каменных орудий (разнотипные наконечники стрел, обилие скребков и пр.) позволяют предполагать, что большую или значительную роль в хозяйстве боборыкинцев играла охота. Нельзя исключить, однако, и элементов производящей экономики. Трудно предполагать, что боборыкинцы, оставившие поселения с мощным (до 1 м и более) культурным слоем, капитальными жилищами, плоскодонной посудой и другими признаками достаточно прочной оседлости, жили преимущественно охотничьим бытом. Четко выраженная плоскодонность многих сосудов при наличии горшковидных форм и некоторые другие признаки, не типичные для местной зауральской и западносибирской керамики этого времени, позволили К. В. Сальникову предположить,

²⁵ Ковалева В. Т., Варанкин В. Н., 1976, с. 22, рис. 1.

²⁶ Там же, с. 24, рис. 2.

²⁷ Там же, с. 24, рис. 1, 3; 2, 19.

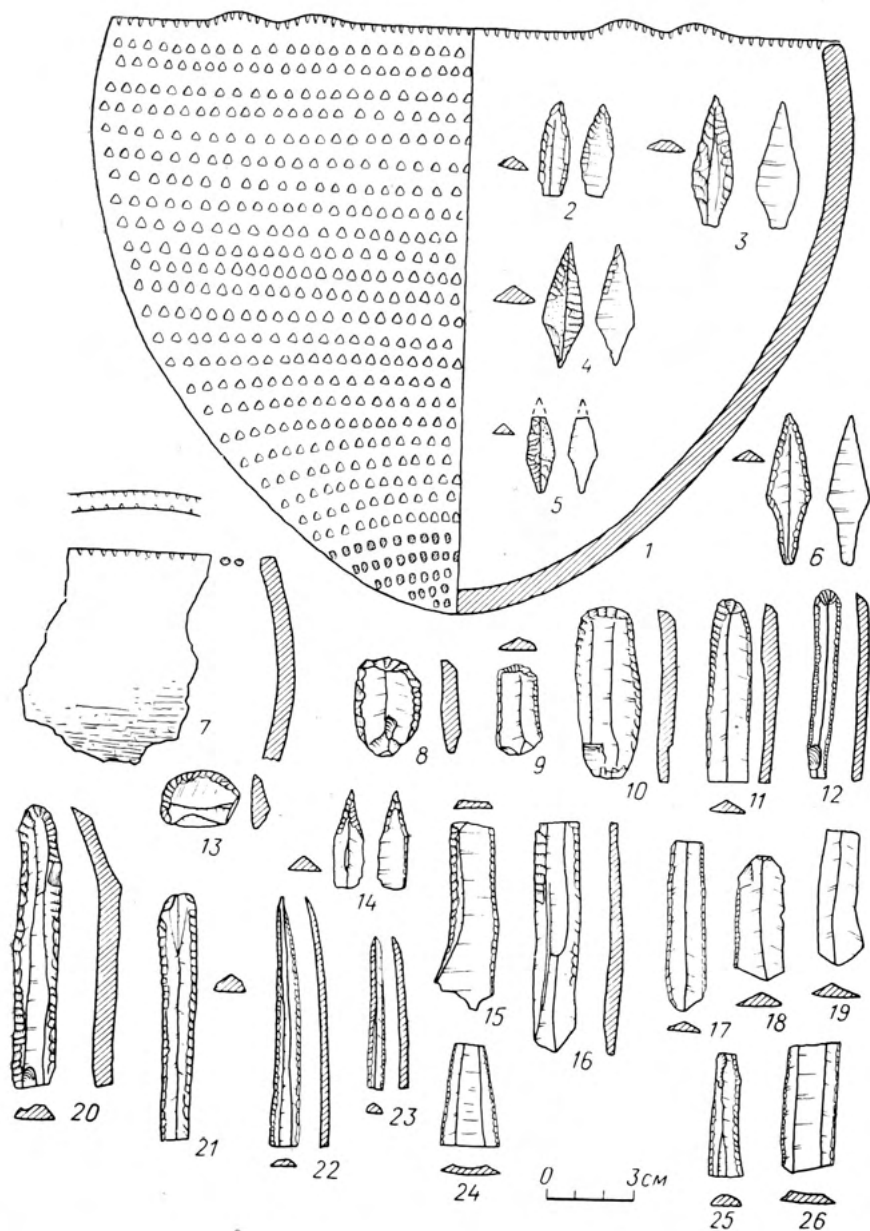

Рис. 7. Энеолит. Тюменское Притоболье. Боборыкинская культура. Керамика и каменный инвентарь поселения Байрык IД (1—26)

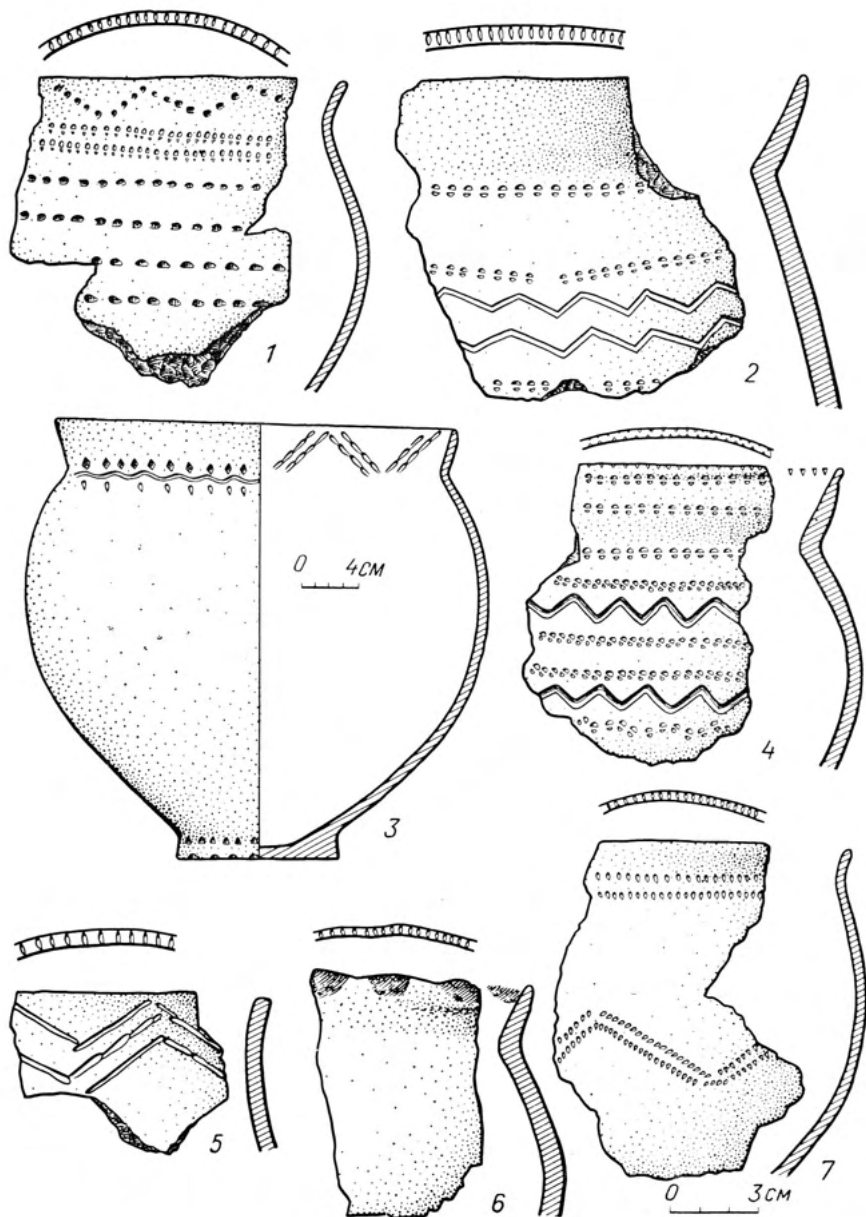

Рис. 8. Энеолит. Тюменское Притоболье. Боборыкинская культура. Керамика поселения Байрык IД (1—7)

что на общий колорит боборыкинской культуры в значительной мере повлияли южные проникновения, скорее всего из районов, примыкающих к Аральскому морю²⁸.

Нам представляется правомерным вывод В. Т. Ковалевой и Н. В. Варанкина о генетической преемственности между кошкинскими и боборыкинскими комплексами, которая особенно хорошо выражена в близости керамики (сочетание в единых керамических комплексах остродонных и плоскодонных сосудов, характерность там и здесь прочерченной и отступающей техники нанесения орнамента, сходство отдельных узоров, отсутствие гребенчатого штампа и т. д.)²⁹.

Хронологический приоритет кошкинских комплексов подтверждается стратиграфически. В 1976 г. на одном из участков южного берега Андреевского озера были вскрыты остатки кошкинского жилища, разрушенного более поздним боборыкинским³⁰. Следует согласиться с В. Т. Ковалевой, что наиболее вероятной датой боборыкинской культуры является вторая половина III тысячелетия до н. э.³¹

Липчинская культура. Была выделена В. Н. Чернецовым по материалам Липчинской стоянки, исследованной в 1925 г. П. А. Дмитриевым³². Однако В. Н. Чернецов отнес к липчинскому комплексу, помимо собственно липчинской посуды, ямочно-гребенчатую, шапкульскую и другую керамику, что в свете современного состояния археологической изученности Нижнего Притоболья представляется неправильным.

К 1979 г. было известно около 40 поселений с керамикой липчинского типа; 20 из них исследовано раскопками: Липчинская стоянка, поселение Ишкуль I, участок VIII южного берега Андреевского озера и другие в Тюменском Притоболье; Палкинские стоянки, Калмацкий Брод, Аятское II поселение, нижний слой VI разреза Горбуновского торфяника, Юрьинская IV стоянка, Кокшаровское I поселение и другие в свердловско-тагильском регионе. На юге Урала липчинский ареал, видимо, граничил с территорией распространения памятников суртандинской энеолитической культуры, во всяком случае на памятниках этого времени в северной части Челябинской обл. наряду с суртандинской в равной мере присутствует липчинская посуда (например, стоянки Абселямовская, Чебаркульская, Сайма)³³.

Липчинская керамика (рис. 9—12) представлена остродонными и круглодонными сосудами с прямым или слегка отогнутым краем. Встречаются уплощенные днища (рис. 10, 7, 13). Орнамент выполнялся техникой отступающей насечки, ряды которой образовывали линии, напоминающие отпечатки шнура (псевдошнуровой орнамент). Эта манера орнаментации в Нижнем Притоболье не была известна ранее. Хотя в целом липчинские орнаменты, так же как и кошкинско-боборыкинские, вписываются в отступающе-накольчатую орнаментальную традицию, между Липчинкой и Боборыкино не прослеживается прямой ге-

²⁸ Сальников К. В., 1961.

²⁹ Ковалева В. Т., Варанкин Н. В., 1976, с. 29.

³⁰ Ковалева В. Т., Варанкин Н. В., 1977, с. 204—205.

³¹ Ковалева В. Т., 1979.

³² Правобережье р. Туры. Публикацию материала см.: Дмитриев П. А., 1928, с. 61—68; Чернецов В. Н., 1953а, табл. XIV.

³³ Кипарисова Н. П., 1960, рис. 7.

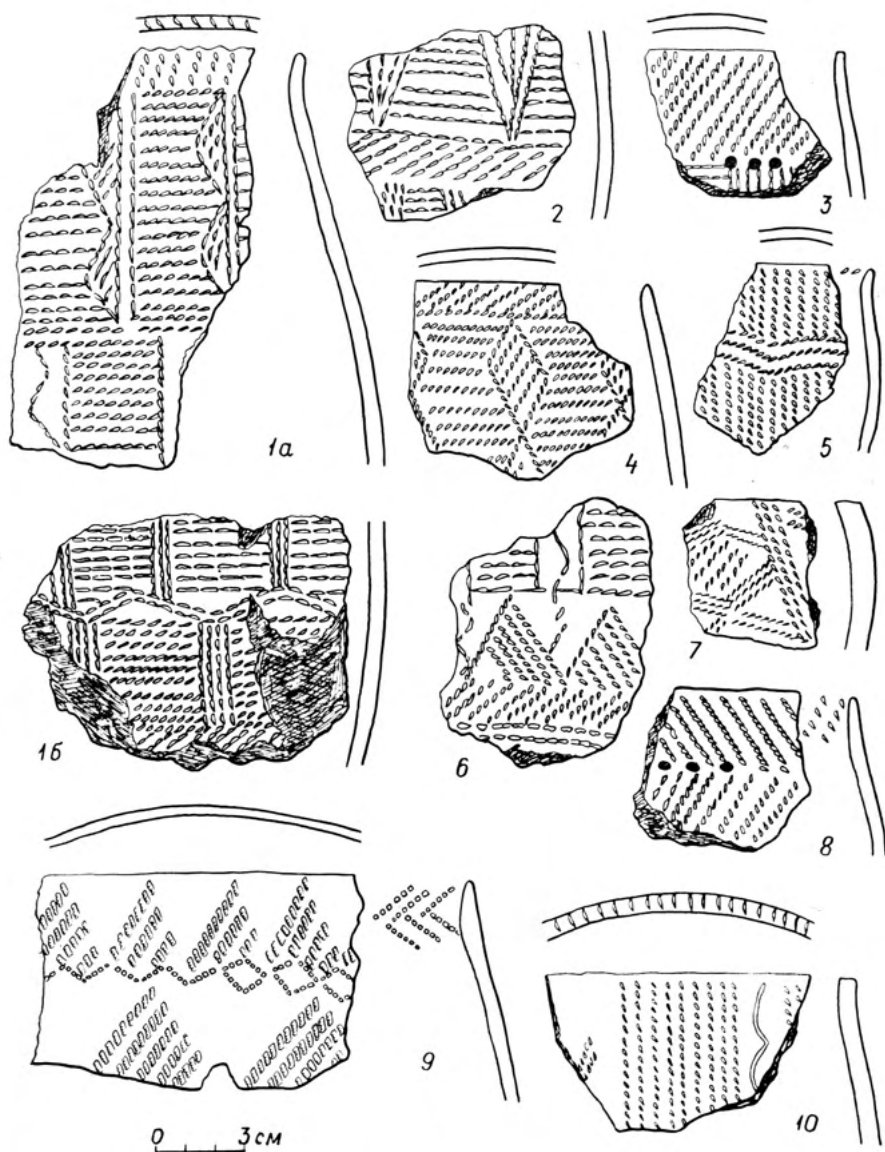

Рис. 9. Энеолит. Свердловско-тагильский регион. Керамика липчинской культуры из Палкинских стоянок (1—10)

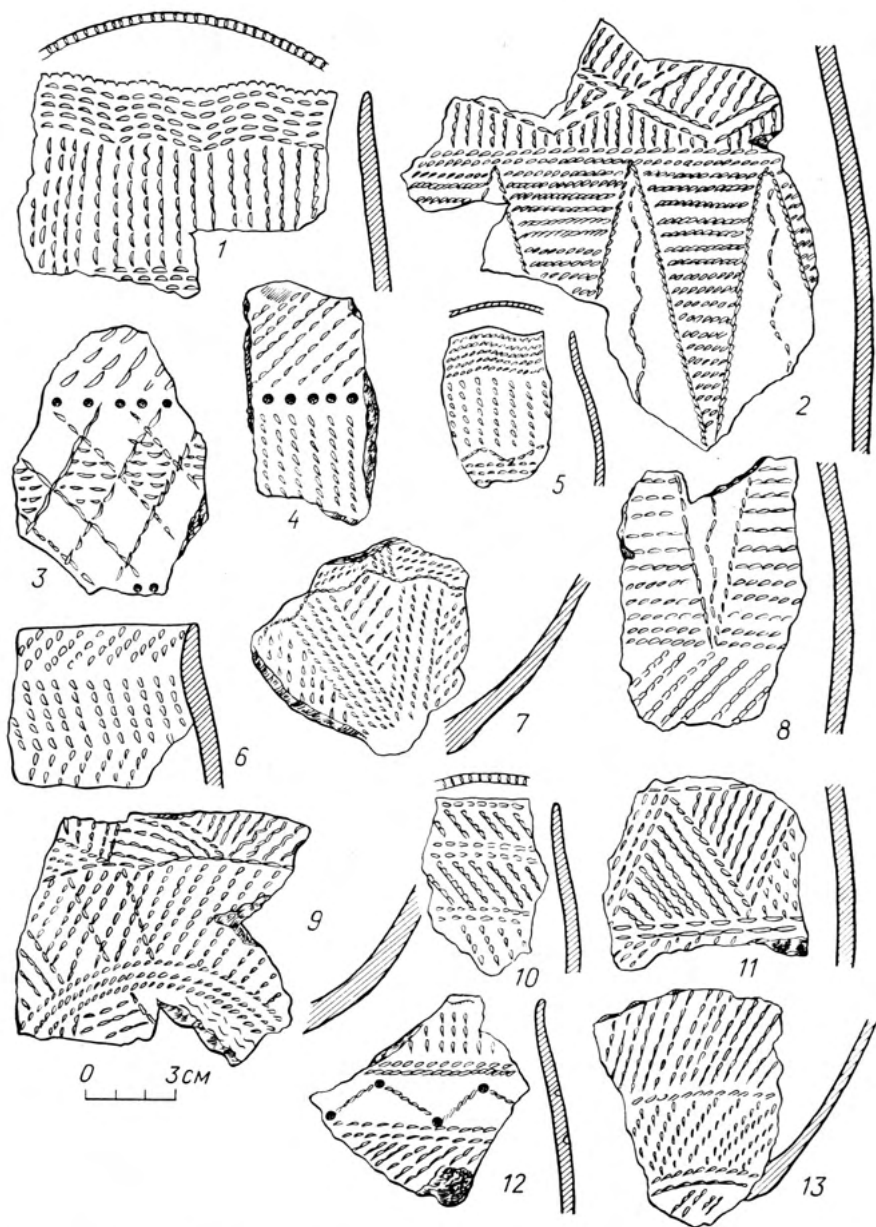

Рис. 10. Энеслит. Свердловско-тагильский регион. Керамика липчинской культуры
 1 — Калмацкий Брод; 2, 3, 5—12 — Карасье I озеро; 4, 13 — Карасье II озеро

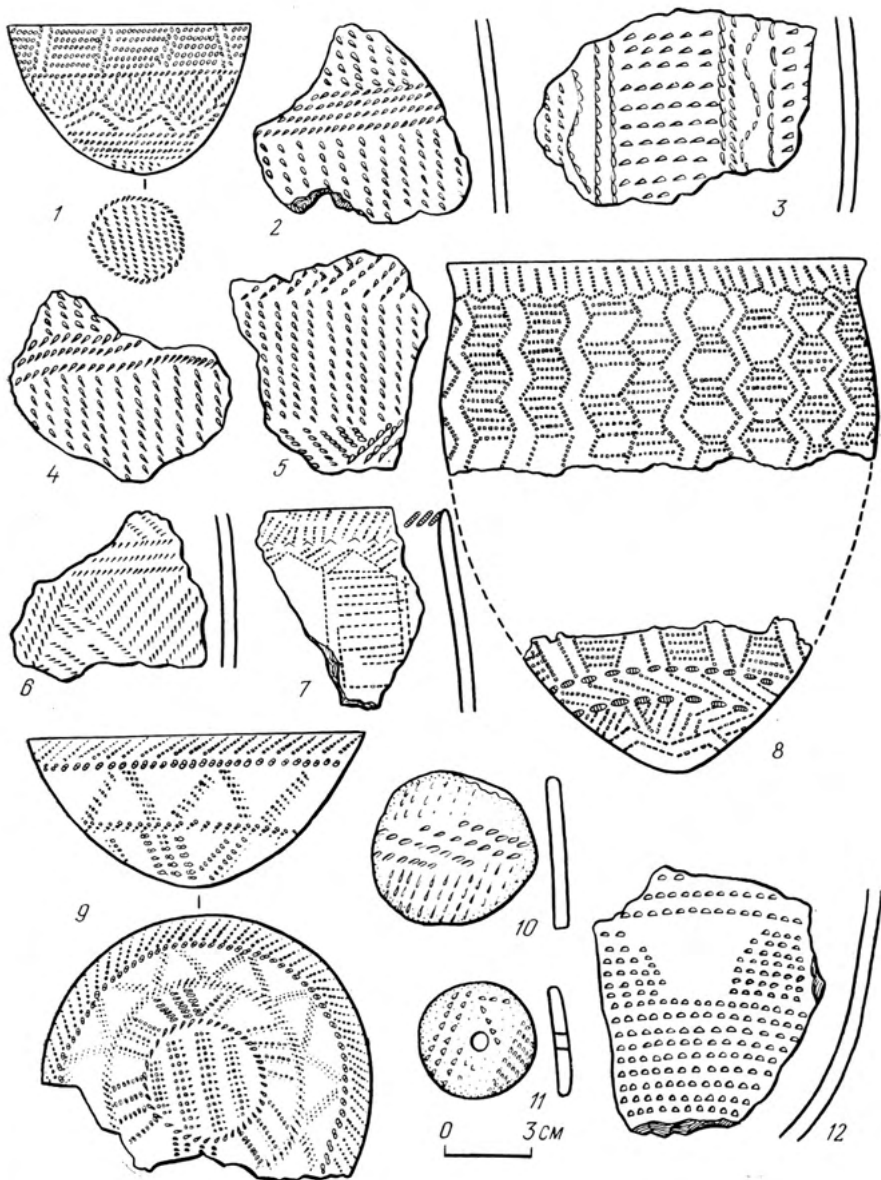

Рис. 11. Энеолит. Керамика липчинской культуры из разных мест Свердловской обл.
 1, 8, 9 — Шигирский торфяник; 2—5 — нижний горизонт VI разреза Горбуновского торфяника;
 6, 7, 12 — Юрьинское IV поселение; 10, 11 — Карасье I озеро

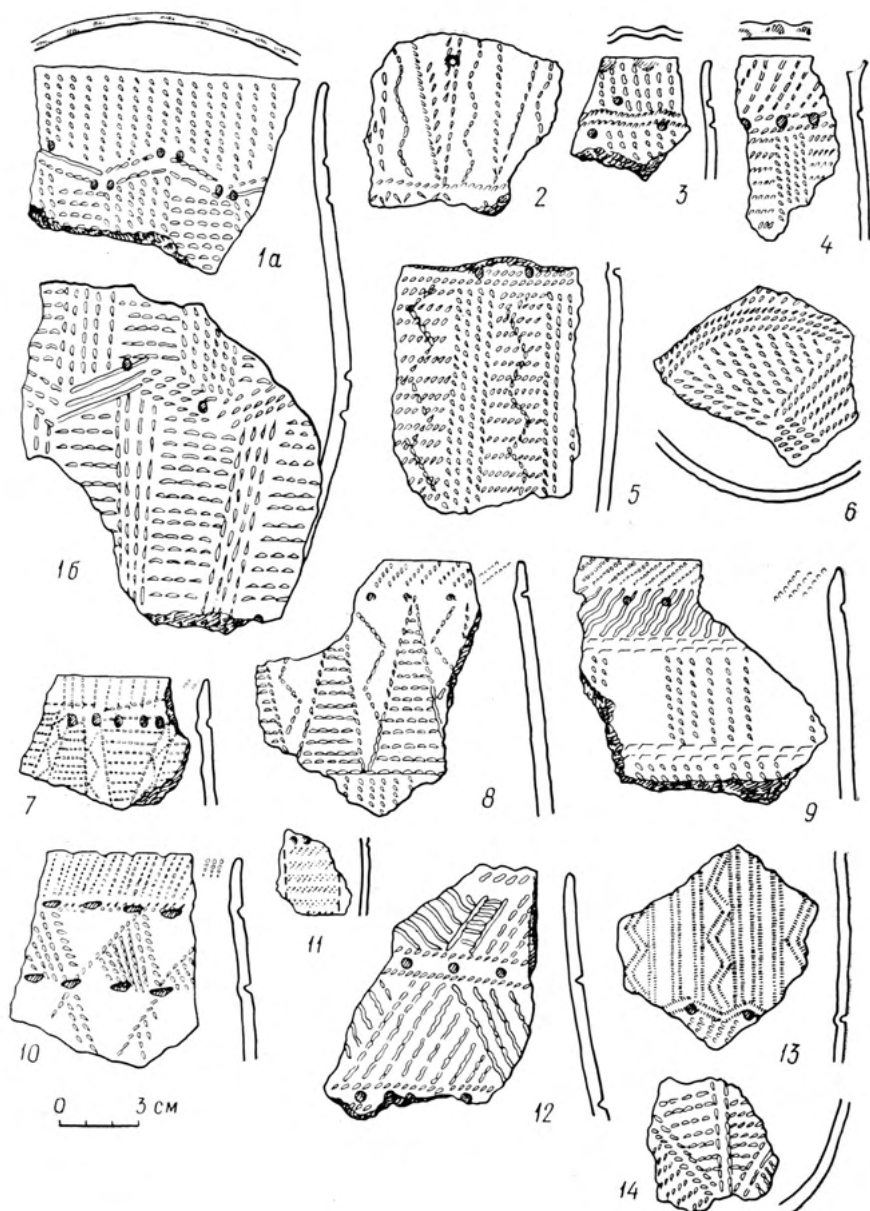

Рис. 12. Энеолит. Тюменское Притоболье. Керамика липчинской культуры
 1—3, 5, 6 — Ипкуль I; 4 — Ипкуль II; 7 — Мысовские поселения; 8, 9, 12—14 — Липчинская
 стоянка; 10 — Андреевское озеро; 11 — Байрык IB

нетической связи. Липчинская орнаментация по своей технике более близка манере нанесения узоров на новокусовских и отчасти игрековских сосудах далеких юго-восточных районов Западной Сибири. Возможно, это направление аналогий поможет в будущем решить проблему происхождения липчинской культуры в Нижнем Притоболье.

В тесте липчинских сосудов заметна примесь талька (свердловско-тагильский регион), а также песка (преимущественно в Тюменском Притоболье). Наиболее типичными узорами на липчинской керамике являются волнистые линии (рис. 9, 5; 10, 1; 11, 1, 3, 4 и др.), псевдо-плетенка (рис. 12, 1, 4 и др.), сплошные взаимопроникающие треугольные зоны (рис. 10, 7, 11; 12, 6, 12 и др.). Вместе с этим для орнаментов липчинской посуды характерны геометрические элементы — треугольники, ромбы, зигзагообразные линии (рис. 9, 1, 4, 6; 10, 2, 3, 8 и др.); последние часто располагались вертикально, разграничивая орнаментированную поверхность на несколько вертикальных полос.

Форма сосудов, достаточно развитый геометризм, вертикальная разбивка орнаментального поля и некоторые другие признаки сближают липчинскую керамику с суртандинской Южного Урала, которую Г. Н. Матюшин убедительно относит к энеолитической эпохе³⁴, но там орнамент, в отличие от липчинского, выполнялся аккуратной мелкозубой гребенкой; кроме того, в орнаментах суртандинской посуды почти не встречаются такие характерные для липчинской орнаментации узоры, как волна, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны и другие элементы, связываемые с раннеэнеолитической орнаментальной традицией, которую мы называем отступающе-накольчатой или самусьской. Однако в липчинских комплексах вместе с «классической» липчинской керамикой встречаются черепки и целые сосуды с узорами, выполненными гребенчатым штампом (рис. 11, 8, 9 и др.). Эта керамика (В. Ф. Старков относит ее к «моршининскому» типу) особенно близка суртандинской. Примечательно, что иногда применялась гребенка с развернутыми под углом зубьями, имитирующими обычный рисованный ложный шнур.

Выше мы уже отмечали сходство ложношнуровой орнаментации на липчинской посуде Нижнего Притоболья с манерой нанесения узоров на новокусовской и отчасти игрековской керамике Верхнего Приобья и томско-чулымского региона (ср., например, рис. 1а, 5, 9 и 33, 36)³⁵. Не исключено, что происхождение липчинской культуры явилось следствием смешения на территории Нижнего Притоболья местных суртандинских и родственных им (моршининских?) групп с населением, пришедшим из восточных районов Западной Сибири.

Каменный инвентарь липчинской культуры практически еще не вычленен, так как вся известная липчинская керамика, с которой можно было бы связать искомые орудия, найдена на многослойных поселениях, вне четкой приуроченности к очагам и жилищам. Более соотносимы с липчинскими комплексами глиняные грузила, так как некоторые из них орнаментированы. Для липчинской культуры наиболее типичны

³⁴ Матюшин Г. Н., 1970; 1971.

³⁵ См. также: Косарев М. Ф., 1974а, рис. 7; 8.

удлиненные глиняные грузила с рожковидным раздвоением на концах (рис. 13, 6—10). Их форма диктовалась бытовавшим в то время способом привязывания грузила к сети. Рожковидное раздвоение на концах было необходимо для закрепления петель, чтобы они не скользили по поверхности грузила. Грузила этого типа встречаются иногда скоплениями до 20 и более штук. Скопление из 25 таких грузил было обнаружено нами на поселении Байрык IB (рис. 13, 6—8) вместе с развалом липчинского сосуда и миниатюрным каменным тесловидным орудием, использовавшимся скорее всего для чистки рыбы (рис. 13, 14). Видимо, грузила из скопления на Байрыке IB принадлежали одной сети. Некоторые грузила этого типа украшены рядами частых мелких насечек или ложношнуровыми линиями (рис. 13, 7, 8). Подобная орнаментация характерна для липчинской керамики, что подтверждает принадлежность этого типа грузил преимущественно липчинскому культурному комплексу. Однако они, видимо, живут дольше липчинской керамики. Похожие грузила найдены на поселениях раннебронзового времени (Вишневка I в Северном Казахстане) и в комплексах самусьско-сейминской эпохи (раскоп 1 участка X южного берега Андреевского озера)³⁶.

Основная масса описанных выше глиняных грузил найдена на озерных поселениях Тюменского Притоболья. Однако из этого вряд ли следует, что у липчинского населения западной части Нижнего Притоболья рыболовство играло меньшую роль, чем в восточной части липчинского ареала. Надо учитывать, что в отличие от Тюменского Притоболья свердловско-тагильский регион очень богат камнем и там не было особой необходимостью употреблять грузила из глины. В нижнем слое VI разреза Горбуновского торфяника, давшем почти исключительно липчинскую керамику, были найдены грузила в виде заполненных камнями берестяных мешочков (кибасы), поплавки из бересты и сосновой коры, остатки вентерей, многочисленные обломки деревянных весел и другие предметы³⁷, свидетельствующие о большой роли рыболовства у восточноуральских липчинцев. В липчинских комплексах на VI разрезе Горбуновского торфяника, на северном берегу Андреевского озера, в культурном слое поселений Латочка, Калмацкий Брод и другие найдены первые медные изделия — обломки пластин, скрепка, игла и др.

Жилища, которые можно было бы достоверно отнести к липчинской культуре, неизвестны; до сих пор не найдены и липчинские могильники.

По наблюдениям археологов липчинская керамика на многослойных поселениях в целом залегает выше сосновоостровской (Сосновый Остров)³⁸ и ниже аятской (Аятское I поселение³⁹, VI разрез Горбуновского торфяника и др.); правда, керамика липчинского типа встречается в некотором количестве вместе с сосновоостровской (Сосновый Остров) и аятской (Аятское I поселение), но не преобладает. Учитывая стратиграфическое соотношение сосновоостровских, липчинских и аят-

³⁶ Юровская В. Т., 1973, рис. 4, 6.

³⁷ Раушенбах В. М., 1956, с. 123; рис. 1; 8.

³⁸ Викторова В. Д., 1968а, с. 167—168.

³⁹ Берс Е. М. Отчет о раскопках 1957 г.

Среднеуральской археологической экспедиции Уральского университета. — Архив ИА, № 1529, с. 56; Старков В. Ф., 1970б, с. 8—9.

ских комплексов, а также принимая во внимание непрерывную, на наш взгляд, хронологическую и генетическую преемственность сосновоостровской и аятской керамики, мы предполагаем, что липчинские памятники сосуществовали с поздними сосновоостровскими и ранними аятскими. Интересно, что на некоторых поселениях Нижнего Притоболья найдена «гибридная» керамика, сочетающая: а) сосновоостровские и липчинские черты; б) липчинские и аятские признаки. Так, на поселении Байрык VI обнаружен фрагмент сосуда сосновоостровского типа (насечки по срезу венчика, «жемчужины» по верхнему краю, заполнение поверхности горизонтальными рядами гребенчатых линий), но с характерным для липчинской посуды вертикальным зигзагом (рис. 3, 6). На поселении Байрык I найден обломок керамики с липчинским орнаментом (ложно-шнуровая техника, вертикальное членение орнаментального поля), но с «жемчужинами» по краю (рис. 3, 9). На Аятском II поселении выделяется большая группа керамики, которую с равным основанием можно относить и к липчинской, и к аятской⁴⁰.

Возможность частичного сосуществования липчинского и аятского населения на восточном склоне Урала была облегчена тем, что аятцы, судя по обилию и разнотипности каменных наконечников стрел (рис. 6), вели преимущественно охотничий образ жизни, тогда как основным занятием липчинцев, судя по многочисленности и разнообразию орудий рыбной ловли, был рыболовческий промысел. Их производственные интересы лежали в разных плоскостях, и поэтому они могли жить попеременно на одной территории, не мешая друг другу. В дальнейшем липчинское население могло быть ассимилировано аятцами.

Энеолитическая принадлежность липчинской культуры подтверждается находкой в нижнем слое VI разреза Горбуновского торфяника вместе с липчинской керамикой медной скрепки, а также деревянных изделий, сработанных явно металлическими орудиями.

Следует согласиться с мнением В. Ф. Старкова, что липчинские комплексы вероятнее всего относятся ко второй половине III тысячелетия до н. э.⁴¹ Этой дате в общем придерживается В. Т. Ковалева, полагающая, однако, что верхняя граница существования липчинских памятников может относиться к рубежу III и II тысячелетия до н. э. или даже к началу II тысячелетия до н. э.⁴² Точка зрения В. Ф. Старкова и В. Т. Ковалевой в целом подтверждается радиоуглеродной датой нижнего слоя VI разреза Горбуновского торфяника: 4360 ± 200 лет⁴³.

Из вышеизложенного следует, что боборыкинская культура, которую К. В. Сальников считал непосредственной предшественницей культур бронзового века⁴⁴, должна быть помещена в первую половину III тысячелетия до н. э., так как в Тюменском Притоболье было зафиксировано несколько случаев перекрытия липчинскими материалами боборыкинского слоя⁴⁵. Такой поворот дела в корне меняет сложившееся

⁴⁰ Берс Е. М. Альбом фотографий, прилагаемых к научному отчету Среднеуральской археологической экспедиции за 1956 г. — Архив ИА, № 1305, рис. 37; 39; 40 и др.

⁴¹ Старков В. Ф., 1970б, с. 11.

⁴² Ковалева В. Т., 1979.

⁴³ Долуханов П. М., Тимофеев В. И., 1972, с. 69.

⁴⁴ Сальников К. В., 1961.

⁴⁵ См., например: Викторова В. Д., Юровская В. Т., 1973; 1975.

представление о хронологическом рубеже каменного и бронзового веков на исследуемой территории, отодвигая его вглубь почти на тысячу лет. Нам представляется, однако, что, несмотря на отмеченные случаи перекрытия боборыкинского слоя липчинским, боборыкинцы и липчинцы жили в Нижнем Притоболье, возможно, в одно и то же время. Этнография дает немало примеров, когда одна из двух сосуществующих групп населения по причинам историческим, этническим или религиозным «брезгует» селиться в местах, где жили до этого чужеродцы и иноверцы, тогда как последние не столь щепетильны на этот счет. Боборыкинская культура носит во многом загадочный характер. Одной из таких загадок является сочетание очень развитых форм глиняной посуды (хорошо профилированных плоскодонных горшков) с архаическими микролитическими каменными изделиями. Удивительно, что на многочисленной боборыкинской керамике не встречено до сих пор ни одного случая гребенчатого штампового орнамента, хотя и до, и одновременно, и после гребенчатая орнаментация на Урале и Тоболо-Иртыше была чрезвычайно характерна. Может быть, боборыкинцы с их консервативной, несмешанной культурой были очень замкнутой этнической группой, которая избегала не только прямых, но и косвенных контактов с окружающим иноэтничным миром.

Шапкульский тип памятников. Выделен В. Ф. Старковым по материалам Шапкульского I поселения на оз. Шапкуль в бассейне р. Иски (Тюменское Притоболье)⁴⁶. К 1979 г. по подсчетам В. Т. Ковалевой было обнаружено 30 поселений, давших керамику шапкульского облика (Шапкуль I и Малый Барашек на оз. Шапкуль, участок VIII южного берега Андреевского озера, поселение Ташково I и др.); почти все они были исследованы раскопами. Поскольку поселения Шапкуль I и Малый Барашек более других характеризуют специфику рассматриваемых памятников, остановимся на них подробнее.

Керамика Шапкуля I и Малого Барашка представлена прямостенными круглодонными и, реже, остродонными сосудами, иногда со слегка отогнутым венчиком. Сосуды тонкостенные, хорошего обжига с характерным красноватым оттенком; в тесте отмечена примесь песка. Под венчиком почти во всех случаях идет ряд круглых ямок. Сосуды орнаментировались по всей внешней поверхности. Узоры чаще всего наносились отпечатками короткого (трех- или четырехзубого) гребенчатого штампа. Плоскость гребенки обычно ставилась наклонно к стенке сосуда, отчего одна из сторон отпечатка оказывалась более углубленной, а штамповый след более широким. Штампы наносились с небольшим интервалом, как бы налегая друг на друга, что напоминает липчинскую манеру нанесения узоров. Это обстоятельство, как и наличие в орнаментах треугольных фигур, сплошных взаимопроникающих треугольников в виде псевдоплетенки, вертикальное членение орнаментального поля зигзагообразными линиями⁴⁷, сближает шапкульскую посуду с липчинской. Поэтому, несмотря на то что для описываемой керамики характерна гребенчатая орнаментация, мы нашли логичным рассмотреть

⁴⁶ Старков В. Ф., 1976.

⁴⁷ Старков В. Ф., 1976, рис. 2, 1—3; 3, 1—3.

шапкульскую керамику не в связи с сосновоостровской и аятской, а в одном разделе с памятниками кошкинского, боборыкинского и липчинского типов, характеризующихся посудой с отступающе-накольчатой и линейно-накольчатой техникой орнаментации. Видимо, шапкульский орнаментальный комплекс сложился в зоне контактов гребенчатой и отступающе-накольчатой (в данном случае липчинской) орнаментальных традиций.

После того как был выделен специфический шапкульский комплекс керамики, исследователи в стремлении определить ареал шапкульской «культуры» стали относить к ней всю энеолитическую гребенчатую керамику — от низовьев Оби (Салехардская стоянка)⁴⁸ до лесостепного Зауралья (поселение Ташково I)⁴⁹. В. Т. Ковалева склонна причислять к шапкульской «культуре» даже гребенчато-ямочную посуду, найденную на участке VIII южного берега Андреевского озера⁵⁰. В результате потерялось своеобразие шапкульского культурного комплекса, он стал слишком расплывчатым по ареалу и очень аморфным по признакам. Видимо, следует более строго отличать собственно шапкульскую керамику от других разновидностей гребенчатой и гребенчато-ямочной посуды, историко-культурная принадлежность которых пока остается не вполне ясной.

Среди шапкульских каменных орудий наиболее интересны наконечники стрел. Все они изготовлены на пластинах. Один из двух наконечников с Шапкульского I поселения имеет иволистную форму со слабо выраженным черешком⁵¹, другой, асимметричный, — напоминает по форме кельтеминарский тип наконечников в Приаралье⁵². На поселении Малый Барашек встречено два кельтеминарских наконечника со специфической для них боковой выемкой⁵³. Девять подобных наконечников найдено В. Т. Ковалевой при раскопках участка VIII южного берега Андреевского озера⁵⁴, столько же встречено на поселении Ташково I. Судя по публикациям Г. Н. Матюшина, такие наконечники достаточно типичны для позднего неолита и энеолита Южного Урала⁵⁵; он датирует их концом IV—III тысячелетием до н. э. Видимо, этот тип наконечников характерен не только для шапкульских комплексов, но и для памятников с гребенчатой орнаментацией, локализовавшихся в переходное время от неолита к бронзовому веку на территории Южного Урала и Нижнего Притоболья. Остальные каменные орудия этого времени (пластины с подработанными краями, скребки, проколки, сверла, шлифованные топорovidные орудия и пр.) не обладают сколько-нибудь специфическими признаками⁵⁶. Мелкие орудия делались обычно из кремня и яшмы, крупные — из туфопорфирита.

Среди нижнетобольских орудий, встреченных на энеолитических памятниках Нижнего Притоболья с гребенчатой керамикой, выделяются удлиненные глиняные грузила с приостренными концами (рис. 13, 1—5). На участке VIII южного берега Андреевского озера найдено 13 та-

⁴⁸ Старков В. Ф., 1976.

⁴⁹ Ковалева В. Т., 1979.

⁵⁰ Ковалева В. Т., 1977, рис. 4, 1, 4, 10.

⁵¹ Старков В. Ф., 1976, рис. 2, 6.

⁵² Старков В. Ф., 1976, рис. 2, 7.

⁵³ Там же, рис. 3, 4, 5.

⁵⁴ Ковалева В. Т., 1977, рис. 2, 1—9.

⁵⁵ Матюшин Г. Н., 1975.

⁵⁶ Старков В. Ф., 1976, рис. 2; 3. Ковалева В. Т., 1977, рис. 2; 3.

ких грузил⁵⁷. Некоторые из них орнаментированы отпечатками гребенчатого штампа⁵⁸. В культурном слое поселения Козлов Мыс I вместе с керамикой шапкульского типа встречен медный кованый нож длиной 8,2 см, близкий по форме ножу, найденному А. В. Шмидтом на Левшинской энеолитической стоянке близ Перми⁵⁹.

Характеризуя домостроительство шапкульского населения, В. Т. Ковалева относит к шапкульской «культуре», в частности, шесть жилищ участка VIII южного берега Андреевского озера, содержащих главным образом гребенчатую и гребенчато-ямочную керамику разных типов. Поэтому мы остановимся здесь лишь на описании двух достоверно шапкульских жилищ, исследованных В. Ф. Старковым на поселениях Шапкуль I и Малый Барашек⁶⁰.

На поверхности Шапкульского I поселения визуально было зафиксировано семь жилищных углублений; размеры самого большого — 11×8 м, самого маленького — $6,5 \times 5$ м; средняя глубина — 0,6 м. Раскопано лишь одно жилище (№ 2). Оно оказалось четырехугольным, двухкамерным. Размеры первой камеры — $3,4 \times 2,4$ м, второй — $6 \times 4,8$ м. Котлован был врезан в материк на 0,4—0,5 м. Во второй камере вдоль трех наружных стен прослежены остатки земляных нар шириной до 110 см и высотой до 37 см. Очаг отсутствовал, зато вокруг жилища были выявлены следы 13 кострищ⁶¹.

На площади поселения Малый Барашек заметны следы шести жилищ в виде впадин диаметром 8—16 м и глубиной 0,7—1,5 м. Раскопано жилище 1. Оно было прямоугольным в плане — 11×7 м. Дно жилища находилось на глубине примерно 0,9 м от современной поверхности. Внутри был углубленный в землю очаг⁶². Шесть жилищ, исследованных В. Т. Ковалевой на участке VIII южного берега Андреевского озера, также имели прямоугольную форму (площадь от 30 до 70 кв. м) и были углублены в материк на 40—60 см.

Могильники шапкульского населения пока не известны.

Относительная хронология памятников с шапкульской посудой является достаточно четко. В. Т. Ковалева сообщает о совместной находке шапкульской и липчинской керамики на дне жилищ VIII участка южного берега Андреевского озера и поселения Ташково I. Об одновременности шапкульских и липчинских комплексов свидетельствует также сходство в построении декоративной схемы при орнаментации сосудов, о чем мы говорили выше. Поэтому шапкульские памятники, как и липчинские, можно относить предположительно ко второй половине III тысячелетия до н. э.

ТЮМЕНСКОЕ ПРИТОБОЛЬЕ. КОМПЛЕКСЫ С ЯМОЧНОЙ КЕРАМИКОЙ

По подсчетам В. Т. Ковалевой ареал ямочной керамики ограничен в основном Тюменским Притобольем. К 1979 г. было известно 20 поселений, давших значительные коллекции этой керамики; почти все

⁵⁷ Ковалева В. Т., 1977, с. 99.

⁵⁸ Ковалева В. Т., 1977, рис. 5, 3.

⁵⁹ Юровская В. Т., 1975, рис. 2, 4.

⁶⁰ Старков В. Ф., 1976.

⁶¹ Там же.

⁶² Старков В. Ф., 1976.

они исследовались раскопками (Липчинская и II Андреевская стоянки, поселения Ипкуль VIII, Малый Барашек, участок XII южного берега Андреевского озера и др.). В свердловско-тагильском регионе и западнее, в Среднем Обь-Иртыше, ямочная керамика не встречена. О северных пределах распространения памятников этого типа судить трудно, так как районы, лежащие севернее Тюменского Притоболья, в археологическом отношении почти не изучены. Что касается возможной южной границы, то на этом мы остановимся несколько ниже — в связи с вопросом о происхождении ямочной посуды.

Ямочная керамика, как и вышеохарактеризованные керамические комплексы, встречается обычно на многослойных поселениях. Некоторое исключение составляют, пожалуй, Андреевская II стоянка (раскопки П. А. Дмитриева, 1928—1929 гг.) и участок XII южного берега Андреевского озера (раскопки В. Т. Юровской, 1968 г.), в слое которых ямочная керамика составляет основную массу находок (рис. 14, 9—15, 17—19; 15, 1, 3).

Керамику с ямочной орнаментацией как особый тип посуды выделил В. Н. Чернецов; он первый обратил внимание и на сравнительно узкую локализацию этой керамики⁶³. Она представлена остродонными прямостенными сосудами, часто с немного отогнутым венчиком. В тесте характерна большая примесь песка или мелко толченого камня; песок и дресва иногда ощущаются даже наощупь — поверхность черепков бывает шероховатой.

Орнамент занимает всю внешнюю поверхность и заключается в чередовании широких ямочных поясов с рядами отпечатков трех-, четырехзубой гребенки (рис. 14; 15). На внутренней стороне венчика обычно ряд наклонных отпечатков гребенчатого штампа (рис. 14, 2, 3, 15). Ямки имеют разную форму: круглую, овальную, треугольную, ромбическую и т. д. Они явно доминируют в орнаменте, располагаясь по стенке сосуда широкими горизонтальными поясами, тогда как ряды гребенки выступают лишь как разделители этих горизонтальных зон. Иногда гребенчатые пояса вообще отсутствовали — вся поверхность украшалась ямками (рис. 15, 3, 4). Во многих случаях наружные ямки обозначались на внутренней поверхности сосудов в виде многочисленных бугорков.

Ранее мы пытались связать происхождение ямочной посуды Тюменского Притоболья с лесной зоной Восточной Европы, где керамика с ямочной орнаментацией характеризует особый культурно-хронологический пласт. Однако специалисты по ранним культурам Восточной Европы (Д. А. Крайнов, С. В. Ошибкина) высказали мнение, что между ямочной керамикой Восточной Европы и Тюменского Притоболья нет таких элементов сходства, которые позволили бы говорить об их генетической близости. В последние годы в результате работ В. Ф. Зайберта в Северном Казахстане и Л. Я. Крижевской в лесостепном Поншимье найдены поселения, в культурном слое которых встречена керамика с ямками, имеющими отдаленное сходство с нижнетобольскими. Однако

⁶³ Чернецов В. Н., 1953а, с. 43—44.

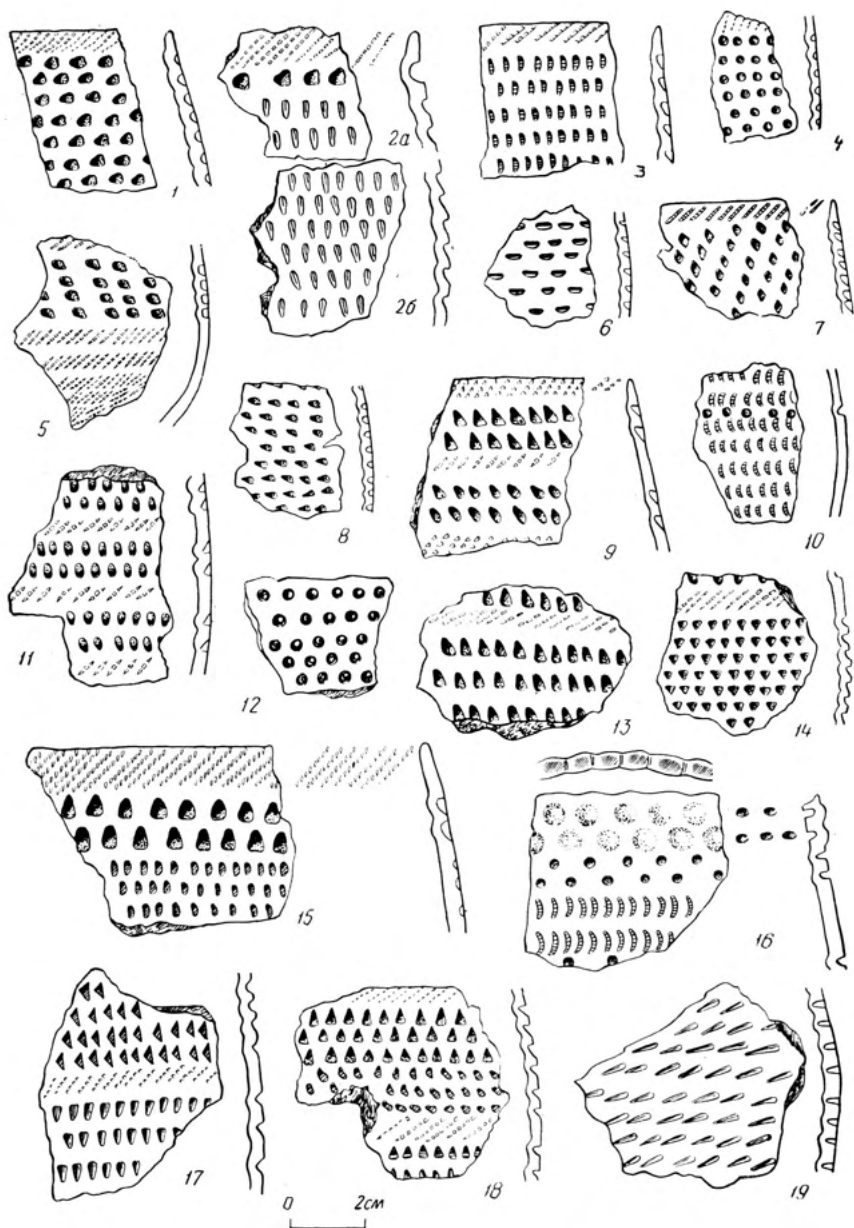

Рис. 14. Эпоха ранней бронзы. Тюменское Притоболье. Керамика с ямочным орнаментом

1—6, 16 — Иркуль I; 7, 8 — Иркуль VIII; 9—15, 17—19 — Андреевская II стоянка

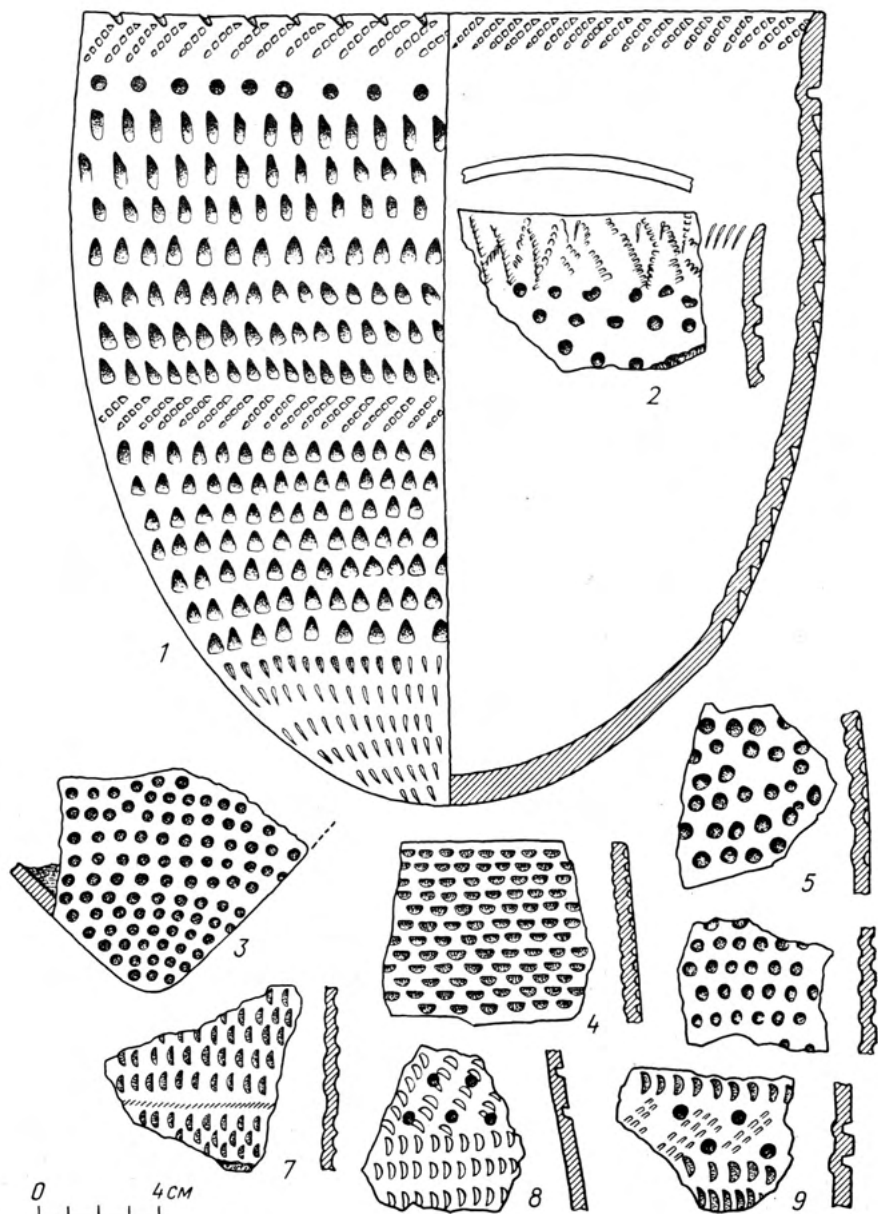

Рис. 15. Эпоха ранней бронзы. Тюменское Притоболье. Керамика с ямочным орнаментом из разных мест

1, 3 — участок XII южного берега Андреевского озера; 2, 4, 7 — Байрык-Иска I; 5, 6, 8, 9 — Байрык I

здесь они занимают иное место в орнаментальной композиции и характерны для плоскодонной керамики эпохи ранней бронзы.

Таким образом, вопрос о происхождении посуды с ямочной орнаментацией в Тюменском Притоболье остается открытым; однако уже сейчас очевидно, что она не имеет местных генетических корней. Появление здесь ямочного орнаментального комплекса является эпизодом, который не положили начала новой орнаментальной (культурной) традиции.

Орудия, найденные с ямочной керамикой, — почти исключительно рыболовецкие. В основном это грузила. Они в большинстве своем имеют цилиндрическую форму; в процессе изготовления еще сырая глиняная палочка слегка сдавливалась пальцами с торцов, в результате чего на концах получались небольшие шляпковидные утолщения, мешавшие соскальзывать закрепляющим петлям (рис. 13, 11—17, 22—25). На Андреевской II стоянке, где вскрыто всего 90 кв. м, П. А. Дмитриев собрал около 100 таких грузил (рис. 13, 12, 17, 22, 25). В нижнем слое поселения Ипкуль VIII (раскопки Западносибирской экспедиции, 1972 г.) найдено 30 грузил этого типа — 17 целых и 13 во фрагментарном состоянии (рис. 13, 11, 13, 15, 19, 23). В слое с ямочной посудой на участке XII южного берега Андреевского озера, судя по публикации В. Т. Юровской, преобладали такие же грузила⁶⁴. Это дает основание предполагать, что население, оставившее памятники с ямочной керамикой, пользовалось в основном описанным типом грузил. Это не означает, однако, что охарактеризованные орудия бытовали только в этом районе и только в это время. Они встречаются иногда с липчинской керамикой, а также в комплексах эпохи ранней бронзы (Вишневка I, Шапкуль VI и др.).

Каменные орудия, которые можно с уверенностью привязать к ямочной керамике, пока не выделены. С некоторой долей вероятности к ним можно отнести иволжистый наконечник с поселения Ипкуль VIII, найденный в нижнем слое, где преобладала ямочная керамика, а также ножевидную пластину и обломок асимметричного ножа с поселения Ипкуль I (рис. 13, 19—21). Видимо, характер хозяйства населения, оставившего ямочную посуду, был близок хозяйству липчинцев — оседлое рыболовство, дополненное продуктами охотничьего промысла. К сожалению, кости и другие органические остатки в этом районе сохраняются очень плохо. Из органических материалов местный грунт лучше всего консервирует ихтиологические остатки. Дно одной из землянок Андреевской II стоянки было покрыто 10-сантиметровым слоем рыбьей чешуи⁶⁵.

Мы мало знаем об облике жилищ поселений с ямочной керамикой. П. А. Дмитриев сообщает, что жилищные ямы, исследованные им на Андреевской II стоянке, имели прямоугольную форму и были углублены в землю на 100—220 см⁶⁶. Удивляет необыкновенно маленькая площадь жилищ — не более 12 кв. м (по П. А. Дмитриеву); не исключено, что это ошибочные данные: при столь малой площади раскопа (90 кв. м) за жилища могли быть приняты хозяйственные постройки или ямы-

⁶⁴ Юровская В. Т., 1973, рис. 2, 5, 6.

⁶⁵ Дмитриев П. А., 1951а, с. 16.

⁶⁶ Там же, с. 16.

хранилища. Раскопки В. Т. Юровской на участке XII южного берега Андреевского озера затронули лишь часть жилищного котлована.

Нам представляется обоснованным мнение В. Т. Ковалевой о принадлежности ямочной керамики к особой культуре, которую она называет андреевской⁶⁷. Специфика орнаментального комплекса, чуждость его местной орнаментации, достаточно четкая локализация, своеобразие основной категории орудий (глиняных грузил) и некоторые другие признаки позволяют отнести рассмотренные материалы к особой культурной группе.

На поселении Ипкуль I ямочная керамика стратиграфически и планиграфически распределялась приблизительно так же, как посуда липчинского типа. Вместе с тем в Тюменском Притоболье известны поселения, где слои с ямочной керамикой не содержал или почти не содержал липчинской примеси (Андреевская II стоянка; участок XII южного берега Андреевского озера). В свердловско-тагильской части Нижнего Притоболья ямочной посуды нет вообще, хотя там много поселений с липчинской керамикой. Зафиксировано несколько случаев перекрытия ямочной керамикой боборыкинского слоя (поселение Ташково I, участок XII южного берега Андреевского озера и др.)⁶⁸. В жилище 1 на поселении Малый Барашек ямочная керамика лежала выше шапкульского слоя⁶⁹.

Стратиграфия ямочной керамики дает основание предполагать, что андреевские (по определению В. Т. Ковалевой) комплексы более поздние, чем боборыкинские и шапкульские. Вместе с тем андреевская культура на раннем своем этапе, возможно, сосуществовала с поздним этапом липчинской культуры. Наиболее вероятной датой андреевской культуры является конец III—начало II тысячелетия до н. э., т. е. она, видимо, в общем синхронна времени существования аятских памятников в лесном Зауралье. Это означает, что андреевская культура в значительной своей части относится уже к эпохе ранней бронзы. В этой связи следует отметить, что мы в сводной таблице не совсем правильно поместили ямочную керамику в тот же хронологический пласт, что и липчинскую (рис. 1а, 10—12). Согласно новым данным, следовало бы сместить ее стратиграфическую позицию несколько выше, с захватом нижней части пласта раннебронзового времени.

ЛЕСОСТЕПНОЕ И ТАЕЖНОЕ ТОБОЛО-ИРТЫШЬЕ. ПОСЕЛЕНИЯ С ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНОЙ КЕРАМИКОЙ

Памятники с гребенчато-ямочной керамикой известны на большей части Западно-Сибирской равнины: в таежном и лесостепном междуречье Иртыша и Ишима, в Тюменском Притоболье и даже в Восточном Казахстане; встречена она и на севере Западной Сибири. Гребенчато-ямочную посуду во всем ее хронологическом диапазоне отличают две

⁶⁷ Ковалева В. Т., 1979.

⁶⁸ Бакина Г. П., Варанкин Н. В., Кернер В. Ф., Паутова Т. М., 1978,

с. 208; Богданова Л. Ю., Варанкин Н. В., Стефанова Н. К., 1978.

⁶⁹ Старков В. Ф., Куйбышев А. В., 1975, с. 234.

основные особенности: заполнение поверхности сосудов полосами узоров, выполненными оттисками гребенчатого штампа; обязательное деление орнаментального поля несколькими рядами ямочных вдавлений. Обе эти особенности характеризуют не какой-то конкретный временной период в каком-то конкретном районе, а гребенчато-ямочную орнаментальную традицию, которая, оформившись в неолите, существовала несколько тысяч лет (до позднего средневековья).

В пределах интересующих нас периодов выявляются два основных этапа гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. Первый, относящийся к позднему неолиту и эпохе раннего металла, характеризуется остродонной и круглодонной формами сосудов; второй (бронзовый век) — плоскодонной посудой. Если говорить о первом этапе, то основная трудность, с которой неизбежно сталкивается исследователь, заключается в том, что керамику этого времени в Обь-Иртышье трудно разделить на неолитическую и энеолитическую. Для тундровых и глубоких таежных районов аналогичные трудности возникают при попытке хронологического членения керамики бронзового века. Дело в том, что гребенчато-ямочная декоративная схема очень консервативна. Это не дает возможности определять границы гребенчато-ямочного ареала для разных хронологических этапов. Мы зачастую не в состоянии судить, является ли столь огромная гребенчато-ямочная область территорией одновременного существования родственных групп населения или она свидетельствует всего лишь о разновременных миграциях в пределах Западно-Сибирской равнины носителей гребенчато-ямочного орнаментального комплекса.

Сейчас у нас нет достаточных данных для типолого-хронологической классификации гребенчато-ямочной посуды на всей территории ее бытования. Мы ограничимся в основном рассмотрением памятников Тюменского Притоболья и отчасти Ишимо-Иртышского междуречья — районов, которые сравнительно неплохо изучены в археологическом отношении.

Байрыкский этап. Керамика этого этапа имеет приостренное либо округлое дно и слегка отогнутый венчик (рис. 16; 17). В тесте прослеживается примесь песка и шамота. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов. Характер декоративной схемы традиционен: однообразное чередование широких поясов из рядов наклонной гребенки или гребенчатой «качалки» с поясами ямочных вдавлений. Ямки — круглой или овальной формы. В Тюменском Притоболье керамика этого типа найдена на поселениях Байрык-Иска I, Ипкуль II, VIII и др. (раскопки Западносибирской экспедиции, 1973) и на Андреевском озере (сборы и раскопки разных исследователей). Похожая по форме и орнаменту глиняная посуда (говоря об орнаменте, мы имеем в виду прежде всего сходство орнаментальной композиции, которое не обязательно свидетельствует об абсолютной синхронности) известна на стоянках Кокуй I в Ишимской лесостепи⁷⁰, Екатерининской I, II, IV, Бичили I в Среднем Прииртышье⁷¹, Лавровской в Васюганье (раскопки Западно-

⁷⁰ Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1969, табл. 12.

⁷¹ Чернецов В. Н., 1953а, табл. XI, XII;

Старков В. Ф., Куйбышев А. В., 1975, с. 223; Петров А. И., 1978.

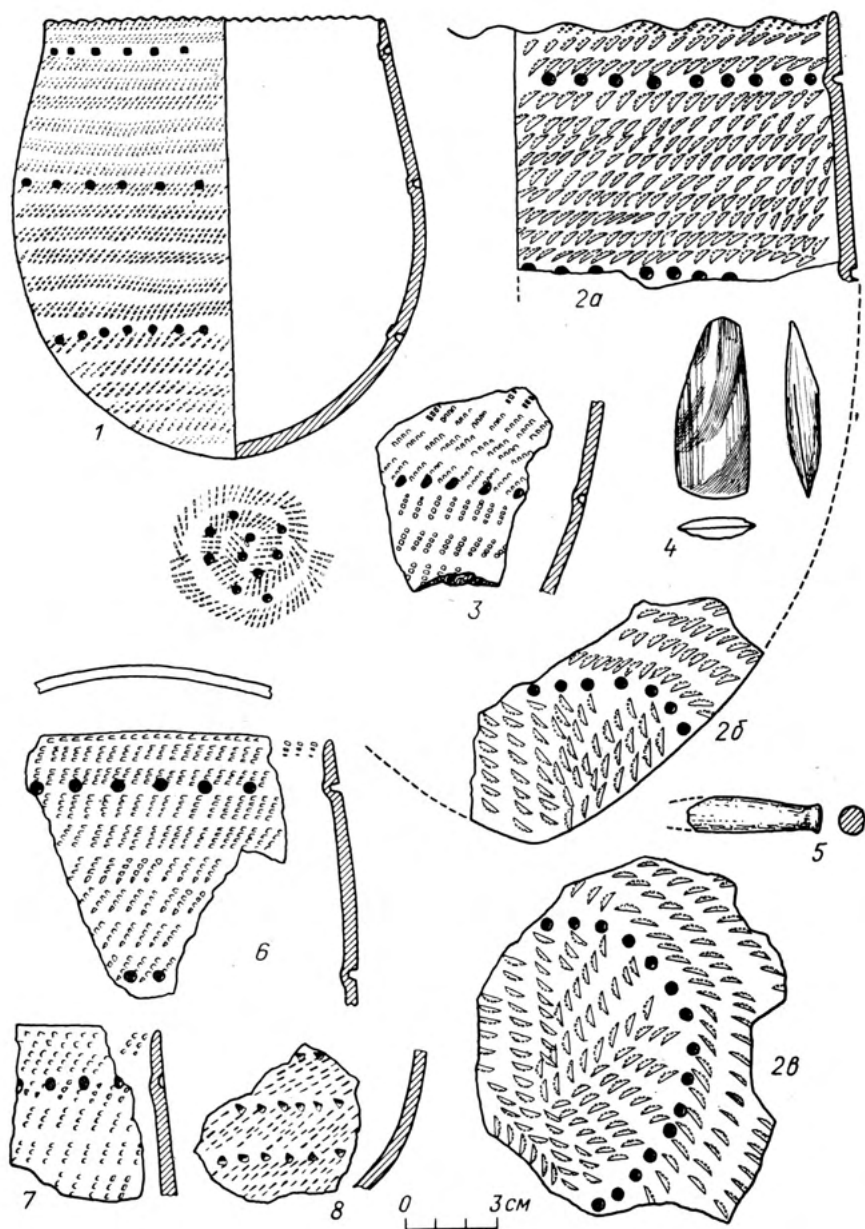

Рис. 16. Энеолит. Тюменское Притоболье. Байрыкский этап. Гребенчато-ямочная керамика и сопровождающий ее инвентарь озерных поселений бассейна р. Иски

1—5 — Байрык-Иска I; 6, 7 — Ипкуль VIII; 8 — Ипкуль II

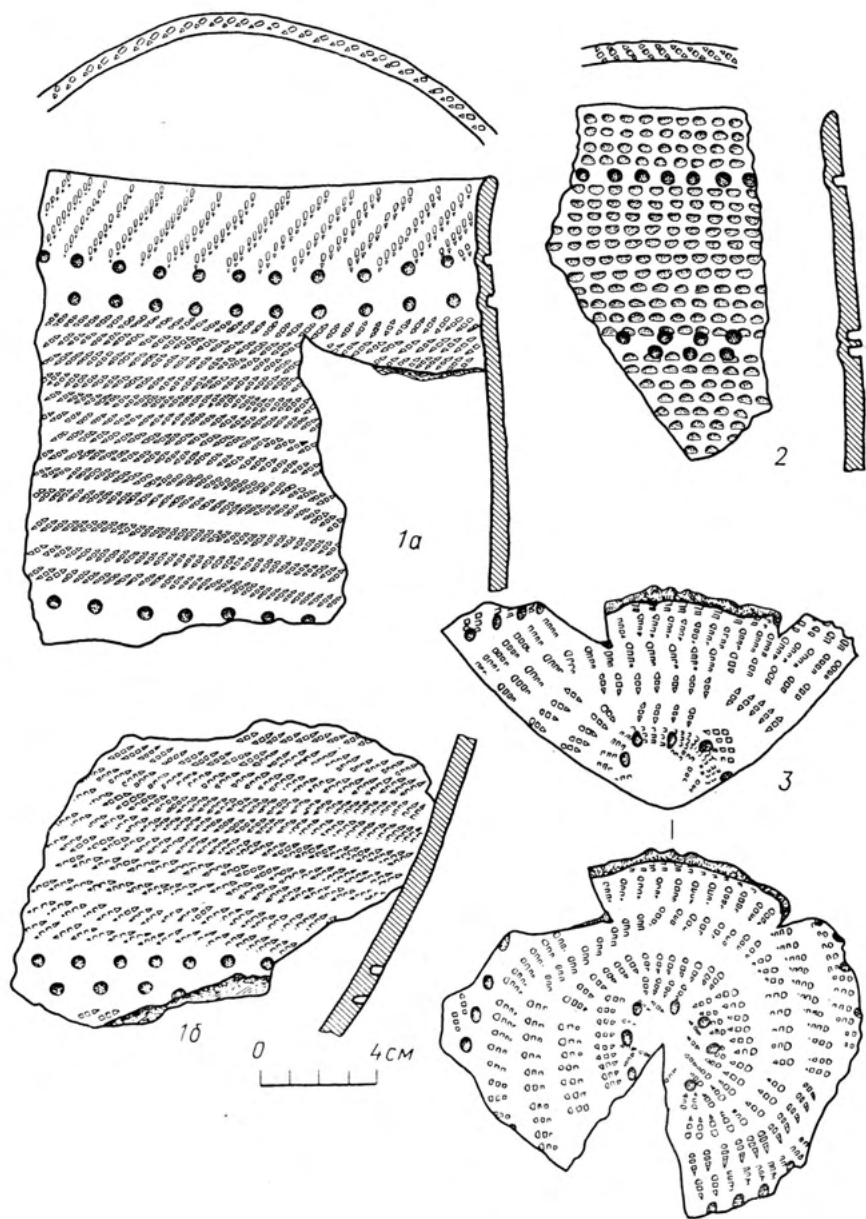

Рис. 17. Энеолит. Тюменское Притоболье. Байрыкский этап. Гребенчатая-ямочная керамика поселения Байрык-Иска I (1—3)

сибирской экспедиции, 1967) и др. В последние годы В. И. Молодин исследовал ранние стоянки с гребенчато-ямочной посудой в правобережной части лесостепного Прииртышья⁷². В степном Прииртышье остродонная и круглодонная керамика с характерным ямочным делением орнаментального поля найдена на стоянках Пеньки I (Восточный Казахстан)⁷³ и Шилово-Курьинская (раскопки Западносибирской экспедиции в Кулундинской степи, 1970—1971 гг.).

Посуда последних двух стоянок отличается некоторым своеобразием: в ее орнаментации, кроме гребенчатых рисунков, присутствуют узоры, выполненные отступающей и накольчатой техникой; встречаются волнистые линии и некоторые другие архаичные элементы. Эти особенности свойственны также керамике Артынской стоянки и отчасти поселения Венгерово III в лесостепной части Среднего Прииртышья⁷⁴. Сочетание в керамике некоторых иртышских стоянок архаичной волны и отступающей палочки с гребенчатым штампом и ямочными поясами, видимо, объясняется тем, что Прииртышье, особенно правобережная его часть, прилегал к области распространения верхнеобских культур новокусковского (протосамусьского) типа, для посуды которых была характерна — вплоть до бронзового века — очень архаичная орнаментация (отступающая техника, волнистые узоры, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны, псевдоплетенка и пр.). Не исключено, что появление керамики артынского типа в Среднем Прииртышье было связано с усилением инфильтрации на запад верхнеобских и среднеобских групп населения; о возможности восточного импульса в это время мы уже говорили в связи с вопросом о происхождении липчинской культуры. Мне представляется справедливым мнение В. Ф. Старкова, что памятники артынского типа, скорее всего, следует датировать переходным временем от неолита к эпохе металла.

Свердловские археологи объединяют все ранние памятники, давшие остродонную и круглодонную керамику с ямочным делением орнаментального поля, в единую «среднеиртышскую» культуру, предшествующую бронзовому веку⁷⁵. Хотя термин «среднеиртышская культура» не совсем удачен (ареал ранних памятников с гребенчато-ямочной орнаментацией керамики выходил далеко за пределы Среднего Прииртышья), следует признать правомерным вывод о существовании в предтаежной и южнотаежной полосе Ишимского и Иртышского бассейнов накануне бронзового века массива родственных культур со специфической орнаментальной традицией. Центр этой огромной культурной общности, возможно, находился в Среднем Прииртышье. Ранние памятники Тюменского Притоболья с гребенчато-ямочной керамикой (байрынский тип, по нашей терминологии) принадлежат, видимо, одному из локальных вариантов этой общности.

Возвращаясь к Тюменскому Притоболью, отметим, что местные озерные поселения с ранней гребенчато-ямочной посудой (байрынский этап)

⁷² Молодин В. И., 1975а, с. 15—16; 1977, табл. XXXIV—XXXIX.

⁷³ Чалая Л. А., 1972, рис. 6—8.

⁷⁴ Косинская Л., 1974, рис. 1, 17—19; Молодин В. И., 1977, табл. XXXIX.

⁷⁵ Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др., 1970, рис. 1.

почти не дают каменных орудий. На поселении Байрык-Иска I, где выявлен четкий слой с гребенчато-ямочной керамикой (рис. 16, 1, 2; 17), найдено лишь одно каменное изделие — небольшой сланцевый топорик весьма неспецифичной формы (рис. 16, 4). Зато здесь встречено несколько обломков сигаровидных глиняных грузил (рис. 16, 5). Интересно, что поселения с ранней гребенчато-ямочной посудой окрестных районов (Ишимская лесостепь, Среднее Прииртышье, Восточный Казахстан и др.) дали много каменных орудий — преимущественно наконечников стрел, скребков и ножевидных пластин⁷⁶. Очевидно, это обстоятельство было связано с преобладающей ролью рыболовства в Тюменском Притоболье, насыщенном многочисленными проточными озерами; условия для рыболовства в Поишимье и Прииртышье были намного хуже, особенно в степной зоне и на юге лесостепной.

Жилища байрыкского этапа в Тюменском Притоболье пока не выявлены. В пределах гребенчато-ямочной общности Западной Сибири более или менее четкие следы жилищ обнаружены на стоянке Кокуй I. Два из них имеют прямоугольные очертания, третье — округлое. Размеры: первое жилище — 6×5,8 м (глубина 35—40 см); второе — 9,3×7,1 м (глубина 140 см); третье — 5,88×5,7 м (глубина 80 см)⁷⁷. В этом же районе жилище типа четырехугольной землянки было исследовано Л. Л. Косинской на поселении Ир II⁷⁸. Но они, по мнению свердловских археологов, относятся к неолиту. Кроме того, упомянутые поселения с жилищами расположены в лесостепной зоне, и домостроительство могло иметь здесь свои особенности.

Погребения, которые можно было бы отнести к байрыкскому этапу, пока не найдены.

Вопрос о дате керамических комплексов байрыкского типа в Тюменском Притоболье весьма сложен — во-первых, из-за отсутствия датирующих вещей, во-вторых, из-за консервативности гребенчато-ямочной орнаментации, которая очень медленно изменялась во времени. Мы предполагаем, что поселение Байрык-Иска I относится к переходному времени от неолита к эпохе металла и в общем синхронно памятникам с липчинской посудой. Показателем этого является обычность для липчинской керамики Тюменского Притоболья ямочных поясов (рис. 12, 1—5, 7—13). В свердловско-тагильском регионе, лежавшем в стороне от гребенчато-ямочного ареала, ямочные пояса на липчинской посуде очень редки.

Интересны результаты недавних работ В. И. Молодина в лесостепной Барабе. Он исследовал поселение Венгерово III, где вместе с острогонной гребенчато-ямочной керамикой в жилищах и хозяйственных ямах были найдены обломки медных изделий. В. И. Молодин считает этот памятник одновременным Липчинской стоянке и стоянкам Пеньки I, II⁷⁹.

⁷⁶ См., например: Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1969, табл. IV—X; Косинская Л., 1974, рис. 1, 8—14; Чалая Л. А., 1972, рис. 3—5.

⁷⁷ Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1969, с. 31—32.

⁷⁸ Косинская Л. Л. Отчет о раскопках поселения и могильника уд. Ир Абадского района Тюменской обл. за 1971 г. — Архив ИА, № 4571.

⁷⁹ Молодин В. И., 1975а, с. 18.

Получается парадоксальная на первый взгляд картина: на сравнительно небольшой территории Тюменского Притоболья накануне бронзового века жили одновременно по крайней мере три разные в культурном (этническом?) отношении группы населения — липчичцы, шапкульцы и носители гребенчато-ямочной традиции. Однако западносибирские этнографические материалы говорят о том, что сосуществование в одном районе, часто попеременно друг с другом, двух и более этнических групп — обычное явление. Так, к моменту прихода русских в Томско-Нарымском Приобье проживали одновременно представители нескольких языковых ветвей — тюркской (татары), самодийской (селькупы), угорской (ханты), тунгусо-маньчжурской (эвенки) и кетоязычной (кеты). Несмотря на то, что локализация этих групп населения не была постоянной и этнические ареалы зачастую взаимопересекались, все эти народности сохраняли самобытность языка, культуры, хозяйства и социальной организации.

Сейчас представляется почти несомненным, что Тюменское Притоболье, расположенное на стыке нескольких культурных и географических областей, было накануне бронзового века своеобразным этнокультурным «заповедником», где жили в общем одновременно носители всех известных в Зауралье и Западной Сибири орнаментальных комплексов — гребенчатого, гребенчато-ямочного, отступающе-накольчатого и, возможно, андроновидного. Этот богатейший край с сотнями прекрасных озер был чрезвычайно удобен для запорного и сетевого рыболовства. Видимо, в летний рыболовческий сезон сюда стекалось население разных культур. Богатые рыболовческие угодья давали возможность не только существовать здесь безбедно в весенне-летне-осенний период, но и запасать рыбу впрок на голодное зимнее время.

Одиновский этап. Как уже говорилось выше, общая хронологическая тенденция в развитии гребенчато-ямочной керамики Западной Сибири проявлялась в постепенной утрате круглодонности, в появлении уплощенного, а затем плоского дна. Другая хронологическая тенденция, судя по материалам Тюменского Притоболья, проявлялась в постепенной культурной нивелировке населения этого района, которая выразилась в затухании липчинского, а затем ямочного орнаментальных комплексов и все большем преобладании гребенчато-ямочной орнаментации.

Наиболее ранний в типологическом отношении комплекс одиновского этапа выявлен на поселении Шапкуль VI в Нижнем Притоболье (раскопки Западносибирской экспедиции, 1973 г.). Посуда этого памятника имеет слегка отогнутый венчик и округлое, уплощенное или плоское дно (рис. 18, 1, 2, 7, 9—11). Все эти формы сосуществуют: так, обломок нижней части круглодонного сосуда (рис. 18, 1) найден вместе с плоскодонным (рис. 18, 2) на дне хозяйственной ямы. В тесте заметна примесь песка и шамота.

Орнамент выполнялся весьма небрежно: гребенчатый штамп нередко смазан, ямочные вдавления обычно неправильной формы, орнаментальные пояса зачастую отклоняются от горизонтального направления и т. д. Характер декоративной схемы по сравнению с байрыкским этапом не претерпел существенных изменений. Поверхность сосудов покрывалась однообразными рядами отпечатков гребенки (иногда «шагающей»). Ор-

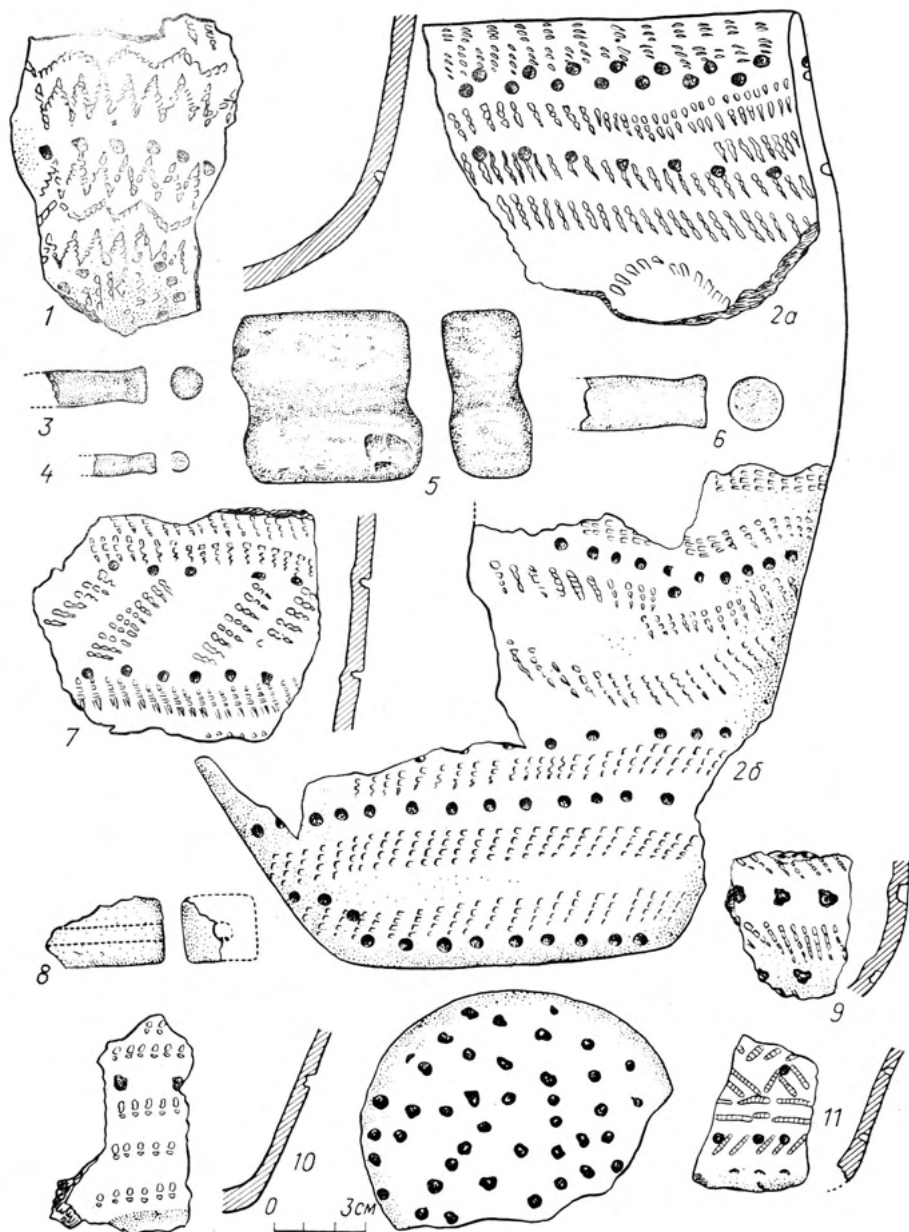

Рис. 18. Эпоха ранней бронзы. Тюменское Притоболье. Одиновский этап. Гребенчато-ямочная керамика и инвентарь поселения Шапкуль VI

1—4, 6—11 — глина; 5 — камень

наментированная поверхность делилась несколькими рядами ямок. Иногда однообразие декоративной схемы оживлялось включением наклонных полос гребенчатого штампа (рис. 18, 7), горизонтальной волнистой ленты (рис. 18, 2) или треугольников (рис. 18, 11). Днища тоже орнаментировались — чаще всего ямочными вдавлениями.

Гребенчато-ямочная керамика Одиновского поселения в лесостепном Поишимье уже вся плоскодонна. Она имеет баночную форму; в тесте присутствуют песок и шамот. Орнамент занимал всю внешнюю поверхность, включая дно. Стенки сосуда покрывались обычно горизонтальными рядами косо поставленного гребенчатого штампа⁸⁰. Орнаментальное поле делилось поясами круглых ямок. Как и на Шапкуле VI, встречаются сосуды, в средней части которых располагается зона из наклонных рядов гребенчатых отпечатков, которые иногда дополнены рядами ямок или подтреугольных вдавлений.

Очертить область распространения керамики одиновского типа в настоящее время невозможно. Близкая одиновской плоскодонная гребенчато-ямочная керамика была встречена Ю. Ф. Кирюшиным на поселениях оз. Тух-Эмтор в Васюганье⁸¹. Похожая посуда найдена в Новосибирском Приобье⁸², но она, видимо, не составляет здесь долговременного культурно-хронологического комплекса, а скорее является свидетельством культурных связей Верхнего Приобья с западными ишимопритышскими районами.

Орудия, которые можно было бы твердо связать с характеризуемой керамикой, немногочисленны. Р. Д. Голдина и Л. Я. Крижевская, опубликовавшие материалы Одиновского поселения, не упоминают о находках орудий. Производственный инвентарь Шапкульского VI поселения состоит из одних грузил. Преобладают сигаровидные глиняные грузила (рис. 18, 3, 4, 6), характерные для предшествующего этапа в комплексах с ямочной и гребенчато-ямочной керамикой. Но здесь уже прослеживается стремление выработать новые, более рациональные формы грузил. Встречены обломок четырехугольного в сечении глиняного грузила с отверстием (рис. 18, 8) и каменное четырехугольное грузило с желобчатым перехватом (рис. 18, 5). Обнаружены две глубокие ямы, доверху заполненные плотным слоем рыбьей чешуи; в заполнении ям собраны также кости копытных животных. Видимо, в Тюменском Приобье рыболовство в это время, как и в предшествующий период, продолжало оставаться основной отраслью хозяйства.

В южных лесостепных районах экономическая жизнь могла быть более сложной. На поселении этого времени Кокуй II встречено значительное количество каменных орудий, в том числе наконечники стрел, ножи и скребки. Наконечники стрел (3 экз.) имеют ретушь только по краю. Обнаружены свидетельства существования скотоводства: в культурном слое поселения Л. Я. Крижевская открыла парное погребение

⁸⁰ Голдина Р. Д., Крижевская Л. Я., 1971, рис. 27.

⁸¹ Кирюшин Ю. Ф., 1973а.

⁸² Грязнов М. П. Отчет Новосибирской

экспедиции об археологических работах в 1954 г. в зоне затопления Новосибирской ГЭС. — Архив ИА, № 1059, рис. 15.

двух бычков. Они были захоронены в неглубокой яме и располагались «валетом»: один головой на юго-запад, другой — на северо-восток⁸³.

Жилища одиновского этапа изучены еще недостаточно. Одна жилая постройка исследована на Одиновском поселении; она представляет собой полуземлянку размером 8×8 м, вкопанную в материк на 0,5 м (глубина от современной поверхности 105—110 см). Стенки котлована вертикальны. Судя по расположению столбов и их диаметру, кровля жилища была односкатной⁸⁴. В центре, чуть ближе к выходу, располагался слегка углубленный в землю очаг диаметром 0,5 м. Р. Д. Голдина и Л. Я. Крижевская обращают внимание на сходство жилища Одиновского поселения с жилищем неолитической стоянки Кокуй I, которое имело такие же размеры и четырехугольную форму. Они полагают, что это сходство свидетельствует об «определенной устойчивости типа жилищ для довольно широкой территории зауральского лесостепья»⁸⁵. Возможно, эта домостроительная традиция захватывает в пределах гребенчато-ямочного ареала более широкую территорию, включающую и смежные таежные районы.

Погребения с гребенчато-ямочной керамикой одиновского облика пока не найдены.

Для датировки памятников одиновского типа имеет значение находка на поселении Одино четырех своеобразно орнаментированных сосудов, по краю которых идут пальцевые зацепы, характерные для Вишневки I, Преображенки III и других памятников, определенно относящихся к эпохе бронзы⁸⁶. Г. Б. Зданович датирует памятники типа Вишневки I в Северном Казахстане (вишневский этап по его терминологии) временем, предшествующим петровскому этапу; керамика последнего превосходит в форме и орнаменте многие алакульские черты. Г. Б. Зданович определяет начало петровского этапа XVI в. до н. э.⁸⁷ Эта дата, видимо, совпадает с концом существования гребенчато-ямочных (одиновских) памятников на южной окраине гребенчато-ямочного ареала, которые, по всей вероятности, синхронны вишневским комплексам Северного Казахстана. Что касается более северных таежных районов, то там гребенчато-ямочная традиция в орнаментации посуды живет и в последующие эпохи.

Если принять нашу точку зрения, что гребенчато-ямочная посуда одиновского этапа (рис. 1а, 26—28) является непосредственным хронологическим и генетическим продолжением гребенчато-ямочной керамики байрыкского типа (рис. 1а, 13) и что последняя одновременно липчинской посуде Тюменского Притоболья (вторая половина III тысячелетия до н. э., возможно с заходом в начало II тысячелетия до н. э.), то хронологический диапазон одиновского этапа определится примерно первой третью II тысячелетия или даже XVIII—XVII вв. до н. э.

⁸³ Крижевская Л. Я., 1970, рис. 3; с. 159—160.

⁸⁴ Голдина Р. Д., Крижевская Л. Я., 1971, с. 73.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Голдина Р. Д., Крижевская Л. Я., 1971, рис. 27, 1, 8, 9; ср.: Зайберг В. Ф., 1973, рис. 40, 1—3.

⁸⁷ Зданович Г. Б., 1975, с. 21.

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА В ВЕРХНЕМ И ТОМСКО-НАРЫМСКОМ ПРИОБЬЕ

В. И. Матющенко высказал мысль, что памятники раннего металла на территории Южного Приобья следует объединить в одну верхнеобскую неолитическую культуру⁸⁸. Вывод о существовании здесь накануне бронзового века единого этнокультурного массива представляется нам обоснованным⁸⁹, однако стремление В. И. Матющенко отнести к неолиту все памятники, предшествующие самусьско-сейминской эпохе, нельзя признать правильным (на этом мы остановимся подробнее в заключительной части данного раздела).

Неолиту и бронзовому веку Верхнего и Среднего Приобья посвящена большая литература, в том числе несколько монографий⁹⁰, однако до сих пор не выработана общая концепция и между исследователями существуют значительные разногласия по ряду вопросов. Мне кажется, что выделенная В. И. Матющенко верхнеобская неолитическая культура в действительности представляла собой большую культурную общность, в пределах которой локализовалось несколько родственных культур. Название «верхнеобская» не совсем удачно, так как рассматриваемая общность выходила далеко за пределы Верхнего Приобья. Думается, что было бы правильнее назвать ее «новокусковской» (по наиболее характерной стоянке) или «протосамусьской». Такое название вызвало бы ассоциацию с определенным кругом памятников и подчеркнуло бы общепризнанный факт, что генетические истоки самусьской и родственных ей культур эпохи бронзы следует искать в определенной субстратной среде. Ниже мы рассмотрим два хронологических этапа развития местных культур в период, предшествующий сложению самусьской культуры.

Новокусковский этап. Пока полностью опубликованы материалы трех памятников — Самусьского могильника, Кипринской и Новокусковской стоянок, и мы будем опираться в основном на них, тем более что они дали самые богатые коллекции керамики и орудий. Керамика новокусковского этапа весьма разнотипна по форме. Наряду с остродонными и круглодонными встречаются сосуды с уплощенным и плоским дном. На Кипринской стоянке Верхнего Приобья, кроме характерных круглодонных сосудов и плоскодонных банок, найдены сосуды горшковидной формы⁹¹. Такое же разнообразие керамики отмечено и на других памятниках новокусковского этапа (Самусьский могильник, Новокусковская стоянка, Тух-Сигат IV, Большой Ларьяк в Томской обл., Ирмень 2а, Иня 3 и другие в Новосибирской обл.). Так, в погребении 6 Самусьского могильника находилось четыре сосуда, различных по форме и орнаменту: а) горшковидный с уплощенным дном, украшенный горизонтальными и вертикальными зигзагами из отпечатков гладкого штампа; б) профилированный в верхней части остродонный сосуд, покрытый по всей поверхности горизонтальными рядами отступающей гре-

⁸⁸ Матющенко В. И., 1973а.

⁸⁹ См., например: Косарев М. Ф., 1964; 1974а.

⁹⁰ Матющенко В. И., 1973а, б, в; Косарев М. Ф., 1974а; Молодин В. И., 1977.

⁹¹ Молодин В. И., 1977, с. 20.

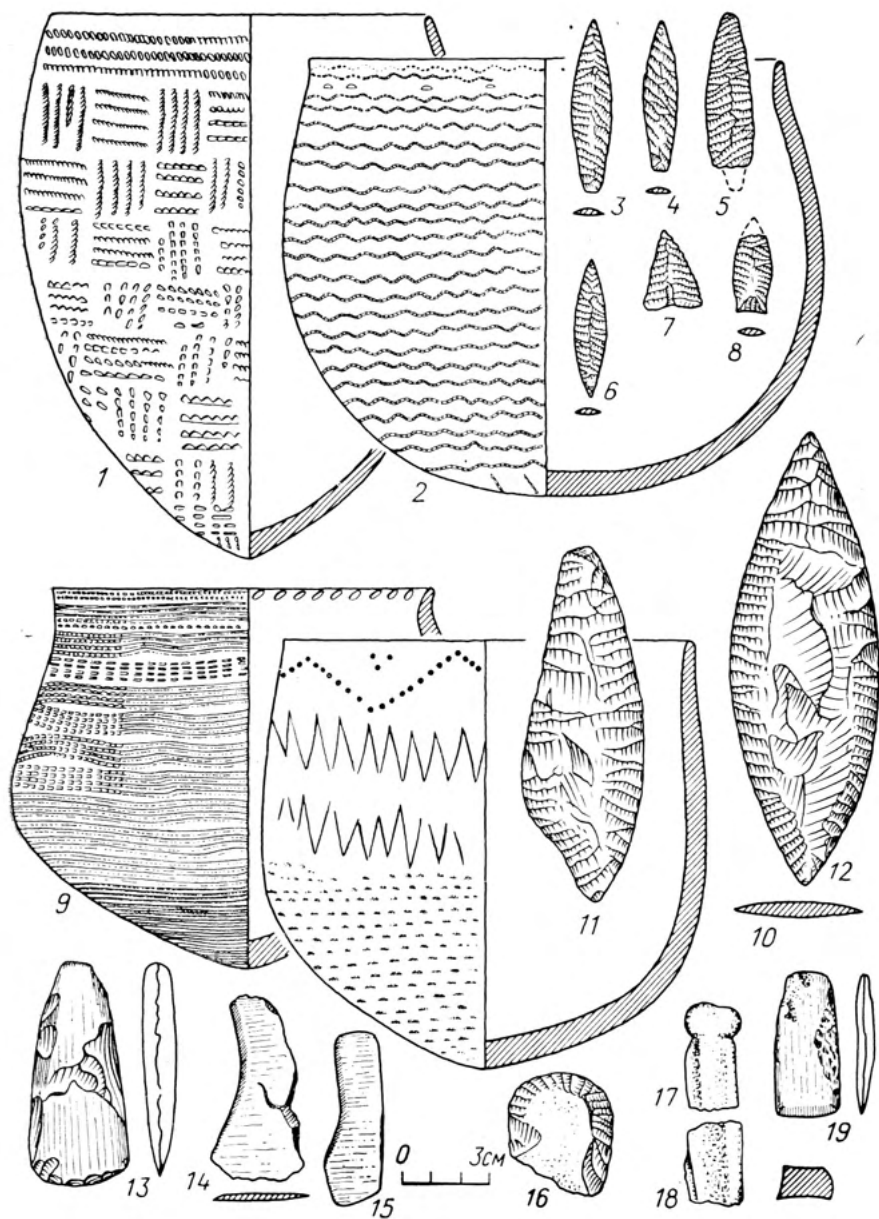

Рис. 19. Энеолит. Томско-чулымский регион. Керамика и производственный инвентарь Самусьского могильника

1, 2, 9, 10 — глина; остальное — камень

бенки (рис. 19, 9); в) низкая круглодонная чаша, орнаментированная рядами насечек; г) остродонный конусовидный сосуд без орнамента⁹².

В тесте присутствует примесь песка, иногда, видимо, мелкой дресвы. Орнаментальная композиция весьма однообразна и сводится обычно к заполнению поверхности сосудов одним видом узора: волной (рис. 19, 2), псевдоплетенкой (рис. 19, 1), рядами отступающей гребенки (рис. 19, 9) и др. Примечательно, что из 11 сосудов Самусьского могильника трудно подобрать два, похожих по форме и орнаменту. Однако столь необычная разнотипность — во многом кажущаяся. Все эти сосуды близки между собой по трем основным признакам: отсутствие гребенчатого штампа; характерность отступающей техники нанесения орнамента; типичность архаичных «ранненеолитических» орнаментальных мотивов — волны, псевдоплетенки и др. Аналогичные особенности присущи керамике Новокусковской стоянки и других одновременных памятников Среднего и Верхнего Приобья (ранний комплекс поселения Большой Ларьяк II⁹³, Кипринская стоянка⁹⁴ и др.), с тем лишь отличием, что на окраинах ареала встречаются черепки с отпечатками гребенчатого штампа.

Каменный инвентарь памятников новокусковского этапа включает наконечники стрел, скребки, ножи, топоровидные орудия разных форм и некоторые другие изделия (рис. 19, 3—8, 11—19; 20, 15—36). Среди наконечников стрел Самусьского могильника преобладают удлинённые листовидные формы (рис. 19, 3, 4, 6). Встречаются также укороченные наконечники с выемкой в основании (рис. 19, 7, 8) и удлинённые с черешком (рис. 19, 5). Для Новокусковской стоянки, напротив, более характерны укороченные наконечники с выемкой в основании (рис. 20, 15—19). Для Кипринской стоянки, где был найден 41 наконечник стрел, судя по статистическим подсчетам В. И. Молодина, в одинаковой мере характерна та и другая форма⁹⁵. Скребки делались на отщепах, рабочая часть их, как правило, округлой формы (рис. 19, 16; 20, 35). В Самусьском могильнике найдено более десятка топоровидных и долотовидных каменных орудий; они в большинстве своем невелики и имеют слегка приостренный обухок (рис. 19, 13, 19). Встречены массивный удлинённый пест и такое же по пропорциям тесловидное орудие⁹⁶.

Каменные ножи новокусковского этапа делятся на несколько типов. В целом преобладают широкие листовидные формы (рис. 20, 25—28)⁹⁷. В Самусьском могильнике найден крупный, прекрасно обработанный асимметричный нож (рис. 19, 11), на Новокусковской стоянке собрано несколько ретушированных по всей поверхности четырехугольных вкладышей (рис. 20, 23, 24). Интересны шлифованные однолезвийные ножи из нефрита и из зеленоватого под нефрит сланца, с заточенным рабочим краем. Четыре таких ножа обнаружены в Самусьском могильнике (рис. 19, 14, 15), два — на Новокусковской стоянке (рис. 20, 29, 30). Близкие аналогии им мы находим в серовских и глазковских погребениях.

⁹² Матющенко В. И., 1960а, табл. 2, 6, 8; Косарев М. Ф., 1974а, рис. 4, 1, 2.

⁹³ Посредников В. А., 1973а, рис. 2.

⁹⁴ Комарова М. Н., 1956; Молодин В. И., 1975а, с. 12; 1977, табл. XI; XII; XIII, 2.

⁹⁵ Молодин В. И., 1977, с. 22—23; табл. XIV, 11, 12.

⁹⁶ Косарев М. Ф., 1974а, рис. 5, 13, 14.

⁹⁷ Там же, рис. 6, 24, 25.

Рис. 20. Энеолит. Томско-чулымский регион. Новокусовский этап. Керамика и производственный инвентарь

1—6, 8, 25, 31, 36 — Самусьский могильник; 7, 9—24, 26—30, 32—35 — Новокусовская стоянка, 1—14 — глина; остальное — камень

ниях Прибайкалья⁹⁸. Семь похожих ножей встречено на Кипринской стоянке⁹⁹.

Как видно из изложенного, основная масса инвентаря характеризует охотничьи занятия. К числу рыболовческих орудий относятся найденные в Самусьском могильнике каменные стерженьки из рыболовных крючков¹⁰⁰. Они напоминают каменные стерженьки из серовских и глазковских могил¹⁰¹. Надо полагать, что население, оставившее керамику новокусовского типа, знало и другие способы ловли рыбы, в том числе сетью. На некоторых черепках из Самусьского могильника отчетливо видны отпечатки мелкочаечистой сети (рис. 20, 2). Грузила для сетей пока не найдены. Возможно, В. И. Матющенко прав, предполагая, что в качестве грузил могла использоваться необработанная галька¹⁰².

Жилища этого времени в Верхнем и Томско-Нарымском Приобье не исследованы.

О погребальном обряде населения, оставившего памятники новокусовского типа, можно судить по материалам Самусьского могильника, где В. И. Матющенко исследовал 16 могил¹⁰³. Покойников хоронили в неглубоких (от 0,45 до 0,95 м) грунтовых ямах. Лишь в одном случае глубина ямы превышала 1 м (могила 9). Наиболее распространенная ориентировка могильных ям: север—юг. Одна могила была вытянута с запада на восток (могила 2), три — с северо-востока на юго-запад. Кости почти не сохранились. В восьми могилах зафиксировано трупосожжение или присутствие огня. Погребения со следами огня сопровождались охрой. Шесть могил содержали лишь керамику, в шести наличествовал каменный инвентарь, но отсутствовала посуда. Характер материала позволяет предполагать, что часть вещей, а иногда почти весь погребальный инвентарь клали не в могилу, а рядом на поверхности. Подобный обряд известен и в более позднее время (например, в Ростовкинском могильнике эпохи бронзы). Помещение части вещей около могилы отмечено этнографами практически для всех сибирских аборигенов.

Одно погребение этого времени было исследовано Т. Н. Троицкой на верхней Оби у Ордынского залива. Костяк обнаружен в грунтовой могиле на глубине 57 см. Он лежал на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток; верхняя часть скелета была присыпана слоем угля толщиной 19 см. Слева от черепа находился плоскодонный баночный сосуд новокусовского типа. У правой руки лежали шесть отщепов, ножевидные пластины, обработанные с двух сторон грубой ретушью, и три подвески из зубов животных; в области таза обнаружены четыре зуба медведя¹⁰⁴.

Давая общую оценку культурной специфике памятников новокусовского этапа, еще раз напомним, что по некоторым особенностям — прежде всего, по облику керамики и по своеобразию орнаментального комплекса — памятники новокусовского типа обнаруживают явные признаки генетической близости ранним памятникам автохтон-

⁹⁸ Окладников А. П., 1955, табл. II.

⁹⁹ Молодин В. И., 1977, с. 22.

¹⁰⁰ Косарев М. Ф., 1974а, рис. 5, 5, 6.

¹⁰¹ Окладников А. П., 1955, рис. 16, II, 12; 35, 5 и др.

¹⁰² Матющенко В. И., 1973а, с. 78.

¹⁰³ Матющенко В. И., 1961а.

¹⁰⁴ Молодин В. И., 1977, с. 23; табл. 15, I.

ных восточноуральских культур. Видимо, «верхнеобская» (новокусковская) общность выросла на основе более широкой и более древней общности, которая простиралась некогда до Урала. Впоследствии, когда в ишимо-иртышской части Западной Сибири утвердилось население с гребенчато-ямочной керамикой, восточная часть этой общности оказалась изолированной и продолжала развивать автохтонные культурные традиции.

При определении хронологических рамок новокусковского этапа обратимся к Самусьскому могильнику, где вещи и керамика найдены в одних погребальных комплексах. В. И. Матющенко отнес этот могильник к неолитической эпохе. Он исходил из двух положений: а) в могильнике не встречены металлические вещи; б) все датирующие предметы из могильника будто бы находят аналогии только в неолитических памятниках¹⁰⁵.

Первый пункт его аргументации носит слишком формальный и прямолинейный характер. Даже в погребениях окуневской и андроновской культур эпохи бронзы металлические вещи встречаются не так уж часто. Что касается второго пункта, то остается непонятным, почему В. И. Матющенко считает свидетельством неолитической принадлежности Самусьского могильника и одновременных ему памятников каменные утюжки, вкладышевые ножи, каменные «выпрямители древков стрел», украшения из кабаньих клыков и др.¹⁰⁶ Общеизвестно, что все эти категории вещей существовали в широком хронологическом диапазоне, в том числе в эпоху раннего металла и на первых этапах бронзового века¹⁰⁷.

В. И. Матющенко упускает из виду, что эпоху раннего металла не следует понимать только с точки зрения степени распространенности медных и бронзовых изделий. К решению этой проблемы мы должны подходить с учетом характера материала в целом: облика керамики, наличия в ее форме и орнаменте признаков, обычных для посуды эпохи металла, состояния каменной индустрии, а также признаков, свидетельствующих об использовании местным населением металлических орудий (независимо от того, местные они или привозные), и т. д. Следует учитывать также исторический аспект подхода к проблеме. Насколько можно судить по материалам, накопленным главным образом в Нижнем Притоболье, характеризующее время на юге Западной Сибири предвосхитило и другие черты бронзового века: именно в этот период наблюдается упрочение оседлости (в связи с возрастанием роли рыболовства), усиление южных связей, сложение предпосылок для перехода к производящей экономике.

Мы уже отмечали выше, что керамику Самусьского могильника характеризует разнотипность форм сосудов (острые, округлые, уплощенные и плоские днища, закрытые и отогнутые венчики и т. д.). Такая нестандартность бывает характерна для рубежа разных археологических эпох. В данном случае совершался переход от каменного века к эпохе металла, в соответствии с чем на территории Западной Сибири шел па-

¹⁰⁵ Матющенко В. И., 1973а, с. 97 и сл.

¹⁰⁶ Там же, с. 104—105.

¹⁰⁷ См., например: Окладников А. П.,

1955, рис. 22, с. 301; Матюшин Г. Н.,
Красновская Л. В. и др., 1973, с. 181.

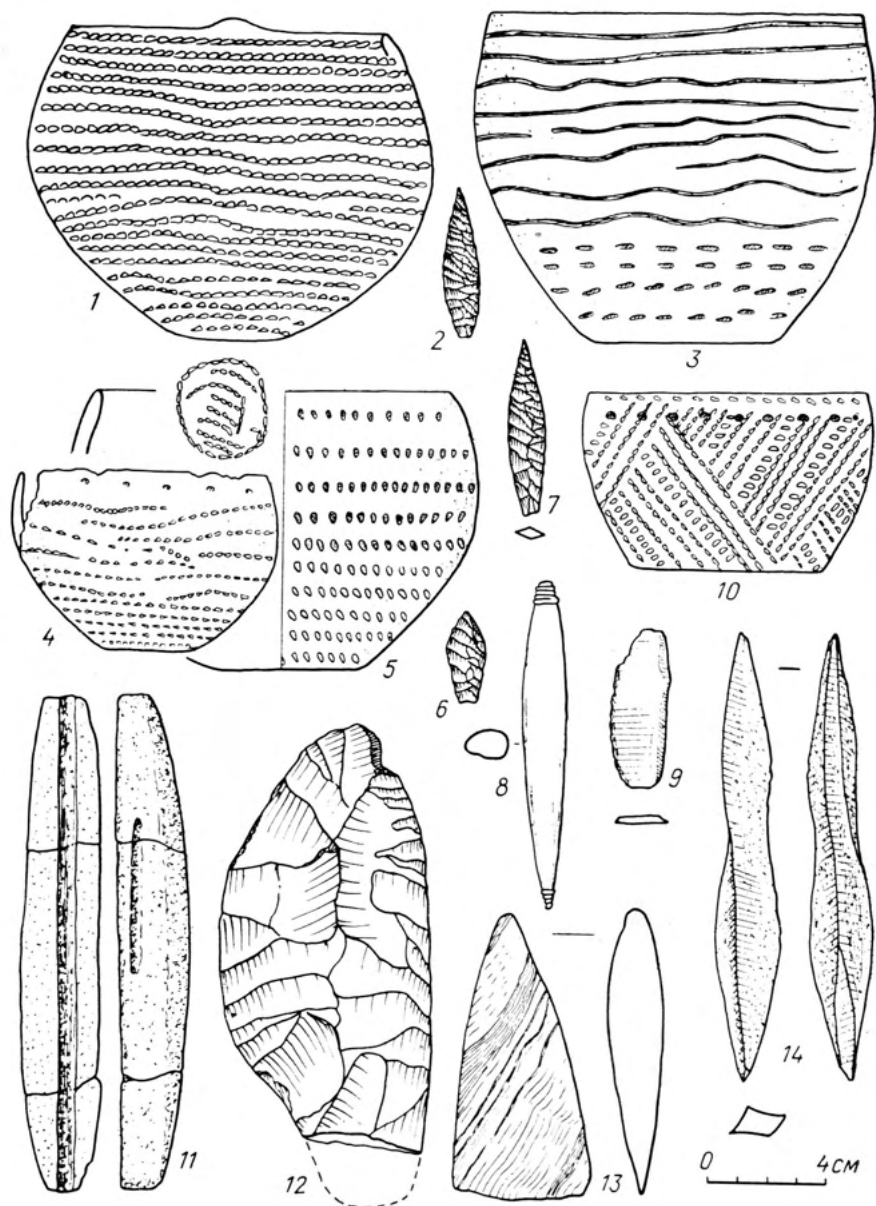

Рис. 21. Эпоха ранней бронзы. Томско-чулымский регион. Игарковский этап. Керамика и производственный инвентарь

1 — Игарков Остров; 2, 3, 6—14 — могильник на Мусульманском кладбище; 4 — Томский могильник на Большом Мысе; 5 — Томский могильник на Малом Мысе. 1, 3—5, 10 — глина; остальное — камень

параллельный процесс эволюции глиняной посуды от остродонной и круглодонной к плоскодонной.

Очень интересно широкое распространение на новокусковском этапе шлифованных ножей из нефрита и других пород, которые по форме и манере заточки напоминают простейшие металлические ножи. Появление в это время оселков-точилец (рис. 19, 17, 18; 20, 31—33) — независимо от того, предназначались они для заточки металлических изделий или их каменных подобий — является признаком новой эпохи. Обращает на себя внимание присутствие в керамике Самусьского могильника и Новокусковской стоянки некоторых элементов, свидетельствующих о сходстве с липчинской посудой Нижнего Притоболья: характерность ложношпуровой орнаментации (см., например, рис. 19, 1; 20, 1, 10, 11, 13) и наличие в некоторых случаях вертикальной разбивки орнаментального поля (рис. 20, 3). В. И. Молодин вслед за М. Н. Комаровой справедливо отметил сходство орнаментации посуды Кипринской стоянки и нижнего (липчинского) слоя VI разреза Горбуновского торфяника, свидетельствующее, по их мнению, об одновременности и известной культурной близости этих двух памятников¹⁰⁸. Липчинская энеолитическая культура датируется сейчас второй половиной III тысячелетия до н. э., возможно, с заходом в начало II тысячелетия до н. э. Думается, что приблизительно в этих же пределах уместается время существования Самусьского могильника и других памятников новокусковского этапа в Верхнем и Томско-Нарымском Приобье.

Игрековский этап. К настоящему времени исследовано более десяти памятников этого этапа — стоянки Новокусковская (раскопки В. И. Матющенко, 1954 г.; Западносибирской экспедиции, 1966 г.), Шайтанка III (раскопки Западносибирской экспедиции, 1968 г.), Игреков Остров I, II (раскопки Г. В. Ложниковой, 1971—1972 гг.), Могильники I (раскопки В. И. Матющенко, 1962 г.), могильник на Мусульманском кладбище (раскопки А. П. Дульзона, 1955—1956 гг.), ранние погребения на Большом Мысе (раскопки А. В. Андрианова, 1887 г.) и др. Все известные памятники игрековского типа находятся в Томско-Нарымском Приобье — в правобережной его половине. В левобережной части Нарымского Приобья в это время, судя по работам Ю. Ф. Кирюшина, локализовалась другая культура, тяготеющая к гребенчато-ямочной культурной общности¹⁰⁹. Что касается Верхнего Приобья, то оно в это время было втянуто в круг лесостепных влияний, которые привели позже к распространению там памятников кротовского типа, которые, видимо, частично синхронны игрековским Томско-Нарымского Приобья.

Керамика игрековского типа имеет закрытую баночную форму и плоское дно (рис. 21, 1, 3—5, 10; 22, 2—6, 8, 10)¹¹⁰. В тесте характерна примесь песка. Орнамент наносился отступающей лопаточкой, мелкими насечками, прочерченными линиями. Гребенчатый штамп практически не употреблялся, во всяком случае в однослойных игрековских памятниках. Например, в больших керамических коллекциях могильника на Мусульманском кладбище и Шайтанской III стоянки он не был встре-

¹⁰⁸ Молодин В. И., 1977, с. 24.

¹⁰⁹ Кирюшин Ю. Ф., 1973а.

¹¹⁰ Матющенко В. И., 1973а, рис. 18; 19; 20, 1.

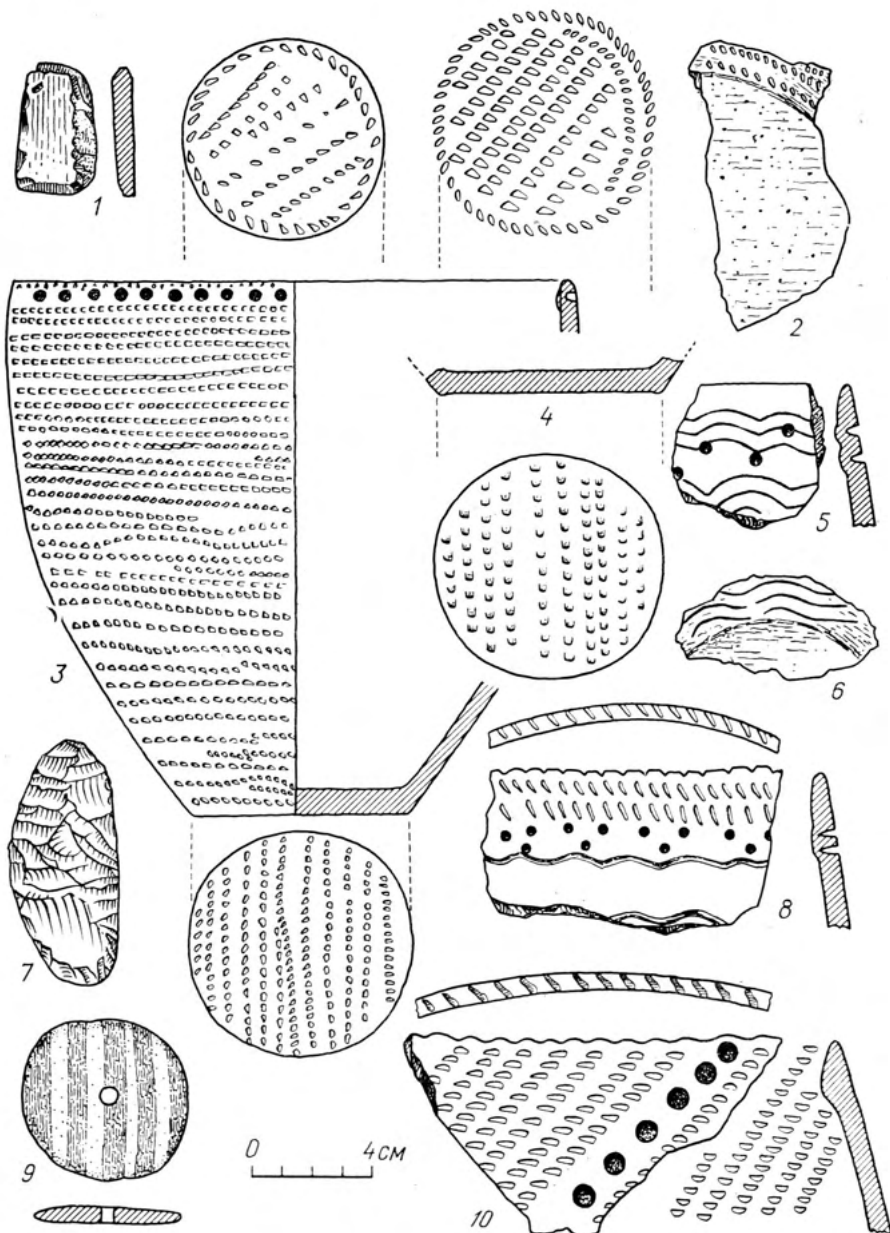

Рис. 22. Эпоха ранней бронзы. Керамика и производственный инвентарь изгрековского этапа из разных мест Томско-Нарымского Приобья

1, 3, 4 — Шайтанка III; 2, 5, 6, 8, 10 — Новокусовская стоянка; 7, 9 — могильник на Мусульманском кладбище. 1, 7, 9 — камень; остальное — глина

чен ни разу. Боковая поверхность сосудов украшалась обычно одним узором — рядами насечек (рис. 21, 5), линиями из отступающей лопаточки (рис. 21, 1; 22, 3), сплошными взаимопроникающими треугольными зонами и т. д. Характерны волнистые узоры (рис. 22, 5, 6, 8)¹¹¹. Порой орнамент одного сосуда выполнен двумя способами: например, прочерченные линии в верхней половине сосуда и ряды насечек в придонной части (рис. 21, 3). Иногда поверхность сосудов покрывалась частыми наклонными рядами каплевидных ямок (рис. 22, 4, 10)¹¹². Днища орнаментировались довольно редко. В могильнике на Мусульманском кладбище лишь два (из 34) сосуда имеют орнаментированные днища — в виде взаимопересекающихся полос¹¹³. На более северных памятниках орнаментированные днища встречаются чаще. Так, у сосудов Шайтанской III стоянки украшалась обычно не только внешняя, но и внутренняя часть дна (рис. 22, 3, 4).

О характере производственного инвентаря игрековских памятников с наибольшей полнотой позволяют судить каменные орудия могильника на Мусульманском кладбище. Они близки орудиям Самусьского могильника: удлинённые шлифованные тесла, небольшие топорики с приостренным обушком (рис. 21, 13), листовидные и ланцетовидные каменные наконечники стрел (рис. 21, 2, 7), специфический асимметричный нож с выделенной рукоятью (рис. 21, 12), шлифованный нож с заточенным лезвием (рис. 21, 9), песчаниковые точильца, сильно сточенные со всех сторон (рис. 21, 14) и др.¹¹⁴ И в Самусьском могильнике, и в могильнике на Мусульманском кладбище встречено также по одной каменной скульптуре медведя, близких по величине и стилю изображения¹¹⁵.

Основная масса орудий связана с охотничьим промыслом. Из рыболовческого инвентаря можно назвать лишь каменные стерженьки для составных крючков. Они имеют удлинённую биконическую форму, желобчатую выемку вдоль одной стороны и круговые вырезы на концах. Подобные стержни были найдены, в частности, в могильнике на Мусульманском кладбище (рис. 21, 8) и на стоянке Могильники I¹¹⁶. Довольно близкие аналогии им мы знаем в глазковских погребениях¹¹⁷.

О жилищах игрековского этапа в Томско-Нарымском Приобье пока нет достоверных данных.

Погребальный обряд этого времени известен по материалам могильника на Мусульманском кладбище и Томского могильника на Большом Мысе. В могильнике на Мусульманском кладбище вскрыто 30 погребений. Ритуал захоронения во многом близок погребальному обряду Самусьского могильника. Все погребения — грунтовые. Глубина могильных ям колеблется от 0,3 до 1 м. Костяки почти не сохранились. Для трех погребений установлено положение покойников. Они лежали на правом боку, с подогнутыми ногами, причем ориентировка была различной: го-

¹¹¹ Косарев М. Ф., 1974а, рис. 18, 1—6.

¹¹² Белокобыльский Ю. Г., Матющенко В. И., 1969, табл. 2, 1; 4, 1.

¹¹³ Косарев М. Ф., 1974а, рис. 19, 5; 20, 4.

¹¹⁴ Там же, рис. 21.

¹¹⁵ Там же, рис. 6, 36; 20, 9.

¹¹⁶ Белокобыльский Ю. Г., Матющенко В. И., 1969, табл. 3, 4, 5.

¹¹⁷ Окладников А. П., 1955, рис. 33.

ловой на восток (могила № 1), головой на запад (могила № 15) и головой на север (могила 22).

В 22 определенных случаях направление могильных ям было следующим: восток—запад (четыре могилы), северо-восток—юго-запад (10 могил), север-северо-восток—юг-юго-запад (пять могил), север—юг (три могилы). Таким образом, ориентировка не была постоянной. Этому как будто противоречит ориентация могильных ям на Большом Мысе: по дневникам А. В. Адрианова все восемь могил были вытянуты с севера на юг. Однако раскопки Томского могильника на Большом Мысе проводились в 1887 г.; они плохо документированы, и судить об истинном положении дел по отрывочным дневниковым записям весьма затруднительно. Все восемь захоронений на Большом Мысе, согласно данным А. В. Адрианова, были совершены по обряду трупосожжения. Не исключено, однако, что А. В. Адрианов квалифицировал как трупосожжения все погребения, где наблюдались следы огня. В могильнике на Мусульманском кладбище отмечено лишь одно трупосожжение; в 17 могилах обнаружены следы огня. Охра встречена в одном случае (могила 7). Сосуды обнаружены в 19 погребениях, причем в четырех (2, 12, 19, 30) находилась только посуда. В остальных могилах был лишь каменный инвентарь.

Игрековская посуда в типологическом отношении выглядит позже новокукусовской. Плоскодонная баночная керамика в Западной Сибири и на Енисее приобрела господствующее положение в эпоху ранней бронзы (одиновские, вишневские, окуневские памятники). Интересно, что в Степановском могильнике (Васюганье), сосуды которого по форме и орнаменту весьма близки керамике могильника на Мусульманском кладбище, Ю. Ф. Кирюшин обнаружил обломок бронзового предмета¹¹⁸. Во время моих раскопок на Новокукусовской стоянке на участке, где присутствовала керамика игрековского типа, собраны обломки глиняной литейной чаши со следами ошлакованной бронзы на поверхности. Эти факты, как и характер аналогий (например, с глазковскими материалами по отдельным специфическим изделиям, с одиновскими и вишневскими по форме сосудов и др.), не позволяют относить игрековские памятники к III тысячелетию до н. э. Мне представляется, что памятники игрековского типа в общем синхронны Одиновскому поселению в лесостепном Поишимье и стоянке Вишневка I в Северном Казахстане, т. е. относятся примерно к первой трети II тысячелетия до н. э. либо к XVIII—XVII вв. до н. э.

Заключая характеристику игрековского этапа, отметим одно несколько странное обстоятельство. При сходстве материалов Самусьского могильника и могильника на Мусульманском кладбище (особенно по каменным изделиям) бросается в глаза некоторая чуждость игрековской керамики местной (самусьской) традиции в изготовлении и орнаментации посуды. В генетическом отношении игрековская керамика менее сопоставима с посудой самусьской культуры (эпоха развитой бронзы), чем более древняя новокукусовская керамика. Новокукусовскую керамику и посуду самусьской культуры сближает не только орнамент

¹¹⁸ Кирюшин Ю. Ф., 1972, с. 282.

(преобладание отступающей техники выполнения узоров, характерности псевдоплетенки, сходная манера композиционного построения орнамента) но и форма (разная степень профилированности стенок, наличие горшковидной формы и пр.). В игрековской керамике наблюдается ряд черт, несвойственных новокузковской и самусьской посуде, например: орнаментация всей боковой поверхности рядами насечек (рис. 21, 5)¹¹⁹, украшение сосудов наклонными рядами линий, выполненных отпечатками или протягиванием лопаточки (рис. 22, 4, 10) и др. В то же время эти орнаментальные особенности характерны для окуневской керамики Хакасско-Минусинской котловины¹²⁰. Мне кажется, что в начальный период освоения окуневцами верхнего Енисея часть окуневского (или родственного окуневцам) населения продвинулась довольно далеко на запад, в юго-восточное Приобье. Аналогичное явление отмечает В. И. Молодин для Новосибирского Приобья в связи с распространением здесь в начале бронзового века своеобразной глиняной посуды, «сопоставимой с керамикой окуневской культуры»¹²¹.

* * *

Таким образом, на территории Зауралья и Западной Сибири в переходное время от неолита к бронзовому веку существовало несколько групп памятников, различающихся прежде всего по керамике и орнаментации. Локализация известных для этого времени орнаментальных (культурных) комплексов выглядит примерно следующим образом. В Зауралье и Нижнем Притоболье: кошкинский (конец неолита), боборыкский, липчинский (энеолит), относящиеся к линейно-накольчатой и отступающе-накольчатой орнаментальной традиции; сосновоостровский (конец неолита), шапкульский (энеолит), характеризующие гребенчатую орнаментальную традицию. В лесостепном и таежном Ишиме-Иртыше, включая Тюменское Притоболье: екатерининский (конец неолита), байрыкский (поздний неолит, энеолит), открывающие один из ранних этапов гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. В Верхнем и Среднем Приобье — завьяловский (поздний неолит)¹²², новокузковский (энеолит), характеризующие восточный вариант линейно-накольчатой и отступающе-накольчатой орнаментальной традиции (рис. 23).

В пограничье очерченных ареалов заметен начинающийся процесс смешения разных орнаментальных традиций, что наблюдается, например, в орнаментации керамики артынского типа Верхнего и Среднего Прииртышья, отдельных разновидностей шапкульской и липчинской посуды Нижнего Притоболья.

В эпоху ранней бронзы этнокультурная карта исследуемой территории была не менее пестрой (рис. 24). В свердловско-тагильском регионе гребенчатая орнаментация окончательно трансформируется в традицию

¹¹⁹ Косарев М. Ф., 1974а, рис. 19, 2, 4—6; 20, 2, 5.

¹²⁰ Комарова М. Н., 1947, рис. 5; 6, 1, 2, 5, 8, 9 и др.

¹²¹ Молодин В. И., 1975а, с. 22.

¹²² В настоящей работе не рассматривался: См.: Молодин В. И., 1977, табл. I—IV.

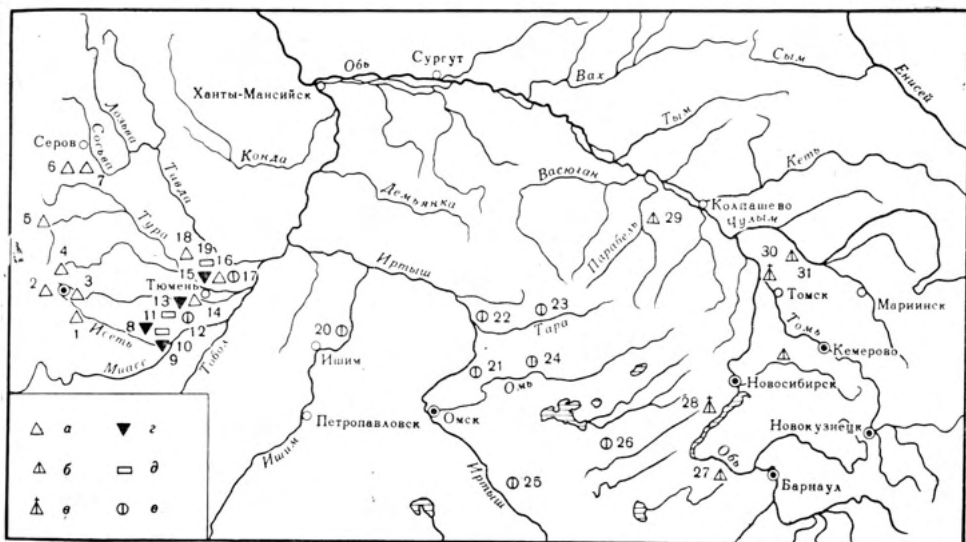

Рис. 23. Важнейшие энеолитические памятники предтаежной и южнотаежной полосы Восточного Зауралья и Западной Сибири

а — поселения липчинской культуры; б — поселения новокусовского этапа; в — могильники новокусовского этапа; г — поселения боборыкинской культуры; д — поселения шапкульского типа; е — поселения с гребенчато-ямочной керамикой.

1 — Карасье II озеро; 2 — Палкинские стоянки; 3 — Карасье I озеро; 4 — Аятские I, II поселения; 5 — Горбуновский торфяник; 6 — Юрьинская IV стоянка и Кокшаровское I поселение; 7 — Моршининская стоянка; 8 — Боборыкино II; 9, 10 — Ташково I; 11 — Козлов Мыс I и уча-

сток VIII южного берега Андреевского озера; 12, 14 — раскоп VI северного берега Андреевского озера; 13 — участок IX, XII, XV южного берега Андреевского озера; 15 — Байрык ID; 16 — Ипкуль I; 17 — Байрык-Иска I; 18 — Липчинская стоянка; 19 — Шапкуль I и Малый Барашек; 20 — Ир II; 21 — Артын; 22 — Екатерининка; 23 — Кыштовка I; 24 — Венгерово III; 25 — Пеньки I, II; 26 — Шиловкурынская стоянка; 27 — Киприно; 28 — Ордынские погребения; 29 — Малгет; 30 — Новокусовская стоянка; 31 — Самусьский могильник; 32 — Иния III

гребенчатого геометризма или в андронидную орнаментальную традицию, один из ранних этапов которой представлен в орнаментах аятской посуды. Гребенчатая традиция в более чистом виде продолжает жить в северных районах Зауралья. В Тюменское Притоболье приходит в это время уже в сложившемся виде ямочный орнаментальный комплекс, не давший начала новой орнаментальной традиции; он представлен на керамике андреевского типа, одновременной аятской. В лесостепном и таежном Тоболо-Ишимье, не заходя, видимо, южнее Тюменской обл., продолжает свое развитие гребенчато-ямочная орнаментальная традиция, прослеживаемая в орнаментации керамики памятников одиновского типа. В томско-чулымском регионе и отчасти в Нарымском Приобье наблюдается затухание линейно-накольчатой орнаментальной традиции и проникновение некоторых раннекуневских элементов орнамента, что достаточно хорошо прослеживается на керамике игрековских памятников. В Верхнем Приобье и Среднем Прииртышье происходит смешение элементов линейно-накольчатой и гребенчатой (отчасти, видимо, и гребенчато-

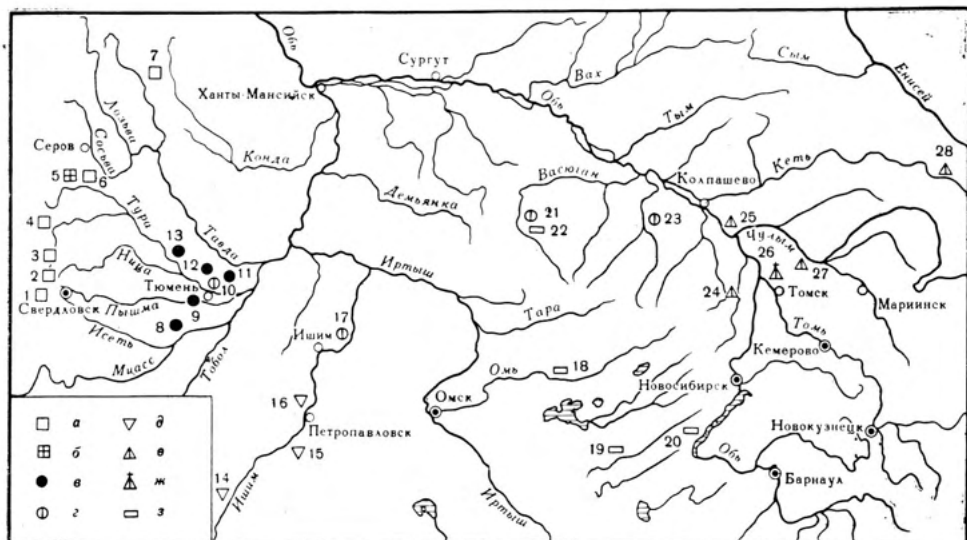

Рис. 24. Важнейшие памятники эпохи ранней бронзы предтаежной и южнотаежной полосы Восточного Зауралья и Западной Сибири

а — поселения аятского этапа; б — погребения аятского этапа; в — поселения с ямочной керамикой; г — поселения с гребенчато-ямочной керамикой; д — поселения с керамикой вишневого типа; е — поселения игрековского этапа; ж — могильники игрековского этапа; з — раннекротовские стоянки
 1 — Палкинские стоянки; 2 — Аятские I, II поселения; 3 — Шигирский торфяник; 4 — Горбуновский торфяник (Береговая I стоянка и VI разрез); 5 — Кокшаровское погребение; 6 — Кокшаровское I поселение; 7 — стоянка в верховьях Конды близ пос. Советский; 8 —

Ташково I; 9 — Андреевская II стоянка и участок XII южного берега Андреевского озера; 10 — Шапкуль VI; 11 — Шапкуль I и Малый Барашек; 12 — Ипкуль I, VIII; 13 — Липчинская стоянка; 14 — Петровка I; 15 — Карлуга I; 16 — Вишневка I, II; 17 — Одино; 18 — Преображенка III; 19 — Мелкое I; 20 — Усть-Алеус 7; 21, 22 — Тух-Эмтор; 23 — Малгет; 24 — Могильники I, II; 25 — Игреков остров; 26 — могильник на Старом мусульманском кладбище и могильник на Большом Мысе (ранние погребения); 27 — Новокусовская стоянка; 28 — Шайтанка III

ямочной) орнаментальных традиций, что приводит к сложению на рубеже раннего и развитого этапов бронзового века своеобразного кротовского орнаментального комплекса.

Глава IV

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

РАЗВИТОГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

(самусьско-сейминская эпоха)

Переход от эпохи ранней бронзы к развитому бронзовому веку в предтаежной и южнотаежной полосе Западной Сибири ознаменовался несколькими крупными историческими событиями. В это время в предта-

ежной зоне Западно-Сибирской равнины исчезают памятники с гребенчато-ямочной керамикой, а на их месте, на широких пространствах — от района Тюмени до юго-восточного Приобья, распространяются памятники самусьской культурной общности с посудой, в орнаментации которой господствуют элементы линейно-накольчатой и отступающе-накольчатой традиции (отступающая техника выполнения узоров, характерность волнистых линий, псевдооплетки, сплошных взаимопроникающих треугольных зон и т. д.). Одновременно наблюдается бурный расцвет бронзовой металлургии. В северной части западносибирского лесостепья и в таежном Обь-Иртыше в это время широко бытуют так называемые турбинско-сейминские типы бронзовых орудий — копья с вильчатым или ромбическим стержнем, кельты со своеобразным геометрическим орнаментом, дугообразные массивные ножи со скульптурным навершием на рукояти и другие изделия, свидетельствующие о высоком уровне металлообработки. Турбинско-сейминская (самусьско-сейминская) металлургия, прекрасно выполненные бронзовые изделия своеобразных типов придали особый колорит этому историческому периоду, который мы именуем самусьско-сейминской эпохой.

Западные пределы самусьской культурной общности доходили до Тюменского Притоболья. Свердловско-тагильский регион, хотя и вошел в сферу распространения турбинско-сейминских бронз, в целом сохранил свою культурную самобытность — там и в самусьско-сейминскую эпоху продолжает развиваться прежняя «андроноидная» культурная традиция, раннего этапа которой мы касались в начале предшествующей главы в связи с характеристикой комплексов аятского типа.

СВЕРДЛОВСКО-ТАГИЛЬСКИЙ РЕГИОН. КОПТЯКОВСКИЙ ЭТАП

В начале развитого бронзового века в Среднем Зауралье распространились памятники с керамикой коптяковского типа (поселения Коптяки V, Макуша, Разбойничий Остров, Калмацкий Брод, VI разрез Горбуновского торфяника и др.). Коптяковский тип посуды был впервые выделен К. В. Сальниковым¹. В наиболее чистом виде коптяковский керамический комплекс представлен на поселении Коптяки V (раскопки Н. Я. Рыжникова и О. Е. Клера в конце XIX в.). Посуда коптяковского типа имеет плоскодонную горшковидную форму (рис. 25; 26). В тесте характерна примесь талька. Обычна очень высокая, чуть отогнутая шейка; на месте стыковки шейки и тулова почти всегда обозначен четкий остро-реберный переход. Встречаются сосуды баночной формы (рис. 25, 6, 7). Венчик уплощенный. Орнамент наносился почти исключительно оттисками гребенки. Нередко использовалась широкозубая гребенка, напоминающая гусеничный штамп (рис. 26, 1, 4).

К. В. Сальников справедливо отмечает присутствие в коптяковских орнаментах черт, характерных, с одной стороны, для более ранней аятской посуды, с другой — для керамики андроновской эпохи (Черкаскуль II, Федоровский могильник и др.)². К числу признаков, знакомых нам

¹ Сальников К. В., 1964, рис. 2; с. 7—10.

² Сальников К. В., 1964, с. 7—10.

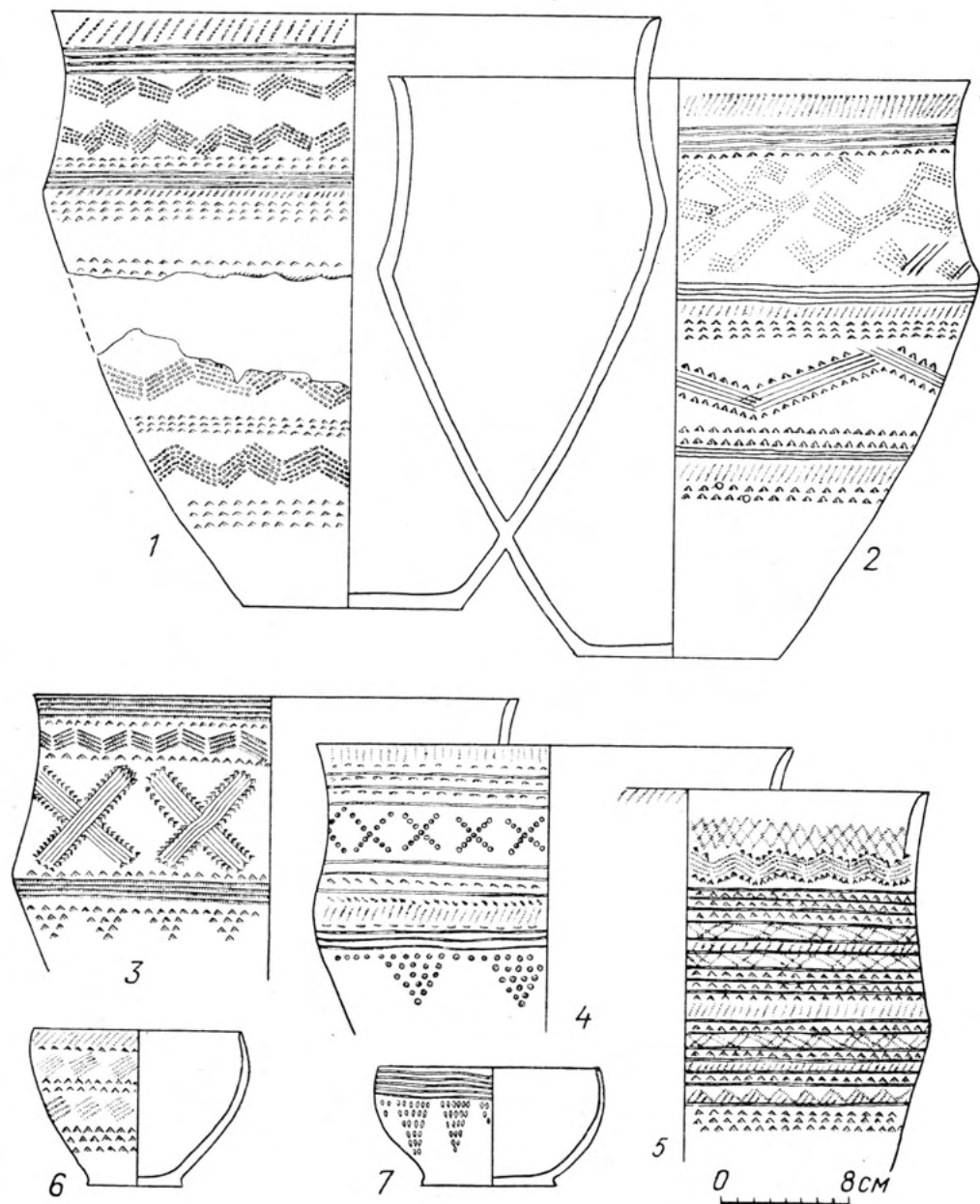

Рис. 25. Самусьско-сейминская эпоха. Свердловско-тагильский регион. Керамика коптяковского этапа

1, 2, 4—7 — Коптяки V; 3 — Коптяки II

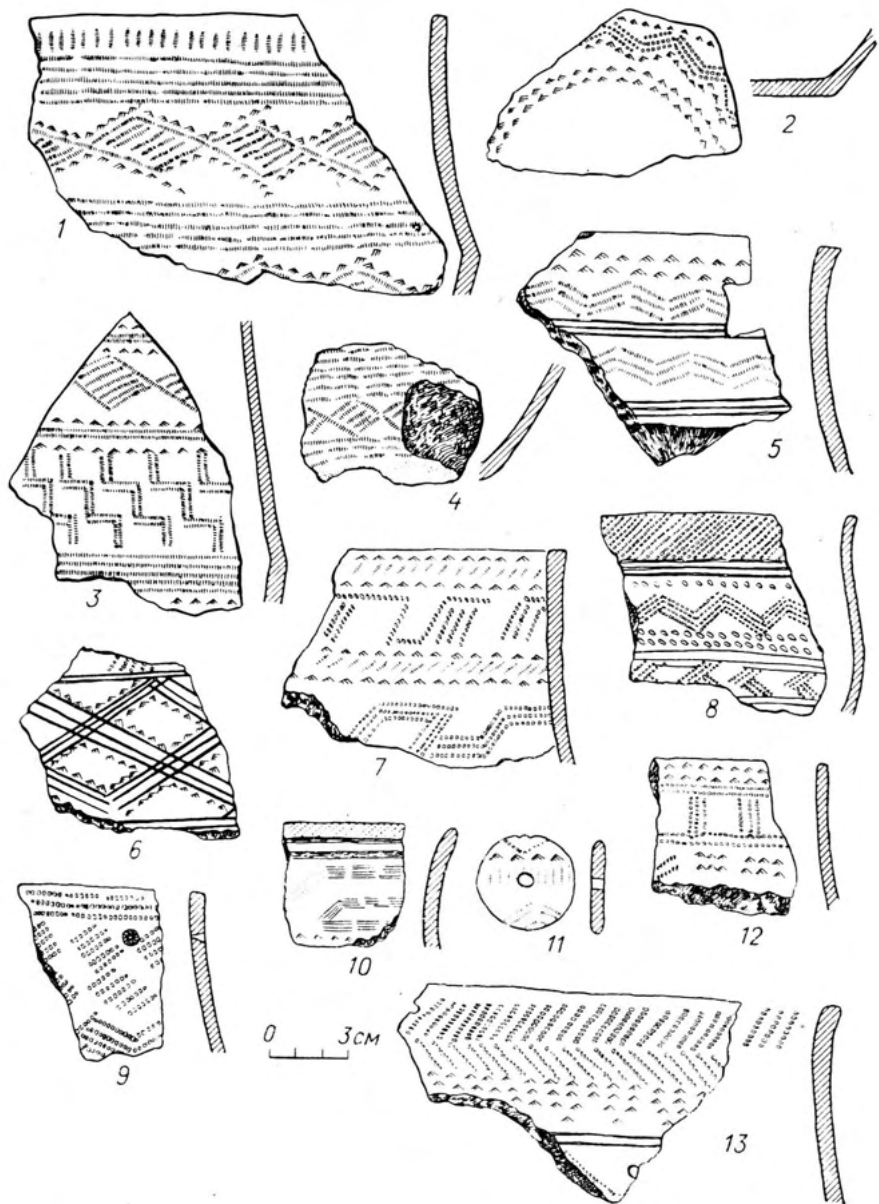

Рис. 26. Самусьско-сейминская эпоха. Свердловско-тагильский регион. Керамика коптяковского этапа

1, 4, 6—8, 13 — Коптяки V; 2 — Коптяки I; 3, 9, 12 — Коптяки II; 5 — Коптяки III; 10 — Карасье I озеро; 11 — Карасье II озеро

по аятской керамике, следует отнести, в частности, характер орнаментальной композиции: заполнение поверхности сосудов одинаковыми поясами узоров, отделенных друг от друга зигзагообразными полосами, горизонтальными цепочками ромбов, решетчатыми лентами или другими геометрическими рисунками (рис. 25, 1, 5, 6; ср. рис. 3—5); присутствие орнамента на внутренней стороне венчика (рис. 25, 5; 26, 15; ср. рис. 4, 4—7; 5, 1, 4) и др. К декоративным элементам, характерным для андроновской эпохи, относятся ряды параллельных желобчатых линий в верхней части сосудов (рис. 25, 1, 2, 4, 7 и др.), типичность угловых гребенчатых отпечатков (рис. 25, 1, 2, 3, 5, 6 и др.), присутствие ступенчатых фигур и других сложных геометрических узоров (рис. 25, 2, 3; 26, 3, 7) и т. д. При господстве гребенчатого штампа встречается прочерченная гребенка (рис. 25, 3; 26, 6, 10), желобчатые линии (рис. 25 и др.) и неглубокие ямочные вдавления, которыми выполнялись иногда треугольные фестоны в верхней половине тулова (рис. 25, 4, 7).

Видимо, К. В. Сальников прав, полагая, что появление в лесном Зауралье коптяковской керамики «не нужно связывать ни с проникновением, ни с влиянием андроновской культуры. Она возникла в лесном Зауралье самостоятельно, в процессе развития местной культуры предшествующего времени»³.

Коптяковская орнаментация является новым этапом развития так называемого андронидного орнаментального комплекса. Интересно, что к северу и западу геометризм идет на убыль. В северной половине Свердловской обл. (поселения Лая, Медведка и др.) и в Тюменском Притоболье (поселение Иркуль I и др.) встречается керамика, в форме и орнаменте которой мы наблюдаем некоторые коптяковские черты: острореберность сосудов, плоский срез венчика, характерность геометрических полос-разделителей (зигзаги, ромбы, треугольники), присутствие гусеничного штампа и т. д. (рис. 27). Здесь, видимо, обитало родственное коптяковцам население. Керамика, которой оно пользовалось, украшалась в основном в манере гребенчатой орнаментальной традиции; андронидный декоративный комплекс был выражен весьма слабо. Севернее Свердловской обл. керамика, орнаментированная в коптяковской геометрической манере, неизвестна. Раскопками Е. А. Васильева на поселении Малый Атлым на Оби между Ханты-Мансийском и Салехардом был выявлен большой комплекс керамики самусьско-сейминской эпохи, украшенной гребенчатым орнаментом, композиционное построение которого во многом аналогично орнаментации поздненеолитической (в частности, сосновостровской) посуды Среднего Зауралья⁴.

Орудия, которые можно связывать с коптяковской керамикой, немногочисленны. К. В. Сальников упоминает о находке на поселении Коптяки V плавильного горна, тигля и ложила из астрагала овцы⁵. Эти данные позволяют предполагать высокий уровень бронзолитейного производства у коптяковцев и знакомство их со скотоводством. Видимо, немаловажную роль в хозяйстве коптяковского населения играли охота и рыболовство. На поселении Иркуль I в Тюменском Притоболье в слое самусьско-сей-

³ Там же, с. 10.

⁴ Васильев Е. А., 1978, с. 213.

⁵ Сальников К. В., 1964, с. 10.

минской эпохи было немного керамики, похожей на коптяковскую (рис. 27, 6, 8); здесь же найдены биконические глиняные грузила. Хотя в целом этот тип грузил относится к более раннему времени, не исключено, что он доживает до развитых этапов бронзового века. В. Т. Юровская нашла подобные грузила в слое с керамикой эпохи бронзы (раскоп 5 участка VI южного берега Андреевского озера), причем сосуды этого комплекса по форме (острореберность) и орнаменту (характерность гребенчатых зигзагов, нанесение узоров прокатыванием гребенки) вызывают определенные коптяковские ассоциации⁶.

Возможно, к коптяковскому этапу относятся некоторые наконечники стрел Береговой I стоянки, где встречена керамика коптяковского типа: треугольные каменные наконечники с прямым основанием (рис. 28, 7) и черешковые с шипами (рис. 28, 8, 9). Подобные наконечники представлены в Сейминском могильнике⁷. К коптяковскому этапу принадлежат, скорее всего, и найденные на Береговой I стоянке овально-подтреугольные скребки, обработанные по всему краю (рис. 28, 10). Скребки подобной конфигурации встречены в Турбинском могильнике и на Самусьском IV поселении⁸.

Жилища и могильники коптяковского типа пока не изучены.

Хронологические рамки коптяковского этапа в лесном Зауралье определяются генетической близостью коптяковской керамики предшествующей аятской, с одной стороны (рис. 1а, 21—25), и черкаскульской и фedorовской — с другой (рис. 1а, 54—60), т. е. типологическим местом коптяковской орнаментации в развитии андронидного декоративного комплекса. Если согласиться с предложенной нами датой аятских памятников и учесть, что начало существования черкаскульских и андроновских (фedorовских) памятников никто из исследователей не ведет сейчас глубже XIII в. до н. э.⁹, то хронологические рамки коптяковского этапа определяются XVI—XIV или XVI—XIII вв. до н. э., т. е. примерно в пределах временного диапазона, отведенного К. В. Сальниковым для абашевской (баланбашской) культуры Южного Урала¹⁰. В этой связи обращает на себя внимание наличие ряда сходных черт в коптяковской и баланбашской посуде — острореберность, присутствие в орнаменте зигзагообразных гребенчатых полос и ступенчатых фигур, характерность горизонтальных ромбических поясов, выполненных гребенчатым штампом, и др.¹¹

Если считать острореберность сосудов в Тоболо-Иртыше хронологическим признаком, то раннюю коптяковскую керамику можно синхронизировать с петровской (раннеалакульской) Северного Казахстана, для которой острореберная форма является достаточно характерной¹². Этому не противоречит абсолютная дата петровских памятников (XVI—XV вв. до н. э. по Г. Б. Здановичу)¹³. Все эти хронологические данные в целом соответствуют датам, принятым для памятников и культур, предшествующих

⁶ Юровская В. Т., 1973, рис. 7.

⁷ Бадер О. Н., 1970б, рис. 60.

⁸ Бадер О. Н., 1964, рис. 96; Косарев М. Ф., 1974а, рис. 14, 21, 22.

⁹ См., например: Косарев М. Ф., 1965, с. 244; Стоколос В. С., 1972, с. 89, 95

и др.; Зданович Г. Б., 1975, с. 23; Молодин В. И., 1975а.

¹⁰ Сальников К. В., 1967, с. 109.

¹¹ Ср. там же, рис. 10—12.

¹² Зданович Г. Б., 1973, с. 26; рис. 2.

¹³ Зданович Г. Б., 1975, с. 21.

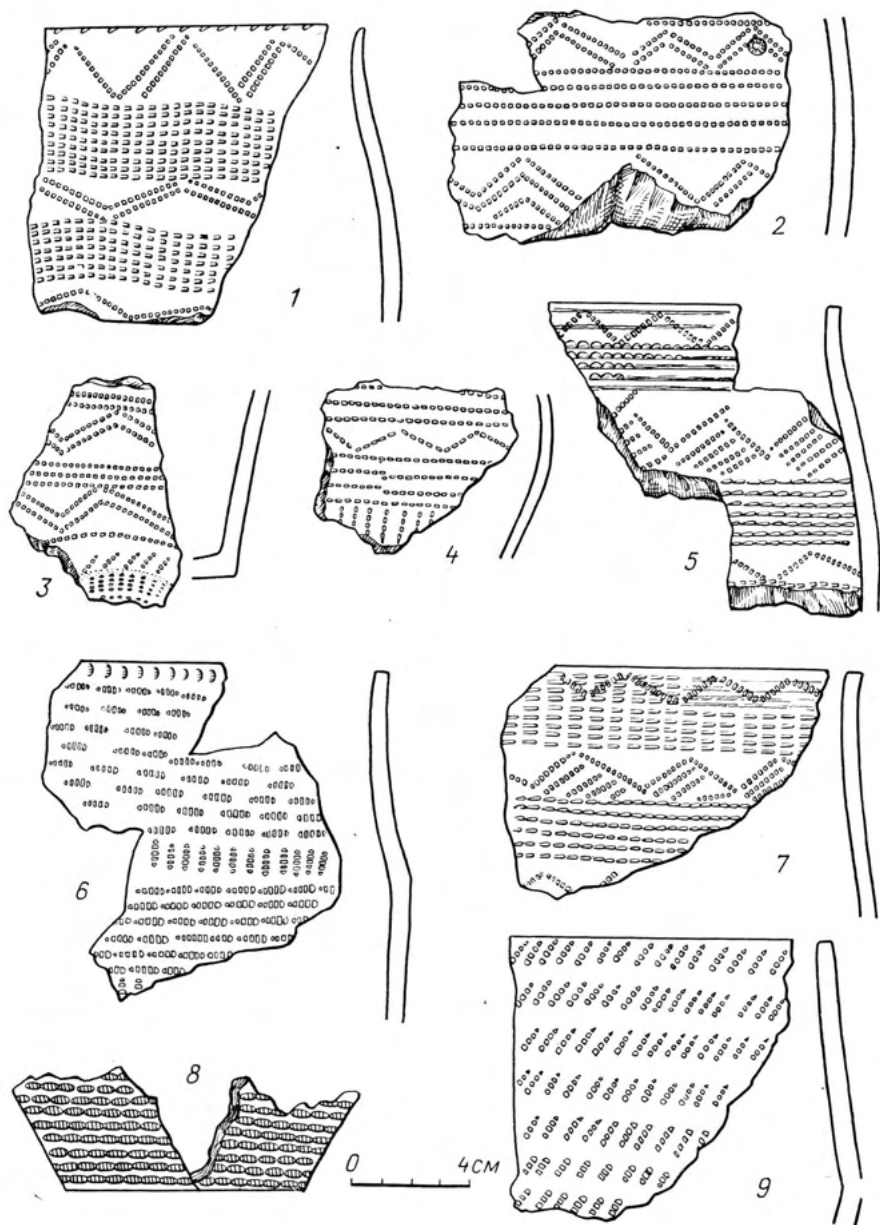

Рис. 27. Самусьско-сейминская эпоха. Керамика, украшенная в печатно-гребенчатой и отступающе-гребенчатой манере из северной и восточной окраин Нижнего Притобья
 1 — Шигирский торфяник; 2 — Береговая I стоянка; 3 — Липчинская стоянка; 4 — Байрык IБ;
 5, 7 — поселение Лая в окрестностях Нижнего Тагила; 6, 8, 9 — Ипкуль I

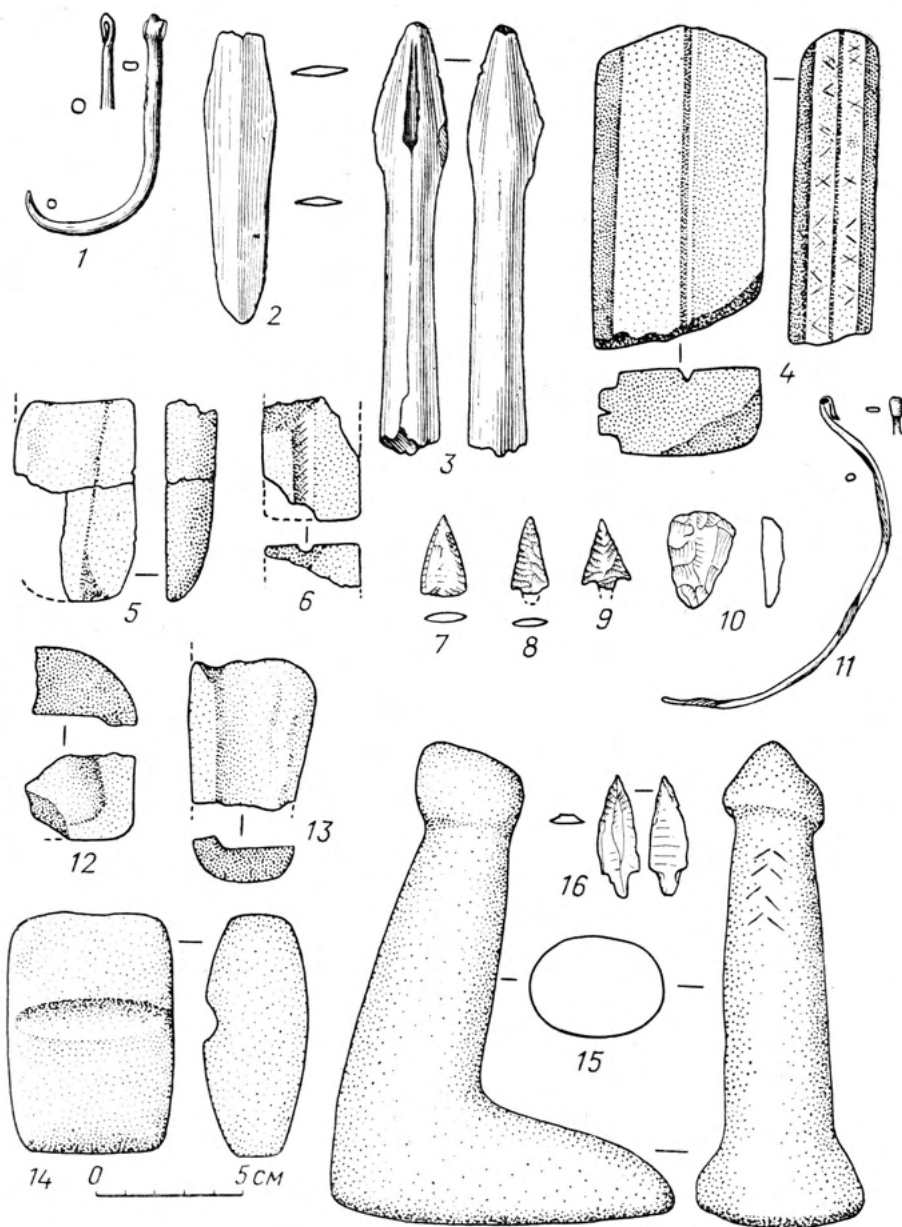

Рис. 28. Самусьско-сейминская эпоха. Нижнее Притоболье. Производственный инвентарь
 1, 16 — раскоп 5 участка VI южного берега Андреевского озера; 2 — оз. Исетское; 3 — оз. Шарташ;
 1, 14 — Калмацкий Брод; 5, 6, 12, 13 — Ипкуль I; 7—10 — Береговая I стоянка; 11 — Байрык IГ;
 15 — Свердловская обл. 1—3 — бронза; 5, 6, 12, 13 — глина; остальное — камень

щих периоду распространения на юге Западно-Сибирской равнины населения с керамикой андроновского (федоровского) типа.

Принадлежность коптяковских памятников к самусьско-сейминской эпохе подтверждается проникновением в местный орнаментальный комплекс свердловско-тагильского региона некоторых элементов самусьской орнаментальной традиции, в частности отступающей гребенки. Орнамент, выполненный отступающей гребенкой, встречен на керамике поселения Коптяки V; здесь же найден фрагмент коптяковского сосуда, украшенный поясом из псевдоплетенки¹⁴. Видимо, абашевское бронзовое копье с оз. Шарташ (рис. 28, 3) и каменный сапожковидный терочник самусьского типа из Свердловской обл. (рис. 28, 15) появились в лесном Зауралье в результате контактов коптяковцев с абашевским (баланбашским) и самусьским населением.

ТЮМЕНСКОЕ ПРИТОБОЛЬЕ.

ПОСЕЛЕНИЯ С ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНОЙ КЕРАМИКОЙ

(предсузгунский этап)

Посуда с гребенчато-ямочной орнаментацией, широко бытовавшая в неолите и на раннем этапе бронзового века в бассейнах Иртыша и Ишима, в том числе в лесостепной и отчасти степной зонах, в развитом бронзовом веке встречается лишь в таежной зоне — к северу от самусьской культурной общности. Для обозначения гребенчато-ямочного керамического комплекса этого времени в Тюменском Притоболье мы предлагаем термин «предсузгунский», ибо в дальнейшем, с распространением на южной окраине западносибирской тайги культур андроновской эпохи (сузгунской, еловской), гребенчато-ямочный орнаментальный комплекс в чистом виде здесь уже почти не встречается.

Гребенчато-ямочная керамика предсузгунского этапа в Тюменском Притоболье исследована на озерных поселениях бассейна р. Иски (Ипкуль I, VIII; Шапкуль VI — раскопки Западносибирской экспедиции, 1972—1973 гг.), а также на Андреевском озере (раскоп 1 участка X южного берега Андреевского озера и др. — раскопки В. Т. Юровской, 1970-е годы)¹⁵. Гребенчато-ямочная керамика этого времени типологически вычленяется на поселениях Малгет (раскопки Л. А. Чиндиной), Тенга (раскопки Е. А. Васильева) в Нарымском Притоболье, на Большеларьякском поселении в бассейне Ваха (раскопки В. А. Посредникова), на стоянках Южного Ямала (раскопки Л. П. Хлобыстина и Л. П. Лашука), в коллекции Р. Кольса, собранной им в устье Таза. Большая коллекция гребенчато-ямочной керамики этого времени выделена при обработке материала Самусьского IV поселения в низовьях р. Томи. Она имеет баночную, слегка профилированную форму; сосуды при общем сужении к дну, у самого днища нередко опять чуть расширяются, и поэтому плоскодонность выражена здесь более отчетливо, чем на гребенчато-ямочной керамике одиновского этапа. В тесте обычна примесь песка и шамота. Суще-

¹⁴ Сальников К. В., 1964, рис. 2, 3, 10. ¹⁵ Юровская В. Т., 1973, рис. 4.

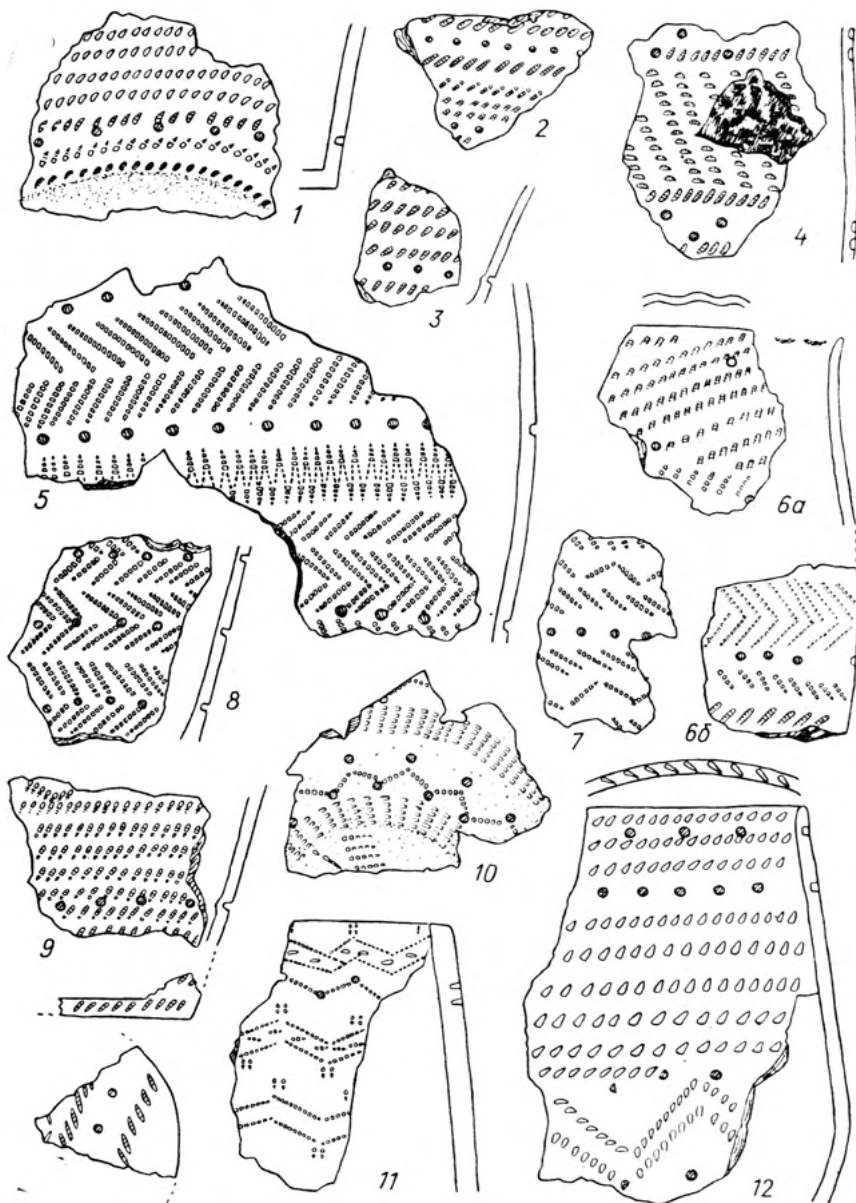

Рис. 29. Самусьско-сейминская эпоха. Гребенчато-ямочная посуда из разных мест Западной Сибири (предсугунский этап)

1, 6, 12 — Ипкуль VIII; 2 — Андреевская II стоянка; 3—5, 7 — Шапкуль VI; 8, 9 — Байрык VI; 10 — низовья Таза; 11 — р. Ялыньня (правый приток Северной Сосьвы).

ность орнаментальной композиции заключается в однообразном чередовании поясов гребенчатого штампа с круглыми или овальными ямочными вдавлениями (рис. 29). Таким образом, манера орнаментации в основном осталась прежней, но в отличие от предшествующего одиновского этапа становится типичной горизонтальная елочка (рис. 29, 5, 6, 8). Иногда вместо гребенчатого штампа употреблялись каплевидные насечки (рис. 29, 12). Известны острореберные сосуды (рис. 29, 12).

В Тюменском Притоболье характеризуемая керамика встречается вместе с посудой тюменского варианта самусьской культурной общности (Ипкуле I, раскоп 1 участка X южного берега Андреевского озера); В. Т. Юровская считает эти две группы керамики одновременными, с чем следует согласиться¹⁶.

Выше мы уже говорили, что с ранних этапов бронзового века наблюдается постепенное отодвигание к северу южной границы гребенчато-ямочного ареала. Если в переходное время от неолита к металлу поселения с гребенчато-ямочной керамикой были достаточно характерны в степной зоне, то в эпоху ранней бронзы они неизвестны южнее лесостепи, а в самусьско-сейминскую эпоху их южный рубеж не выходит за пределы таежной зоны (ср. рис. 23; 24; 39). Возможно, с этим этнокультурным сдвигом связано широкое распространение в бронзовом веке посуды с гребенчато-ямочным орнаментом на севере Западной Сибири (сборы Р. Кольса в устье Таза, разведки Л. П. Хлобыстина на юге Ямала, раскопки Л. П. Лашука в окрестностях Салехарда и Тазовского и др.).

Возвращаясь к Тюменскому Притоболью, отметим, что мы пока не можем назвать здесь орудий, которые определенно увязываются с характеризуемой посудой. На Ипкуле I и раскопе 1 участка X южного берега Андреевского озера, где встречены обломки глиняных литейных форм, фрагменты грузил и другие изделия, слой, в котором они были найдены, содержал не только гребенчато-ямочную керамику, но и посуду тюменского варианта самусьской культурной общности¹⁷.

Гребенчато-ямочная керамика предсузгунского этапа в Тюменском Притоболье в хронологическом отношении располагается между посудой одиновского типа и слоем начального этапа продвижения в этот район андроновидной орнаментальной традиции. Таким образом, характеризуемый керамический комплекс вписывается в предандроновский хронологический пласт, т. е. укладывается приблизительно в те же хронологические рамки, что и комплексы коптяковского типа (XVI—XIV или XV—XIII вв. до н. э.).

САМУСЬСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ

В ранее опубликованных работах мы говорили, что около середины II тысячелетия до н. э. в предтаежной и южнотаежной полосе Западной Сибири — от низовьев Томи на востоке до Тюменского Притоболья на юге — сложился обширный круг родственных культур самусьского типа, которые мы относим к самусьской культурной общности¹⁸.

¹⁶ Юровская В. Т., 1973, рис. 4, 3, 7, 8, 10.

¹⁷ Юровская В. Т., 1973, рис. 4.

¹⁸ Косарев М. Ф., 1974а, с. 72.

Тюменский вариант самусьской культурной общности. Памятники тюменского варианта самусьской культурной общности были впервые исследованы свердловскими археологами. В 1970-х годах они выявили и частично раскопали на Андреевском озере несколько пунктов со своеобразной керамикой, которую называли посудой логиновского типа. Особенно полно из них были исследованы участок X южного берега Андреевского озера¹⁹ и поселение на северном берегу того же озера²⁰. В 1972 г. богатая коллекция такой керамики была получена при раскопках поселения Ипкуль I. Причисление этой посуды к «логиновскому» типу вряд ли правильно. Керамика Логиновского городища в Ишимской лесостепи во многом отлична от посуды района Тюмени и имеет ряд специфических черт.

Керамику тюменского варианта самусьской культурной общности отличает плоскодонная баночная форма; венчик слегка отогнут, хотя встречается и закрытая баночная форма (рис. 30, 4). В тесте заметна примесь песка и шамота. Сосуды украшались прямыми или волнистыми линиями, выполненными отступающей лопаточкой либо отступающей гребенкой. Иногда отпечатки лопаточки наносились с некоторым интервалом — в виде рядов насечек (рис. 30, 1, 6). Орнаментированная поверхность почти во всех случаях делилась несколькими рядами круглых ямок или глубоких насечек. Порой в орнаментальную схему включался геометрический пояс — обычно в виде ступенчатых фигур или треугольников, vyplненных отступающей лопаточкой (рис. 30, 5, 8, 9). На срезе венчика часто наносился ряд наклонных насечек или отпечатков гребенки (рис. 30, 1, 2, 5, 9, 10). Днища, как правило, не орнаментировались.

В орнаментах посуды тюменского варианта самусьской культурной общности прослеживается смешение элементов трех орнаментальных традиций — самусьской (отступающая техника выполнения узоров, волнистые линии, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны), гребенчато-ямочной (деление орнаментального поля рядами ямок) и андроновидной (присутствие на некоторых сосудах меандров и других геометрических фигур). Своеобразие орнаментации, скорее всего, свидетельствует о том, что Тюменское Притоболье в это время, как и в предшествующие периоды, являлось зоной активного взаимодействия нескольких культурных областей.

В комплексах самусьско-сейминской эпохи Тюменского Притоболья найдены свидетельства развитого бронзолитейного производства. На поселении Ипкуль I встречено несколько обломков глиняных литейных форм (рис. 28, 5, 12, 13). Фрагмент литейной формы и кусок оплавленной бронзы найдены В. Т. Юровской на раскопе 1 участка X южного берега Андреевского озера²¹.

Среди рыболовческих орудий следует отметить обломки глиняных грузил (раскоп 1 участка X южного берега Андреевского озера)²². В. Т. Юровская сообщает, что в культурном слое этого памятника встречен довольно многочисленный и разнообразный каменный инвентарь — вкладыши, скребки, проколки, скобели и ножи, изготовленные в основном

¹⁹ Юровская В. Т., 1973, рис. 4, 3, 8.

²¹ Юровская В. Т., 1973, с. 10.

²⁰ Юровская В. Т., Сосновкин И. Н., 1974, 2, 6, 7, 9.

²² Там же, рис. 4, 4, 6, 9.

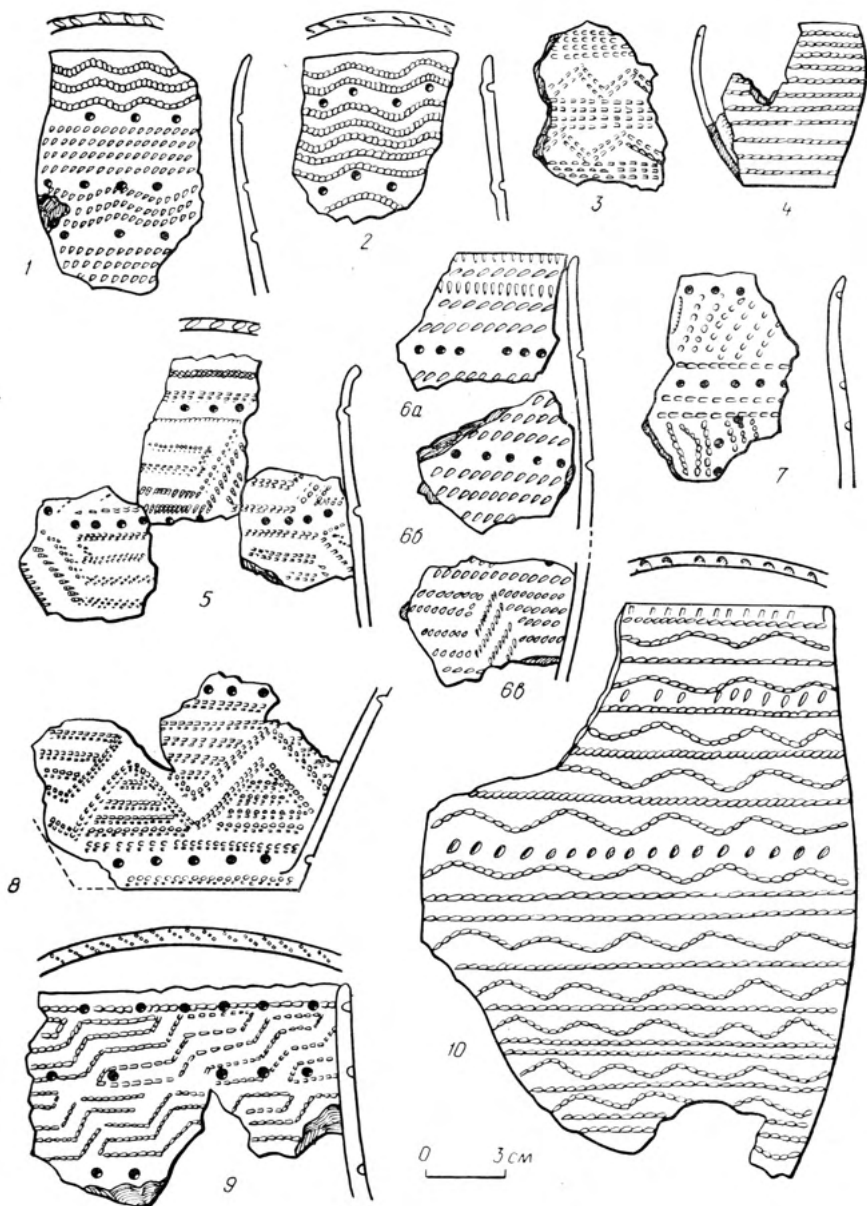

Рис. 30. Самусьско-сейминская эпоха. Тюменское Притоболье. Тюменский вариант самусьской культурной общности. Керамика

1, 6 — Андреевская II стоянка; 2 — поселение Байрык-Иска II; 3 — Липчинская стоянка; 4, 9, 10 — раскоп I участка X южного берега Андреевского озера; 5, 7, 8 — Ипкуль I

на ножевидных пластинах²³. К сожалению, ни одно из этих орудий не опубликовано.

В. Т. Юровская исследовала на Андреевском озере (раскоп 1, участок X) остатки трех жилищ с керамикой описанного типа. Первое имеет квадратную форму (6×6 м); второе — неправильно-округлой формы (15×8 м); третье — неправильно-прямоугольное (ширина котлована 8 м)²⁴. Глубина жилищных ям от современной поверхности — 60—70 см, что дает основание предполагать, что жилища были наземными, слегка углубленными в грунт.

Погребения самусьско-сейминской эпохи в Тюменском Притоболье неизвестны.

Среднеишимский (логиновский) вариант самусьской культурной общности. Керамический комплекс логиновского типа был выделен В. Ф. Генингом и В. В. Евдокимовым по материалам Логиновского городища в лесостепном Поишимье²⁵. Основная масса находок и оборонительные сооружения городища относятся к раннему средневековью (VI—VII вв. н. э.), но некоторое количество керамики не связано с этим временем и обнаруживает существенную близость посуде самусьской культуры, прежде всего по характеру орнаментации.

Сосуды раннего комплекса имеют баночную или горшковидную форму (рис. 31). В тесте присутствуют шамот и песок. Орнамент наносился протягиванием гладкой лопаточки (отчего на поверхности сосудов получались желобчатые линии) или отступающей лопаточкой. В ряде случаев наблюдается чередование горизонтальных линий с полосами, выполненными вертикальными оттисками широкой лопаточки (рис. 31, 1, 10, 13). Верхняя и нижняя части сосудов нередко украшались поясом из сплошных взаимопроникающих треугольников (рис. 31, 9, 12, 14). Встречаются волнистые узоры (рис. 31, 8). По венчику иногда идет ряд характерных пальцевых вдавлений и защипов (рис. 31, 8, 11).

Каменные орудия, найденные с этой керамикой, немногочисленны и неспецифичны. Среди них — небольшой почти квадратный шлифованный топорик (рис. 31, 2), листовидный, чуть асимметричный наконечник стрелы (рис. 31, 4), обломки ножевидных пластин (рис. 31, 5, 7). Интересен бронзовый втульчатый наконечник стрелы со своеобразной трактовкой пера (рис. 31, 3). Публикуя этот наконечник, В. Ф. Генинг и В. В. Евдокимов помещают его на рисунке вместе с ранним керамическим комплексом городища²⁶, не оговаривая в тексте, считают ли они его одновременным этой керамике.

Жилища самусьско-сейминской эпохи в лесостепном Поишимье пока неизвестны. Не найдены и могильники этого времени. Логиновское городище является здесь пока единственным памятником, давшим сравнительно богатую коллекцию керамики самусьского облика. На других памятниках лесостепного Поишимья встречены лишь единичные фрагменты такой посуды,

Среднеиртышский вариант самусьской культурной общности. В результате работ томских и свердловских археологов в 1960—1970-х годах

²³ Юровская В. Т., 1973, с. 10, 12.

²⁴ Там же, с. 7, 10.

²⁵ Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969.

²⁶ Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969, табл. 52.

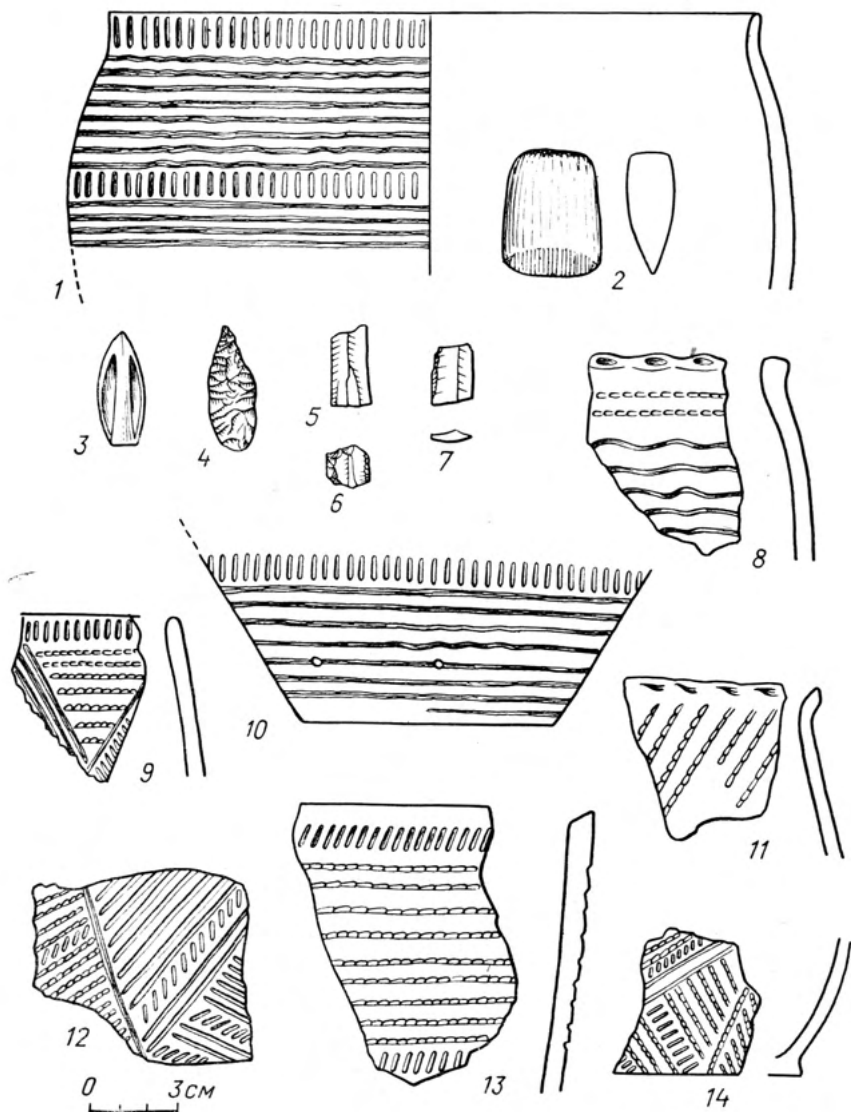

Рис. 31. Самурско-сейминская эпоха. Среднеишимский (логиновский) вариант самурской культурной общности. Керамика и производственный инвентарь раннего слоя Логиновского городища

1, 8—14 — глина; 2, 4—7 — камень; 3 — бронза

были открыты и исследованы в Среднем Прииртышье два великолепных памятника — Ростовкинский могильник близ Омска и поселение Черноозерье VI (примерно в 100—120 км севернее Омска). К сожалению, за исключением нескольких кратких заметок до сих пор не появилось сколько-нибудь полной их публикации.

На поселении Черноозерье VI вскрыто более 2 тыс. кв. м. Сосуды этого памятника плоскостонные, баночной и горшковидной формы (рис. 32). В тесто примешивались песок и шамот, иногда жженные кости и шерсть. По венчику, как и на посуде Логиновского городища, характерны пальцевые вдавления и зацепы (рис. 32, 1—3, 5—7). Орнамент выполнялся отступающей лопаточкой, отступающей гребенкой или протягиванием лопаточки. В верхней и нижней частях сосудов линии, выполненные отступающей и желобчатой техникой, могли идти не только горизонтально, но и вертикально или наклонно. Под венчиком часто проходила довольно широкая неорнаментированная полоса (рис. 32, 2, 3, 5—7). Наиболее распространенным орнаментальным мотивом был пояс из сплошных взаимопроникающих треугольников (обычно ниже шейки и в придонной части сосудов; рис. 32, 3, 5, 10, 11). Узоры в виде волнистых линий встречаются сравнительно редко (рис. 32, 9).

Каменный инвентарь Черноозерья VI включает наконечники стрел, скребки и ножевидные пластины. Основной тип наконечников стрел — листовидный, с черешком (рис. 32, 4, 8). Формы скребков неспецифичны. Во время раскопок 1970 г. на Черноозерском VI поселении исследовалась бронзолитейная мастерская; здесь обнаружены большие кострище и ямы, рядом с которыми собраны три кусочка бронзы, бронзовое шило, обломки литейной формы копья с вильчатым стержнем, тигли²⁷. Находка формы для отливки сейминского копья позволяет привязать к характеризованному культурному комплексу, помимо бронзовых изделий Ростовкинского могильника (рис. 33), случайные находки турбинско-сейминских бронз из разных мест Среднего Прииртышья — наконечник вильчатого копья из устья Тары (рис. 34, 1), кельт из Омска (рис. 34, 2) и бронзовые предметы Омскогоклада (вильчатое копье, кельт с геометрическим орнаментом и архаичный пластинчатый нож; рис. 34, 3, 5, 6).

При исследовании богатого остеологического материала Черноозерья VI (5681 определяемая единица) оказалось, что почти все кости принадлежат домашним животным — овце (4070/163), лошади (1025/29) и корове (431/7). Охота, судя по малочисленности костных остатков диких животных (немногим более 2% от общего количества костей), была второстепенным занятием и носила, видимо, случайный характер²⁸.

Поселение Черноозерье VI укреплено рвом (ширина 150 см, глубина от дневной поверхности 95 см), который полукольцом охватывает часть площадки у края террасы²⁹. О. М. Кондратьев в 1970 г. вскрыл остатки девяти жилищ. Они имели прямоугольную форму и были углублены в грунт на 40—60 см. Средний размер их — 6×8 м. В центре жилищных углублений обнаружены остатки очагов. Прослежено большое число столбовых ям³⁰.

²⁷ Кондратьев О. М., 1974, с. 17.

²⁸ Смирнов Н. Г., 1975, с. 38.

²⁹ Генинг В. Ф., Гусеницова Т. М., Конд-

ратьев О. М. и др., 1970, с. 21.

³⁰ Кондратьев О. М., 1974, с. 17.

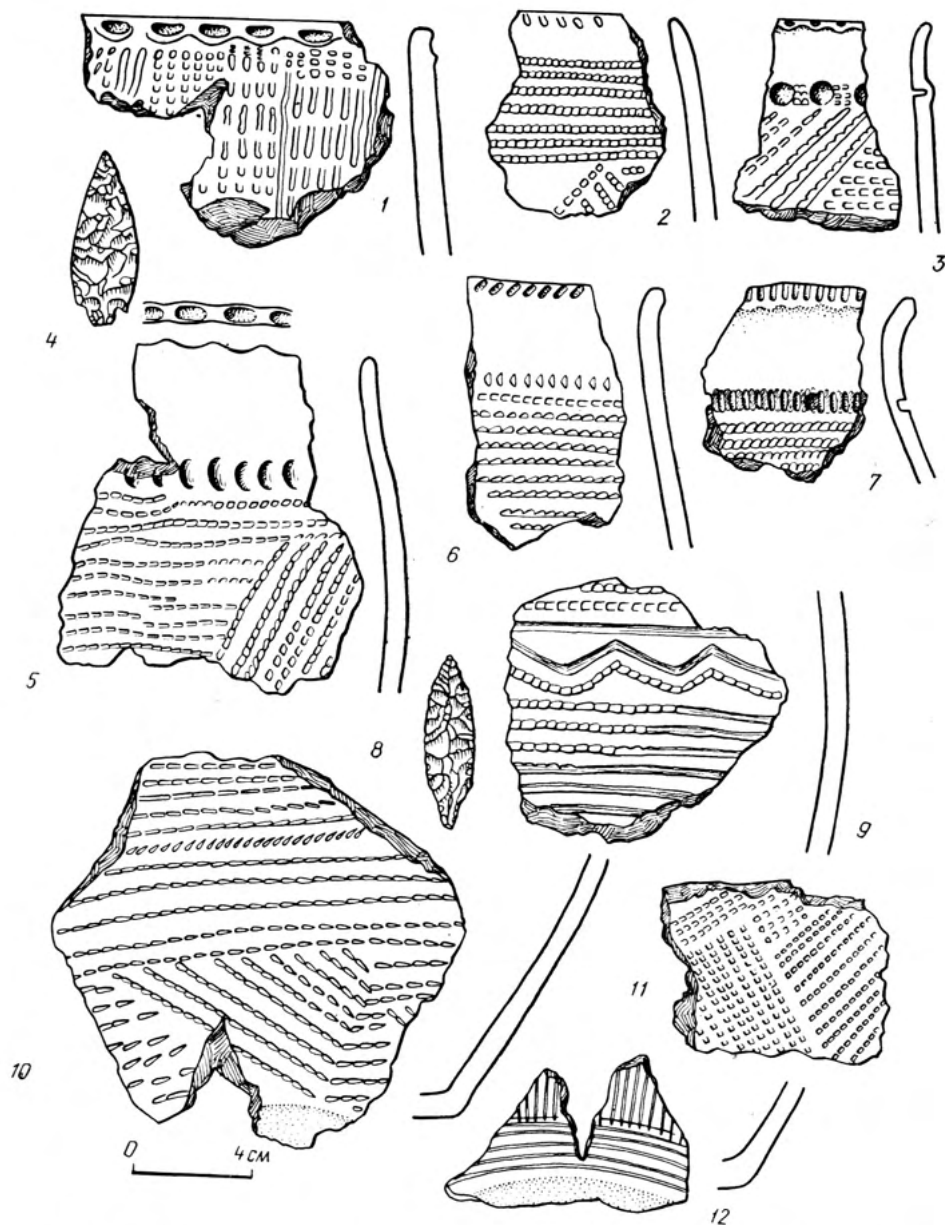

Рис. 32. Самусьско-сейминская эпоха. Среднеиртышский вариант самусьской культурной общности. Керамика и производственный инвентарь поселения Черноозерье VI
1—3, 5—7, 9—12 — глина; 4, 8 — камень

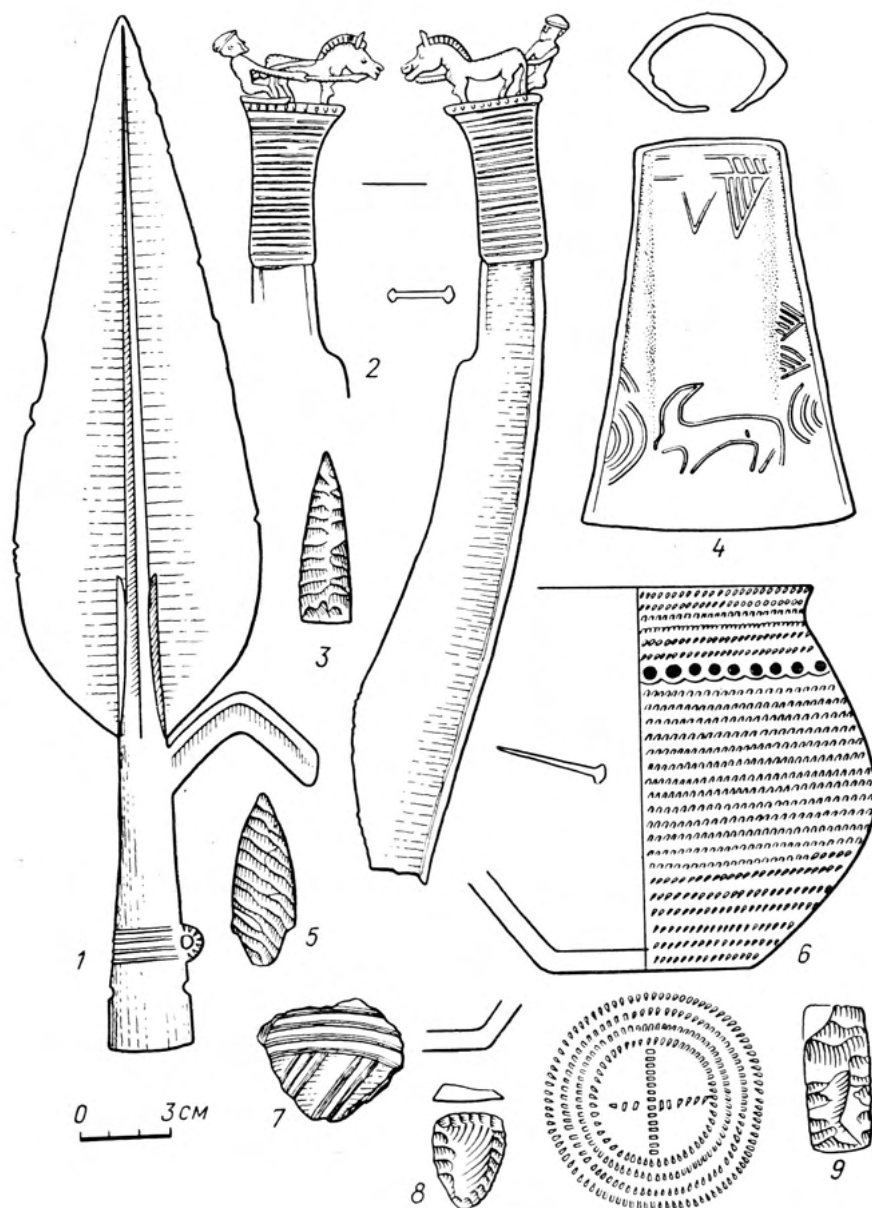

Рис. 33. Самусьско-сейминская эпоха. Среднеиртышский вариант самусьской культурной общности. Керамика и производственный инвентарь Ростовкинского могильника
1, 2, 4 — бронза; 3, 5, 8, 9 — камень; 6, 7 — глина

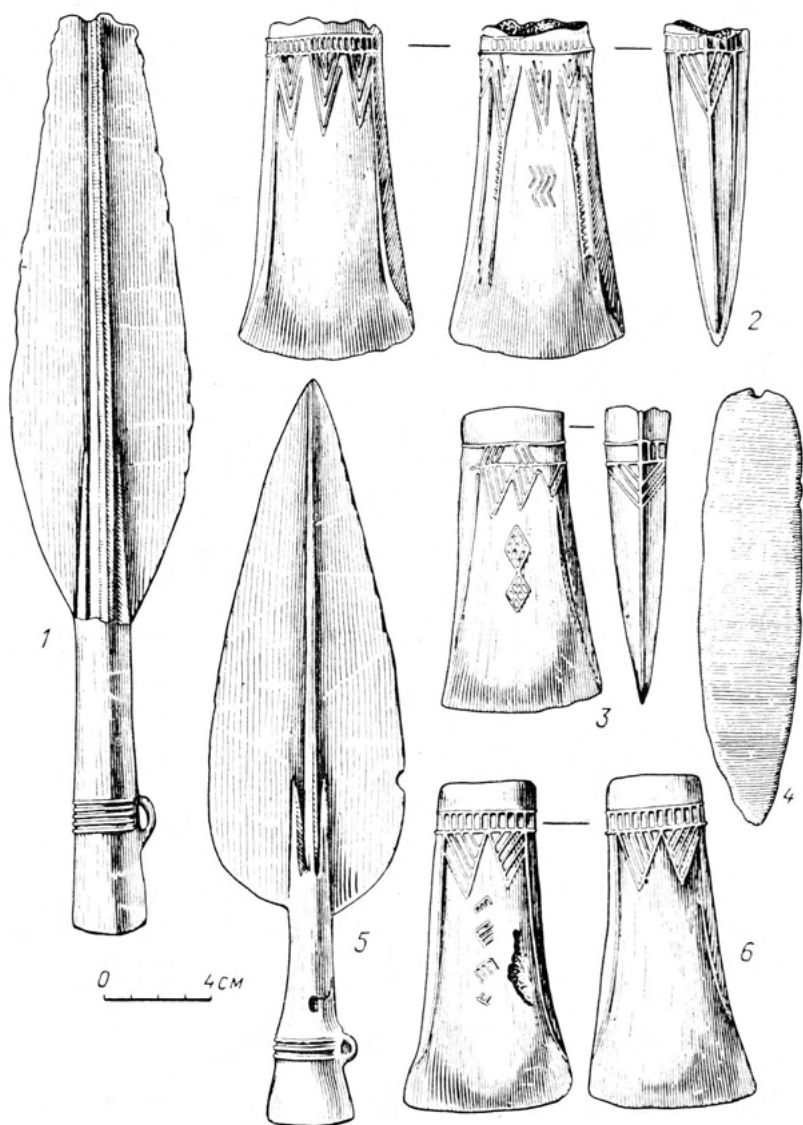

Рис. 34. Самусьско-сейминская эпоха. Бронзовые изделия из разных мест Среднего Прииртышья

1 — устье Тары; 2 — г. Омск; 3 — Ростовкинский могильник; 4—6 — Омский клад

О погребальном обряде населения Среднего Прииртышья в самусьско-сейминскую эпоху дают представление материалы Ростовкинского могильника близ Омска. В 1966—1969 гг. экспедицией Томского университета под руководством В. И. Матющенко здесь было исследовано 38 погребений. Могильник — грунтовой. Глубина могильных ям колеблется от 10 до 70 см. Погребения ориентированы в основном с востока на запад. Ритуал очень разнообразен — труположение, трупосожжение, захоронение без черепов, захоронение черепа и т. д.³¹ К сожалению, В. И. Матющенко и Г. В. Ложникова не привели в предварительной публикации могильника статистических данных по деталям погребального обряда, и мы пока не знаем, какой ритуал (труположение, трупосожжение и др.) был преобладающим. Погребальный инвентарь клался как в могилу, так и около нее. Что касается керамики, то она почти во всех случаях оставалась у могил. В. И. Матющенко отмечает, что «все бронзовые предметы, обнаруженные вне могил... плотно прилегали друг к другу, и все были глубоко воткнуты в землю остриями вниз»³².

Материал Ростовкинского могильника огромен: бронзовые кельты, ножи разных форм и размеров, наконечники копий с вильчатым или ромбическим стержнем, долота, шилья, литейные формы, различные каменные изделия и т. д. (рис. 33, 1—5, 8, 9)³³. Основная масса бронзовых вещей — копия с вильчатым стержнем, кельты с геометрическим орнаментом (горизонтальная лесенка ниже втулки, от которой опускаются треугольные фестоны и цепочка свисающих ромбов; рис. 34, 3), большой массивный нож со скульптурным навершием на рукояти (рис. 33, 2) и некоторые другие предметы — находит аналогии в Сейминском могильнике. Среди каменных орудий преобладают вкладыши и наконечники стрел. Вкладыши обычно имеют четырехугольную форму и обработаны по всей поверхности (рис. 33, 9). Наконечники стрел представлены в основном треугольными формами (рис. 33, 3). Найдены также листовидные наконечники со слабо выделенным черешком (рис. 33, 5). Встречены овально-подтреугольные скребки, обработанные по всему краю (рис. 33, 8). Все эти каменные изделия близки одноименным категориям орудий из Турбинского и Сейминского могильников³⁴. Необходимо особо упомянуть об уникальных для урало-сибирской территории находках. К таковым относятся вильчатые копия с остро заточенным коленчатым лезвием на втулке (рис. 33, 1), лопаткообразный кельт с изображением солярных знаков и горного козла (рис. 33, 4), упомянутый выше массивный дугообразный нож со скульптурным изображением лошади, влекущей за собой лыжника (рис. 33, 2), великолепный набор костяных лат.

Сосуды Ростовкинского могильника, за редким исключением, имеют открытую баночную форму, хотя известны и горшковидные (рис. 33, 6). Орнаментировалась обычно вся внешняя поверхность. Техника нанесения узоров разнообразна — отступающая лопаточка, желобчатые линии, гребенчатый штамп, валиковые налпы и т. д. (рис. 33, 6, 7)³⁵. Основ-

³¹ Матющенко В. И., Ложникова Г. В., 1969.

³² Там же, с. 26.

³³ Там же, табл. 6—16.

³⁴ Бадер О. Н., 1964, рис. 90; 92—94; Он же, 1970б, рис. 60, 4—7; 61.

³⁵ Матющенко В. И., Ложникова Г. В., 1969, табл. 17.

ные орнаментальные мотивы: горизонтальные (прямые или волнистые) линии, выполненные отступающей лопаточкой или желобком; сплошные взаимопроникающие треугольные зоны; елочка; гребенчатая или гладкая качалка. В целом орнамент более разнообразен, чем декоративные наборы на посуде Черноозерья VI и Логиновского городища, — это касается и техники выполнения узоров, и облика орнаментальных мотивов. Кроме элементов, характерных для самусьской орнаментальной традиции, здесь присутствуют узоры, обычные для посуды кротовской и окуневской культур (валиковые налеты, елочные композиции и др.). Разнообразию орнаментации соответствует разнообразие погребального обряда, о чем мы уже говорили выше.

Среди археологов до сих пор идет спор: можно ли связывать керамику Ростовкинского могильника, найденную за пределами могил (а она практически вся собрана вне могил), с инвентарем, обнаруженным в могильных ямах. В. И. Матющенко, на мой взгляд, убедительно доказал, что производственный инвентарь, украшения и сосуды, составленные в могилах и близ могильных ям, представляют собой одновременные взаимосвязанные погребальные комплексы. Во-первых, вся керамика и бронзовые изделия, найденные вне могил, собраны на древней дневной поверхности, от которой начинались могильные ямы; во-вторых, внемогильные скопления находок локализуются, как правило, близ могильных ям³⁶. Этнографический материал свидетельствует о том, что обычай оставлять часть погребальных вещей (нередко большую часть) не в могилах, а у могил существовал у всех сибирских аборигенов. Однако это не объясняет отмеченного выше разнообразия керамики и погребального обряда. В одной из ранее вышедших работ мы приводили доводы в пользу того, что Ростовка относится к самому концу самусьско-сейминской эпохи³⁷. Бронзовый инвентарь Ростовкинского могильника имеет ряд элементов, позволяющих с достаточной определенностью сопоставлять его с металлическими изделиями Карасука и Аньяна (бронзовый дугообразный нож, украшенный по рукояти цепочкой заштрихованных ромбов³⁸; бронзовые коньса «багром» на втулке, рис. 33, 1³⁹). О сравнительно более позднем времени Ростовкинского могильника говорит также наличие в форме и орнаменте найденных здесь кельтов признаков, характерных для позднесеиминской группы (боковое ушко с лучеобразно отходящими рубчиками, решетчатая штриховка ромбов и пр.).

Юго-восточный вариант самусьской культурной общности (самусьская культура). Самусьской культуре посвящено довольно много работ⁴⁰, и это избавляет нас от необходимости давать здесь ее подробную характеристику. Наиболее исследованный памятник самусьской культуры — Самусьское IV поселение (раскопки В. И. Матющенко; к настоящему времени раскопано более 5 тыс. кв. м площади памятника). Кроме того, большие керамические комплексы самусьской культуры выявлены на поселениях Самусь III, Верхний Сор в томско-чулымском регионе,

³⁶ Там же, с. 27—28.

³⁷ Косарев М. Ф., 1974а, с. 93—94.

³⁸ Матющенко В. И., Ложникова Г. В., 1969, табл. 14, 4; ср.: Липский А. Н., 1956, с. 105.

³⁹ Ср.: Киселев С. В., 1960, рис. 8, 26.

⁴⁰ См., например: Матющенко В. И., 1973б; Косарев М. Ф., 1974а, с. 56 и сл.

Крохалевка I в районе Новосибирска, Чудацкая Гора и Иткульское поселение в районе Бийска. Однако наиболее полное представление о самумской культуре дает Самумское IV поселение — памятник, откуда в результате многолетних работ экспедиции Томского университета под руководством В. И. Матюченко получена огромнейшая коллекция керамики, литейных форм и каменных изделий.

Керамику самумской культуры Самумя IV в целом можно разделить на две большие группы. К первой относятся горшковидные (реже баночные) сосуды с плоским или уплощенным дном (рис. 35, 1—4, 6). В тесте их содержится примесь песка или мелкой дресвы. Венчик у горшкообразных сосудов довольно сильно отогнут. Непосредственно под ним обычно располагаются два ряда мелких насечек, образующих горизонтальную елочку. Несколько ниже идет один-два ряда аккуратных круглых ямок; у горшковидных сосудов этот ямочный пояс располагается на границе шейки и тулова (рис. 35, 1, 2, 4). Остальная часть боковой поверхности украшалась волнистыми или прямыми линиями, сплошными взаимопроникающими треугольными зонами или псевдоплетенкой (рис. 35, 1, 2, 4, 6)⁴¹. Узоры выполнялись отступающей гребенкой или отступающей лопаточкой. Гребенчатый штамп не характерен. Днища украшались концентрическими окружностями, спиральными узорами, псевдоплетенкой или другими несложными рисунками (рис. 35, 1, 6)⁴². Керамика рассмотренной группы по своей форме, технике выполнения узоров, орнаментальным мотивам очень близка посуде поселения Черноозерье VI и Логиновского городища (рис. 31; 32). В меньшей мере она похожа на керамику тюменского варианта самумской культурной общности, которая наряду с «самумскими» орнаментами включает элементы андронидного и гребенчато-ямочного декоративных комплексов.

Ко второй группе керамики Самумя IV (рис. 35, 5, 8)⁴³ относятся преимущественно баночные сосуды с округлым венчиком и плоским (иногда уплощенным) дном. Их доля составляет не более 8—10% всей керамики поселения. Они отличаются от посуды первой группы иным характером узоров и несколько другой техникой нанесения орнамента. Рисунки чаще всего выполнялись протягиванием широкой округлой лопаточки, отчего на поверхности сосудов образовывались желобчатые линии (мы называем этот прием нанесения узоров «желобчатым»). В верхней части сосудов, под венчиком, идут несколько прямых или волнистых желобчатых линий — почти всегда в сочетании с горизонтальным лестничным поясом (рис. 35, 8)⁴⁴. Лестничный пояс обычен и в придонной части сосудов. По тулову нередко располагался ряд антропоморфных (реже зооморфных) изображений, которые отделялись одно от другого свисающими сверху желобками (рис. 35, 5, 8)⁴⁵. Днища украшались сложными геометрическими фигурами, концентрическими многоугольниками, спиральными узорами, солярными рисунками и иногда изображениями солнцеликих личин⁴⁶.

⁴¹ Косарев М. Ф., 1974а, рис. 9; 10.

⁴² Косарев М. Ф., 1974а, рис. 9, 5; Матюченко В. И., 1973б, рис. 20, 9.

⁴³ Косарев М. Ф., 1974а, рис. 11; 12.

⁴⁴ Там же, рис. 11, 1, 2, 7; 12, 1, 2, 14.

⁴⁵ Там же, рис. 11, 1, 3, 8, 9, 13.

⁴⁶ Косарев М. Ф., 1974а, рис. 11; 12.

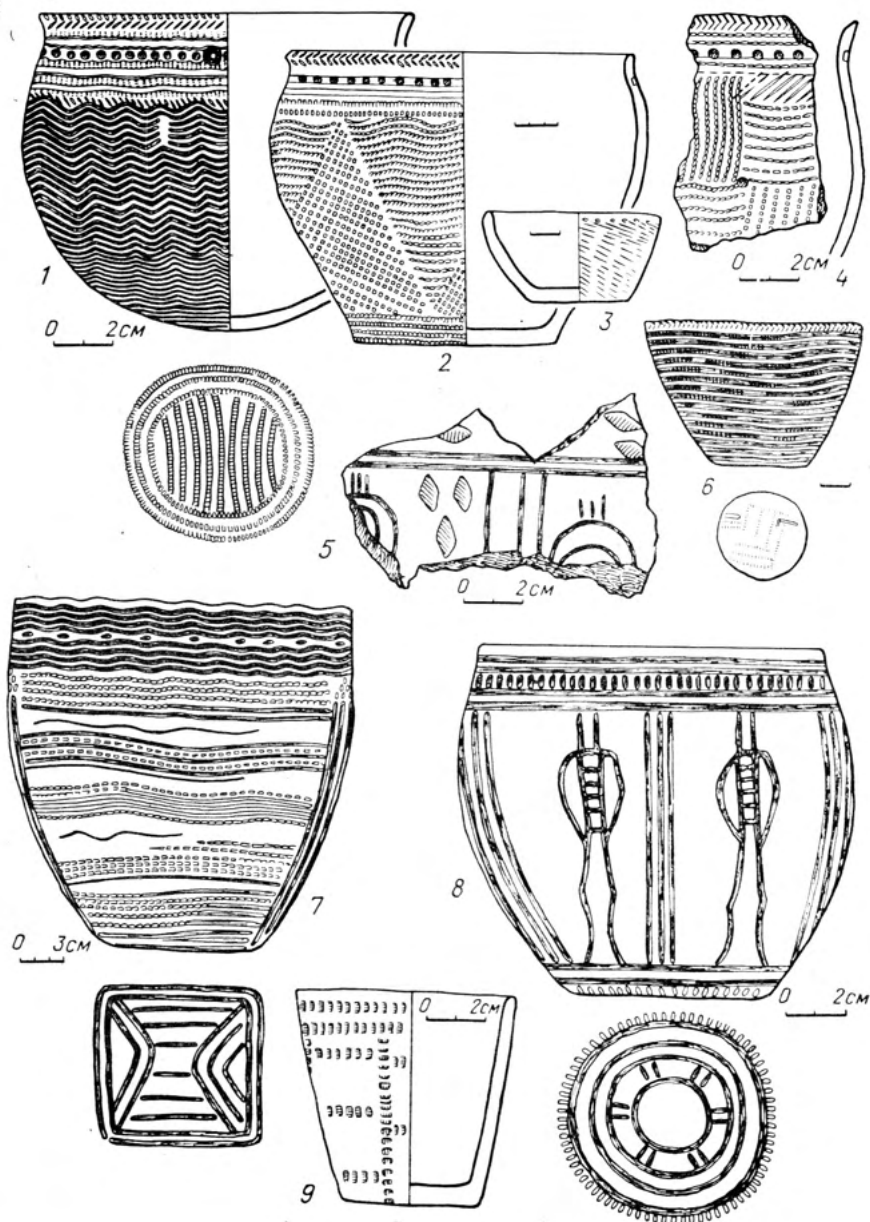

Рис. 35. Самусьско-сейминская эпоха. Томско-чулымский регион. Самусьская культура. Керамика Самусьского IV поселения (1—9)

Мы считаем, что керамика второй группы имела специальное (культовое) назначение и существовала одновременно с первой группой посуды, служившей для удовлетворения бытовых нужд (первая группа составляет около 90% всей керамики самусьской культуры на Самусе IV). На других памятниках самусьской культурной общности посуда второй группы практически неизвестна. Возможно, ее присутствие на Самусе IV связано с производственной спецификой этого поселения: это, видимо, был поселок бронзолитейщиков (здесь найдено несколько сот обломков литейных форм). Литье орудий, как и процесс плавки⁴⁷, наверняка освящался какими-то ритуальными действиями. Интересно, что на Кижировском городище эпохи раннего железа в низовьях Томи фрагмент сосуда с антропоморфными изображениями был также найден в комплексе с литейными формами⁴⁸. В этой связи любопытно, что основная масса бронзовых идолов Урала найдена близ древних горных выработок⁴⁹.

Антропоморфные рисунки на стенках сосудов рассматриваемой группы выполнялись желобчатыми линиями и оттисками лопаточки. Бросается в глаза канонизация изображений. Руки дугообразно выгнуты и обычно опираются на верхнюю часть бедер, ноги слегка согнуты в коленях. На туловище наносилась поперечная штриховка, напоминающая вертикальную лесенку или ребра скелета («скелетный мотив»). Вместо головы (иногда на голове) изображались две, три и более вертикально или лучеобразно отходящих линий. В. И. Матющенко прав, указывая на большее стилистическое сходство самусьских антропоморфных рисунков с более поздними бронзовыми антропоморфными рисунками из кулайских комплексов (Нарымское Приобье, эпоха раннего железа)⁵⁰.

Помимо охарактеризованных выше основных двух групп посуды, относящихся к самусьской культуре, на Самусе IV выделяется большая группа керамики с гребенчато-ямочным орнаментом⁵¹. Присутствие этой посуды на Самусе IV свидетельствует, видимо, об усилении в конце самусьско-сейминской эпохи давления на самусьский ареал более северного и северо-западного населения, которое привело накануне андроновской эпохи к освоению северной части самусьского ареала носителями гребенчато-ямочной орнаментальной традиции.

Почти все известные каменные орудия, литейные формы, предметы культа и изобразительного искусства, относимые к самусьской культуре, происходят из Самусьского IV поселения. Перечислим некоторые категории находок.

1. Литейные формы для кельтов и наконечников копий турбинского и отчасти сейминского типов (рис. 36, 1—5)⁵². Всего на Самусе IV собрано более четырехсот обломков форм, которые предназначались для отливки различных орудий, культовых предметов и оружия. Большинство их сделано из песчаника, некоторые — из глины. Кельты, отливавшиеся в самусьских литейных формах, имели овальную втулку, шестигранное сечение в средней части, три-четыре валиковых пояса ниже

⁴⁷ Берс Е. М., 1951, с. 225.

⁴⁸ Старцева Л. М., 1966, табл. V.

⁴⁹ Берс Е. М., 1951, с. 225.

⁵⁰ Матющенко В. И., 1961б; ср.: Косарев М. Ф., 1974а, рис. 46, 5—8, 11.

⁵¹ Косарев М. Ф., 1974а, рис. 26.

⁵² Матющенко В. И., 1973б, рис. 6—8; 10; 11.

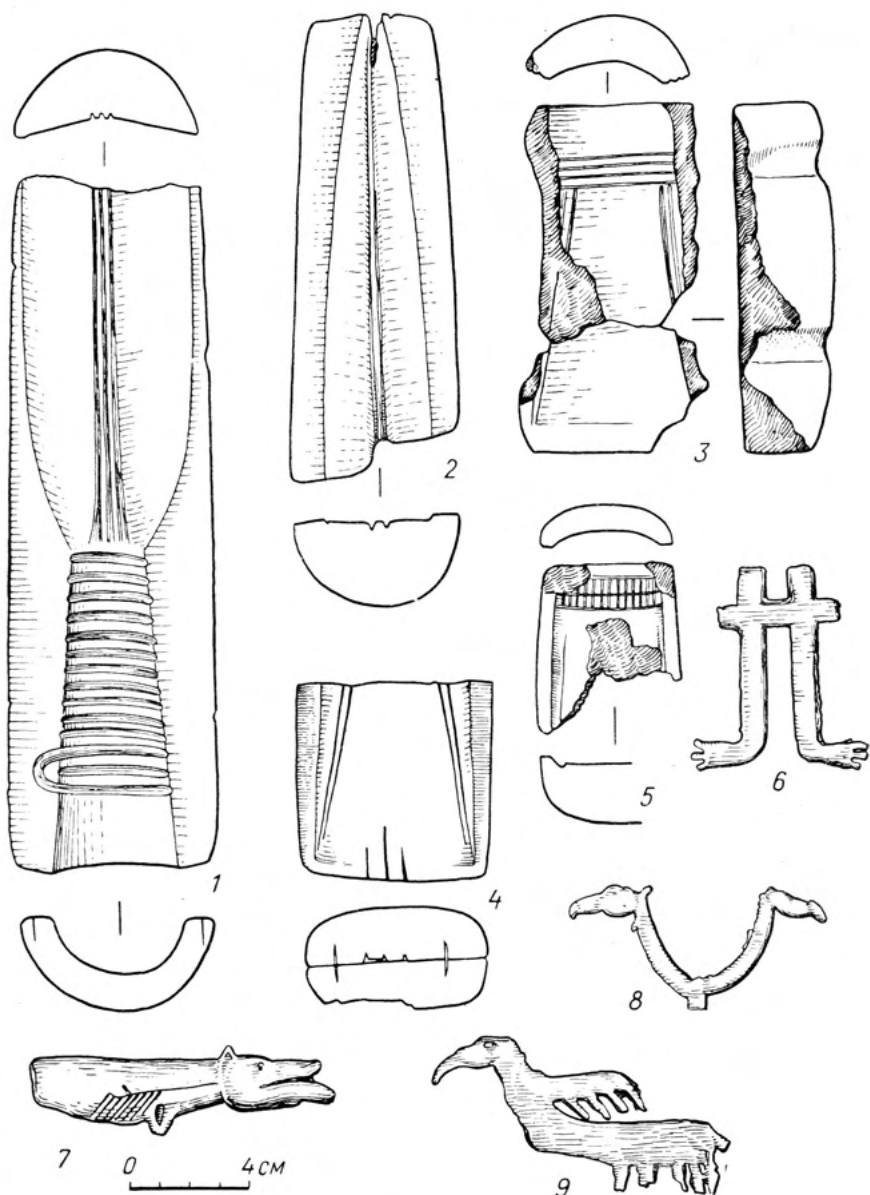

Рис. 36. Самусьско-сейминская эпоха. Томско-чулымский регион. Производственный и культовый инвентарь Самусьского IV поселения

1—5 — камень, глина; 6—9 — бронза

втулки и выпуклые бортики на границе лицевой и боковой граней — признаки, в равной мере характерные и для кельтов Турбинского могильника⁵³. Единственной особенностью некоторых самусьских кельтов (судя по литейным формам) является наличие двойных бортиков у граней (рис. 36, 3—5). Отдельные формы кельтов Самуся IV свидетельствуют о начавшемся отступлении от классических турбинско-сейминских традиций. Так, одна из самусьских литейных форм предназначалась для отливки кельта укороченных пропорций⁵⁴; вместо горизонтальной лесенки у втулки был изображен двойной зигзаг, а ниже — шахматный узор, заполняющий всю лицевую грань; существенным отступлением от классических турбинско-сейминских признаков является также наличие бокового ушка.

Наконечники копий, отливавшиеся в самусьских формах, также близки турбинским. Они имеют сравнительно короткую втулку, удлинено-пламевидное лезвие, достаточно хорошо выраженную вильчатость стержня и небольшую петлю в нижней части втулки для привязывания наконечника к древку. Втулка опоясывается двумя-тремя рядами валиков. В одном случае валиковые пояса покрывали всю поверхность втулки (рис. 36, 1). Судя по размеру литейных форм, некоторые самусьские наконечники копий были крупнее турбинских и сейминских. Длина отдельных экземпляров могла достигать 45—50 см.

2. Две каменные створки для отливки вислообушного топора⁵⁵.

3. Принадлежности бронзолитейного производства. Среди них В. И. Матюченко перечисляет литейные шипки (29 экз.), тигли (43 экз.), льячки⁵⁶.

4. Бронзовые изделия. При раскопках Самусьского IV поселения вместе с керамикой самусьской культуры обнаружены следующие бронзовые предметы: обломок ножа-пилки из тонкой пластины; навершие, изображавшее, как полагает В. И. Матюченко, фаллос; ажурная бляха⁵⁷; изображение птицы (рис. 36, 9); дугообразный предмет, увенчанный разнонаправленными головками лося (рис. 36, 8); скульптурка медведя с раскрытой пастью (рис. 36, 7) и изображение ног (человека?) в развернутом положении (рис. 36, 6). Обращает на себя внимание поразительное стилистическое сходство предметов антропоморфного и зооморфного литья Самуся IV с более поздними кулайскими. Замечательно, что дугообразный предмет с головками лося находит по существу полную аналогию в Кривошеинском кладе (кулайская культура)⁵⁸. Этот факт, так же как стилистическое сходство самусьских антропоморфных рисунков с кулайскими человекоподобными идолами из бронзы, говорит о том, что оформление западносибирского зооморфного и антропоморфного стиля произошло задолго до железного века — в эпоху бронзы⁵⁹.

5. Каменные наконечники стрел (рис. 37, 1—5, 12—16). Преобладающий тип — треугольные с прямым основанием (29 экз.); на втором месте — листовидные (24 экз.) и на третьем — черешковые (7 экз.)⁶⁰. Остальные разновидности представлены единичными находками.

⁵³ Бадер О. Н., 1964, рис. 47—63.

⁵⁴ Матюченко В. И., 1973б, рис. 6, 1.

⁵⁵ Матюченко В. И., 1973б, рис. 9, 1.

⁵⁶ Там же, рис. 12; 13.

⁵⁷ Там же, рис. 9.

⁵⁸ Ураев Р. А., 1956, табл. III, 7.

⁵⁹ Матюченко В. И., 1973б.

⁶⁰ Там же, с. 20.

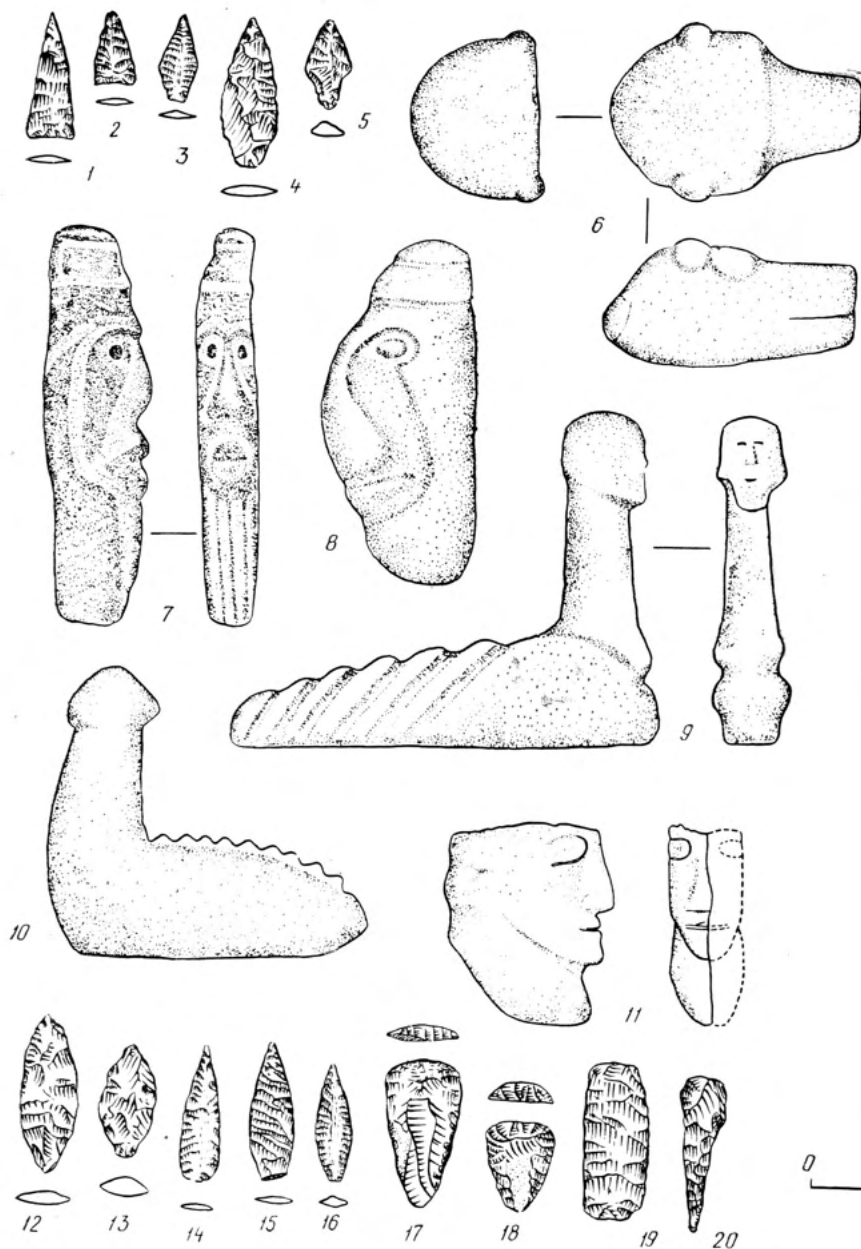

Рис. 37. Самусьско-сейминская эпоха. Томско-чулымский регион. Каменный инвентарь самусьской культуры

1—8, 10—20 — Самусьское IV поселение; 9 — пос. Дзержинский на левом берегу Томи, напротив Томска

6. Ножи (14 экз.). Большинство имеет подтреугольную асимметричную форму⁶¹. Обработаны весьма небрежно, что, возможно, объясняется технической трудоемкостью породы (кварцит). Похожие орудия известны в Камском Приуралье на поселениях турбинского типа (Бор V, Первомайское и др.)⁶². Встречен четырехугольный вкладыш, обработанный по всей поверхности аккуратной тонкой ретушью (рис. 37, 19). Подобные вкладыши широко бытовали на урало-сибирской территории на протяжении всей самусьско-сейминской эпохи (погребения глазковского этапа в Прибайкалье, Ростовкинский, Турбинский и Сейминский могильники).

7. Скребки (17 экз.). Наиболее распространенная форма — овално-подтреугольная (рис. 37, 17, 18). Обработаны, как правило, по всему краю. Похожие скребки известны в Турбинском могильнике⁶³.

8. Рыболовные грузила (около 90 экз.)⁶⁴. Делались в основном из гальки. Для прикрепления к снасти на них имеются поперечные желобки или боковые выбоины. На некоторых есть просверленные отверстия.

9. Сапожковидные терочники или гладилки. Верхняя часть этих орудий иногда оформлялась в виде фаллоса (рис. 37, 10). В поселке Дзержинском, недалеко от Томска, найден сапожковидный терочник, рукоять которого была увенчана головой человека (рис. 37, 9).

10. Скульптурные изображения головы медведя. В. И. Матющенко упоминает о 2 экз. Мне известен один (рис. 37, 6), сделанный из мелкозернистого песчаника. Длина головы около 9,5 см. Скульптура выполнена очень реалистично. Мастерски переданы очертания морды, своеобразная выпуклость лба, расположение и форма глаз.

11. Каменные скульптуры головы человека (рис. 37, 7, 8, 11). Выполнены удивительно реалистично, без каких-либо элементов канонизации. Замечательно, что из пяти скульптур человека, найденных на Самусе IV, при известном стилистическом сходстве ни одна не повторяет другую.

Характер каменного инвентаря (наконечники стрел, скребки, грузила и др.) говорит о том, что охота и рыболовство играли существенную роль в жизни самусьцев. Полнее о хозяйственных занятиях самусьского населения могли бы сказать остеологические материалы, но, к сожалению, они на Самусе IV почти не сохранились. В жилищах 1, 2 и у очага 34 найдены кости лося, а близ жилища 3 — клыки медведя (от четырех-пяти особей). В 1970 г. в квадрате 154 выявлена коллекция костей водоплавающих птиц: череп и кости крыльев чирка; череп, кости крыльев и ног утки свиязи; череп и кости крыльев чирка-трескунка; грудинки нырковой утки и кости двух особей утки крупных размеров⁶⁵. В этом же году было собрано много костей щуки, осетра и муксуна⁶⁶. В. И. Матющенко упоминает о находке на Самусе IV бараньих альчи́ков, но их связь с самусьским культурным комплексом осталась не совсем ясной⁶⁷.

⁶¹ Косарев М. Ф., 1974а, рис. 14, 6—9.

⁶² Бадер О. Н., 1961, рис. 63, 7; 64, 8; 96, 13, 16.

⁶³ Бадер О. Н., 1959, рис. 14, 1, 2.

⁶⁴ Матющенко В. И., 1973б, рис. 4, 4, 5; 27, 15—18 и др.

⁶⁵ Матющенко В. И., 1973б, с. 65.

⁶⁶ Там же, с. 65.

⁶⁷ Там же, с. 68.

Жилища самусьской культуры исследовались пока лишь на Самусьском IV поселении. Контуры жилых построек не очень отчетливы, и В. И. Матющенко судит об их форме и архитектурных деталях весьма предположительно. Он говорит, в частности, о трех полуземляночных жилых сооружениях диаметром от 5,1 до 6,4 м⁶⁸. В восточной половине поселения В. И. Матющенко исследовал систему жилищ-полуземлянок, общей протяженностью около 120 м, соединенных канавообразными переходами, с каменными и земляными очагами внутри жилищ⁶⁹. Мне представляется, однако, что В. И. Матющенко отнес к этой гигантской системе жилищ по крайней мере два неодновременных (в пределах, видимо, одной культуры) жилищных горизонта с двухкамерными полуземлянками, которые, если рассматривать их только планиграфически, создают иллюзию одной жилищной системы. Кроме этого, была выявлена серия каменных очагов вне жилищных ям; В. И. Матющенко предполагает, что они находились внутри наземных домов. Учитывая плотность расположения очагов, он считает, что наземные жилища имели, скорее всего, такую же площадь, как и отдельные полуземлянки, т. е. 30—40 кв. м. Он обращает внимание на их четкую планировку: многочисленные очаги образовывали четыре параллельно идущих ряда, что, видимо, соответствовало порядку размещения наземных домов в поселке⁷⁰.

Могильники самусьской культуры (мы имеем в виду собственно самусьский вариант самусьской культурной общности) пока не обнаружены.

Самусьская культура входит, как часть в целое, в самусьскую культурную общность, поэтому ее датировка и происхождение не могут рассматриваться отдельно от других культур самусьского типа. При решении вопроса о происхождении самусьской культурной общности очевидно одно — генетическая связь самусьской орнаментации с наиболее архаичным восточноуральским декоративным комплексом (отступающая техника выполнения узоров, волна, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны, псевдоплетенка и др.); намечается также связь по линии преемственности зооморфной скульптуры (лось, медведь) и некоторым другим традиционным чертам культуры.

Вместе с тем остается не вполне ясным следующее обстоятельство: между ранними субстратными (протосамусьскими) культурами и сложением на этой территории самусьской культурной общности обнаруживается разрыв линии преемственности. Так, тюменскому и среднеиртышскому (логиновскому) вариантам самусьской общности предшествуют в Тюменском Притоболье и лесостепном Поишимье памятники с гребенчато-ямочной керамикой (рис. 1а, 26, 27). То же самое отмечают свердловские археологи для Среднего Прииртышья⁷¹. Что касается Томско-Нарымского Приобья, то здесь генетически близкие памятники новокусовского этапа и самусьской культуры разделены игрековским этапом, керамика которого не вполне вписывается в самусьскую линию развития и более сопоставима с ранней окуневской.

⁶⁸ Матющенко В. И., 1973б, с. 61—62.

⁶⁹ Там же, с. 63.

⁷⁰ Там же, с. 63—64.

⁷¹ Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др., 1970, с. 31—32.

Создается впечатление, что носители самусьской культурной традиции временно покинули эту территорию, а затем вновь возвратились туда (в начале самусьско-сейминской эпохи). В этой связи нельзя не обратить внимание на районы Северного Казахстана, где в эпоху ранней бронзы существовали памятники вишневского типа (до XVI в. до н. э. по Г. Б. Здановичу; в XVI в. до н. э. они были сменены здесь памятниками петровского типа)⁷². Керамика вишневских памятников несет в своей орнаментации весь набор приемов и элементов, характерных для самусьского декоративного комплекса, — отступающую технику выполнения узоров, волну, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны, псевдоплетенку, многие особенности декоративной схемы и т. д.⁷³ Надо полагать, что памятники, близкие вишневским, будут найдены в Восточном Казахстане. Во всяком случае, та немногочисленная предадроновская керамика, которая известна сейчас в Верхнем Прииртышье, имеет в своей орнаментации черты, сопоставимые с самусьскими⁷⁴. Г. Б. Зданович считает, что формирование петровского (раннеалакульского) этапа было связано с активным внедрением в среду вишневского населения пришлых скотоводческих и скотоводческо-земледельческих групп⁷⁵. Вероятно, аналогичные процессы имели место в Восточном Казахстане, где в это время распространяются памятники канайского типа⁷⁶.

Однако вряд ли можно предполагать, что турбинско-сейминские типы бронз были принесены на север уже в сложившемся виде. Материалы, полученные В. Ф. Зайбертом на вишневских поселениях Северного Казахстана, не дают оснований видеть у вишневцев сколько-нибудь развитое бронзолитейное производство⁷⁷. Скорее всего, начало существования самусьской культурной общности в Среднем Обь-Иртышье совпадает с концом вишневского этапа в Северном Казахстане и со временем утверждения там населения, оставившего памятники петровского типа. Об одновременности самусьского населения Среднего Обь-Иртышья и петровского Северного Казахстана говорит, например, отмеченный для тех и других обычай окапывания поселений рвом: Черноозерье VI (Среднее Прииртышье)⁷⁸, Боголюбово I, Новоникольское I (Северный Казахстан)⁷⁹.

Наиболее перспективно сопоставление памятников самусьской общности с турбинско-сейминскими могильниками Волго-Камья. Они обнаруживают поразительное сходство почти всех категорий инвентаря: каменных наконечников стрел, скребков, вкладышей, бронзовых копий, кельтов и других изделий, что с несомненностью свидетельствует об их одновременности. О. Н. Бадер датировал Турбинский и Сейминский могильники XVI—XIV вв. до н. э.⁸⁰, Б. Г. Тихонов — XV—XIII вв. до н. э.⁸¹ В последние годы предприняты попытки передатировки тур-

⁷² Зданович Г. Б., с. 21—22.

⁷³ Зайберт В. Ф., 1973, рис. 40.

⁷⁴ Черников С. С., 1960, табл. 7, 3.

⁷⁵ Зданович Г. Б., 1975, с. 22.

⁷⁶ Черников С. С., 1960, табл. XVII—XXIX; ср.: Зданович Г. Б., 1973, рис. 2.

⁷⁷ Зайберт В. Ф., 1973.

⁷⁸ Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др., 1970, с. 21.

⁷⁹ Зданович Г. Б., 1973, с. 40.

⁸⁰ Бадер О. Н., 1964, с. 163.

⁸¹ Тихонов Б. Г., 1960, с. 26, 39.

бинско-сейминских бронз. В. А. Софронов отнес их к XIII—XII вв. до н. э.⁸², а Н. Л. Членова — к предскифскому (предтагарскому) времени⁸³. Мне кажется, что эти попытки исходят из не совсем правильной методики выбора датирующих аналогий. Это касается прежде всего сопоставления турбинско-сейминских изделий с аньянскими и карасукскими бронзами. Сравниваются не комплексы вещей в целом, а отдельные предметы, причем, как правило, по деталям формы или элементам бронзолитейных традиций. Сопоставимость таких признаков совсем не обязательно говорит об их синхронности. На нынешнем уровне археологической изученности бронзового века урало-сибирской территории гораздо правомерней и рациональнее искать хронологические рубежи самусьской культуры с точки зрения места культур самусьского типа в общей историко-культурной стратиграфии бронзового века Западной Сибири. Самусьско-сейминский хронологический пласт в предтаежной и южнотаежной полосе Западной Сибири лежит выше памятников эпохи ранней бронзы и ниже комплексов андроновской эпохи. Памятники раннего бронзового века Восточного Зауралья и Западной Сибири датируются разными исследователями в общем одинаково: аятские памятники — первыми веками II тысячелетия до н. э.⁸⁴, вишневские — первой третью II тысячелетия или XVIII—XVII вв. до н. э.⁸⁵, памятники игрековского типа в Томско-Нарымском Приобье — первой третью II тысячелетия до н. э. (могильник на Мусульманском кладбище)⁸⁶.

Выше мы уже говорили, что никто из западносибирских археологов (М. Ф. Косарев, В. С. Стоколос, Г. Б. Зданович, В. И. Молодин и др.) не считает сейчас, что андроновские (федоровские) памятники могли появиться в Западной Сибири и Северном Казахстане ранее XIII в. до н. э. Таким образом, хронологические границы самусьской культурной общности определяются концом эпохи ранней бронзы, с одной стороны, и распространением в Западной Сибири андроновских (федоровских) памятников — с другой, т. е. укладываются между XVI и XIII или между XV и XIII вв. до н. э.

Однако конец существования в предтаежной и южнотаежной полосе самусьской культурной общности не кладет предел существованию в Западной Сибири самусьской культурной традиции; это касается прежде всего элементов самусьского орнаментального комплекса, которые живут на керамике глубинных таежных районов Приобья до средневековья⁸⁷, а также бронзолитейного производства (форма и орнаментация кельтов эпохи железа, стиль кулайского антропоморфного и зооморфного литья и др.). Видимо, ко времени прихода андроновцев и родственных им групп основная масса самусьского населения отодвинулась на север.

ЛЕСОСТЕПНАЯ БАРАБА. КРотовСКАЯ КУЛЬТУРА

Керамический комплекс кротовского типа был впервые выявлен М. П. Грязновым и М. Н. Комаровой на стоянках Кротово, Киприно, Ирба во время археологических работ в зоне затопления Новосибир-

⁸² Софронов В. А., 1966.

⁸³ Членова Н. Л., 1972, с. 135—139.

⁸⁴ Старков В. Ф., 1970б, с. 11.

⁸⁵ Зданович Г. Б., 1975, с. 21.

⁸⁶ Косарев М. Ф., 1974а, с. 67.

⁸⁷ Косарев М. Ф., 1974б, рис. 2.

ского водохранилища⁸⁸. В 1960—1970-е годы в результате работ Т. Н. Троицкой, В. Ф. Генинга, В. И. Молодина и других было найдено еще несколько памятников, содержащих керамику кротовского типа (поселения Ордынское IБ, Преображенка III, Венгерово II, III, в лесостепной Барабе, Черноозерье III, IV, Инберень X, в Омской обл., Енисейская стоянка в районе Бийска и др.). В последние годы керамические комплексы кротовского облика выявлены в Кемеровской обл. (поселение Берчикуль VI). Свердловские археологи нашли возможным выделить в лесостепном Прииртышье особый «кротовский» этап в развитии местных культур бронзового века⁸⁹, а в 1975 г. В. И. Молодин привел убедительные доказательства в пользу существования в лесостепном междуречье Оби и Иртыша кротовской культуры⁹⁰.

Посуда кротовских памятников представлена довольно крупными банками удлиненных пропорций. В верхней половине стенка сосуда идет обычно перпендикулярно плоскости дна, затем равномерно сужается к днищу (рис. 16, 29, 31, 48; 38, 1). В тесте заметна большая примесь песка. Орнамент в большинстве случаев покрывает всю боковую поверхность. Основные орнаментальные мотивы — горизонтальные ряды вертикальных отпечатков гребенки (рис. 16, 48; 38, 2, 3) и различные вариации гребенчатой качалки (рис. 16, 29, 31)⁹¹. Встречаются сосуды, украшенные рядами отступающей гребенки (в самусьской манере: рис. 16, 47), но мне кажется, что их присутствие в кротовских комплексах скорее свидетельствует о контактах кротовского и самусьского населения.

Одной из самых специфических особенностей кротовской посуды является наличие валиков, которые в ряде случаев делят орнаментальное поле на несколько зон. Очень характерны волнистые валики. При ознакомлении с кротовской керамикой бросается в глаза большой удельный вес в орнаментации гребенчатой качалки. На многих кротовских сосудах она является основным или даже единственным видом орнамента (см., например, рис. 16, 29, 31; 38, 1). Она располагалась по-разному — горизонтальными, наклонными и даже вертикальными рядами. Гребенчатая качалка с похожими вариациями была очень характерна в Ишимо-Иртышской лесостепи в неолитическую эпоху⁹². Это наводит на предположение, что в основе кротовской культуры мог лежать местный ишимо-иртышский неолитический и энеолитический субстрат, характеризующийся не отступающе-накольчатой и прочерченной техникой орнаментации керамики, а гребенчатой и гребенчато-ямочной.

Орудия, найденные вместе с кротовской керамикой, немногочисленны. Каменные наконечники стрел представлены двумя типами — треугольным с прямым основанием и черешковым (рис. 38, 6—8)⁹³. Они широко бытовали на Западно-Сибирской равнине в самусьско-сейминский период. На поселении Преображенка III встречен костяной черешковый

⁸⁸ Комарова М. Н., 1956, рис. 42.

⁸⁹ Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др., 1970, с. 25 и сл.

⁹⁰ Молодин В. И., 1975а, с. 19—21.

⁹¹ См. также: Молодин В. И., 1971, табл. 47—58.

⁹² Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1969, табл. 12.

⁹³ Молодин В. И., 1975б, с. 261.

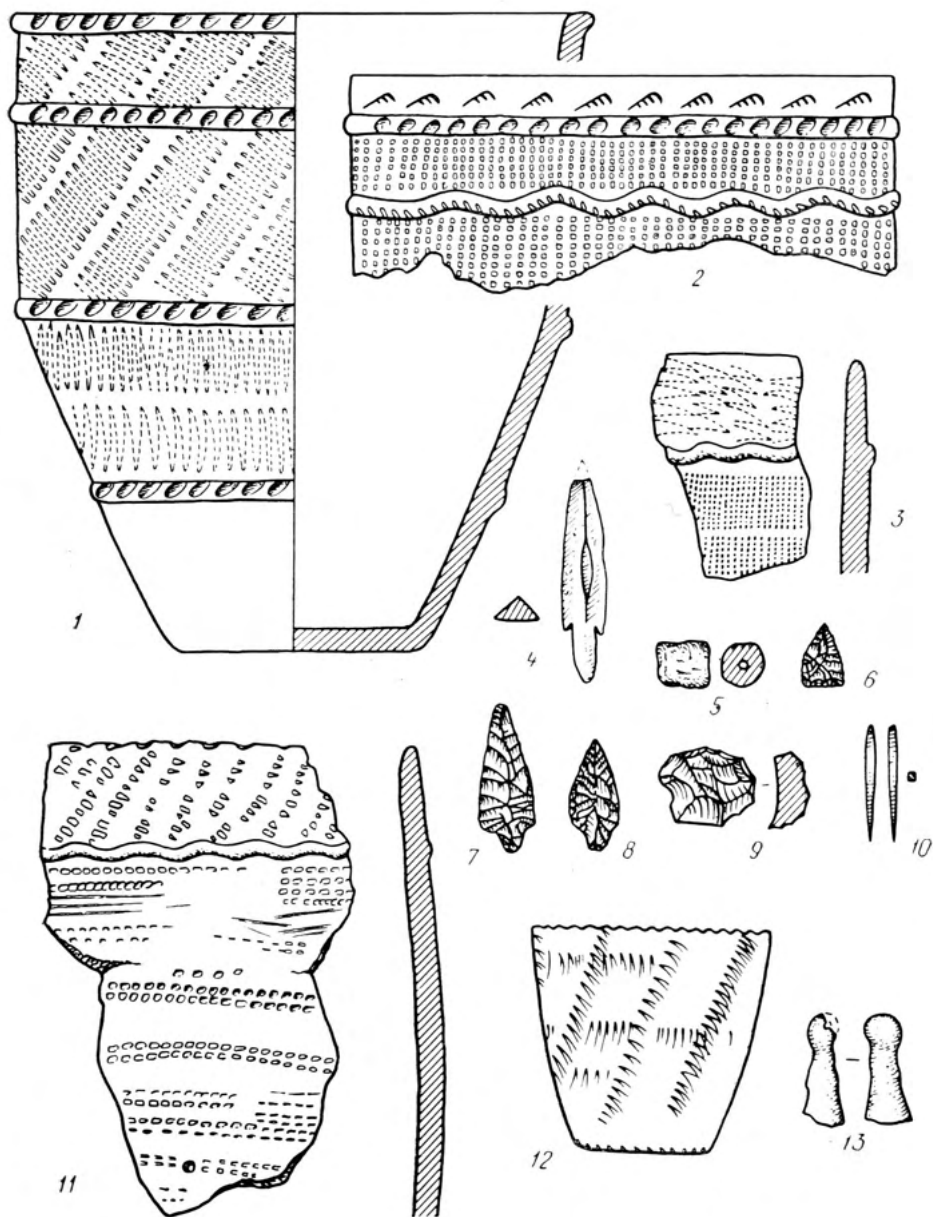

Рис. 38. Самусьско-сейминская эпоха. Новосибирское Приобье. Керамика и производственный инвентарь кротовской культуры

1, 2, 4—11, 13 — Преображенка III; 3 — Ирба; 12 — Ордынское, 1—3, 5 — глина; 4 — кость; 6—9 — камень; 10 — бронза

наконечник с шипами⁹⁴. Форма его, к сожалению, неспецифична; такие наконечники существовали в Западной Сибири от эпохи бронзы до средневековья. На этом же памятнике найден другой такой костяной наконечник, сломанный. Из каменных орудий наиболее многочисленны скребки. В кротовских комплексах лесостепной Барабы их было найдено к 1977 г. 14; формы неспецифичны. Обнаружены довольно многочисленные принадлежности бронзолитейного производства; они сделались из глины и почти все происходят с поселения Преображенка III: обломки литейных форм, литейная шипка, тигли, льячки. Из бронзовых изделий известны два обоюдоострых четырехгранных в сечении шила — одно с поселения Преображенка III, другое — с Кипринского поселения (рис. 38, 10)⁹⁵. В культурном слое кротовских поселений найдены кости косули, лося, волка, медведя и других диких животных⁹⁶. Возможно, в ту пору Барабинская лесостепь была более облесенной, чем в настоящее время, так как некоторые из перечисленных видов животных (например, медведь, соболь) являются сугубо лесными обитателями. Не исключено, однако, что в зимний сезон могли совершаться далекие охотничьи экспедиции в соседние лесные районы — в Васюганье, на Алтай и др.

Известное значение в хозяйстве кротовского населения имело рыболовство, хотя свидетельства об этом довольно скудны. На поселении Преображенка III найдено цилиндрическое глиняное грузило с отверстием⁹⁷. Это весьма совершенная, и, пожалуй, самая рациональная форма сетевого грузила. Подобные грузила встречаются иногда в бронзовом веке, но наиболее широкое распространение они получили в эпоху железа и бытуют у чалдонов и западносибирских аборигенов по сию пору. В культурном слое Преображенки III найдено много костей рыб.

Имеются данные о знакомстве кротовского населения со скотоводством. В. И. Молодин упоминает о находках на кротовских поселениях костей домашних быка, лошади и барана⁹⁸.

Население, оставившее памятники кротовского типа, жило в наземных постройках, слегка углубленных в землю (обычно на 0,3—0,4 м). В. И. Молодин выделяет два типа жилищ. К первому относятся как однокамерные, так и двухкамерные сооружения с ответвленной от камеры канавкой и с очагом в центре каждой из камер. Площадь их колеблется от 22 до 77 кв. м. Второй тип представлен жилищами прямоугольной конфигурации площадью от 90 до 160 кв. м, с земляными очагами в центре каждой камеры и с выходом в виде ступеней. Опорные столбы стояли перпендикулярно (тогда как в жилищах меньшего размера столбовые ямки имели наклон к центру жилищной ямы)⁹⁹.

Могильники кротовской культуры пока не найдены.

Нам кажется, что В. И. Молодин совершенно прав, считая неправильным мнение свердловских археологов о хронологической несовместимости кротовских памятников Прииртышья с поселением Черноозерье VI¹⁰⁰, относящимся к самусьской культурной общности. По мне-

⁹⁴ Там же, рис. 1, 2.

⁹⁵ Молодин В. И., 1977, с. 60—63.

⁹⁶ Молодин В. И., 1975б, с. 265.

⁹⁷ Там же, рис. 1, 8.

⁹⁸ Там же, с. 265.

⁹⁹ Молодин В. И., 1975б, с. 263—264.

¹⁰⁰ Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др., 1970.

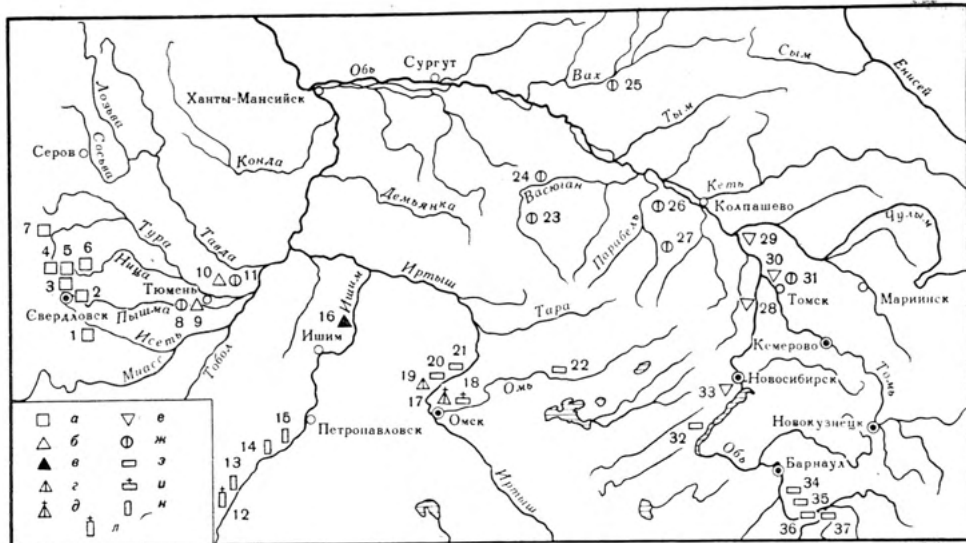

Рис. 39. Памятники самусьско-сейминской эпохи в предтаежной и южнотаежной полосе Восточного Зауралья и Западной Сибири

а — поселения коптыковского этапа; б — поселения тюменского варианта самусьской культурной общности; в — поселения среднеиртышского (логиновского) варианта самусьской культурной общности; г — поселения среднеиртышского варианта самусьской культурной общности; д — могильники среднеиртышского варианта самусьской культурной общности; е — поселения самусьской культуры; ж — памятники с гребенчато-ямочной керамикой (предсузгунский этап); з — поселения кротовской культуры; и — могильники кротовской культуры; к — поселения петровского типа; л — могильники петровского типа. 1 — Карасье I озеро; 2 — Карасье II озеро; 3 — Новая III; 4 — Аятские I, II поселения; 5 — Коптяки II, V; 6 — Макуша; 7 — Горбуновский торфяник (Береговая I стоянка и

VI разрез); 8 — раскоп I участка VIII южного берега Андреевского озера; 9 — поселение на северном берегу Андреевского озера; раскоп I участка VIII южного берега Андреевского озера; 10 — Ипкуль I; 11 — Ипкуль I, VIII; 12 — Петровский могильник; 13 — Петровка II; 14 — Новоникольское; 15 — Боголюбово; 16 — Логиновское городище; 17, 18 — Ростовкинский могильник; 19 — Черноозерье VI; 20 — Черноозерье III, IV, VI; 21 — Инберень X; 22 — Преображенка III; 23 — Тух-Эмтор и Тух-Сигат; 24 — Шаманский Мыс; 25 — Большой Ларьяк; 26 — Малет; 27 — Тенга; 28 — Могильники III; 29 — Большой Сор; 30, 31 — Самусьское IV поселение; 32 — Ордынское; 33 — Крохалевка I, 4; 34 — Иткульские поселения; 35 — Бывший аэродром; 36 — Чудая Гора; 37 — Енисейская стоянка

нию В. Ф. Генинга и его свердловских коллег, кротовские памятники в хронологическом отношении следуют за Черноозерьем VI, т. е. фактически лежат за пределами самусьско-сейминской эпохи. Скорее наоборот, нижняя хронологическая грань кротовских комплексов уходит глубже начала самусьско-сейминской эпохи и отчасти в ранних своих вариантах кротовские комплексы могут быть одновременными памятникам игрековского типа в Томско-Нарымском Приобье. На эту мысль наводят два обстоятельства. Во-первых, сопоставимость кротовской орнаментации с гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом неолитической эпохи (преобладание гребенчатого штампа; типичность шагающей гребенки, нередко расположенной в виде разнонаправленных полос; подчеркивание орнаментальных зон: на энеолитической керамике

Ишимо-Иртышья ямками, на кротовской — валиковыми поясами и др.); во-вторых, более низкий, чем у самусьцев, уровень бронзолитейного производства (здесь, в отличие от самусьских памятников, не найдены пока формы для отливки кельтов, наконечников копий и других крупных орудий). Обращает на себя внимание и архаичная форма кротовских сосудов — удлиненные банки с невыделенной шейкой. Вместе с тем находки в кротовских комплексах профилированных горшков, украшенных рядами отступающей гребенки, совершенно самусьских по облику (рис. 16, 47), свидетельствуют о том, что кротовское население, видимо, на поздних этапах своего обитания в обь-иртышской лесостепи сосуществовало с самусьцами (ранними?) (рис. 39) и даже испытало значительное влияние со стороны самусьской культуры. На некоторых поселениях Верхнего Приобья, главным образом на Крохалевке I, выделена сейчас группа керамики, вызывающая явные самусьские ассоциации¹⁰¹. В. И. Молодин связывает ее появление здесь с проникновениями на юг населения самусьской культуры. На поселении Черноозерье VI выделяется значительная группа керамики, сочетающая кротовские и самусьские признаки.

Говорить о степени родства кротовской и самусьской культур пока сложно. Эти два культурных комплекса очень существенно различаются. Так, ни один из наиболее типичных самусьских орнаментов (отступающе-накольчатая техника выполнения узоров, желобчатый орнамент, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны, псевдоплетенка и др.) не характерен или почти не характерен для кротовской орнаментации; в свою очередь в самусьских орнаментах мы не знаем валиков, гребенчатой качалки и некоторых других декоративных элементов, обязательных для кротовского орнаментального комплекса. Нам представляется, что самусьская и кротовская культуры имеют разные генетические истоки. Те немногие сходные черты, которые отмечает В. И. Молодин, скорее всего, являются результатом контактов или возникли конвергентно.

Глава V

ВТОРОЙ ПЕРИОД РАЗВИТОГО БРОНЗОВОГО ВЕКА (андроновская эпоха)

Около XIII в. до н. э. на территорию самусьской культурной общности приходит новое население — носители андроновской культурной традиции. Оно расселилось в основном в предтаежной зоне Западной Сибири, однако часть пришельцев продвинулась довольно далеко в глубь таежной полосы, где вскоре смешалась с аборигенным населением. В ре-

¹⁰¹ Молодин В. И., 1977, табл. 56; 57, 2.

зультате на юге западносибирской тайги, к северу от андроновской общности, сложилась другая общность — «андроноидная», сочетающая местные и пришлые культурные традиции. Андронидный колорит этой северной таежной общности на протяжении нескольких веков поддерживался тесными контактами с лесостепными андроновцами, а также, видимо, с культурами лесного Зауралья, где андронидная традиция (об этом мы говорили выше — в связи с характеристикой аятских и коптяковских комплексов) имеет глубокие местные истоки. Ниже мы рассмотрим эти общности отдельно — сначала андроновскую, локализованную в основном в предтаежной зоне, затем «андроноидную», занимавшую южную часть таежной полосы. Андроновская общность заходит на территорию Западной Сибири северной своей окраиной, и мы касаемся поэтому лишь северных ее вариантов.

СЕВЕРНЫЕ ВАРИАНТЫ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ

Нижнетобольский вариант андроновской культурной общности. Этот вариант выделен нами со значительной долей условности. Мы отнесли к этому варианту керамику андроновского облика, найденную в таежном Притоболье — преимущественно на поселениях коптяковского и черкаскульского типов. Она, как правило, встречена в незначительном количестве, и мы не уверены, характеризует ли эта керамика специфический культурный комплекс или всего лишь является особой разновидностью коптяковской либо черкаскульской посуды. Мы выделяем в Нижнем Притоболье две группы посуды «андоновского облика».

К первой группе относятся остросереберные сосуды, напоминающие по форме коптяковскую керамику (рис. 40). Такая посуда встречена на поселениях Коптяки V, Карасье Озеро, Ипкуль I, на северном берегу Андреевского озера и в ряде других пунктов. В teste присутствуют тальк (свердловско-тагильский регион), песок и шамот (Тюменское Притоболье). Поверхность сосудов обычно хорошо залощена. Орнамент выполнялся гребенчатым штампом или протасенной гребенкой. На керамике свердловско-тагильского региона, кроме этого, обычны желобчатые линии и уголкового штампы.

В целом орнамент на керамике первой группы представлен богатым набором геометрических узоров, среди которых преобладают «уточки» и разные вариации меандров. О характере декоративной схемы судить трудно, так как целых сосудов почти нет, но создается впечатление, что основная орнаментальная нагрузка ложится на верхнюю часть сосудов. На шейке располагался обычно наиболее колоритный геометрический пояс — в виде ступенчатого меандра (рис. 40, 1, 4, 5, 8), уточек (рис. 40, 2б, 3, 6), треугольников и других фигур. На тулове, в верхней его части, чаще всего изображался меандровый узор или зигзагообразная полоса (рис. 40, 2а, 9, 11, 12).

Характеризуемая группа посуды имеет ряд черт, сопоставимых с коптяковской и андроновской (федоровской) керамикой. С коптяковской ее сближает остросереберная форма сосудов, характерность гребенчатых зигзагообразных полос, наличие по краю или в верхней части тулова

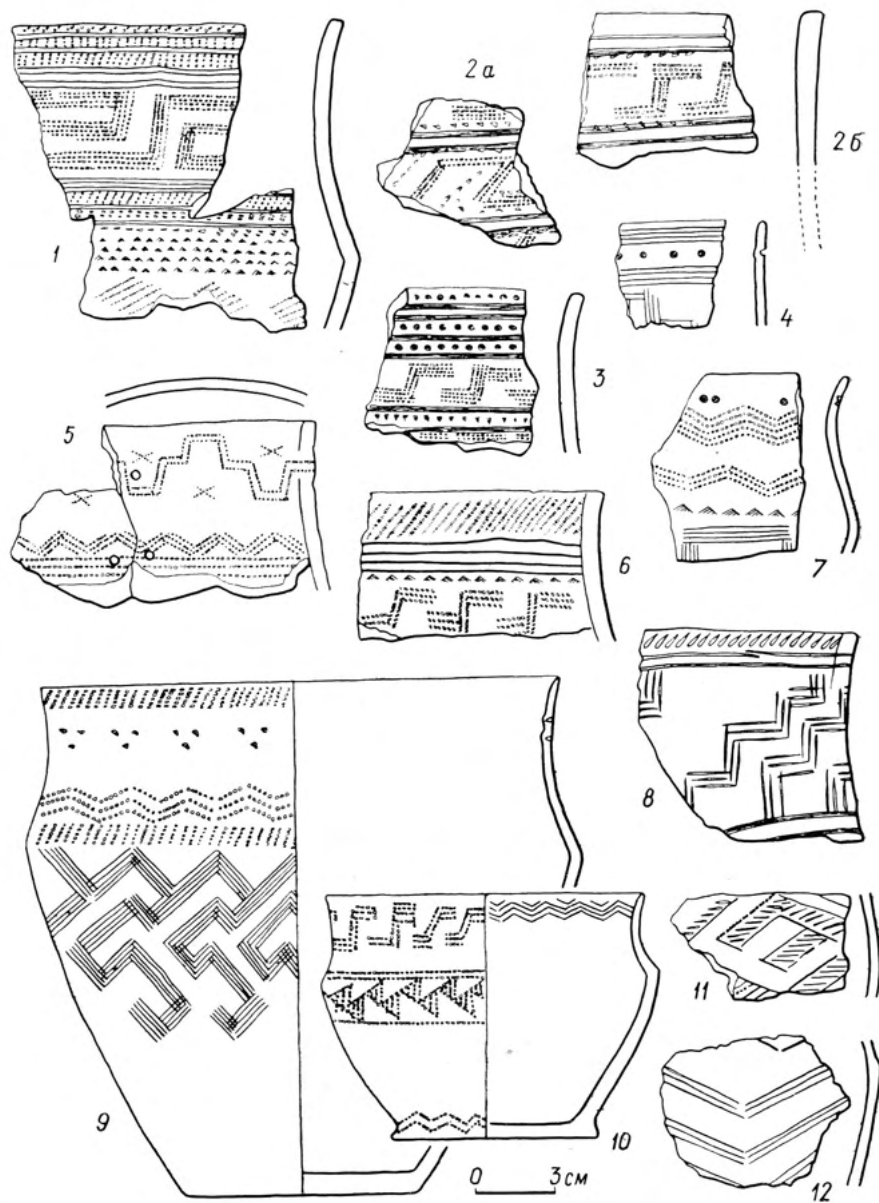

Рис. 40. Андроновская эпоха. Нижнее Притоболье. Нижнетобольский вариант андроновской общности. Керамика первой группы

1, 3, 6, 8 — Коптяки V; 2 — окрестности Свердловска; 4, 11 — Инкуль I; 5 — Карасье озеро; 7, 12 — Инкуль II; 9, 10 — поселение на северном берегу Андреевского озера

горизонтального ряда наклонных отпечатков гребенчатого штампа. Сандроновской (Федоровской) керамикой описываемая посуда сопоставима по характерности утолщений, ступенчатых и разветвленных меандров, выпуклых, как правило, аккуратной тонкозубой гребенкой.

В 1968, 1970 гг. В. Т. Юровская исследовала на северном берегу Андреевского озера жилище с относительно чистым керамическим комплексом характеризующей группы (рис. 40, 9, 12)¹. Здесь были встречены глиняные грузила — два биконических и одно округлое с желобками для привязывания². Первые два очень архаичны и более характерны для памятников эпохи раннего металла, третьи же, насколько позволяют судить материалы из окрестных районов, является основным типом грузил на территории Нижнего Приобья в андроновскую эпоху. Ни о каких других орудиях на этом участке раскопа В. Т. Юровская не сообщает. В данном случае находки только грузил не могут служить основанием для вывода о преимущественно рыболовецких занятиях местного населения. Такое заключение носило бы слишком формальный и прямолинейный характер. Данные для этого времени по другим районам южнотаежной полосы Западной Сибири говорят о том, что население андроновской эпохи вело многоотраслевое хозяйство, в котором наряду с присваивающими промыслами большую, возможно решающую, роль играли скотоводство и отчасти земледелие. К сожалению, андроновские памятники свердловско-тагильского региона и Тюменского Приобья не сохранили костных остатков, и поэтому прямых свидетельств в пользу скотоводства мы здесь пока не имеем.

Выше мы упоминали о жилище с керамикой первой группы, исследованном В. Т. Юровской. Оно имеет овальную форму (8×6 м) и углублено в грунт на 120—140 см. Судя по глубине котлована, это было зимнее жилище типа землянки³.

Вторая группа керамики (рис. 41) имеет горшковидную форму с плавным переходом от шейки к плечикам. В тесте характерна примесь талька. Поверхность сосудов обычно лощеная. Посуда этой группы встречается на черкаскульских поселениях района Свердловска, в Тюменском Приобье и в северной части Челябинской обл. Орнамент выполнялся аккуратной тонкозубой гребенкой. Шейка чаще всего украшалась рядом косых треугольников. Иногда их место занимала полоса из равнобедренных треугольников (рис. 41, 13) или ступенчатый меандр (рис. 41, 11). На тулове обычно располагался сложный разветвленный меандр, окаймленный снизу равнобедренными треугольниками (рис. 41, 2, 3, 14). Геометрический пояс на шейке нередко подчеркивался сверху и снизу рядами желобчатых линий или уголкового штампа (рис. 41, 1, 7 и др.). Иногда уголкового штамп наносился по контуру геометрических фигур (рис. 41, 7, 10).

По форме, по отдельным орнаментальным мотивам и по характеру декоративной схемы посуда этой группы близка классической андроновской (Федоровской) керамике Южного Урала⁴. В целом вторая

¹ Юровская В. Т., 1973, рис. 7.

² Там же, рис. 7, 3, 4, 7.

³ Юровская В. Т., 1973, с. 17.

⁴ Сальников К. В., 1967, рис. 44; 45, 3, 4, 6.

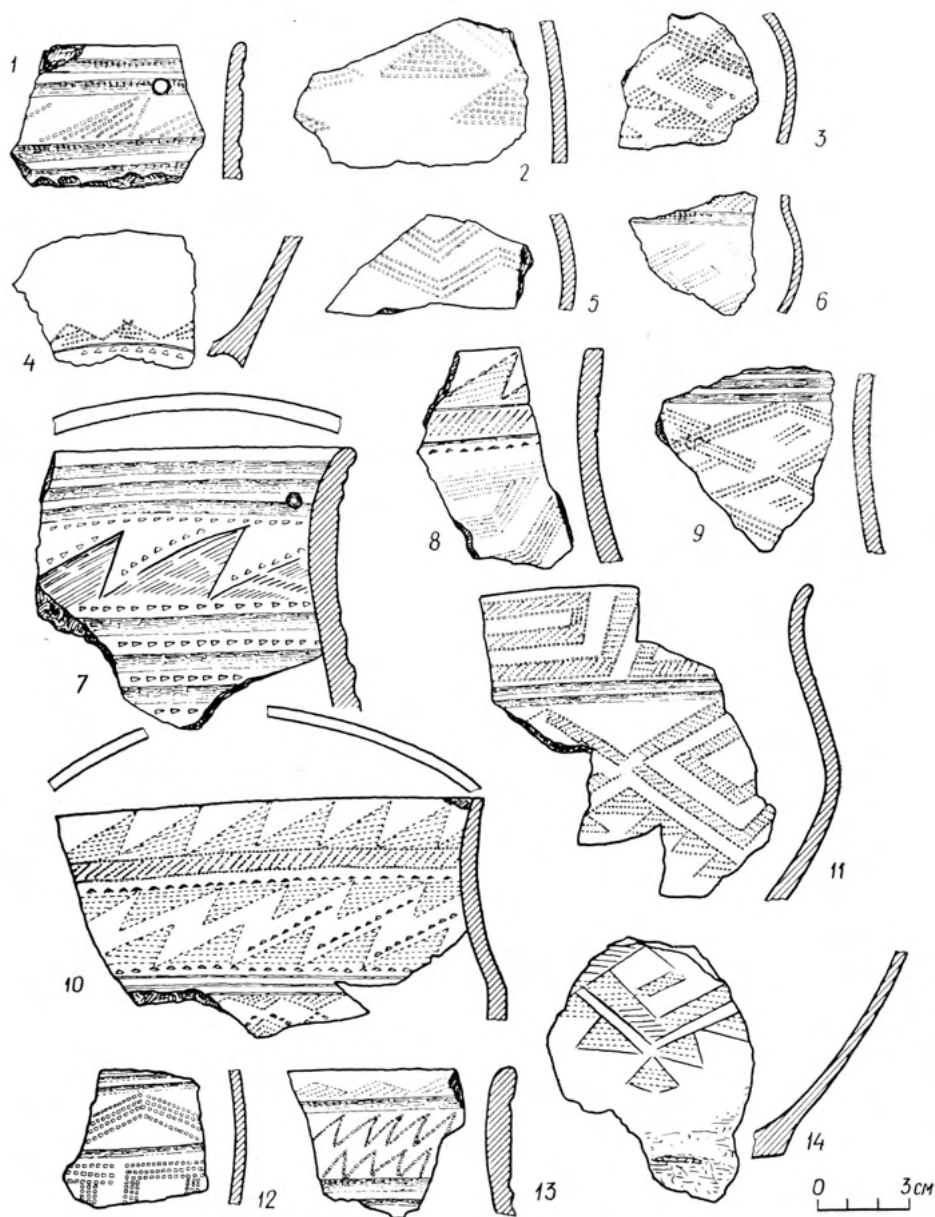

Рис. 41. Андроновская эпоха. Район Свердловска. Нижнетобольский вариант андроновской общности. Керамика второй группы

1—4 — Чесноковская Пашня; 5, 6 — Погорошки; 7 — Калмацкий Брод; 8 — Ново-Исетский завод; 9 — Карасье озеро; 10, 12—14 — Контяки V; 11 — Исетское озеро

группа посуды, видимо, оформилась несколько позже первой. В отличие от первой группы, она имеет мало общего с коптяковской керамикой и встречается обычно на черкаскульских поселениях как примесь к черкаскульской посуде (Чесноковская Пашня, рис. 41, 1—4; Погоршки, рис. 41, 5, 6; поселение Лужки⁵; Черкаскуль II⁶ и др.). Найдена она также на Коптяковском поселении (Коптяки V, рис. 41, 10, 12—14) и на поселении Дуван XVII близ Тюмени.

Из Свердловской обл. происходит несколько бронзовых вещей, которые принято считать андроновскими или, во всяком случае, относить к андроновской эпохе. Среди них — кинжалы с «перехватом» (с. Красногорское на р. Исети, оз. Кунгур) и кинжал, напоминающий по форме рукояти и по манере насадки ее на лезвие одноименные орудия из Сейминского могильника⁷. Однако все эти вещи относятся к категории случайных находок, и поэтому остается неясным, производились ли они на месте и кем (коптяковцами? андроновцами? черкаскульцами?) или являлись южным импортом.

Верхнеобский вариант андроновской культурной общности. В Верхнем Приобье к настоящему времени исследованы полностью или частично более 10 могильников андроновской (федоровской?) культуры, среди которых наиболее полно изучены Вахрушевский, Кытмановский, Нижняя Суетка, Ур, Большепичугинский и Преображенка III. Кроме того, в Верхнем Приобье известно довольно много поселений бронзового века, где встречены фрагменты андроновской керамики (Камень, Красный Яр I, II, Ирмень I, Енисейское и др.).

Вопросам андроновской общности Западной Сибири и Казахстана посвящена большая литература. Недавно вышла солидная монография, где рассматриваются андроновские памятники Верхнего Приобья⁸. Это избавляет меня от необходимости развернутой характеристики верхнеобского варианта андроновской культурной общности. В нижеследующем кратком очерке я ограничусь лишь некоторыми общими замечаниями, касающимися андроновской эпохи на верхней Оби в целом.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: богато орнаментированная керамика классического андроновского (федоровского) стиля известна преимущественно из могильников. На поселениях она встречается, как правило, в незначительном количестве — в качестве примеси к керамике еловской или даже ирменской культур. Интересно, что похожая картина наблюдается и в Зауралье. Андроновская (федоровская) керамика встречается там в позднеалакульских, черкаскульских и даже замараевских слоях и везде представлена малым количеством находок⁹.

Можно предложить два варианта объяснения подобного явления: 1. Нарядная посуда классического андроновского стиля, с богатым геометрическим орнаментом являлась ритуальной и поэтому была особенно характерна в могильниках и на жертвенных местах. Основная масса бытовой посуды отличалась более грубой лепкой и менее выразительной

⁵ Стоколос В. С., 1972, рис. 23, 6.

⁶ Там же, рис. 24, 4; 25, 15, 16.

⁷ Бадер О. Н., 1970б, рис. 50.

⁸ Матющенко В. И., 1973в.

⁹ Стоколос В. С., 1972, с. 128—131.

орнаментацией. Предположение о ритуальном характере нарядной андроновской посуды высказывалось многими исследователями¹⁰. 2. Возможно, у некоторых андроновских групп существовало специализированное керамическое производство, рассчитанное на обмен с другими племенами. Такую точку зрения высказывал, например, М. П. Грязнов¹¹.

В пределах верхнеобского варианта андроновской общности прослеживается следующая закономерность: по направлению на север, к Томско-Нарымскому Приобью, и на юг, к горно-таежным районам Алтая, в керамике андроновских могильников наблюдается уменьшение удельного веса нарядной посуды классического стиля; соответственно возрастает количество простых баночных сосудов, орнаментированных елочными и зигзагообразными узорами. Интересно также, что курганные насыпи более характерны для могильников, где полнее представлены классические андроновские типы посуды (Вахрушевский могильник, Ур и др.); там, где в могильниках преобладают баночные сосуды с простой невыразительной орнаментацией, отчетливых курганных насыпей, как правило, не бывает (Томский могильник на Малом Мысе, Еловский II могильник, могильники Ближние Елбаны XII, XIV и др.).

Могильные ямы верхнеобских андроновских могильников имели обычно деревянную обкладку и перекрытие. Преобладающая ориентировка покойников — с северо-запада на юго-восток. В большинстве могил умершие захоронены по обряду трупоположения в скорченной позе, на левом (реже на правом) боку. Трупосожжения сравнительно редки. Однако это вовсе не означает, что трупоположение было характерно для всех групп верхнеобских андроновцев. В могильнике Ур из 28 могил лишь в трех захоронения совершены по обряду трупоположения, во всех остальных — трупосожжение¹². В западной части андроновской (федоровской) общности обряд трупосожжения применялся намного чаще. Выделяя федоровский «этап» андроновской культуры на Урале, К. В. Сальников отмечает в качестве характерной черты федоровских погребений трупосожжение¹³.

В андроновских погребениях Верхнего Приобья с покойником оставляли глиняную посуду и украшения. Орудия труда (за исключением мелких неспецифических орудий типа шилев и пр.) — очень редкая находка. Однако на северной окраине андроновской общности, где классические андроновские (федоровские) черты в орнаментации посуды выражены очень слабо, наблюдается увеличение количества орудий в погребальном инвентаре (могильники Черноозерье I, Томский на Малом Мысе, Еловский II).

В погребениях андроновского времени лесостепной зоны Западной Сибири практически полностью отсутствует оружие. В этом отношении андроновское население резко отличается от предшествующих ему в предтаежном и отчасти южнотаежном Обь-Иртышье самусьцев. Не

¹⁰ См., например: *Кривцова-Гракова О. А.*, 1948; *Генинг В. Ф.*, *Гусеницова Т. М.*, *Кондратьев О. М.* и др., 1970, с. 35.

¹¹ *Грязнов М. П.* Отчет Новосибирской экспедиции об археологических рабо-

тах в 1954 г. в зоне затопления Новосибирской ГЭС. — Архив ИА, № 1059, с. 10.

¹² *Матющенко В. И.*, 1973в, с. 30.

¹³ *Сальников К. В.*, 1951, с. 114.

исключено, что продвижение в Западную Сибирь андроновцев не сопровождалось жестокими военными столкновениями с местным населением. Возможно, носители самусьской культурной традиции покинули эти места до прихода андроновцев. Этнография дает немало свидетельств полного запустения больших территорий в результате ухудшения окружающей среды (например, оскудения охотничьих угодий) или вследствие жестоких опустошительных эпидемий. Так, например, в 1631—1632 гг. от эпидемии оспы вымерло две трети предков современных энцев¹⁴. В Восточной Сибири после серии эпидемий полностью вымерли юкагиры — некогда одна из самых многочисленных народностей Сибири¹⁵. Обезлюдившая территория юкагиров была занята другими этническими группами, преимущественно тунгусами, что позволило последним значительно расширить свой ареал.

По этнографическим данным, у сибирских аборигенов было принято после смерти члена семьи переносить жилище в другое место. В случае эпидемий, следовавших нередко за крупными стихийными бедствиями, население покидало «плохие» места и переселялось в другие районы. Трудно судить, насколько приведенные этнографические примеры способны объяснить действительную причину исчезновения самусьской и родственной ей культур. Тем не менее не может не удивлять тот факт, что андроновцы, придя в Западную Сибирь, абсолютно ничего (по имеющимся сейчас археологическим данным) не восприняли от населения самусьской культурной общности — ни в керамике, ни в бронзолитейных традициях, ни в изобразительном искусстве.

Не исключено, что основная масса носителей самусьской культурной традиции ушла на север Западной Сибири, в глубь таежной зоны. Во всяком случае, в дальнейшем эпизодические возвращения элементов самусьской орнаментации в лесостепную и южнотаежную части Западной Сибири были всегда связаны с продвижением на юг северного населения (молчановская и гамаюнская культуры переходного времени от бронзового века к железнному; кулайская культура эпохи железа; релкинская культура раннего средневековья).

Исследователи единодушны в том, что население андроновской эпохи в Южной Сибири и Казахстане вело пастушеско-земледельческое хозяйство. Охота и рыболовство в степной и лесостепной зонах Западно-Сибирской равнины в это время играли ничтожную роль (подробнее мы остановимся на этом в главе «Хозяйство»).

Черноозерско-томский вариант андроновской культурной общности. Этот вариант представлен пока четырьмя исследованными памятниками — Черноозерским городищем (раскопки экспедиции Уральского университета, 1968—1970 гг.), могильниками Черноозерье I (раскопки той же экспедиции, 1967—1969 гг.), Томским на Малом Мысе (раскопки А. В. Адрианова, 1889 г.) и отчасти Еловским II (раскопки экспедиции Томского университета, 1960—1970-е годы). Томский могильник на Малом Мысе и Еловский II могильник опубликованы полностью¹⁶, краткие

¹⁴ Долгих Б. Ю., 1967, с. 10.

¹⁵ Гурвич И. С., 1967.

¹⁶ Комарова М. Н., 1952, рис. 7—16; Ма-

тющенко В. И., 1973в, рис. 8—32; Косарев М. Ф., 1974а, рис. 23; 24.

сведения о двух других памятниках содержатся в небольших предварительных публикациях¹⁷.

Черноозерское городище расположено примерно в 100—120 км севернее Омска. Памятник исследован полностью (вскрытая площадь равна 867 кв. м). Посуда с городища по форме делится на две группы — горшковидную (около трети всех сосудов) и баночную. Последняя крупнее и выполнена более грубо. Узоры и на банках, и на горшках наносились мелким и крупным гребенчатым штампом, нарезкой, желобками и ямками подтреугольной либо овальной формы. Среди орнаментальных мотивов преобладают елочные и зигзагообразные узоры¹⁸. В целом керамика Черноозерского городища весьма близка посуде Томского могильника на Малом Мысе¹⁹ и одновременных ему памятников Алтая (Ближние Елбаны XII, XIV; Канайское поселение и могильник)²⁰.

Керамика с богатым гребенчатым геометризмом, сопоставимая с классической андроновской (федоровской) посудой, немногочисленна. По подсчетам В. П. Викторова и В. А. Борзунова, она составляет немногим более 2% от общего количества керамики, найденной на этом памятнике²¹.

В культурном слое Черноозерского городища найдено несколько каменных орудий, бронзовое кольцо со спиральными завитками на концах, шестигранные бронзовые шилья и некоторые другие вещи²². Встречен достаточно многочисленный остеологический материал, принадлежащий почти исключительно домашним животным; по видовому составу он распределяется следующим образом (по числу особей): крупный рогатый скот — 7; мелкий рогатый скот — 8; лошадь — 3²³. Вообще, если сравнить остеологические материалы предтаежных поселений андроновской (Черноозерское городище, Пахомовская Пристань и др.) и самусьско-сейминской эпох (Черноозерье III, IV, VI), наблюдается тенденция к уменьшению доли овцы в стаде и увеличению удельного веса крупного рогатого скота²⁴. Охотничий промысел, судя по костным остаткам, играл незначительную роль (медведь, кабан — по одной особи)²⁵.

Насколько можно судить по опубликованным данным, Черноозерское городище — первое из известных поселений андроновской эпохи лесостепной зоны Западной Сибири, где была выявлена хорошо фиксируемая на поверхности фортификационная система. Ров и вал Черноозерского городища ограждают прямоугольную площадку у края террасы размером 40×15 м; ширина рва около 3 м, глубина от современной поверхности — 2,2—2,4 м. Вал оплыл и прослеживается не очень четко. С наружной стороны он был укреплен деревянным частоколом, о чем говорят выявленные вдоль края рва столбовые ямы глубиной 25—40 см и диаметром 20—25 см. В средней части рва, перпендикулярно ему,

¹⁷ Генинг В. Ф., Ещенко Н. К., 1973; Викторов В. П., Борзунов В. А., 1974.

¹⁸ Викторов В. П., Борзунов В. А., 1974, рис. 2.

¹⁹ Косарев М. Ф., 1974а, рис. 23.

²⁰ Грязнов М. П., 1956а, табл. III; Черников С. С., 1960, табл. XIX.

²¹ Викторов В. П., Борзунов В. А., 1974, с. 23.

²² Там же.

²³ Смирнов Н. Г., 1975.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

располагались попарно два ряда ям от столбов, на которых, как считают В. П. Викторов и В. А. Борзунов, крепился помост — въезд на городище²⁶. На площади городища выявлено четыре наземных жилища прямоугольных очертаний — в среднем 10×6 м; пол был лишь слегка углублен в грунт (до твердого подстилающего горизонта). На полу обнаружены остатки очагов, имевших, видимо, глиняную обмазку²⁷.

О погребальном обряде этого времени на северной окраине андроновской общности дают представление могильники Черноозерье I и Томский на Малом Мысе. И тот, и другой — грунтовые. Особенно большой материал получен при раскопках могильника Черноозерье I. Могилы этого древнего кладбища группируются в три ряда, вытянутые с северо-востока на юго-запад. Могильные ямы имеют четырехугольные или подчетыреугольные очертания и углублены в землю на 80—100 см. Во многих из них сохранились следы деревянной обкладки. Всего вскрыто 170 погребений. Большинство костяков лежало в вытянутом положении, на спине, порой с сильно разведенными руками и ногами. В 12 могилах покойники были помещены в скорченной позе, на боку. Основная масса погребенных ориентирована головой на юго-восток и юг-юго-восток²⁸.

Погребальный инвентарь довольно богат и разнообразен²⁹. Найдено 20 бронзовых ножей, иглы, много украшений, керамика. Среди каменных орудий следует отметить «гладилки» и черешковый наконечник стрелы. В. Ф. Генинг и Н. К. Ещенко делают бронзовые ножи на две группы — двулезвийные и однолезвийные. К двулезвийным (6 экз.) отнесены как архаичные пластинчатые, так и развитых форм, с выделенной рукоятью, в числе которых В. Ф. Генинг и Н. К. Ещенко отмечают нож с черешком и упором, датируемый, по их мнению, XII—IX вв. до н. э.³⁰ Ко второй группе (14 экз.) они относят однолезвийные ножи с прямой, либо выгнутой спинкой³¹. Близкие аналогии этим ножам мы находим в Томском могильнике на Малом Мысе³² и в ранних погребениях II Еловского могильника³³.

Среди бронзовых украшений наиболее многочисленны височные кольца³⁴. Интересны 19 литых трапециевидных подвесок (погребение 43), орнаментированных псевдоплетенкой и сплошными взаимопроникающими треугольными зонами, а также своеобразные ажурные пластинчатые браслеты³⁵.

Как видно из изложенного, погребальный обряд Черноозерского I могильника весьма специфичен и отличается от похоронного ритуала, известного по верхнеобским андроновским могильникам. Положение покойников — вытянутое на спине — не характерно для населения андроновской культуры. Эта черта погребального обряда отмечена в основном для предшественников андроновцев (погребения окуневской культуры

²⁶ Викторов В. П., Борзунов В. А., 1974, с. 20.

²⁷ Там же.

²⁸ Генинг В. Ф., Ещенко Н. К., 1973, с. 55.

²⁹ Там же, рис. 2; 3.

³⁰ Там же, рис. 4, 10; с. 57.

³¹ Там же, рис. 4, 11, 12.

³² Комарова М. Н., 1952, рис. 8, 11, 15.

³³ Матющенко В. И., 1973в, рис. 8.

³⁴ Генинг В. Ф., Ещенко Н. К., 1973, рис. 2.

³⁵ Там же, рис. 3, 2, 3; 4, 1.

на Енисее, Ростовкинский могильник близ Омска). Из 170 погребений лишь в 25 обнаружены сосуды, что также не свойственно ни федоровцам, ни алакульцам. Своеобразной чертой Черноозерского I могильника является значительное количество бронзовых орудий, особенно пожей. Ни один из опубликованных сосудов Черноозерского I могильника (7 экз. — каждый из них характерен для определенной группы керамики могильника)³⁶ не сопоставим по большинству показателей с классической андроновской (федоровской) посудой, но всем им можно подобрать близкие аналогии в Томском могильнике на Малом Мысе, в керамике канайского этапа Восточного Казахстана и в посуде из детских погребений андроновской культуры (по М. П. Грязнову) из района Бийска (Ближние Елбаны XII, XIV).

Томский могильник на Малом Мысе очень близок (по керамике, инвентарю и погребальному ритуалу) Черноозерскому I могильнику. Всего, как считает М. Н. Комарова, А. В. Адрианов раскопал здесь 12 погребений бронзового века. Могильник — грунтовый. Глубина могильных ям колеблется от 65 до 135 см. В девяти определенных случаях покойники были ориентированы головой на юг — юго-восток, причем восемь костяков лежали на спине и один — на правом боку с согнутыми коленями.

В могильнике найден довольно богатый бронзовый инвентарь — обоюдоострый черешковый кинжал с перехватом, два однолезвийных ножа с выделенной рукоятью, четырехгранное шило и около десятка украшений, в том числе височное кольцо, с раструбом и полусферические бляшки с петлей на вогнутой стороне³⁷. Все эти вещи находят полные аналогии в Черноозерском могильнике I. М. Н. Комарова сочла возможным связать с характеризруемыми погребениями найденный на Малом Мысе каменный инвентарь — многочисленные топоры и тесла, ножи, скребки, наконечники стрел³⁸. Нам представляется, однако, что эти каменные изделия, во всяком случае большая их часть, относятся к погребениям с керамикой игрековского типа³⁹, которую М. Н. Комарова относит к неолиту, а мы — к эпохе ранней бронзы. Судя по всему, могильнику развитого бронзового века на Малом Мысе предшествовало более раннее кладбище. Однако несовершенная методика раскопок и плохая документация (памятник раскапывался А. В. Андриановым в 1889 г.) не позволяют сейчас расчленить разновременные группы инвентаря.

Керамика Малого Мыса, как и Черноозерского I могильника, очень нестандартна. Преобладает баночная форма сосудов, но встречается и горшковидная (рис. 42). Три сосуда орнаментированы ямочными вдавлениями⁴⁰, некоторые украшены гребенчатыми треугольниками, иногда в сочетании с шагающей гребенкой (рис. 42, 1, 2)⁴¹. Два сосуда покрыты елочными узорами (рис. 42, 3, 5). Встречено два четырехугольных сосуда — блюдо и небольшая низкая чаша. Блюдо украшено заштрихованными треугольниками и меандрами; оно имеет аналогии в андроновских (федоровских) погребениях Южного Зауралья⁴². Чаша

³⁶ Генинг В. Ф., Ещенко Н. К., 1973, рис. 5.

³⁷ Комарова М. Н., 1952, рис. 8.

³⁸ Там же, рис. 12—14.

³⁹ Там же, рис. 5, 2.

⁴⁰ Ср.: Генинг В. Ф., Ещенко Н. К., 1973, рис. 5, 2, 3.

⁴¹ Там же, рис. 5, 1, 7.

⁴² Сальников К. В., 1951, рис. 3, 3.

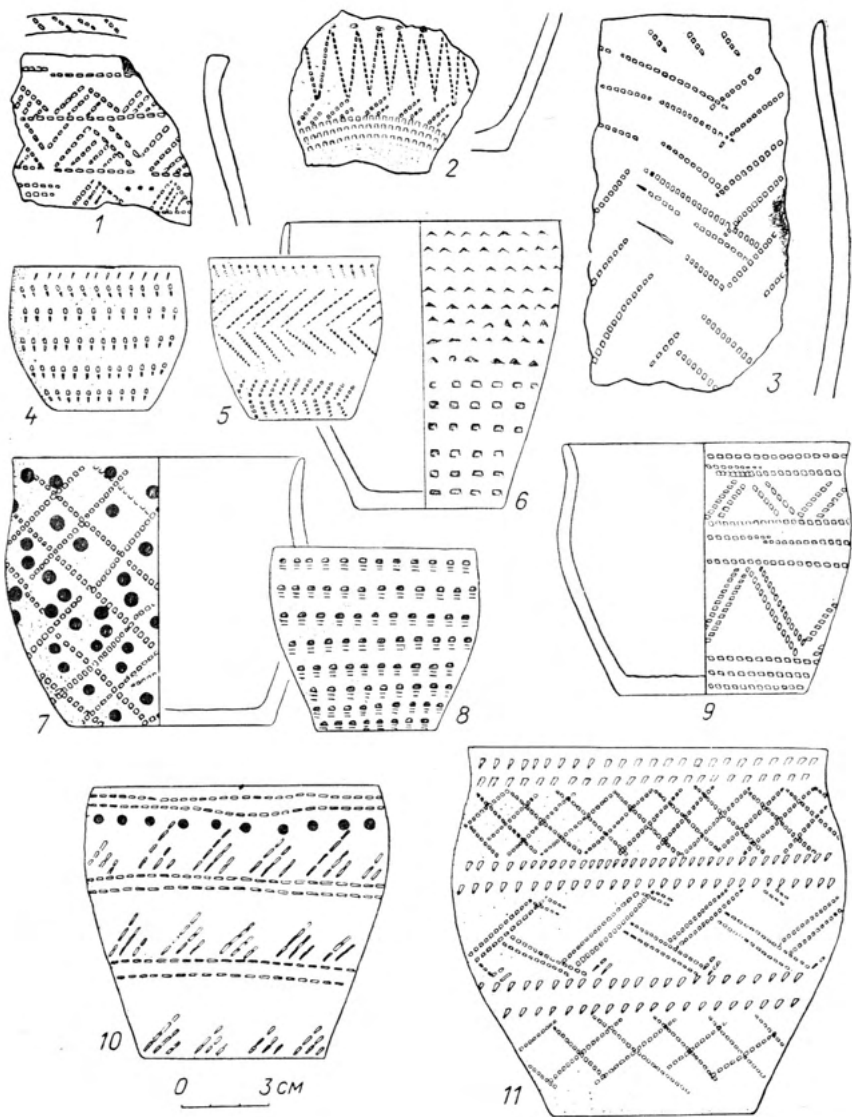

Рис. 42. Андроновская эпоха. Район Томска. Черноозерско-томский вариант андроновской общности. Керамика Томского могильника на Малом Мысе (1—11)

орнаментирована по боковой поверхности рядами насечек⁴³. Похожая четырехугольная чаша известна из Черноозерского I могильника. Выделяется группа открытых баночных сосудов (рис. 42, 7, 11), предвосхищающих в орнаментации еловскую декоративную манеру: однообразное заплетение боковой поверхности одинаковыми поясами узоров, наличие решетчатых полос и поясов в виде зигзагов с взаимозаходящими сторонами, деление орнаментального поля рядами ямок и др.

Материал Малого Мыса сопоставим с инвентарем могильника Черноозерье I по всем основным чертам: по облику посуды, по бронзовому инвентарю (однолезвийные ножи с выделенной рукоятью, черешковый кинжал с перехватом и др.). Одинаков и погребальный обряд (грунтовые захоронения, юго-восточная ориентировка покойников, положение костяков на спине). Вряд ли можно сомневаться в том, что Томский могильник на Малом Мысе и Черноозерский I могильник, отстоящие друг от друга на расстоянии около 700 км по прямой, являются единокультурными памятниками.

Другой памятник Томского Приобья, близкий по ряду признаков Томскому могильнику на Малом Мысе, раскопан В. И. Матющенко. Это — Еловский II могильник, или, точнее, западная его часть, где было исследовано 117 могил (наиболее древних), содержащих 123 погребения. На самой западной окраине этого древнего кладбища, судя по публикациям В. И. Матющенко, были характерны грунтовые захоронения («условные» курганы 49—52 и др.)⁴⁴. Чем дальше к востоку, тем больше курганных насыпей; однако они очень нечетки и их очертания угадываются с трудом⁴⁵. Могильные ямы имели обычно четырехугольную форму и были углублены в землю на 60—90 см (от дневной поверхности). В 106 определенных случаях 80 покойников лежали в скорченной позе на левом боку, 12 — в скорченной позе на правом боку и 14 — вытянутом положении на спине. Кроме того, В. И. Матющенко сообщает о двух случаях трупосожжения, одном обожжении трупа сверху и пяти случаях наличия следов огня в могилах⁴⁶. Костяки, за редким исключением, ориентированы головой на юго-запад с более или менее значительными отклонениями. В большинстве могил сохранились следы деревянной обкладки. Перечисленные черты погребального обряда находят аналогии в андроновских могильниках Верхнего Приобья. Исключением является, пожалуй, лишь наличие трупоположения на спине (14 случаев); они характерны для Черноозерского I могильника и могильника на Малом Мысе, но чужды андроновскому погребальному ритуалу более южных районов Западной Сибири.

Инвентарь богат и разнообразен; много орудий труда. По этим особенностям характеризуемый могильник ближе Томскому могильнику на Малом Мысе и Черноозерскому I могильнику. Здесь найдены два бронзовых кинжала с перехватом (рис. 43, 1, 3), несколько двулезвийных черешковых ножей весьма архаичной формы⁴⁷, около полутора десятка односторонних бронзовых ножей с выделенной рукоятью, прямым лезвием

⁴³ Генинг В. Ф., Ещенко Н. К., 1973, рис. 5, 2.

⁴⁴ Матющенко В. И., 1973в, с. 70—71.

⁴⁵ Там же, с. 71.

⁴⁶ Там же, с. 30.

⁴⁷ Матющенко В. И., 1973в, рис. 7, 1, 2.

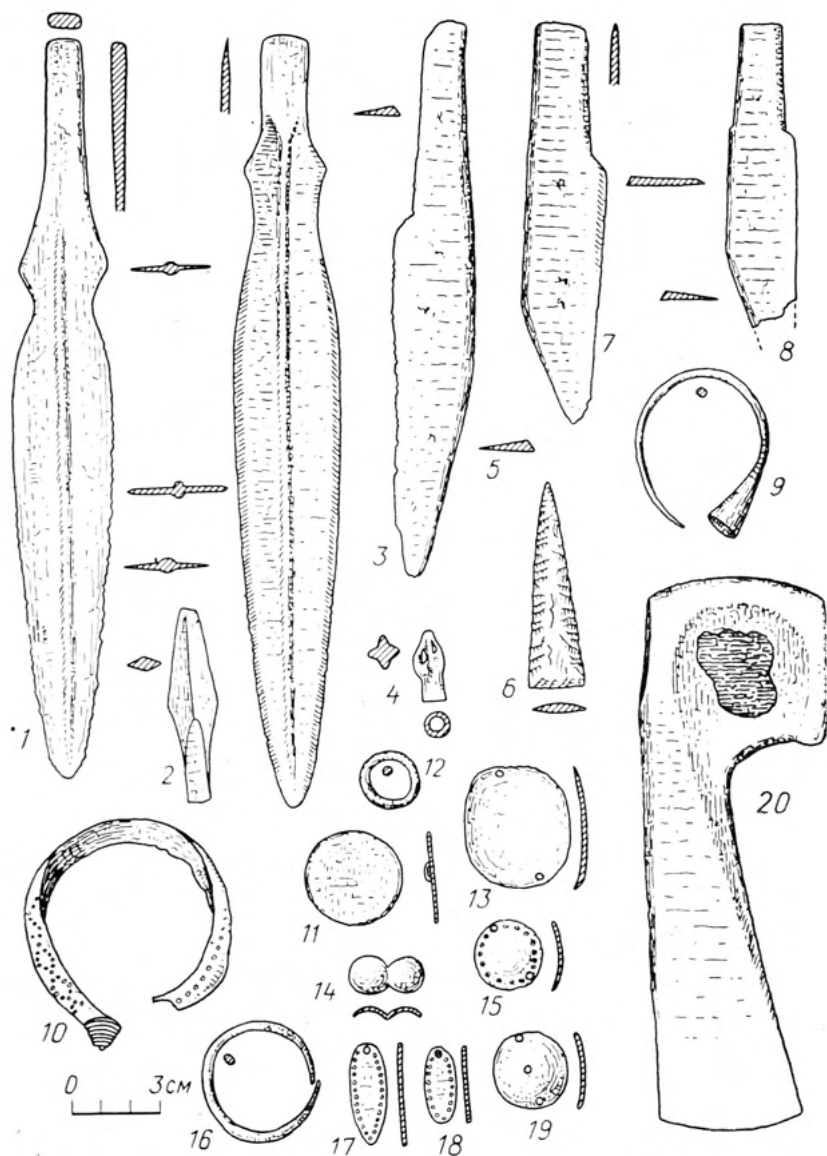

Рис. 43. Андроновская эпоха. Томское Приобье. Инвентарь ранних погребений Еловского II могильника

1, 6 — «курган» 50, могила 2; 2, 4, 11 — могила 43; 3 — курган 52, могила 5; 5 — «курган» 52, могила 6; 7 — «курган» 52, могила 4; 8 — «курган» 52, могила 11; 9 — могила 2; 10, 13, 14 — могила 47; 12 — могила 8; 15 — могила 31; 16 — могила 25; 17—18 — «курган» 52, могила 14; 19 — могила 24; 20 — р. Кенга, пос. Золотые Юрты (Нарымское Приобье). 1, 3—5, 7—20 — бронза; 2 — кость; 6 — камень

и дугообразно выгнутой спинкой (рис. 43, 5—8), три наконечника стрел (бронзовый — втульчатый, четырехперый, рис. 43, 4; костяной — ромбический в сечении, рис. 43, 2; каменный — треугольный, удлинённых пропорций, рис. 43, 6), семь четырехгранных бронзовых шильев, пять игл, орнаментированный желобчатый браслет со спиральными завитками на концах (рис. 43, 10), многочисленные височные украшения (рис. 43, 9, 16), полусферические и плоские круглые бляшки с петлей на обратной стороне (рис. 43, 11, 13, 15, 19), полусферические двухчленные нашивки (рис. 43, 14), овальные пластинки-подвески (рис. 43, 17, 18), бусы, пронизки и др.⁴⁸

Только в десяти могилах (из 117) не обнаружено погребального инвентаря, в девяти присутствовало лишь по одному сосуду, во всех остальных найдена посуда и бронзовые изделия или бронзовые предметы (без керамики). Сосуды обычно ставились у головы покойного (в 46 могилах из 64, содержащих керамику). Височные кольца находились у черепа, ножи — у пояса (в 14 случаях из 19), медные бусы концентрировались около щиколоток⁴⁹. Интересной чертой погребального ритуала ранних погребений Еловского II могильника является наличие в инвентаре фаланг/росомахи или медведя (сверленных и без отверстий). Они встречены в 13 погребениях — по две, три и более. В могиле 12 «кургана» 52 их собрано 247, а в могиле 61—175. Погребения, где найдены фаланги, принадлежат женщинам и детям.

Посуда (рис. 44; 45; 46, 1—5) содержит песок в тесте, для некоторых сосудов отмечена примесь талька. По форме и орнаменту керамику Еловского II могильника можно разделить на три группы:

1. Горшковидная иногда хорошо залощенная посуда, с богатым геометрическим орнаментом, выполненным в классическом андроновском (федоровском) стиле. Узоры наносились аккуратной мелкозубой гребенкой. В орнаменте преобладают геометрические мотивы — ряды косых треугольников, ступенчатые фигуры, сложные разветвленные меандры, различные сочетания равнобедренных треугольников и др. (рис. 45, 6; 46, 1—50)⁵⁰. Эта группа сравнительно немногочисленна (10—12 экз.).

2. Горшковидные сосуды (или открытые баночные со слабо выраженной шейкой), напоминающие по особенностям декоративной схемы и отдельным орнаментальным мотивам манеру украшения более поздней еловской керамики (рисованные резные уточки, усеченный гребенчатый зигзаг, негативный ступенчатый меандр, повторяющиеся ряды равнобедренных треугольников, подчеркивание орнаментальных зон горизонтальными гребенчатыми линиями, наличие ямочного пояса и др.; рис. 45, 2—4)⁵¹. Эта группа сосудов также немногочисленна (10—12 экз.).

3. Сосуды баночной формы (иногда со слабо выделенной шейкой), украшенные горизонтальными или вертикальными рядами елочных узоров, прочерченными горизонтальными линиями, насечками или ямками-наколами (рис. 44, 1, 2, 5, 6; 45, 7)⁵². Керамика этой группы — самая

⁴⁸ Там же, рис. 9; 10.

⁴⁹ Матющенко В. И., 1973в, с. 34.

⁵⁰ Там же, рис. 11, 9, 10, 14; 13, 1, 2, 6, 7, 19.

⁵¹ Матющенко В. И., 1973в, рис. 16, 21; 17, 1, 2 и др.

⁵² Там же, рис. 13, 5, 8, 9—11, 14, 16; 15, 1—17; 16; 17, 3—7, 9—13.

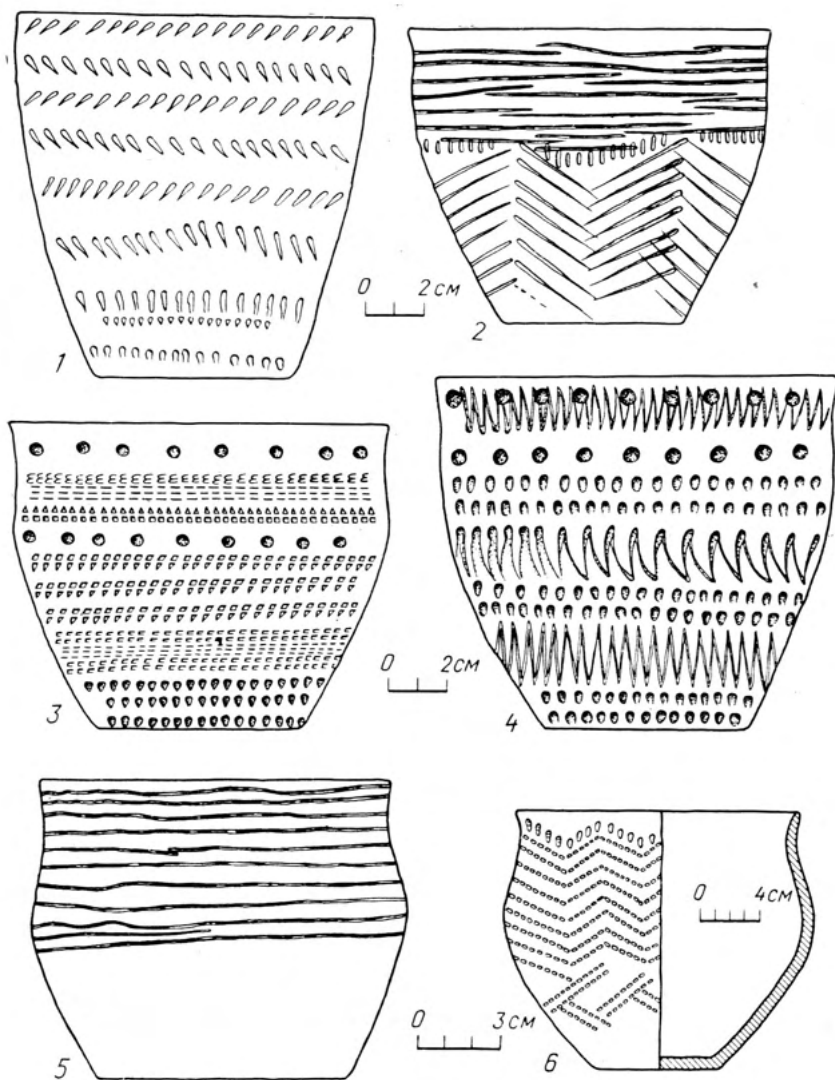

Рис. 44. Андроновская эпоха. Томское Приобье. Черноозерско-томский вариант андроновской общности. Керамика ранних погребений Еловского II могильника

1, 2 — «курган» 51, могила 3; 3 — «курган» 51, могила 2; 4 — «курган» 51, могила 3; 5 — «курган» 51, могила 4; 6 — могила 14

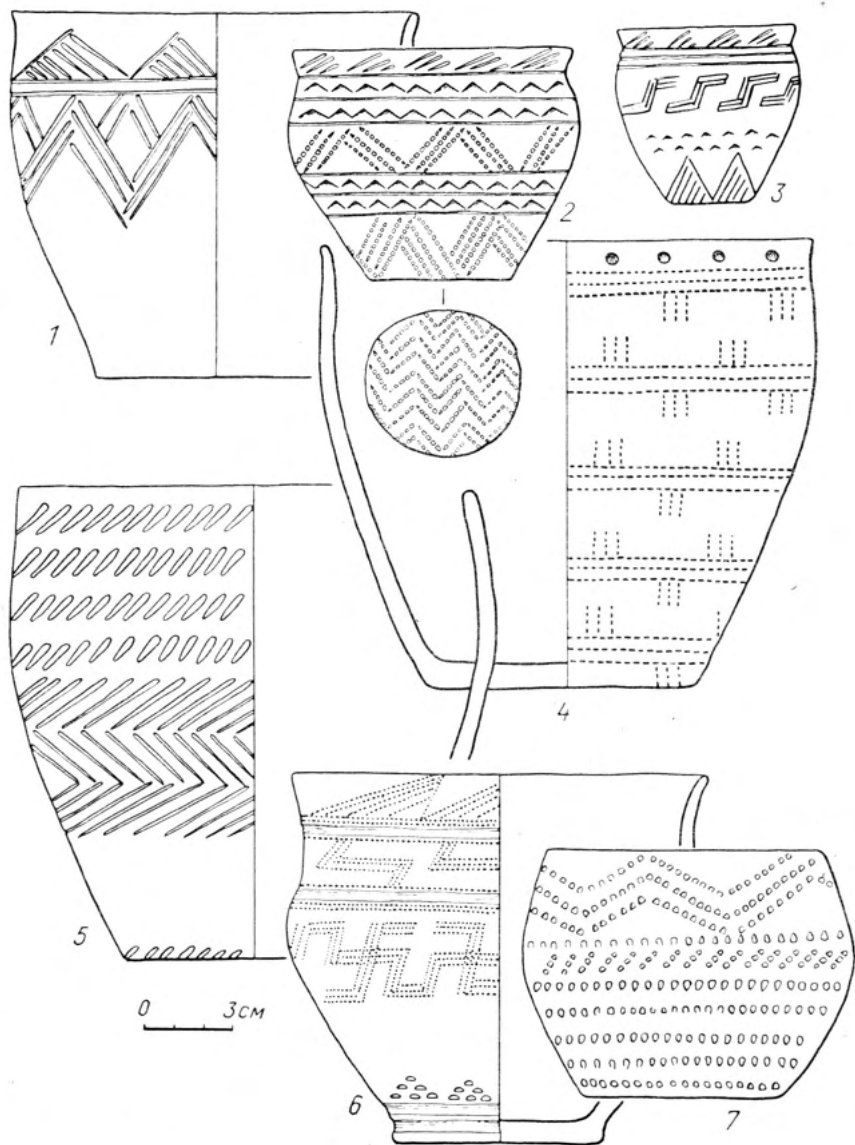

Рис. 45. Андроновская эпоха. Томское Приобье. Черноозерско-томский вариант андроновской общности. Керамика ранних погребений Еловского II могильника

«Курган» 52: 1 — могила 6; 2 — сектор 3; 3 — могила 10; 4 — могила 8; 5 — могила 13; 6 — могила 12; 7 — могила 7

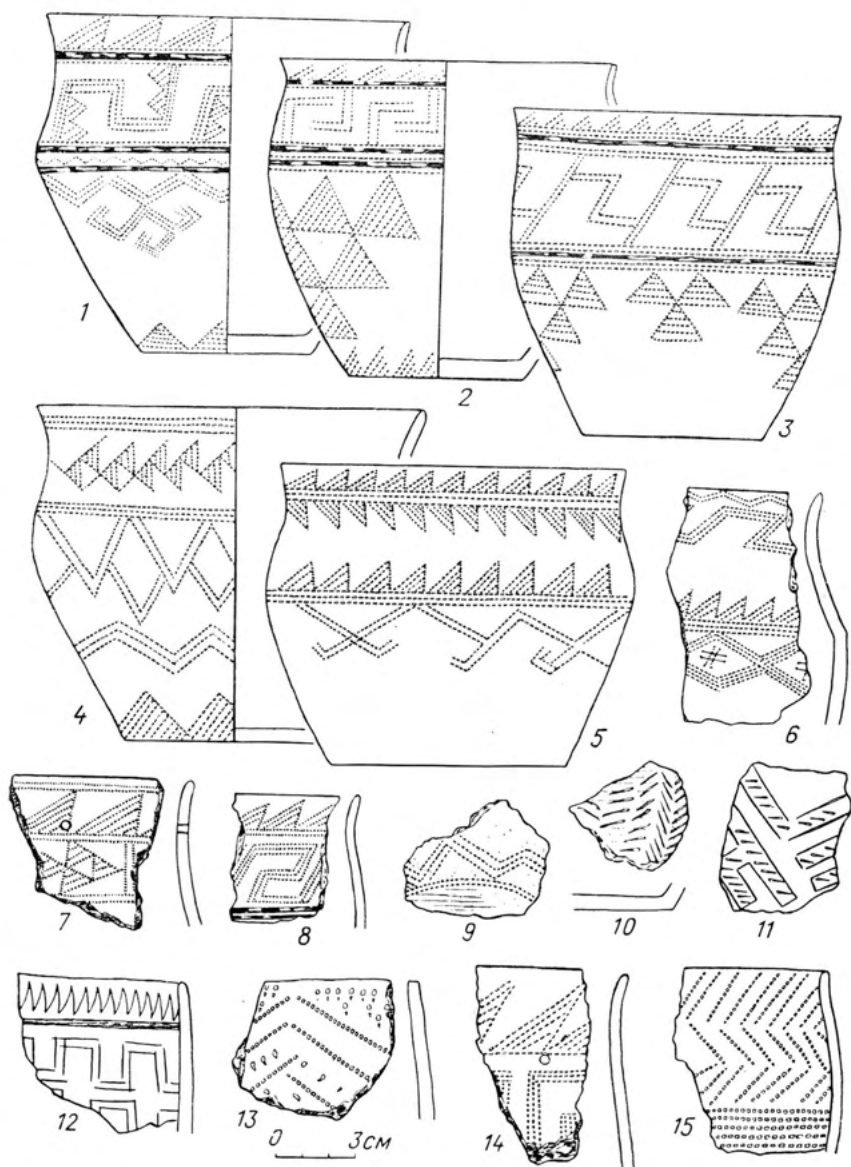

Рис. 46. Андроновская эпоха. Керамика андроновского облика из разных мест предтаежного и южнотаежного Обь-Иртышья

1—5 — Еловский II могильник (1 — «курган» 50, сектор III; 2, 3 — «курган» 50, могила 2; 4 — «курган» 52, могила 6; 5 — «курган» 52, могила 8); 6—12, 15 — Омская стоянка; 13, 14 — поселение Красный Яр в Новосибирской обл.

многочисленная (более 50 сосудов из 86). Она находит аналогии в погребениях Томского могильника на Малом Мысе, в Черноозерском городище, в баночных сосудах из андроновских погребений Верхнего Приобья, а также в керамике канайских памятников Восточного Казахстана.

В. И. Матющенко отнес рассмотренную группу погребений Еловского II могильника к андроновской культуре. Думается, что такой безоговорочный вывод вряд ли верен. Мы уже говорили выше, что по облику керамики и инвентаря ранние погребения Еловского II могильника более всего близки погребениям Томского могильника на Малом Мысе, который никто из исследователей (в том числе и В. И. Матющенко) никогда не отождествлял с памятниками андроновской культуры. Мне кажется, что погребения Еловского II могильника, причисленные В. И. Матющенко к андроновской культуре, с меньшим основанием можно было бы включить в выделенный нами черноозерско-томский вариант андроновской общности, к которой мы отнесли Черноозерское городище, Черноозерский I могильник и Томский могильник на Малом Мысе.

Нельзя не признать, однако, что в целом рассмотренная группа погребений Еловского II могильника имеет больше андроновских (федоровских) черт, чем Томский могильник на Малом Мысе и Черноозерский I могильник. Это касается прежде всего ориентировки погребенных на юго-запад и характера труположения (в скорченной позе, на левом боку). Лишь в 14 случаях (примерно для седьмой части погребенных) отмечено труположение на спине.

Здесь следует еще раз оговорить очень существенную деталь. Относя черноозерско-томские памятники к андроновской общности, мы далеки от мысли считать их принадлежащими андроновской культуре — ни в федоровском, ни в алакульском, ни в иных ее «вариантах» и «этапах». Несходство федоровских, алакульских и черноозерско-томских комплексов прослеживается прежде всего по материалам погребений: в положении и ориентировке покойников, в наборе погребального инвентаря и в некоторых особенностях похоронного ритуала (например, нехарактерность для черноозерско-томских погребений скорченного положения покойников на боку, курганных насыпей и др.).

Вместе с тем между Черноозерским I могильником и Томским могильником на Малом Мысе, с одной стороны, и одновременными могильниками района Бийска (Ближние Елбаны XII, XIV и другие, относительно которых никто не сомневается в их андроновской принадлежности), с другой, гораздо больше сходства, чем, например, между федоровскими и алакульскими могильниками лесостепного Зауралья. Это сходство выражается, в частности, в значительной близости керамики (преобладание там и здесь баночных сосудов, характерность елочного орнамента), в сходстве погребального ритуала (труположение, необязательность курганных насыпей) и др.

В свое время мы отнесли памятники типа Томского могильника на Малом Мысе в Среднем Обь-Иртыше и канайские комплексы в Восточном Казахстане к особой томско-канайской культурной области, которая существовала здесь до прихода на эту территорию андроновцев (федо-

ровцев)⁵³. В целом мы продолжаем придерживаться этой точки зрения, но сейчас у нас нет прежней безоговорочной уверенности относительно отсутствия генетической близости между андроновскими (федоровскими) памятниками и памятниками типа Томского могильника на Малом Мысе. На эту мысль нас наводит, в частности, тот не вполне понятный факт, что баночные сосуды черноозерско-томского облика присутствуют в комплексах андроновской эпохи на всей южносибирской территории. Так, они обычны в андроновских захоронениях Новосибирского Приобья⁵⁴, явно преобладают в керамике погребений андроновского времени на Алтае и в Восточном Казахстане⁵⁵, встречаются иногда в федоровских могилах лесостепного Зауралья⁵⁶ и Северного Казахстана⁵⁷, известны в Минусинской котловине⁵⁸.

Население черноозерско-томского варианта андроновской общности, придя на север и утвердившись здесь, контактировало не с самусьцами, а с носителями гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. Об этом говорит, например, находка в Еловском II могильнике двух сосудов, орнаментированных в гребенчато-ямочной манере (рис. 44, 3, 4). Могилы, в которых они были обнаружены, находились в одном ряду с погребениями, давшими керамику третьей группы (рис. 44, 1, 2, 5), и над ними, как полагает В. И. Матющенко, было возведено общее погребальное сооружение (условный «курган» 50). В последующее время мы также наблюдаем здесь взаимодействие двух основных орнаментальных (культурных) традиций — гребенчато-ямочной и андронидной.

В 23 ранних могилах Еловского II могильника найдены бабки лошади и бараны альчики. Однако поскольку поселения этого времени в Томском Приобье не раскапывались, трудно судить, какова была в действительности роль скотоводства в хозяйстве местного населения. Надо полагать, что характер хозяйства в общем был близок андроновскому Верхнего Приобья (скотоводство, земледелие), но, учитывая более северное нахождение рассматриваемого памятника (юг таежной зоны), можно предполагать более высокий удельный вес здесь охотничье-рыболовческих промыслов.

Выше, рассматривая керамику черноозерско-томского варианта, мы обращали внимание на ее сходство с посудой алтайских памятников бронзового века, в особенности канайских Верхнего Прииртышья⁵⁹. В этой связи интересна находка в Канайском могильнике труположений на спине (могила 9)⁶⁰. Характеризуя бронзовые ножи Томского могильника на Малом Мысе, М. Н. Комарова обратила внимание на наличие там своеобразных бронзовых пластинчатых ножей с невыделенной рукоятью. Она справедливо указала, что такие орудия не характерны для андроновских памятников Верхнего Приобья и Минусинской котло-

⁵³ Косарев М. Ф., 1964, с. 7.

⁵⁴ Троицкая Т. Н., 1969, рис. 2.

⁵⁵ См., например: Грязнов М. П., 1956а, рис. 2, 3—8; 3, 3, 4; Арсланова Ф. Х., 1975, рис. 1; 2.

⁵⁶ Сальников К. В., 1951, рис. 3, 6, 8.

⁵⁷ См., например: Оразбаев А. М., 1958, с. 226, рис. 9; с. 228, рис. 11 и др.

⁵⁸ Комарова М. Н., 1947, с. 56, рис. 6, 7, 10—12; Киселев С. В., 1949, табл. VIII, 12.

⁵⁹ Черников С. С., 1960, табл. XVII—XIX.

⁶⁰ Там же, с. 34—35.

вины и что типологически близкие им ножи известны только в Верхнем Прииртышье⁶¹. В дальнейшем подобные ножи были найдены в Еловском II и Черноозерском I могильниках⁶².

Все эти факты дают некоторое основание предполагать, что население, оставившее памятники черноозерско-томского типа, жило прежде в районах, прилегающих к территории распространения памятников канайского типа. По мере продвижения в Обь-Иртышье андроновцев (федоровцев) часть верхнеиртышского населения отошла в северные районы и обосновалась в пограничье лесостепной и таежной зон. В процессе контактов с андроновцами (федоровцами) эти группы населения восприняли многие элементы андроновской культуры, о чем говорит, в частности, присутствие в черноозерско-томских комплексах бронзовых орудий и украшений общеандоновских форм (кинжалы с перехватом, браслеты со спиральными завитками на концах и др.), наличие некоторого количества нарядной керамики классического андроновского стиля, достаточная характерность скорченного положения покойников на левом боку (в Черноозерском I могильнике 12 захоронений из 170; на Малом Мысе — одно погребение из восьми; в Еловском II могильнике, где «классические» андроновские черты были выражены ярче, скорченные захоронения преобладают: 92 из 106 определимых случаев).

Начальная дата черноозерско-томских памятников, как и андроновских Верхнего Приобья, определяется концом самусьско-сейминской эпохи (вряд ли ранее XIII в. до н. э.). На поселении Преображенка III погребения с андроновской (федоровской) посудой прорезают слой, содержащий керамику кротовской культуры⁶³. Характеризуя бронзовый инвентарь Черноозерского I и Еловского II могильников, В. Ф. Генинг и В. И. Матющенко обращают внимание на то, что все бронзовые орудия этих памятников, имеющие достаточно твердую дату (например, специфические типы кинжалов), относятся к XII—X вв. до н. э. или даже к XII—IX вв. до н. э.⁶⁴ Радиокарбонная дата погребения 64 Еловского II могильника, где был найден горшок андроновского (федоровского) типа, дала такой результат: 1090 ± 65 лет (до нашей эры)⁶⁵.

Эти данные не противоречат новым материалам, полученным в последние годы по хронологии андроновских (федоровских) комплексов в других районах. Федоровские погребения могильника Туктубаево на Южном Урале, где были взяты на анализ образцы дерева из кургана 26, показали следующие даты: 1230 ± 70 лет до н. э. (погребение 1) и 1070 ± 60 лет до н. э. (погребение 2)⁶⁶. В. С. Стоколос исследовал в Зауралье поселения, где андроновская (федоровская) керамика была встречена вместе с черкаскульской и даже замараевской посудой⁶⁷;

⁶¹ Комарова М. Н., 1952, с. 21.

⁶² Матющенко В. И., 1973в, рис. 8; Генинг В. Ф., Ещенко Н. К., 1973, рис. 4, 11.

⁶³ Молодин В. И., 1973, с. 29. В. И. Матющенко (1973в, с. 42) упоминает о случае прорезания андроновской землянкой слоя самусьского времени

на поселении у оз. Иткуль в районе Бийска.

⁶⁴ Генинг В. Ф., Ещенко Н. К., 1973, с. 57; Матющенко В. И., 1973в, с. 14—15.

⁶⁵ Матющенко В. И., 1974, с. 74—75.

⁶⁶ Кузьмина Е. Е., 1973, с. 163.

⁶⁷ Стоколос В. С., 1972, с. 130—131.

Г. Б. Зданович убедительно показал, что проникновение федоровского населения в район Петропавловска (Северный Казахстан) начинается не ранее последних веков II тысячелетия до н. э.⁶⁸ По С. С. Черникову, андроновская (федоровская) посуда появляется в Восточном Казахстане не ранее XIII в. до н. э. Нам представляется, что памятники охарактеризованных выше вариантов андроновской общности относятся, вероятнее всего, к последним векам II тысячелетия до н. э.

АНДРОНОИДНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ

Черкаскульская культура. Эта культура была выделена К. В. Сальниковым по материалам поселения Черкаскуль II в Челябинской обл.⁶⁹ Памятники черкаскульского типа распространены главным образом на юге лесной зоны Урала. Работы последних лет на севере Свердловской обл. позволяют говорить, что черкаскульское население заходило севернее Нижнего Тагила (Кокшаровское поселение, Юрьинская IV стоянка и др.). Керамические комплексы черкаскульского типа выявлены также в Верхнем Притоболье (Алексеевское поселение)⁷⁰ и в степном Поишимье (поселение Явленка и др.)⁷¹. Видимо, в какой-то период существования черкаскульской культуры отдельные группы черкаскульцев проникают далеко на юг. Говоря о черкаскульских памятниках Башкирии, К. В. Сальников замечает, что они появились здесь сравнительно поздно и оставлены населением, пришедшим из лесных районов Урала⁷².

Однако территориальные рамки нашего исследования не идут так далеко на юг и запад. Нас интересует прежде всего свердловско-тагильский регион, лежащий в пределах исследуемой территории, черкаскульские памятники которого представлены пока почти исключительно поселениями. Они дали большое количество керамики, но почти не содержат орудий. Не случайно предложенная К. В. Сальниковым периодизация черкаскульской культуры была построена только на керамическом материале.

К. В. Сальников разделил черкаскульскую культуру на три этапа. К первому (черкаскульскому) этапу он отнес горшковидные сосуды с мягким переходом от шейки к тулову. В тесте характерна примесь талька. Орнамент очень наряден. Преобладают геометрические узоры — треугольники, заштрихованные зигзагообразные ленты, сложные разветвленные меандры и др. Орнаментальные зоны отделяются одна от другой зигзагами и желобчатыми линиями. Желобки нанесены также между полосами меандров. Узоры выполнялись резными линиями или гладким штампом. Гребенка употреблялась сравнительно редко. Кроме черкаскульского этапа, К. В. Сальников выделил еще два, более поздних — межовский и березовский, для посуды которых характерны более раздутое тулово, наличие воротничка и валиков, обедненный геометризмом, упрощенная орнаментальная схема.

⁶⁸ Зданович Г. Б., 1975, с. 23.

⁶⁹ Сальников К. В., 1964.

⁷⁰ Потемкина Т. М., 1975, рис. 2, 6—10.

⁷¹ Зданович Г. Б., 1973, рис. 6.

⁷² Сальников К. В., 1967, с. 336.

Классификация К. В. Сальникова, разработанная им на материалах Южного Урала, в целом подтверждается археологическими данными, накопленными сейчас для свердловско-тагильского региона. Действительно общая тенденция в эволюции посуды поздних этапов бронзового века Среднего и Южного Урала идет по пути затухания геометризма в орнаменте, обеднения декоративной схемы, появления валиков и «воротничков». Однако нам представляется, что К. В. Сальников неправомерно удлинил существование черкаскульской культуры, присоединив к ней, помимо собственно черкаскульского этапа, межовский и березовский. Валиковая и воротничковая керамика с обедненным орнаментом близка замараевской лесостепного Зауралья, посуде ерзовской культуры Камского Приуралья и отчасти ирменской керамике лесостепного Обь-Иртышья. Хотя генетическая преемственность черкаскульской и межовско-березовской посуды имела место, последняя представляет качественно иной тип керамики, и мы находим ей другие аналогии. Причислять ее к черкаскульской культуре почти все равно, что относить к одной культуре, скажем, федоровскую и ирменскую керамику.

Таким образом, межовский и березовский этапы уходят за пределы андроновской эпохи и будут рассмотрены нами в следующей главе. Здесь мы остановимся лишь на материалах черкаскульской культуры в нашем понимании, т. е. на тех памятниках, которые К. В. Сальников отнес к черкаскульскому этапу черкаскульской культуры. В свердловско-тагильском регионе и на севере Челябинской обл. исследовано более десяти поселений черкаскульской культуры (Черкаскуль II, Липовая Курья, Новая III, Калмацкий Брод, Береговая I стоянка, VI разрез Горбуновского торфяника и др.).

Характерные черты черкаскульской керамики свердловско-тагильского региона в общем укладываются в комплекс признаков, приведенных К. В. Сальниковым при описании посуды черкаскульского «этапа» Южного Урала. Она имеет горшковидную форму с мягким переходом от шейки к плечикам; в тесте заметна примесь талька. Узоры выполнены гладким или (реже) гребенчатым штампом, резными и желобчатыми линиями (рис. 47; 48). В орнаменте преобладают геометрические рисунки — треугольники, зигзагообразные полосы, заштрихованные ленты, различные типы меандров. Пояса из треугольников и ромбов чаще всего расположены на шейке сосудов; меандры и заштрихованные зигзаговые полосы — в верхней части тулова. Орнаментальные зоны обычно подчеркнуты желобчатыми линиями, уголковыми вдавлениями и зигзагами.

По форме сосудов (горшковидная, с мягким переходом от шейки к плечикам), характеру орнаментальной композиции и отдельным узорам (сложные и ступенчатые меандры, желобчатые линии, уголковые вдавления и др.) черкаскульская посуда напоминает андроновскую (федоровскую), что не раз отмечал К. В. Сальников⁷³. Особенно близки федоровским черкаскульские (?) сосуды со ступенчатым меандром по тулову (рис. 47, 4, 7, 8), и у нас до сих пор нет уверенности в том, что их надо включать в черкаскульский комплекс, а не в федоровский. В це-

⁷³ См., например: Сальников К. В., 1964, с. 12; Он же, 1967, с. 336.

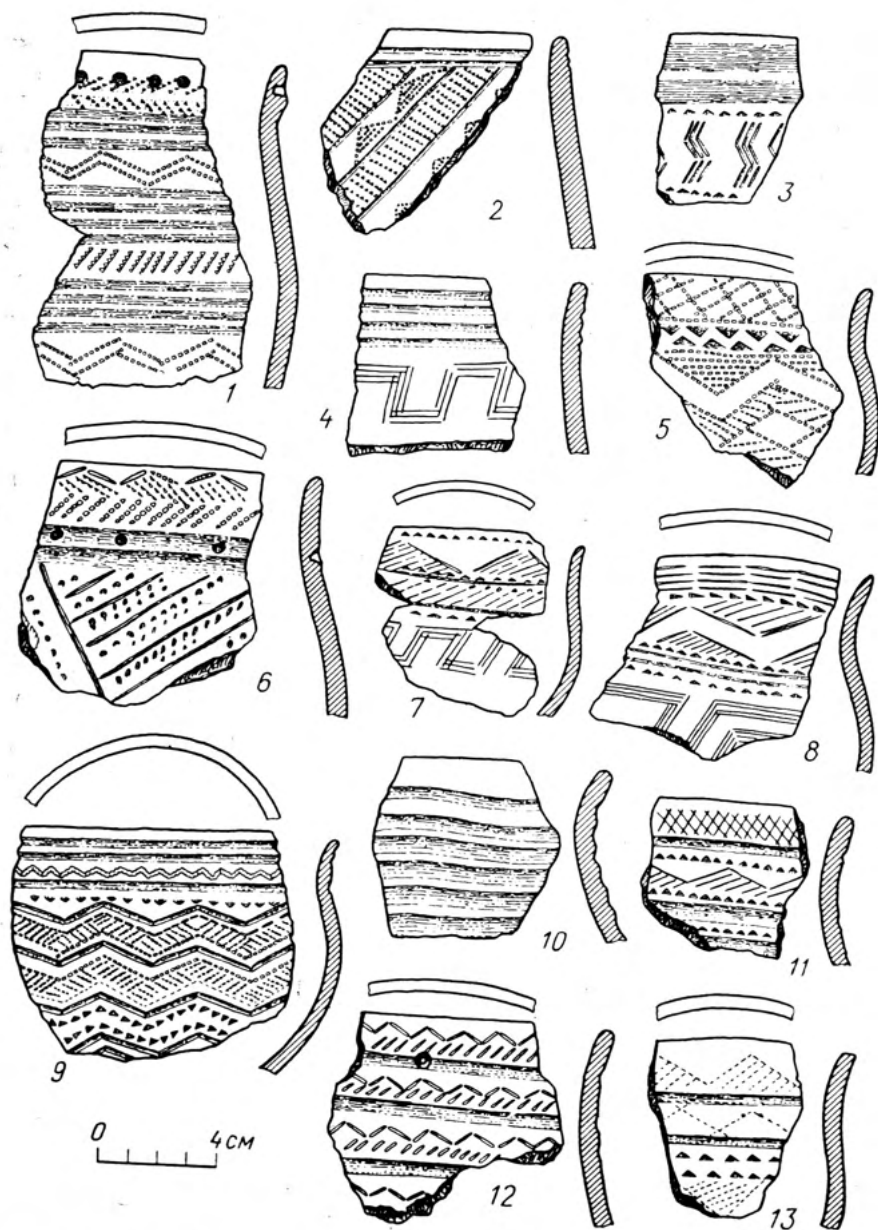

Рис. 47. Андроновская эпоха. Андроновидный культурный массив. Свердловско-тагильский регион. Керамика черкаскульской культуры

1—3, 5, 6 — Коптяки III; 4 — р. Карболка; 7, 8 — Коптяки V; 9 — Исетское озеро; 10—13 — Карасье I озеро

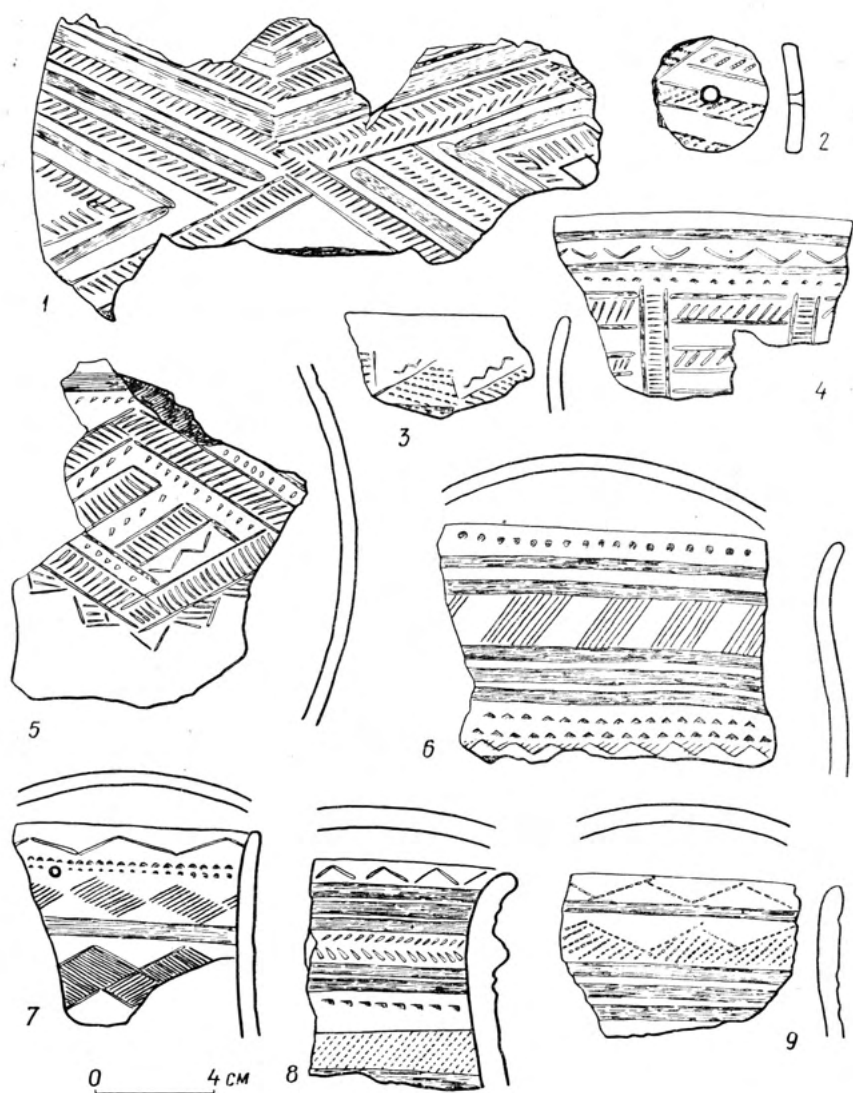

Рис. 48. Андроновская эпоха. Андроновидный культурный массив. Свердловско-тагильский регион. Керамика черкаскульской культуры

1 — д. Ерзовская; 2, 5 — Березовское поселение; 3, 4, 7 — Новая III; 6 — Иткуль; 8, 9 — Боевское городище

лом, однако, орнаментация черкаскульской посуды существенно отличается от федоровской (резная техника выполнения узоров, характерность зигзагов-разделителей, подчеркивание меандров желобчатыми линиями по контуру, наличие решетчатых поясов, отсутствие косых треугольников и др.).

На территории к северу от Нижнего Тагила сейчас начинает выявляться особый вариант черкаскульской культуры, представленный материалами Кокшаровского I поселения, Юринской IV стоянки и некоторых других пунктов⁷⁴. Керамику этих памятников отличает более простая орнаментальная схема и обедненный геометризм, что, впрочем, является характерной чертой керамики Северного Урала и на более ранних этапах бронзового века.

Следует упомянуть о блюдах из VI разреза Горбуновского торфяника, орнаментированных уточками, зигзагами, угловыми вдавлениями и др. (рис. 49). Это, видимо, культовая посуда, относящаяся в основном к андроновской эпохе. На некоторых блюдах встречается орнамент, типичный для черкаскульской посуды, например деление орнаментального поля рядами зигзагов (рис. 49, 1, 4), решетчатый пояс и другие узоры, выполненные резной техникой.

По имеющимся отрывочным данным, среди остеологических остатков черкаскульских поселений преобладают кости домашних животных (коровы, мелкого рогатого скота, лошади и свиньи), но эти сведения относятся в основном к приуральским (башкирским) памятникам⁷⁵, которые в целом могут быть более поздними, чем собственно черкаскульские Зауралья. На Черкаскульском II поселении кости диких и домашних животных по числу особей распределяются почти одинаково: 46,5 и 53,5%⁷⁶ (в башкирском Приуралье кости диких животных составляют от 13 до 24%⁷⁷).

Орудия, найденные с черкаскульской керамикой, немногочисленны. Мы, например, по существу до сих пор не знаем черкаскульских наконечников стрел. Мне известно лишь о 2 экз. — каменном и костяном, найденных В. С. Стоколосом на поселении Лужки (не опубликованы), но этот памятник дал в основном керамику межовско-березовского типа⁷⁸. Чаще встречаются глиняные и каменные грузила для сетей. Они найдены на поселении Байрык IB (рис. 50, 1—4, 6—9, 13), на Кокшаровском I поселении (рис. 51, 2, 13), на некоторых черкаскульских памятниках северной части Челябинской обл.⁷⁹ Большинство грузил сделано из глины, но на Урале много и каменных — в основном из талька (рис. 50, 11, 14, 15; 51, 2). Они имеют один желобчатый пояс или, чаще, два взаимопересекающихся, для удобства крепления к рыболовной снасти. Этот тип грузил был широко распространен на юге таежной зоны от Урала до Томско-Нарымского Приобья. Они продолжали существовать и на финальных этапах бронзового века, но на более поздних делалось обычно не два взаимопересекающихся желобка, а один — продольный или поперечный.

⁷⁴ Старков В. Ф., 1970а.

⁷⁵ Обыденнов М. Ф., 1976, с. 83.

⁷⁶ Сальников К. В., 1967, с. 370.

⁷⁷ Обыденнов М. Ф., 1976, с. 83.

⁷⁸ Стоколос В. С., 1972, с. 57.

⁷⁹ Там же.

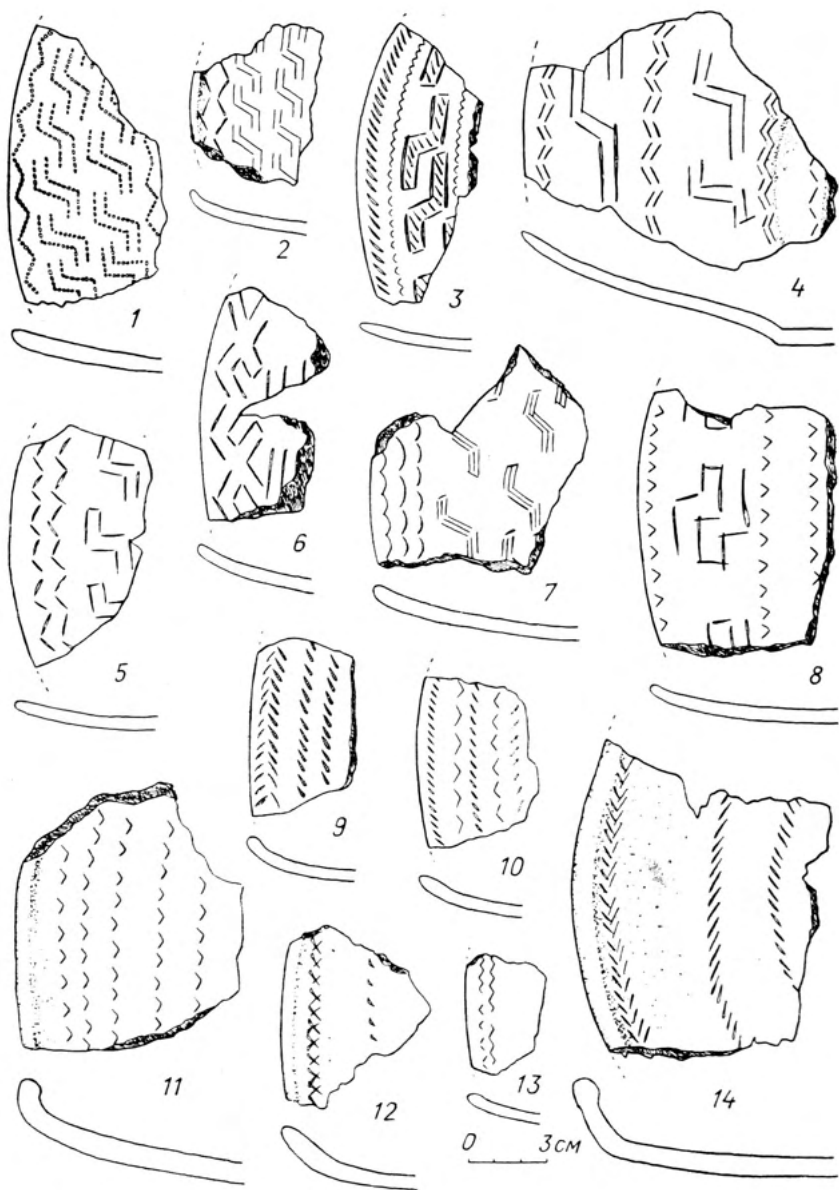

Рис. 49. Бронзовый век. Район Нижнего Тагила. Глиняные блюда Горбуновского торфяника (1—14)

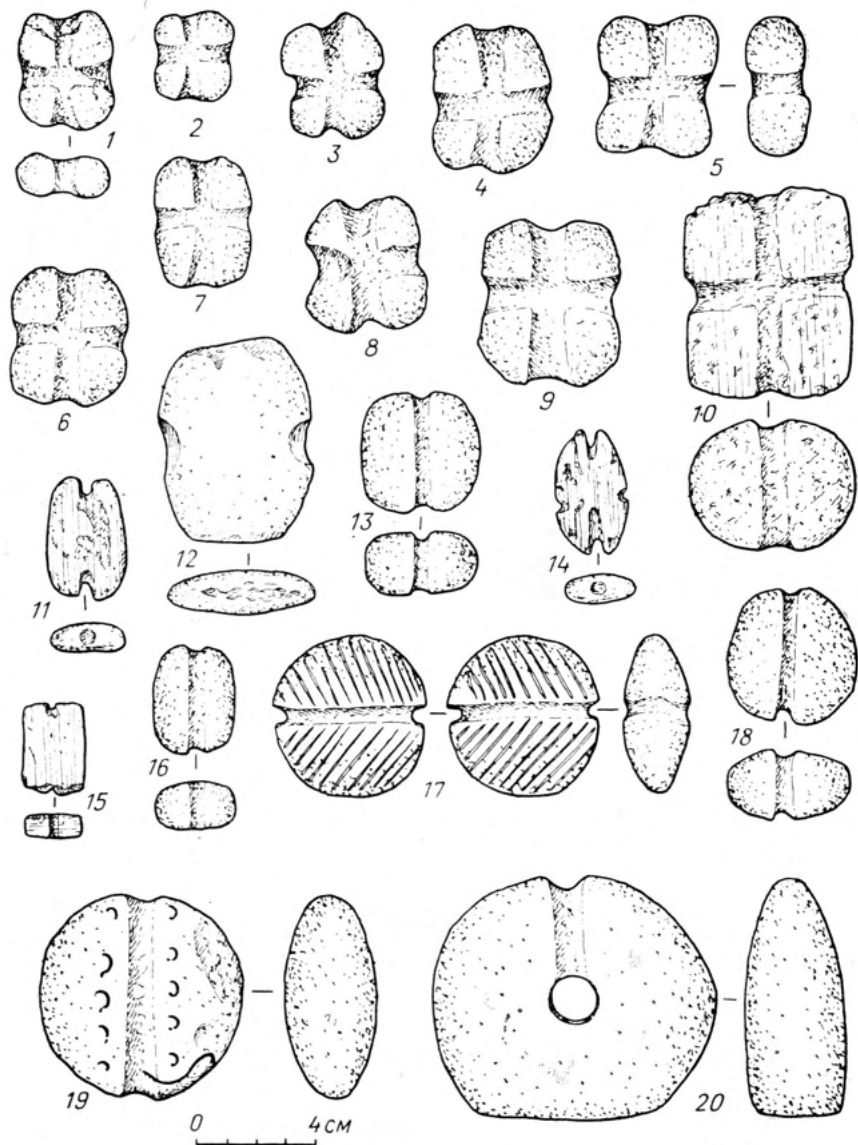

Рис. 50. Андроновская эпоха. Нижнее Притоболье. Грузила

1—4, 6—9, 13 — Байрык IB; 5, 17, 18 — Ипкуль I; 10 — Шигирский торфяник; 11, 14, 15 — Горбуновский торфяник, VI разрез; 12 — Ирбитское озеро; 16, 19, 20 — Тюменская обл. (Андреевское озеро?). 1—9, 13, 14, 16—20 — глина; 10—12, 15 — камень

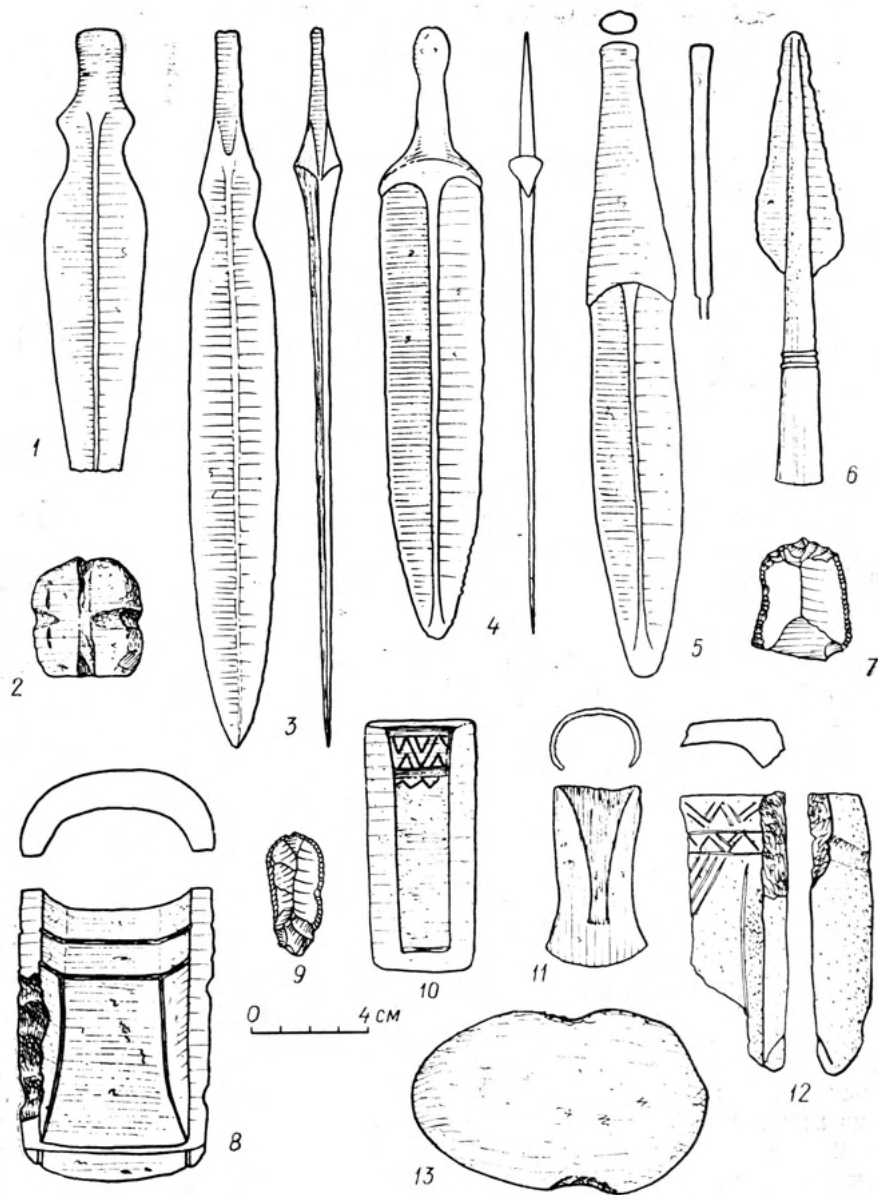

Рис. 51. Андроновская эпоха. Нижнее Приоболье. Производственный инвентарь

1 — с. Красногорское на р. Исети; 2, 7—9, 13 — Кокшаровское I поселение; 3 — оз. Кунгур; 4 — р. Варварка; 5 — оз. Шарташ; 6 — Тюменская обл.; 10 — Липовая Курья; 11 — Калмацкий Брод; 12 — Береговая I стоянка: 1, 3—6, 11 — бронза; 12 — глина; остальное — камень

На черкаскульских поселениях найдены следы развитого бронзолитейного производства. В культурном слое Береговой I стоянки встречен обломок глиняной литейной формы кельта, который, судя по орнаменту, относится к поздним сейминским образцам (рис. 51, 12), на Липовой Курье найдена каменная литейная форма долота, близкая по форме и орнаменту литейной форме из Ростовкинского могильника (рис. 51, 10)⁸⁰, а на Кокшаровском I поселении обнаружена каменная форма для отливки кельта, напоминающего по орнаменту турбинский тип (рис. 51, 8). Ко времени существования черкаскульской культуры можно отнести, видимо, бронзовые кинжалы, поступившие в Свердловский и Тюменский областные краеведческие музеи из разных мест лесного Зауралья (случайные находки, рис. 51, 1, 3—5). Мы упоминали о них в одном из предыдущих разделов этой главы в связи с характеристикой нижнетобольского варианта андроновской общности. Скорее всего, эти вещи, относящиеся в основном к срубно-андроновским типам изделий (рис. 51, 1, 3, 4), являются предметами южного импорта.

Жилища черкаскульской культуры исследовались пока в двух пунктах. На поселении Липовая Курья Л. П. Хлобыстин раскопал слегка углубленное в грунт четырехугольное жилище площадью около 20—25 кв. м⁸¹. На поселении Черкаскуль II выявлены ямы от столбов наземной жилой постройки, но площадь жилища определить не удалось⁸².

Погребения черкаскульской культуры в лесном Зауралье изучены слабо. В. С. Стоколос предположительно связывает с черкаскульской культурой несколько захоронений Ново-Буринского и Больше-Карболкинского могильников на севере Челябинской обл., в которых была найдена керамика с рядом черкаскульских черт⁸³. В погребальном обряде участвовал огонь. Еще одно погребение черкаскульской культуры обнаружено В. Ф. Старковым на поселении Кокшарово I севернее Нижнего Тагила. В могильной яме находилось два сосуда, а заполнение состояло из древесных углей и кальцинированных костей⁸⁴. В. С. Стоколос и В. Ф. Старков, обращая внимание на наличие «огневого кельта», сравнивают похоронный ритуал этих могил с андроновским (федоровским) лесостепного Зауралья.

В последние годы А. Ф. Шорин и другие свердловские археологи исследуют два черкаскульских могильника на островах Актуба и Перевозный Аргазинского водохранилища в Челябинской обл. (Березки Vг и Перевозный Ia). Могилы обозначены на поверхности круглыми каменными оградами. В могильнике Березки Vг вскрыто к 1977 г. семь каменных оград, в могильнике Перевозный Ia — четыре ограды. Под каждой из них находилось по одной, реже по две могильных ямы размерами 1—3, 2×0,65—1,4 м и глубиной 0,4—0,8 м. Костяки сохранились в четырех могилах. Покойники лежали в скорченной позе, на правом боку, головой на восток (в одном случае на запад), с подогнутыми ногами и поднятыми к лицу кистями рук. В десяти могилах найдены сосуды чер-

⁸⁰ Ср.: Матющенко В. П., Ложникова Г. В., 1969, табл. 9, 5, 6.

⁸¹ Хлобыстин Л. П., 1968.

⁸² Сальников К. В., 1964, с. 11.

⁸³ Стоколос В. С., 1972, с. 87—88.

⁸⁴ Старков В. Ф., 1970а.

каскульского типа, в двух — бронзовые височные подвески, пронизки и игла⁸⁵. Материал не опубликован.

В свое время К. В. Сальников пришел к справедливому заключению об одновременности черкаскульского «этапа» черкаскульской культуры и федоровского «этапа» андроновской культуры. Однако предложенная им дата черкаскульского «этапа» (XVIII—XVI вв. до н. э.)⁸⁶ сейчас, в свете новых данных, не может быть принята. Неправильная дата черкаскульского «этапа» (черкаскульской культуры в нашем понимании) исходит прежде всего из ошибочной даты федоровских памятников, которые были неправильно отнесены К. В. Сальниковым к XVIII—XVI вв. до н. э.⁸⁷ Выше мы уже говорили, что сейчас никто из археологов не ведет начало федоровских комплексов со времени глубже XIII в. до н. э.⁸⁸ Наиболее вероятной датой черкаскульской культуры являются XIII—XI или XIII—X вв. до н. э. Эта дата в общем укладывается в хронологические рубежи, предложенные для черкаскульской культуры В. С. Стоколосом⁸⁹. В этот временной диапазон полностью вписывается единственная пока для черкаскульских памятников радиоуглеродная дата очага жилища, найденного на поселении Липовая Курья: 3050 ± 60 лет до наших дней, т. е. примерно XII—XI вв. до н. э.⁹⁰ В целом же, по Л. П. Хлобыстину, черкаскульский комплекс Липовой Курьи датируется временем около XIII—XI вв. до н. э.⁹¹

Черкаскульская культура, видимо, возникает несколько раньше других андроновидных культур лесной зоны Западной Сибири (начальную дату еловской культуры исследователи относят к XII в. до н. э.)⁹². Дело в том, что андроновидная орнаментальная традиция в лесном Зауралье имеет глубокие местные корни (рис. 1а, 23—25, 38—41), тогда как андроновидный декоративный комплекс, определивший своеобразие сузгунской и еловской культур, был принесен в таежное Обь-Иртышье уже в сложившемся виде. О вероятности более ранней даты черкаскульской культуры говорят находки в некоторых черкаскульских комплексах форм для отливки турбинско-сейминских орудий (рис. 51, 8, 10, 12). Это, возможно, свидетельствует о том, что черкаскульская культура на раннем своем этапе сосуществовала с памятниками позднего этапа самусьско-сейминской эпохи.

Андроновидные памятники таежного Прииртышья. В таежном Прииртышье, к северу от устья Тары, открыто в разное время несколько памятников с андроновидной керамикой, существенно отличающейся от черкаскульской. Среди них выделяются городище Чудская Гора на севере Омской обл. (наши раскопки, 1974 г.) и Сузгун II близ Тобольска, исследованный в 1948, 1950 гг. В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской⁹³.

⁸⁵ Дрябина Л. А., Крутских Н. А., Шорин А. Ф., 1977; Дрябина Л. А., Жилина И. В., Крутских Н. А., Шорин А. Ф., 1978.

⁸⁶ Сальников К. В., 1967, с. 359.

⁸⁷ Сальников К. В., 1967, с. 341.

⁸⁸ См., например: Косарев М. Ф., 1965, с. 244; Стоколос В. С., 1967, с. 9; Зданович Г. Б., 1975, с. 23; Молодин В. И., 1975а, с. 24.

⁸⁹ Стоколос В. С., 1972, с. 89, 94, 95 и др.

⁹⁰ Хлобыстин Л. П., 1976, с. 50.

⁹¹ Там же, с. 51.

⁹² Косарев М. Ф., 1964, с. 9; Матющенко В. И., 1974, рис. 106.

⁹³ Мошинская В. И., 1957. В. Н. Чернецов и вслед за ним В. И. Мошинская предполагают, что Сузгун II — древнее жертвенное место.

В 1979 г. нами было открыто однослойное поселение с керамикой сузгунского типа у д. Новопетрово на р. Вагай.

Для керамики Сузгуна II (памятник дал почти исключительно керамику) характерна горшковидная форма с хорошо выраженной шейкой. В тесте содержится примесь песка и шамота. Орнамент выполнялся оттисками гребенчатого штампа, реже — насечками и прочерченными линиями. Сосуды в большинстве случаев украшались горизонтальными елочными узорами, рядами наклонных насечек и геометрическими рисунками — заштрихованными лентами, зигзагообразными полосами (часто дополненными заштрихованными полосками, отходящими от сторон зигзага), треугольниками, решетчатыми поясами, ромбами, шахматными узорами. Зона геометрического орнамента обычно располагалась в верхней половине тулова; шейка и придонная часть чаще украшались горизонтальной елочкой или рядами насечек. Орнаментировалась вся боковая поверхность, а иногда и дно (как правило, ямочными вдавлениями). На границе шейки и тулова почти во всех случаях проходит широкая желобчатая дорожка. Одной из характернейших черт керамики Сузгуна II является деление орнаментального поля рядами круглых ямок. Создается впечатление, что в орнаментации сузгунской посуды переплетаются две декоративные традиции: а) местная, гребенчато-ямочная и б) пришлая, андроновидная. Нередко геометрический пояс вообще отсутствовал, и вся поверхность сосуда заполнялась елочными узорами или насечками, чередующимися с рядами глубоких круглых ямочных вдавлений.

Другим памятником таежного Прииртышья, давшим выразительный керамический комплекс андроновидного облика, является исследованное нами городище Чудская Гора на левом берегу Иртыша в 60 км севернее Тары (раскопки Западносибирской экспедиции, 1974 г.). Несмотря на то что нам удалось вскрыть всего около 130 кв. м, т. е. менее одной десятой площади памятника, раскопки дали богатейший материал — керамику, орудия, костные остатки. На этой небольшой площади найдено почти 40 целых горшков и сотни крупных фрагментов, позволяющих судить о форме и размере сосудов. Мелких обломков керамики — тысячи.

Посуда Чудской Горы по форме (горшковидная), фактуре глиняного теста (примесь песка и шамота) и характеру декоративной композиции весьма близка сузгунской. Так же, как на сузгунской посуде, обычны зигзагообразные полосы, заштрихованные ленты, треугольники, горизонтальные ряды насечек, деление орнаментального поля рядами ямок (рис. 52; 53). Вместе с тем имеются и существенные различия. На керамике Чудской Горы придонная часть в ряде случаев лишена орнамента; на тулове нередко сложные разветвленные меандры; чаще использованы насечки и резные линии; встречаются вертикальные зигзагообразные полосы (рис. 52, 5). Найдены круглодонные сосуды, напоминающие ирменские или даже карасукские (рис. 52, 3, 4). В целом керамика Чудской Горы типологически почти одинаково сопоставима и с сузгунской, и с еловской, что, видимо, объясняется нахождением этого памятника в пограничье сузгунского и еловского ареалов. В этой связи интересно, что Чудская Гора находится почти на «полпути» между Сузгуном II и Еловским поселением — примерно в 400 км юго-восточ-

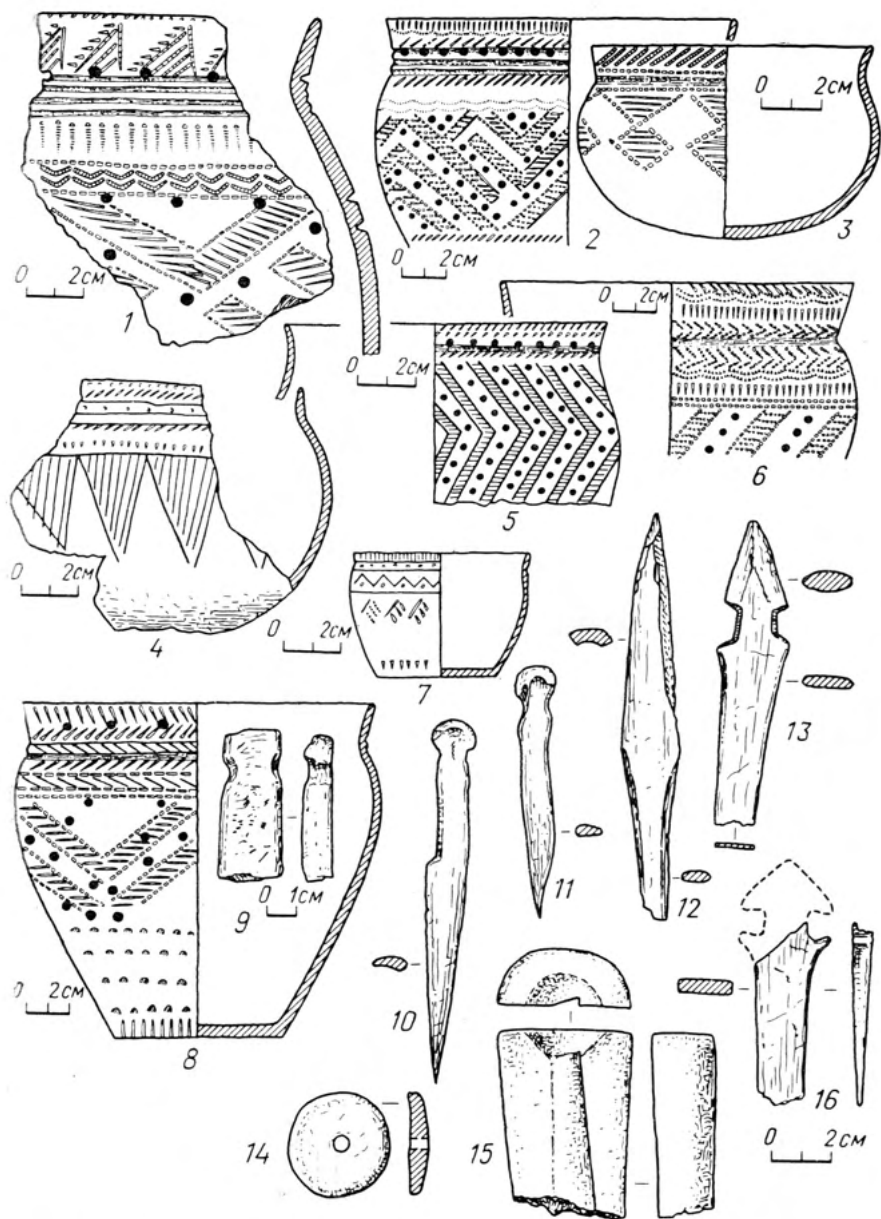

Рис. 52. Андроновская эпоха. Андроновидный культурный массив. Среднее Прииртышье. Городище Чудская Гора. Керамика и производственный инвентарь из заполнения жилищных ям (глубина 70—90 см)

1—8, 14, 15 — глина; 9 — камень; 10—13, 16 — кость

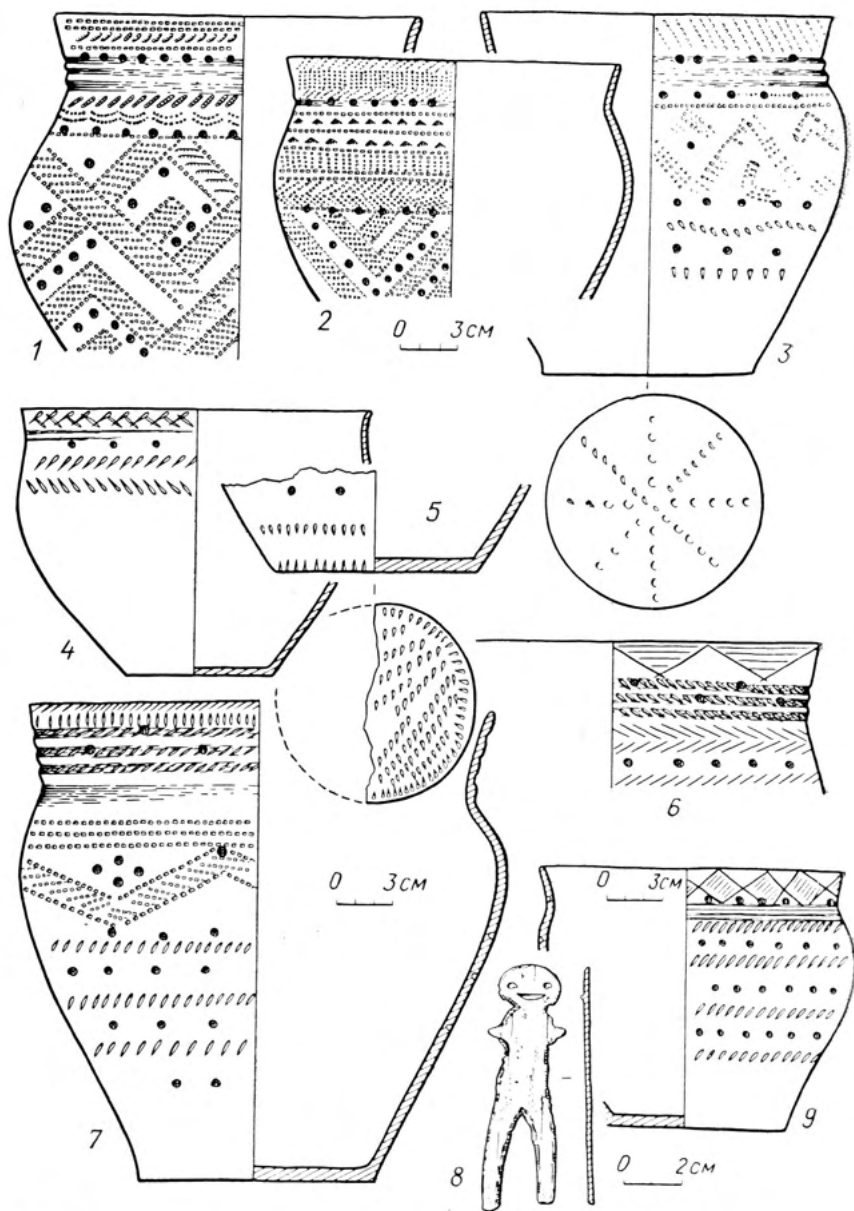

Рис. 53. Андроновская эпоха. Андронидный культурный массив. Среднее Прииртышье. Городище Чудская Гора. Находки в слое (глубина 40—60 см)

1—7, 9 — глина; 8 — бронза

нее Сузгуна и в 600 км западнее Еловки. Не исключено также, что между Сузгуном II и Чудской Горой имеются некоторые хронологические различия.

Инвентарь описываемых памятников сравнительно беден. В. И. Мошинская упоминает о находке в культурном слое Сузгуна глиняных пряслиц, грубо вылепленной из глины головы животного («вероятнее всего лошади»), двух кремневых наконечников стрел и в слое намыва с Сузгунской сопки — обломка формы для отливки кельта «такого же, как у дер. Тюково близ Тобольска»⁹⁴. Однако эти вещи до сих пор не опубликованы.

На Чудской Горе найдены изделия из кости: шилья, наконечник стрелы и две концевые накладки для луков (рис. 52, 10—13, 16). Встречены также каменный оселок (рис. 52, 9), глиняное пряслице (52, 14), обломки глиняных литейных форм (рис. 52, 15). Особенно интересна находка бронзового идола (рис. 53, 8). Это первая находка антропоморфного литья в андроновидных комплексах.

Наш раскоп 1974 г. на Чудской Горе задел край трех жилищ, слегка углубленных в землю; зачищены ямки от столбов. В 1976 г. раскопки на Чудской Горе были продолжены Т. М. Потемкиной, которая вскрыла еще 285 кв. м. Было выявлено пять наземных построек, расположенных вплотную друг к другу, со слабо углубленными (на 0,2—0,5 м) котлованами размером 4,5—7×3—5 м. Внутри сооружений расчищены следы кострищ, скопления золы и кальцинированных костей, очаги из слабо обожженных кирпичей, вокруг которых концентрировались многочисленные целые и раздавленные сосуды (более 70), кости животных и ихтиологические остатки. Кроме того, на площади раскопа собрано около 13 тыс. фрагментов керамики, найдены изделия из бронзы (двухперый втульчатый наконечник стрелы, лезвие ножа, острие), кости (проколки, наконечники стрел с ромбическим сечением), глины (обломки тигля со следами бронзы, льячки, стержни и пр.), камня (оселок, обломки литейных форм, терочники, песты и т. д.)⁹⁵.

В 1970 г. при раскопках Потчевашского городища близ Тобольска свердловские археологи обнаружили следы двух погребений, где сохранились остатки костяков, ориентированных головой на северо-восток. У черепа одного из покойников стояли два небольших круглодонных сосуда с геометрическим орнаментом⁹⁶. Неподалеку был найден еще один похожий сосуд, но уже без признаков погребения.

Еловская культура. Эта культура локализовалась в основном на территории Томско-Нарымского Приобья. Она была выделена нами в 1964 г. на материалах Десятовского и Еловского поселений⁹⁷. В дальнейшем В. И. Матющенко, Л. А. Чиндина, Ю. Ф. Кирюшин, В. А. Посредников нашли в Томско-Нарымском Приобье новые памятники еловской культуры — Еловский могильник, поселения Малгет, Тух-Эмтор и др. В последние годы поселения еловской культуры исследованы в Новосибирской обл. (Ордынское 12) и на Алтае (Корчажка V).

⁹⁴ Мошинская В. И., 1957, с. 119.

⁹⁵ Потемкина Т. М., 1977, с. 235.

⁹⁶ Федорова Н. В., 1974, табл. 2; ср.:

Мошинская В. И., 1957, с. 119.

⁹⁷ Косарев М. Ф., 1964, с. 9.

Анализируя в свое время керамический материал еловской культуры, я выделил три группы посуды, соответствующие трем этапам еловской культуры⁹⁸. Однако предложенная нами типолого-хронологическая классификация еловской керамики была основана только на материалах поселений томско-чулымского региона. Сейчас, в свете новых данных, она нуждается в некотором уточнении и дополнении. Учитывая исследования последних лет, мы находим возможным выделить пять групп еловской керамики с внутренним членением некоторых из них. Для всех групп характерна примесь песка (иногда дресвы) и шамота в тесте.

Первая группа (рис. 54, 1, 3)⁹⁹. К ней мы относим высокие сосуды со слабо выраженной шейкой, украшенные по всей боковой поверхности однообразными поясами из отпечатков гребенки. Наиболее распространенный орнамент — горизонтальные ряды наклонных отисков короткого гребенчатого штампа (реже насечек), воспроизводящих, как правило, елочные мотивы. Иногда гребенчатым штампом выполнялись горизонтальные линии, группирующиеся в полосы по три-четыре линии в каждой (рис. 54, 3); такой орнамент более характерен для северных районов Причулымья и Нарымского правобережья. Геометрические узоры очень редки. Поверхность сосудов во всех случаях делилась несколькими рядами круглых ямок. Орнаменты этой группы керамики выполнены в манере, свойственной для древней гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. Эта посуда отнесена нами к андроновидной еловской культуре с известной долей условности. Дело в том, что керамика с подобной (гребенчато-ямочной) орнаментацией была распространена в таежном Обь-Иртыше чрезвычайно широко, характеризуя тот субстрат, на основе которого возникли сузгунская, еловская и поздние гребенчато-ямочные культуры, локализовавшиеся к северу от андроновидного культурного массива. В северных таежных районах Западной Сибири она почти не меняется по облику до самого конца бронзового века. Чистый комплекс такой гребенчато-ямочной керамики был выявлен группой свердловских археологов на однослойном поселении Барсова Городка, относящемся к началу I тысячелетия до н. э. Сосуды были плоскдонными, слабо профилированными, баночной формы. Правда, место гребенчатого штампа иногда занимает мелкоструйчатый¹⁰⁰.

Вторая группа (рис. 55). По форме похожа на первую, но сосуды становятся более приземистыми. Орнамент покрывает всю боковую поверхность. Декоративная схема остается в общем прежней (однообразное заполнение орнаментального поля елочными поясами, обязательное деление поверхности сосудов рядами ямок), но узоры наносятся гладким штампом. Прослеживается тенденция к возрастанию удельного веса геометрических узоров в орнаменте. Упадок гребенчатой орнаментации и переход к резной и линейной технике отражает хронологическую тенденцию в развитии местной орнаментации, и поэтому данная группа посуды в целом является более поздней, чем первая. Однако следует заметить что указанная тенденция четко проявляется лишь на

⁹⁸ Косарев М. Ф., 1974а, с. 98—104.

⁹⁹ Косарев М. Ф., 1974а, рис. 26.

¹⁰⁰ Елькина М. В., 1977, рис. 3.

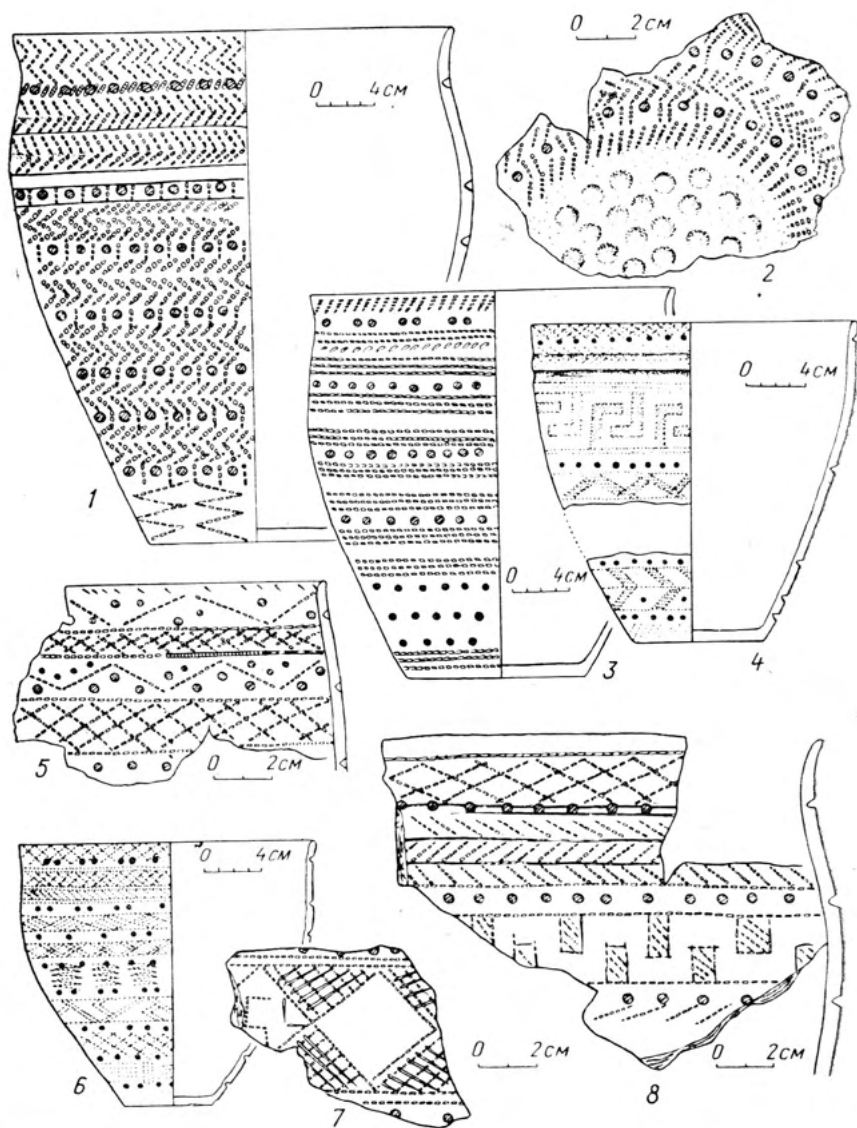

Рис. 54. Андроновская эпоха. Андроновидный культурный массив. Томско-Нарымское Приобье. Еловская культура. Керамика первой и третьей группы (1—8)

1 — Еловское поселение; 2, 4—6 — Малгет; 3, 7, 8 — Десятовское поселение; 1—3 — первая группа; 4—8 — третья группа (северный вариант)

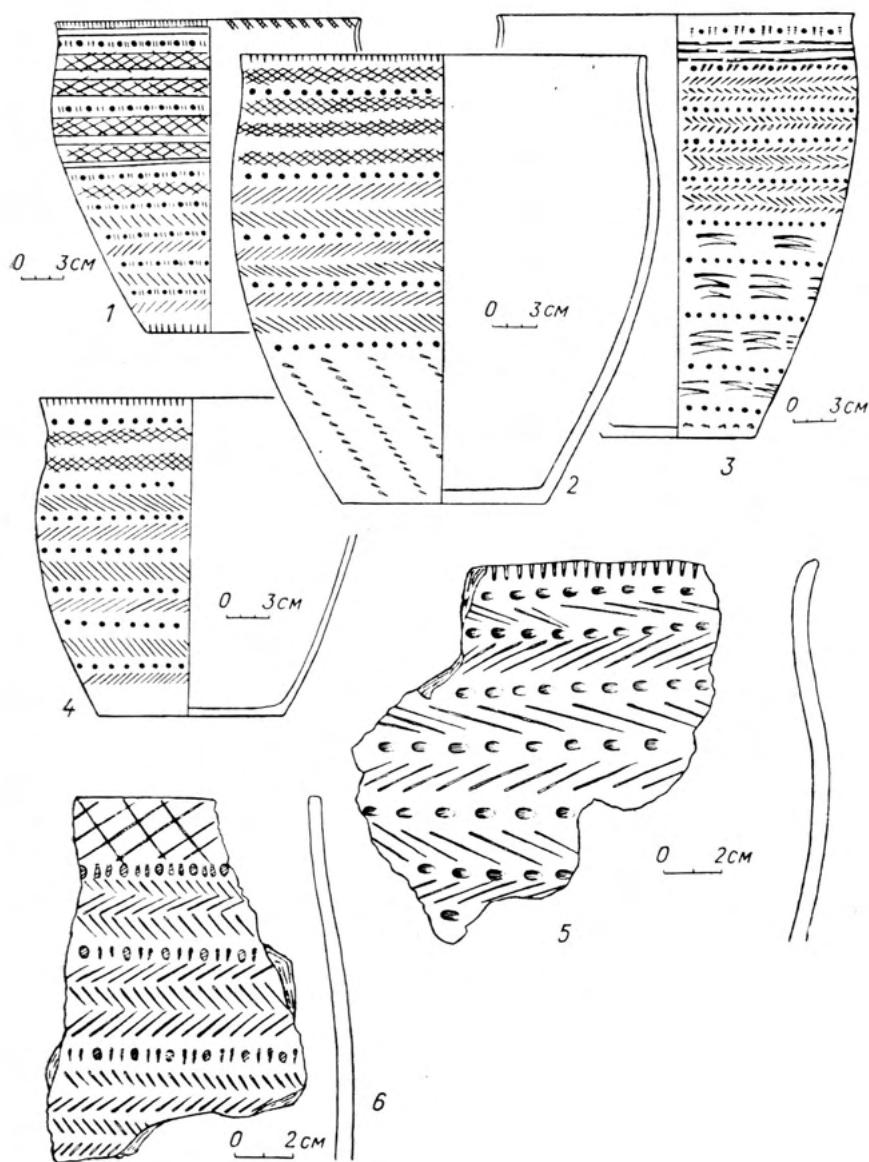

Рис. 55. Андроновская эпоха. Андроновидный культурный массив. Томско-чулымский регион. Еловская культура. Керамика второй группы

1, 3 — Десятовское поселение; 2, 4—6 — Еловское поселение

южной окраине Томско-Нарымского Приобья. В северных таежных районах гребенчатая техника живет дольше, и там (например, Десятовское поселение, Малгет) различия между первой и второй группами не столь отчетливы (ср., например, рис. 54, 1, 2).

Третья группа (рис. 54, 4—8; 56). Характерной особенностью этой посуды является очень развитый геометризм в орнаментации: заштрихованные ленты, решетчатые пояса, треугольники, ромбы, зигзагообразные полосы, различные виды меандров и т. д. Поверхность по-прежнему делится рядами ямок, но встречаются (особенно в южной части еловского ареала) сосуды без ямочного деления (рис. 56, 8). Внутри этой группы керамики достаточно четко выделяются две подгруппы — южная и северная. Для южной (Еловское поселение, Осинники и др.) характерна горшковидная форма с плавным переходом от шейки к плечикам; придонная часть обычно не орнаментирована; преобладает резная техника выполнения узоров (рис. 56). Для северной подгруппы (Малгет, отчасти Десятовское поселение) основным орудием нанесения орнамента продолжает оставаться гребенка. Сосуды по-прежнему сохраняют баночную форму, со слабой профилировкой верхней части. Орнаментировалась вся боковая поверхность. Геометрический орнамент также имеет некоторые особенности: очень характерны негативные меандровые пояса в виде взаимопроникающих Г-образных фигур (рис. 54, 4), взаимопроникающих вертикальных полос (рис. 54, 8), встречается свастика и др.

В типологическом отношении третья группа посуды предвосхищает многие черты, характерные для керамики местных культур финальной бронзы, причем обозначаются две линии преемственности: северная подгруппа, особенно по специфике геометризма в орнаментации, обнаруживает признаки генетической близости более поздней молчановской керамики, а южная — ирменской. Внедрение в гребенчато-ямочный орнаментальный комплекс андроновидного геометризма было связано, на наш взгляд, с продвижением на север значительных групп южного андроновского населения. Это, скорее всего, произошло в конце андроновской эпохи, когда в степной и предтаежной зонах Обь-Иртышья начинает распространяться посуда карасукско-ирменских форм. Видимо, в аналогичной исторической ситуации оформляется и андроновидный колорит сузгунской культуры. Свердловские археологи отмечают распространение в предтаежном Прииртышье на поздних этапах бронзового века керамики карасукского облика¹⁰¹. Можно предполагать, что приход в Среднее Прииртышье новых групп южного населения привел к отступлению носителей андроновидной (в данном случае андроновской) культурной традиции на север, в пределы сузгунского ареала. Отступившие на север андроновцы и родственные им группы смешивались здесь с местным населением — носителем гребенчато-ямочной культурной традиции; результатом этого смешения было появление в таежном Обь-Иртышье поселений с богатой и колоритной андроновидной керамикой.

¹⁰¹ Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др., 1970, с. 36—44.

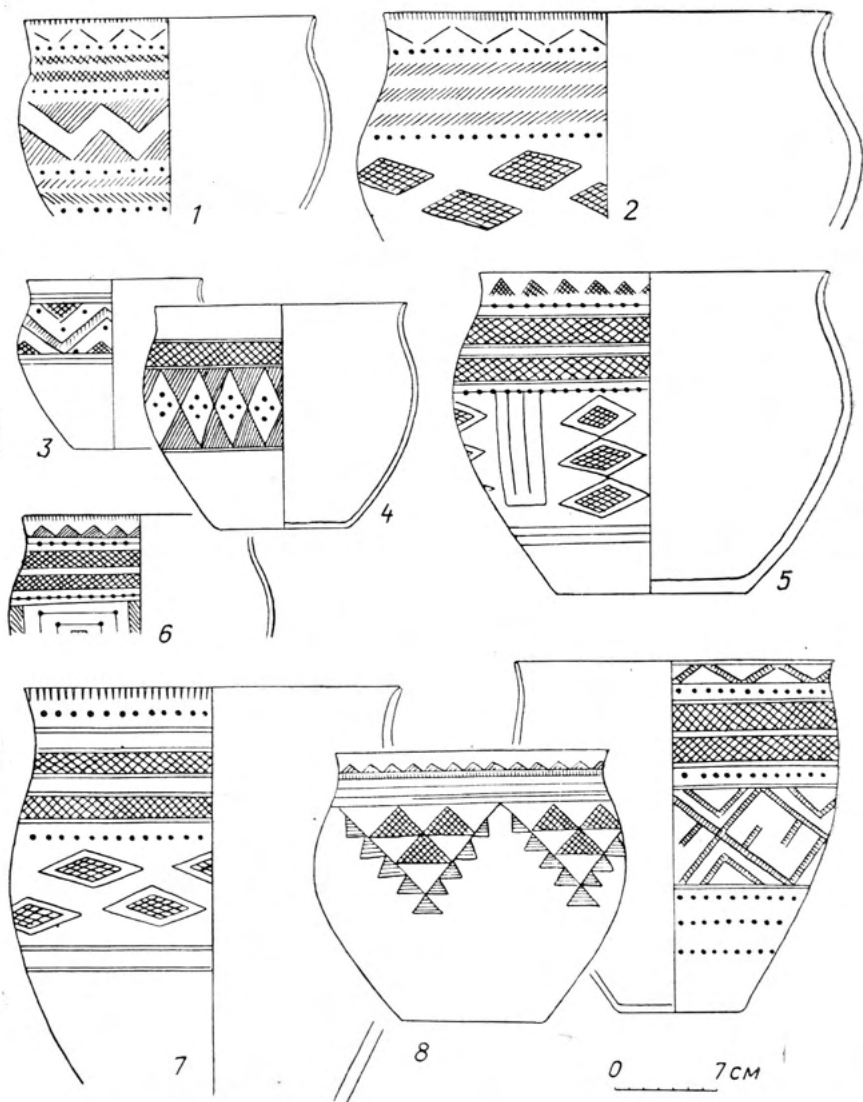

Рис. 56. Андроновская эпоха. Андроновидный культурный массив. Томско-чулымский регион. Еловская культура. Керамика третьей группы (южный вариант)
1—8 — Еловское поселение; 9 — Десятовское поселение

Четвертая группа посуды (рис. 57, 2—7, 10, 12, 15, 17—25). Характерна в погребениях еловской культуры Еловского II могильника. На поселениях встречается сравнительно редко. Керамика этой группы имеет обычно горшковидную форму с мягким переходом от шейки к тулову; встречаются кувшинообразные горшки с узким горлом и очень раздутым туловом (рис. 57, 4, 10, 17). Орнамент выполнялся гребенчатым штампом и иногда желобчатыми линиями. Характерны решетчатые пояса и треугольники с решетчатой штриховкой (рис. 57, 3, 4, 9, 18—20), а также зигзагообразные полосы, которыми часто подчеркивался фон между треугольниками с взаимопроникающими вершинами (рис. 57, 10, 19, 20). Решетчатые пояса располагались чаще всего в верхней части сосудов, треугольники, зигзаги и меандровые узоры — на тулове. Пояса круглых ямок не характерны; интересно, что вместо них в качестве разделительных поясов использовались иногда ряды из отпечатков угла пластины (рис. 57, 9, 17, 18, 22). Эта манера характерна для коптяковской, андроновской (федоровской) и черкаскульской керамики.

Особенно интересны сосуды с андроновскими (федоровскими) геометрическими орнаментами — косыми треугольниками и специфическими андроновскими меандрами, выполненными аккуратной тонкозубой гребенкой (рис. 57, 2, 7, 21, 25). Однако композиционное расположение рисунков уже не андроновское, а подчинено гребенчато-ямочной декоративной схеме: андроновские узоры или располагались однообразно повторяющимися поясами (рис. 57, 2), или были отделены друг от друга рядами глубоких круглых ямок (рис. 57, 7, 25). Эта подгруппа наглядно демонстрирует начальный этап взаимодействия андроновской (федоровской) и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций. В этой связи интересна находка в Еловском II могильнике в одной из могил еловской части кладбища (№ 112) трех сосудов, два из которых имеют ряд черт, сближающих их с дандыбай-бегазинской керамикой Центрального Казахстана: кубковидная форма с поддоном (рис. 57, 12)¹⁰², орнаментация заштрихованными наклонными лентами (рис. 57, 18)¹⁰³ и др. Н. Л. Членова, обратившая внимание на это сходство, справедливо видит в нем свидетельство существования далеких южных связей. Это особенно интересно в свете отмеченных выше карасукских проникновений.

Посуда четвертой группы одновременно первой и отчасти второй группам, охарактеризованной выше. Об этом говорят случаи обнаружения ее с гребенчато-ямочной посудой в могилах одного погребального ряда Еловского II могильника, а также в единых погребальных комплексах этого древнего кладбища (например, в могиле 67 — рис. 57, 1—4; в могиле 73 — рис. 57, 6, 9—11; в могиле 88 — рис. 57, 15, 16).

Тот факт, что керамика четвертой группы встречается главным образом в погребениях, возможно, указывает на ее ритуальный характер. Мне думается, однако, что ее нельзя считать сугубо погребальной посудой. У нганасан существовал особый комплект одежды, оленьей упряжи, транспортных средств и пр., который они называли праздничным

¹⁰² Ср.: Грязнов М. П., 1952, рис. 1, 1, 2. ¹⁰³ Там же, рис. 1, 1—4.

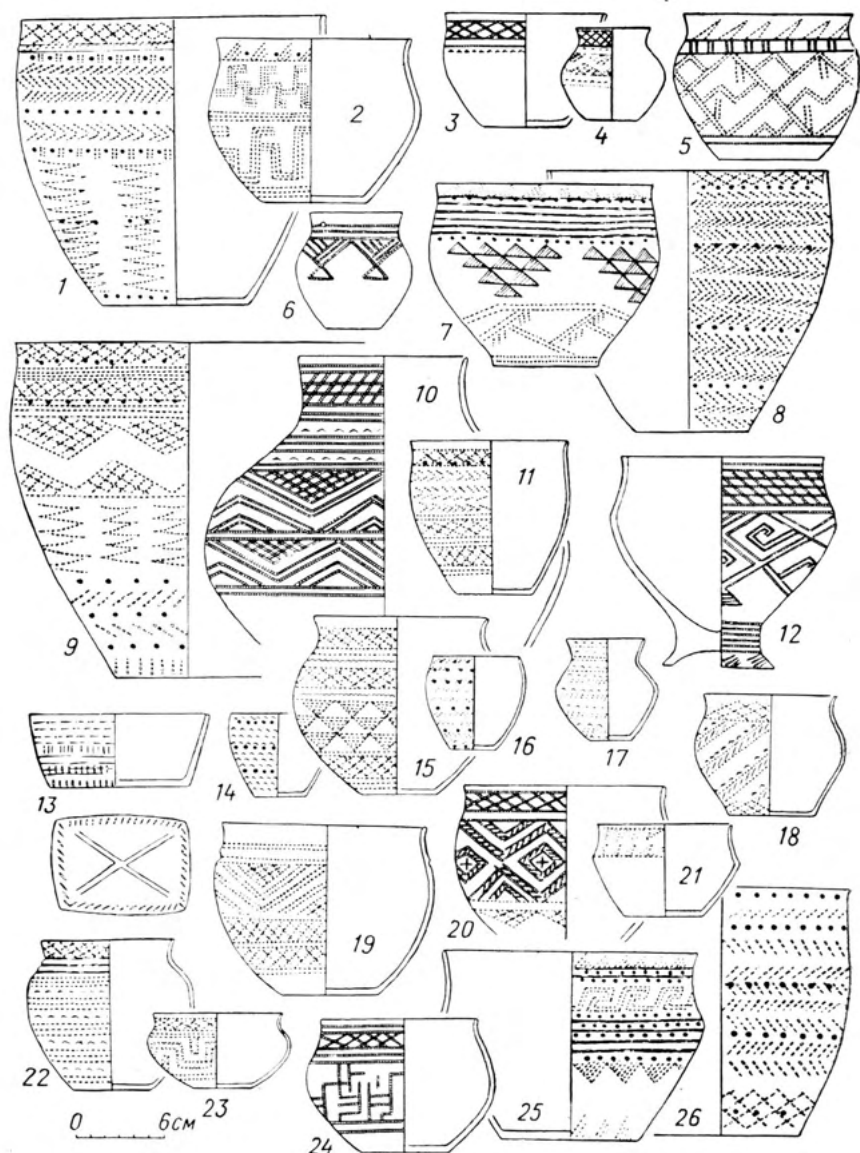

Рис. 57. Андроновская эпоха. Андроновидный культурный массив. Томское Приобье. Еловская культура. Еловский II могильник

1, 8, 9, 11, 14, 16, 26 — керамика первой группы; 2—7, 10, 12, 13, 15, 17—25 — посуда четвертой группы (ритуальная?). 1—4 — могила 87; 5, 8 — могила 68; 6, 9—11 — могила 73; 7 — могила 22; 12, 17, 18 — могила 112; 13, 14 — могила 95; 15, 16 — могила 88; 19—21 — могила 92; 22—24 — могила 86; 25 — могила 103; 26 — могила 106

или смертным, причем эти определения употреблялись как синонимы. На праздник Матерей Природы или другое ритуальное торжество иганасан ехал в «праздничной» («смертной») одежде, на «праздничных» («смертных») нартах, на оленях, убранных в «праздничную» («смертную») упряжь и т. д. После смерти его в той же одежде, те же олени, на тех же нартах доставляли на кладбище, и весь этот «праздничный» («смертный») комплект должен был следовать за покойником в другой мир¹⁰⁴. По всей вероятности, керамика четвертой группы входила именно в такой комплект. Поэтому она встречается и на поселениях, но более характерна для погребений (и, видимо, жертвенных мест и святыщ).

Пятая группа (рис. 58, 1—9, 11—15). Тоже характерна для погребений. Встречена в основном в поздних еловских захоронениях Еловского I могильника. На поселениях найдена в сравнительно небольшом количестве. Сосуды невелики по размерам. Они имеют горшковидную форму; попадаются круглодонные экземпляры (рис. 58, 1, 15). Орнамент наносился гребенчатым штампом, резными и иногда мелкоструйчатыми линиями. Шейка во многих случаях не орнаментировалась. Это очень напоминает манеру украшения карасукских сосудов из погребений Хабасско-Минусинской котловины¹⁰⁵; карасукские ассоциации вызывает также круглодонность некоторых сосудов (рис. 58, 1, 15), характерность треугольных фестонов на тулове (рис. 58, 1, 4—6, 8, 12, 15) и некоторые другие признаки. Таким образом, если четвертая группа посуды отличается андронидностью орнаментации, то для пятой в большей мере характерна «карасукоидность» декоративной схемы.

Керамика пятой группы одновременно третьей и отчасти второй группам поселенческой еловской посуды. В Еловском I могильнике известны случаи совместного нахождения этих групп сосудов — под одной курганной насыпью или в единых погребальных комплексах (например, курган 13, могила 5 — рис. 58, 10, 13, 14; курган 15 — рис. 58, 16, 17). Керамика третьей группы (южная подгруппа, рис. 56) и пятой группы характеризуют переходный период от еловской культуры к ирменской; в процессе этого перехода в Томском Приобье происходила смена андронидного орнаментального комплекса ирменско-карасукским.

Памятники еловской культуры дали довольно богатый производственный инвентарь. Однако орудия, найденные на поселениях, происходят, как правило, из смешанных еловско-ирменских (Еловское поселение) и еловско-молчановских (Десятовское поселение) слоев, и поэтому их отождествление с еловскими комплексами вызывает определенные трудности. Проще обстоит дело с погребальными комплексами. В могилах еловской культуры Еловского I и II могильников орудия и украшения могут быть связаны с определенными группами посуды. Мы остановимся отдельно на изделиях, найденных с четвертой (Еловский II могильник) и с пятой группами посуды (Еловский I могильник). В Еловском II могильнике встречены два массивных бронзовых ножа с широким лезвием и кольцевым навершием на рукояти (рис. 59, 2, 3; глина-

¹⁰⁴ Попов А. А., 1948.

¹⁰⁵ Киселев С. В., 1949, табл. X, 5—12; XIII.

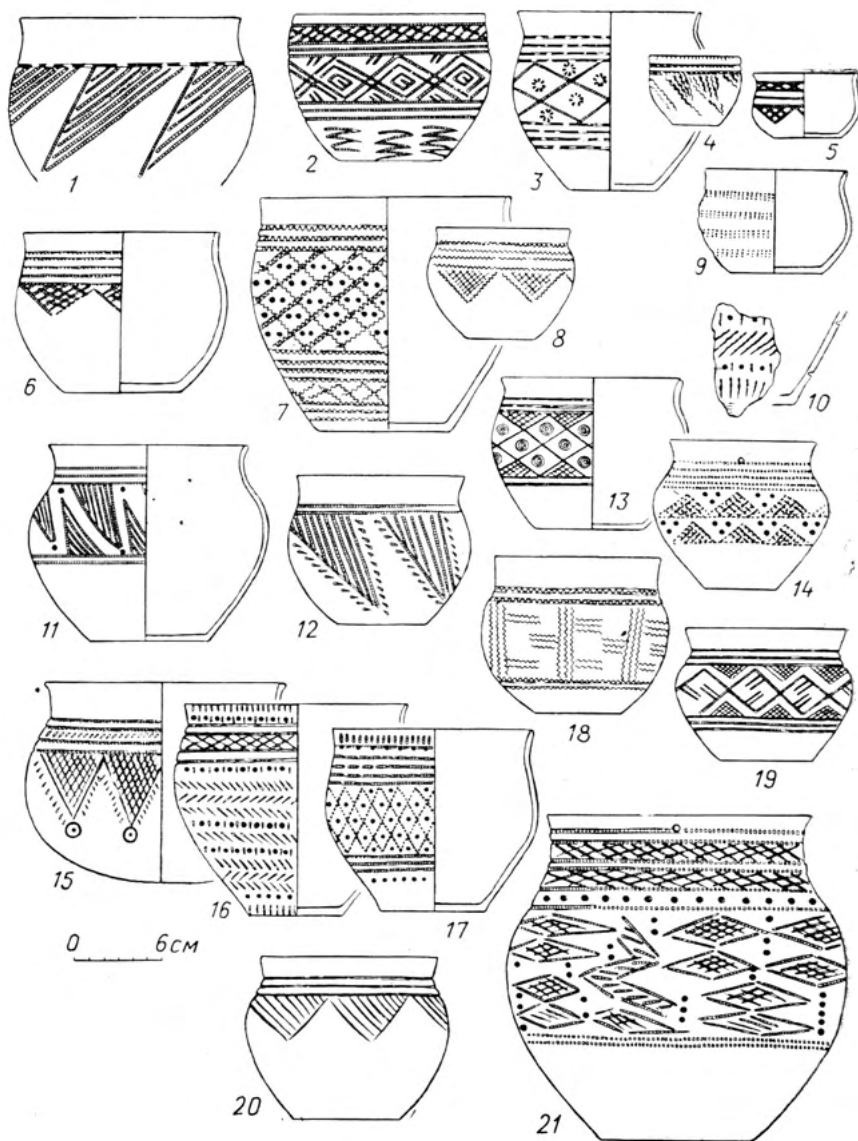

Рис. 58. Андроновская эпоха. Андроновидный культурный массив. Томское Приобье-Еловская культура. Еловский I могильник

1—8, 11—15, 18, 19, 21 — керамика пятой группы (ритуальная?); остальное — посуда предшествующих групп. 1 — курган 11, могила 2; 2 — курган 11, могила 1; 3, 4 — курган 11, могила 3; 5, 9 — курган 11, могила 4; 6, 8 — курган 11, могила 7; 10, 13, 14 — курган 13, могила 5; 11 — курган 13, могила 4; 12, 18 — курган 13, могила 2; 15, 17 — курган 14, могила 2; 16 — курган 14, могила 1; 19 — курган 12, могила 1; 20 — курган 12, могила 2; 21 — курган 12, насыпь

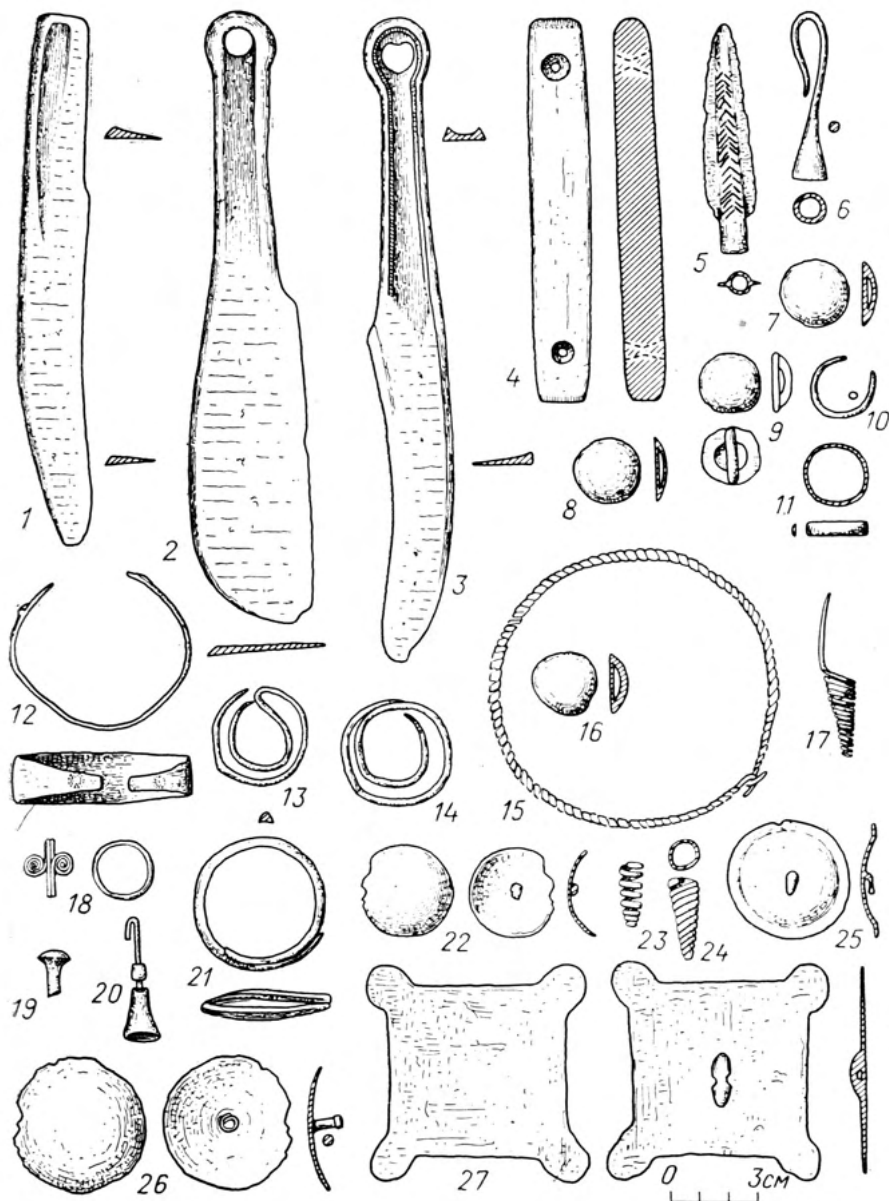

Рис. 59. Андроновская эпоха. Андроновидный культурный массив. Томское Приобье. Еловские I и II могильники. Орудия и украшения еловской культуры

Еловский I могильник: 1 — курган 13, могила 6; 4 — курган 13, могила 5; 6 — курган 11, могила 5; 7 — курган 13, могила 7; 18, 20 — курган 14, могила 2; 19 — курган 14, насыпь; 23, 24, 27 — курган 11, могила 4. Еловский II могильник: 2, 5, 16 — могила 87; 3 — курган 11, насыпь; 5 — могила 90; 7—9, 11 — курган 11, могила 4; 10, 12 — курган 11, могила 3; 13, 14 — могила 66; 21, 22, 25 26 — могила 112. 1—3, 5—14, 16—27 — бронза; 4 — камень; 15 — золото

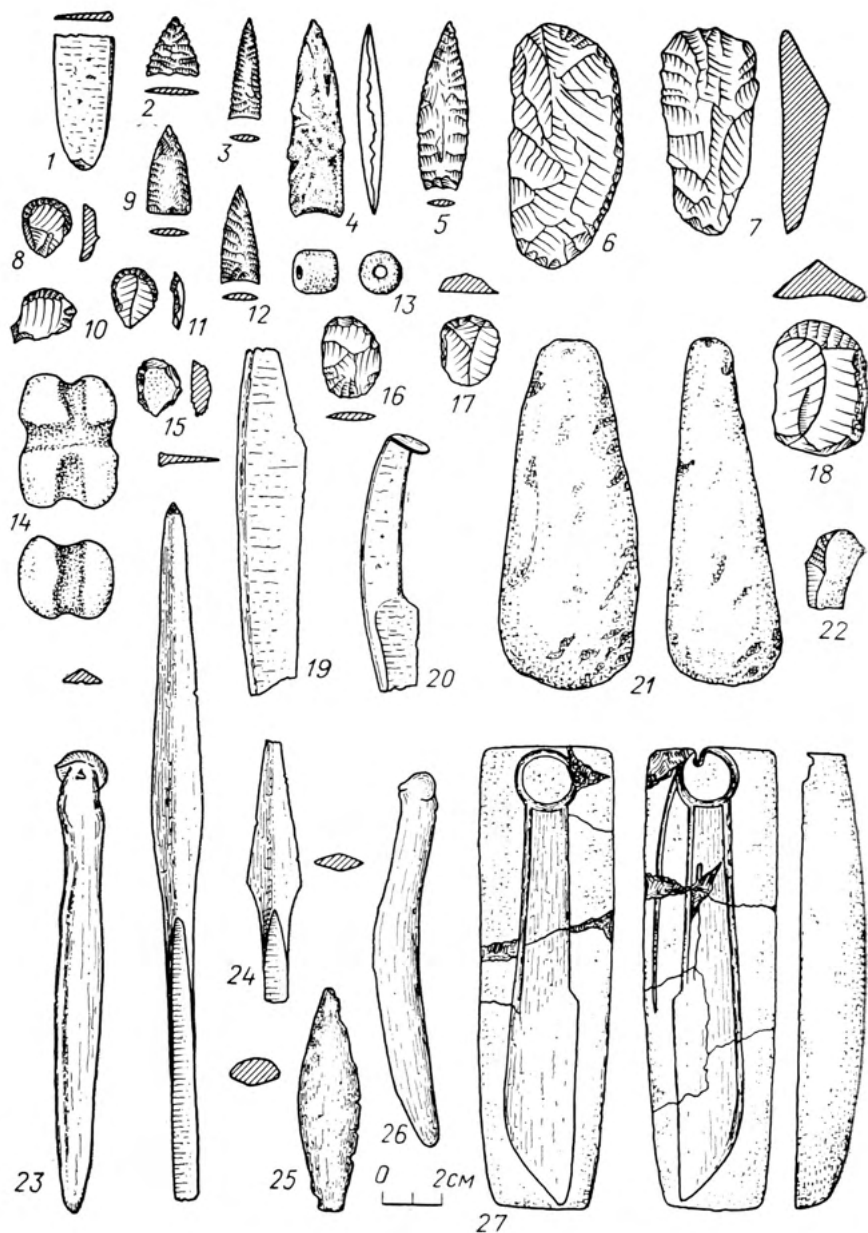

Рис. 60. Еловско-ирменское время. Томско-чулымский регион. Инвентарь из смешанного еловско-ирменского слоя

1—18, 22 — Десятовское поселение; 19—21, 23—26 — поселение Чекист (Большекиргизское); 27 — Осинники. 1, 19, 20 — бронза; 2—13, 15—18, 21, 22, 25 — камень; 14, 27 — глина; 23, 24, 26 — кость

ная форма для отливки подобных ножей известна на поселении Осинники — из смешанного еловско-ирменского слоя — рис. 60, 27). Вместе с одним из этих ножей (рис. 59, 2) найдена золотая гривна из витой проволоки и бронзовая подвеска, закрученная в виде пружинки (могила 87 — рис. 59, 2, 15, 17). Из могилы 90 происходит крупный двухлопастный наконечник стрелы с выделенной втулкой; по круглому в сечении стержню идет орнамент в виде вертикальной елочки (рис. 59, 5). Основная масса инвентаря из еловских погребений Еловского II могильника — украшения. Среди них преобладают полусферичные бронзовые бляшки с петлей на обратной стороне (рис. 59, 22, 25, 26), височные кольца с взаимопроникающими концами (рис. 59, 13, 14, 21) и некоторые другие украшения неспецифических форм.

В Еловском I могильнике вместе с керамикой пятой группы найдены черешковый однолезвийный нож с выделенной рукоятью (рис. 59, 9), перстень со спиральными завитками на концах (рис. 59, 18), височная подвеска с раструбом (рис. 59, 6), подвески, закрученные в виде пружинки (рис. 59, 23, 24), полусферические бляшки с петлей на обратной стороне (рис. 59, 7—9), четырехугольное бронзовое зеркало (рис. 59, 27) и некоторые другие изделия. Все эти вещи подробно описаны В. И. Матющенко по погребальным комплексам¹⁰⁶.

Видимо, к еловской культуре следует отнести большинство найденных на Десятковском поселении каменных наконечников стрел с выемкой в основании (рис. 60, 2—5, 12), округлые глиняные грузила с поперечными желобками (рис. 60, 14), значительную часть скребков (рис. 60, 8—11, 15, 17, 18, 20) и другого каменного инвентаря (рис. 60, 6, 7). Аналогичные орудия, но в меньшем количестве встречены на Еловском поселении (рис. 65, 7, 12, 13, 27). Скорее всего, еловскими являются найденные на Еловском и Десятковском поселениях бронзовые ножи со слабо выделенной рукоятью, прямым лезвием и горбатой спинкой (рис. 61, 1, 2; 60, 1). Типологически они близки ножам черноозерско-томского типа (рис. 43, 5—8). К еловскому или переходному еловско-ирменскому периоду относятся, по нашему мнению, два бронзовых наконечника стрел — двухлопастных, втульчатых (Еловское поселение — рис. 61, 5, 6). Бронзовый (втульчатый, двухлопастный) наконечник стрелы, правда несколько иной формы и орнаментированный, был найден в одной из еловских могил Еловского II могильника (могила 90 — рис. 59, 5). Видимо, с еловской культурой следует связывать часть костяных наконечников стрел из Еловского поселения. Но они опять-таки происходят из смешанного еловско-ирменского слоя, и поэтому говорить определенно, какие из них еловские, какие ирменские, не приходится. Дело в том, что костяные орудия удивительно консервативны и медленно менялись во времени. Примечательно, что почти всем костяным наконечникам Еловского поселения (рис. 61, 8—11, 16—18) мы находим близкие аналогии в западно-сибирских костяных наконечниках позднего средневековья.

В некоторых еловских могилах Еловского II могильника найдены кости домашних животных: могилы 84, 88, 106, 107, 117 — лошадиные бабки; 80, 90, 107 — бараньи альчики. В культурном слое Еловского поселения

¹⁰⁶ Матющенко В. И., 1974.

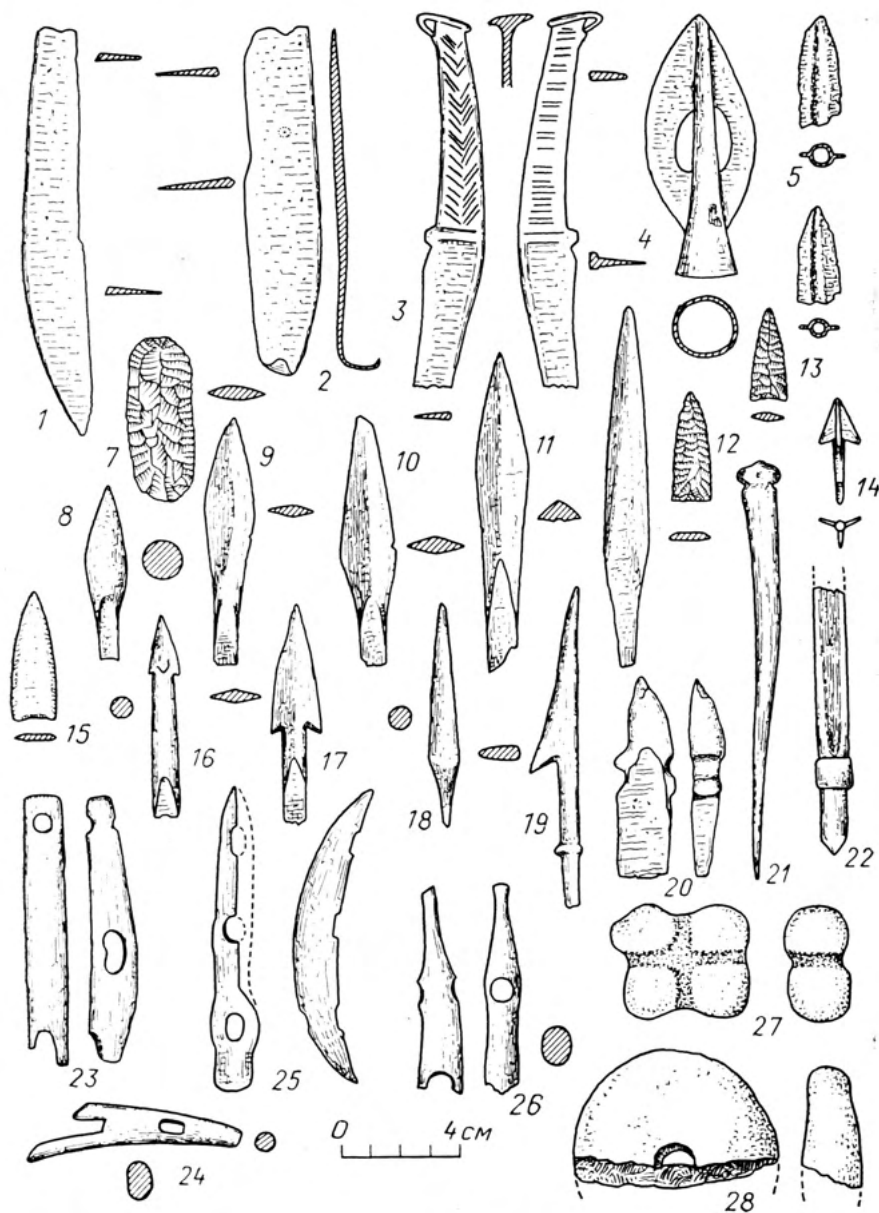

Рис. 61. Еловско-ирменское время. Томское Приобье. Инвентарь Еловского поселения
 1—6, 14 — бронза; 7, 12, 13 — камень; 8—11, 25—26 — кость; 27, 28 — глина

собрано много костей крупного рогатого скота (51,1%), мелкого рогатого скота (27%), лошади (13%), свиньи (1,2%), собаки (7,2%)¹⁰⁷. Кроме того, здесь были кости лося, северного оленя, медведя, соболя, бобра, зайца и др.¹⁰⁸ Количество особей домашних животных (81) превышает численность диких (44), но это мало что говорит о сравнительной роли охотничьих и скотоводческих занятий. Дело не только в том, что количество костей диких животных на поселении может не отражать реального объема охотничьей добычи, но и в том, что Еловское поселение — смешанный еловско-ирменский памятник, а найденные кости были определены суммарно. Единственным прямым свидетельством в пользу охоты у еловцев (кроме каменных наконечников стрел) являются находка лосиного рога в жилище 3 Еловского поселения, лосиных черепов в могиле 73 Еловского II могильника и обломков тазовой и берцовой костей лося под курганом 13 Еловского I могильника¹⁰⁹. О значительной роли рыболовства в жизни еловцев, кроме глиняных грузил, говорит обильное скопление костей и чешуи рыб в жилищах еловской культуры Еловского поселения¹¹⁰.

Еловское население строило жилища полуземляночного типа. Они имели четырехугольную форму и были углублены в землю на 90—100 см. По свидетельству В. И. Матющенко, жилища Еловского поселения достигали по площади 200 кв. м¹¹¹. В середине находился очаг из камней. В полу жилищ отмечены ямы, заполненные костями животных и рыб. Интересно, что на поселении Малгет (оно находится в 250 км севернее Еловки) площадь еловских жилищ намного меньше (20—40 кв. м по В. А. Посредникову). В. А. Посредников объясняет эти различия большей ролью скотоводства на юге еловского ареала: крупные размеры жилых построек были вызваны необходимостью содержать зимой скот в закрытых помещениях; на севере еловской культуры, где скотоводство играло меньшую роль (или вообще отсутствовало), надобности в столь крупных жилищах не было¹¹².

К настоящему времени известно три могильника еловской культуры — Еловские I, II и Пачангский (рис. 62), причем первые два можно считать одним кладбищем, так как они расположены поблизости и хронологически продолжают друг друга. На Еловском I могильнике, по данным В. А. Посредникова, вскрыто 24 еловских могилы, на Еловском II — 22, на Пачангском — 8. Следы надмогильных сооружений очень нечетки. Были ли это курганные насыпи или остатки разрушившихся дерновых оградок — судить трудно. В Еловском II могильнике, исключая «крематорий» и два трупосожжения (могилы 74, 112), все умершие лежали в скорченной позе, на левом боку; в могиле 68 наблюдались следы огня¹¹³. В более поздних (позднееловских) могилах Еловского I могильника в 17 определенных случаях 10 покойников положены в скорченной позе, на левый бок; шесть в — скорченной позе, на правый бок; один — в вы-

¹⁰⁷ По количеству особей кости домашних животных распределились следующим образом: крупный рогатый скот — 41, мелкий рогатый скот — 22, лошадь — 11, свинья — 1. См.: Матющенко В. И., 1974, с. 92.

¹⁰⁸ Матющенко В. И., 1974, с. 92.

¹⁰⁹ Посредников В. А., 1975, с. 13.

¹¹⁰ Там же, с. 14—15.

¹¹¹ Матющенко В. И., 1974, с. 107.

¹¹² Посредников В. А., 1975, с. 8, 9.

¹¹³ Матющенко В. И., 1974, с. 121.

тянутом положении, на спине. В Пачангском могильнике все погребенные лежали на спине, в вытянутом положении. Здесь можно говорить о двух тенденциях — хронологической и локальной. Хронологическая тенденция выражена в том, что от ранних этапов еловской культуры к ирменской культуре на юге еловского ареала наблюдается изменение положения погребенных: все чаще покойники кладутся на правый бок (тогда как ранее их хоронили на левом боку). Локальная тенденция проявляется в том, что в северной части еловского ареала продолжает сохраняться древний автохтонный обряд положения трупа — вытянуто, на спине.

По данным В. А. Посредникова, большинство еловских могил Еловских I и II могильников (36 из 56) представляют неглубокие ямы, выкопанные в верхнем горизонте почвы. В трех таких могилах прослежены следы деревянной обкладки и перекрытия из бревен. 18 могил сооружены прямо на дневной поверхности. Преобладает юго-западная ориентировка погребенных.

В свое время еловская культура была датирована мною XII—X вв. до н. э.¹¹⁴, с чем согласились другие западносибирские археологи¹¹⁵. Определение хронологических рубежей сузгунской и еловской культур, помимо обычных трудностей, связанных с неразработанностью хронологии «датирующих» вещей, осложнено еще рядом обстоятельств. Так, например, мы до сих пор не уверены, следует ли начинать еловскую культуру с момента распространения в томско-чулымском регионе гребенчато-ямочной керамики или с начального этапа смешения здесь гребенчато-ямочной и андроновской орнаментальных традиций, когда достаточно явственно обозначается ее андронидный колорит.

На первых порах взаимопроникновение гребенчато-ямочной и андроновской культурных традиций ощущалось лишь в пограничье ареалов. В районе Еловки носители андроновского и гребенчато-ямочного орнаментальных комплексов хоронили своих покойников на одном кладбище. В. И. Матющенко сообщает, что на некоторых участках Еловского II могильника «еловские могилы оказываются включенными в общий план андроновских захоронений (еловские могилы 66, 68, 80 соседствуют с андроновскими, а андроновские могилы 108, 91, 89, 114 — с еловскими)»¹¹⁶. При этом еловские могилы не нарушают андроновских. Вместе с тем уже заметны признаки начавшегося смешения раннееловского (с гребенчато-ямочной керамикой) и андроновского населения. Об этом говорят, в частности, находки на раннееловском кладбище Еловского II могильника «гибридной» керамики, сочетавшей в орнаментации элементы гребенчато-ямочного и андроновского декоративных комплексов (рис. 57, 2, 7, 25).

Андронидный облик еловской и сузгунской культур оформляется позже — с началом карасукских проникновений, когда часть андроновского населения (видимо, уже в значительной мере трансформированного карасукскими воздействиями) продвигается из лесостепного и предтаеж-

¹¹⁴ Косарева М. Ф., 1964, с. 9.

¹¹⁵ Посредников В. А., 1973а; с. 25; Матющенко В. И., 1974, рис. 106.

¹¹⁶ Матющенко В. И., 1974, с. 70—71.

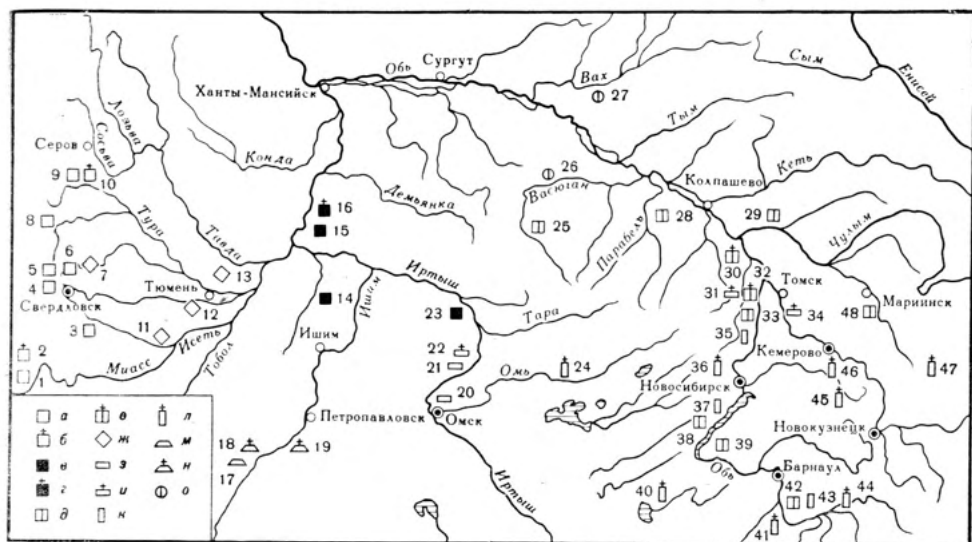

Рис. 62. Основные памятники андроновской эпохи в предтаежной и южнотаежной полосе Восточного Зауралья и Западной Сибири

а — поселения черкаскульской культуры; б — могильники черкаскульской культуры; в — поселения сузгунской культуры; г — могильники сузгунской культуры; д — поселения еловской культуры; е — могильники еловской культуры; ж — комплекс нижнетобольского варианта андроновской общности; з — поселения черноозерско-томского варианта андроновской общности; и — могильники черноозерско-томского варианта андроновской общности; к — поселения верхнеобского варианта андроновской общности; л — могильники верхнеобского варианта андроновской общности; м — поселения с гибридной алакульско-федоровской керамикой (амангельдинский тип); н — погребения с гибридной алакульско-федоровской керамикой; о — поселения с гребенчато-ямочной керамикой

1 — Липовая Курья; 2 — могильник Березки V; 3 — Черкаскуль II; 4 — Калмацкий Брод; 5 — Новая III; 6, 7 — Коптяковские поселения; 8 — Горбуновский торфяник (Береговая I стоянка и VI разрез); 9 — Кокшаровское I и Юрьинское IV поселения; 10 — Кокшаровское

погребение; 11 — Боборыкино II; 12 — поселение на северном берегу Андреевского озера; 13 — Ипкуль I; 14 — поселение у д. Новопетрово; 15 — Сузгун II; 16 — Потчевашские погребения; 17 — Новоникольское; 18 — могильник Амангельды; 19 — могильник Бишкуль; 20 — Омская стоянка; 21 — Черноозерское городище; 22 — могильник Черноозерье I; 23 — городище Чудская Гора; 24 — могильник Преображенка III; 25 — поселения Тух-Эмтор и Тух-Сигат; 26 — Шаманский Мыс; 27 — Большеарьянские поселения; 28 — Малгет; 29 — Десятковское поселение; 30 — Пачангский могильник; 31, 32 — Еловские I и II могильники; 33 — Еловское поселение; 34 — Томский могильник на Малом Мысе; 35 — поселение Красный Яр; 36 — Вахрушевский могильник; 37 — Ирмень I; 38 — Ордынское II; 39 — Милованово; 40 — могильник Нижняя Суетка; 41 — могильник Шипуново; 42 — Корчажка V; 43 — Иткульское поселение; 44 — могильник Иконниково; 45 — Кытмановский могильник; 46 — могильник Ур; 47 — Большепичугинский могильник; 48 — Дворниково

ного Обь-Иртышья в глубь таежной зоны. На этом этапе, отмеченном распространением в таежном Обь-Иртышье нарядной посуды с богатой геометрической орнаментацией (Сузгун II, Чудская Гора, Малгет, Десятковское поселение и др.), сузгунская и еловская культуры, скорее всего, синхронны раннему этапу ирменской культуры, которая относится, по М. П. Грязнову, к кругу культур карасукского типа. Находки в культурном слое Чудской Горы нескольких круглодонных сосудов с карасукско-ир-

менским геометрическим орнаментом (рис. 52, 3, 4) подтверждает это предположение.

Первая и четвертая группы керамики, характеризующие ранние этапы еловской культуры и одновременные андроновской (федоровской) посуде, датируются, на наш взгляд, последними веками II тысячелетия до н. э. Это подтверждается радиоуглеродной датой раннееловской могилы 112 (Еловский II могильник): 1180 ± 55 лет (до нашей эры)¹¹⁷. Время существования третьей и пятой групп еловской посуды совпадает с началом распространения в обь-иртышской лесостепи памятников ирменского типа. Начало ирменской культуры большинство специалистов относит к IX в. до н. э.¹¹⁸ В связи с этим возникает необходимость несколько повысить конечную дату еловской культуры. Сейчас мне представляется, что еловская культура захватывает и IX в. до н. э., а в целом ее хронологические рамки определяются примерно XII—IX вв. до н. э. Поселения Сузгун II и Чудская Гора в таежном Прииртышье, давшие керамику с богатой геометрической орнаментацией, относятся, видимо, ко второй половине хронологического диапазона, отведенного нами для еловской культуры. Их наиболее вероятная дата — рубеж II и I тысячелетия до н. э. или даже первые века I тысячелетия до н. э.

Глава VI

ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ БРОНЗОВОГО ВЕКА К ЖЕЛЕЗНОМУ

ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Для эпохи поздней бронзы Зауралья и Западной Сибири можно говорить о существовании в лесостепной полосе и на юге таежной зоны замараевско-ирменского историко-хронологического пласта, в пределах которого выделяются две основные культуры — межовская (замараевская) в Зауралье и ирменская в Обь-Иртышье. Названные культуры достаточно близки в генетическом отношении, так как в основе обеих лежит андроновидный субстрат. Основное различие между межовской (замараевской) и ирменской культурами заключается в том, что первая является прямым продолжением андроновидной (в данном случае черкаскульской) культурной традиции, тогда как сложение ирменской культуры было результатом воздействия на андроновское и андроновидное население Обь-Иртышья носителей карасукской культурной традиции.

Памятники межовского (замараевского) типа. В свое время К. В. Сальников выделил три этапа черкаскульской культуры — черкаскульский, межовский и березовский¹. Позднее В. С. Стоколос отметил сходство кера-

¹¹⁷ Матющенко В. И., 1974, с. 75.

¹ Сальников К. В., 1964.

¹¹⁸ Косарев М. Ф., 1964, с. 9—10; Матющенко В. И., 1974, рис. 106.

мики черкаскульской культуры с замараевской посудой². Однако он подошел к материалам черкаскульской культуры несколько обобщенно. В действительности можно говорить о большом сходстве (по существу полном тождестве) замараевской посуды, с одной стороны, и керамики межовского этапа — с другой. Поскольку замараевские памятники А. М. Оразбаев, а вслед за ним В. С. Стоколос относят к особой (замараевской) культуре³, то в эту замараевскую культуру или культурную общность должны быть включены и межовско-березовские памятники.

Для межовского типа керамики К. В. Сальников выделяет следующие признаки: выпуклые плечики, наличие валиков на шейке (иногда они высоко подняты к краю, образуя «воротничок») и сравнительно слабо выраженный геометризм в орнаменте. Среди узоров преобладают елочка, ряды насечек, решетчатые пояса и зигзагообразные линии; орнамент выполнялся оттисками гребенки, гладкого штампа и прочерчиванием.

Для березовского типа керамики, по К. В. Сальникову, также характерны валики и воротнички на шейке, причем они становятся более выраженными. Плечики — еще более выпуклы, чем на межовских сосудах. Орнамент сравнительно беден и, как замечает К. В. Сальников, «эволюционирует в сторону дальнейшего упрощения и обеднения»⁴. Кроме рядов насечек, которые являются самым типичным орнаментом, сосуды украшались рядами зигзагов и елочкой. Встречаются, как и на межовской посуде, небрежно выполненные ромбы, заштрихованные ленты, наклонные полосы. Узоры наносились насечками, гладким штампом и резными линиями. Гребенка использовалась редко⁵.

Знакомясь с межовско-березовскими материалами, мы не нашли сколько-нибудь четких признаков, по которым можно было бы строго расплести межовскую и березовскую посуду. Поэтому в дальнейшем будем обозначать ее одним общим наименованием — межовская.

Поселения с межовской посудой известны в Нижнем Притоболье достаточно широко (Коптяки I, II, Лужки, Межовское, Березовское, Палкино, VI разрез Горбуновского торфяника, Мысовское поселение и др.). Керамика, найденная на этих памятниках (рис. 63—65), в общем укладывается в систему характеристик, данную К. В. Сальниковым для посуды межовского и березовского типов Южного Урала. В числе отличительных признаков следует назвать обычность для керамики северных районов треугольных фестонов, заштрихованных косыми лентами (рис. 64, 7, 9, 10; 65, 1—3 и др.), рисованных или штамповых крестов в верхней части сосудов (рис. 63, 3, 14), штампов в виде «галочек» (рис. 65, 15) и др.

К межовскому ареалу можно с некоторыми оговорками отнести поселения конца бронзового века в лесостепном Приишимье — Кучум-Гору и Чупино. Посуда этих пунктов близка межовской как по отдельным элементам орнамента (характерность рядов косых насечек, решетчатых поясов, наличие дугообразного гребенчатого штампа и др.), так и по форме (сильно отогнутая шейка, раздутое тулово и т. д.). Однако для керамики названных ишимских поселений характерны две существенные особен-

² Стоколос В. С., 1972, с. 82—86.

³ Оразбаев А. М., 1958.

⁴ Сальников К. В., 1967, с. 362.

⁵ Сальников К. В., 1964, рис. 5; 6.

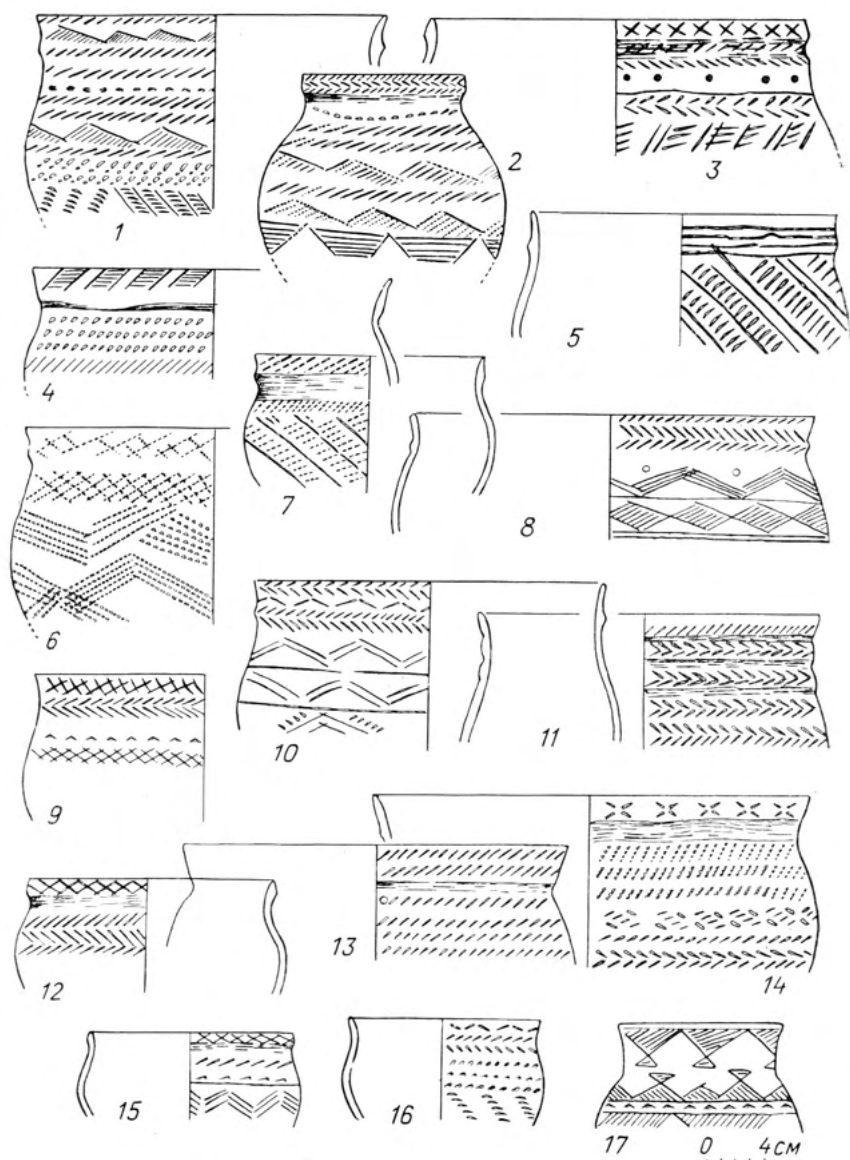

Рис. 63. Эпоха поздней бронзы. Район Свердловска. Керамика межовского типа
 1—3, 5, 14 15 — поселение Коптяки I; 4, 6—11, 13, 16 — Коптяки II; 12, 17 — Коптяки IV

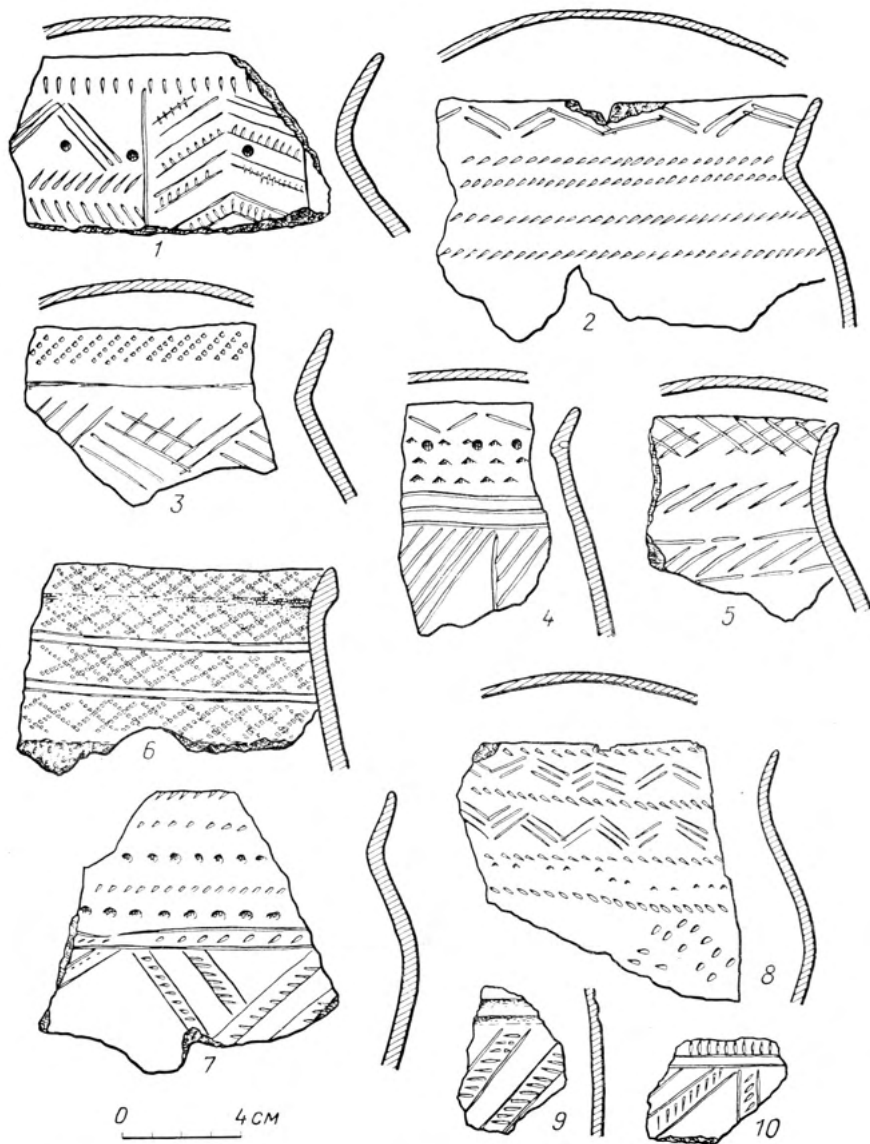

Рис. 64. Эпоха поздней бронзы. Район Свердловска. Керамика межовского типа

1 — Свердловск; 2, 3 — Карасье I озеро; 4 — р. Синара; 5, 7, 8 — поселение Толстик на Исетском озере; 6, 9, 10 — д. Палкино

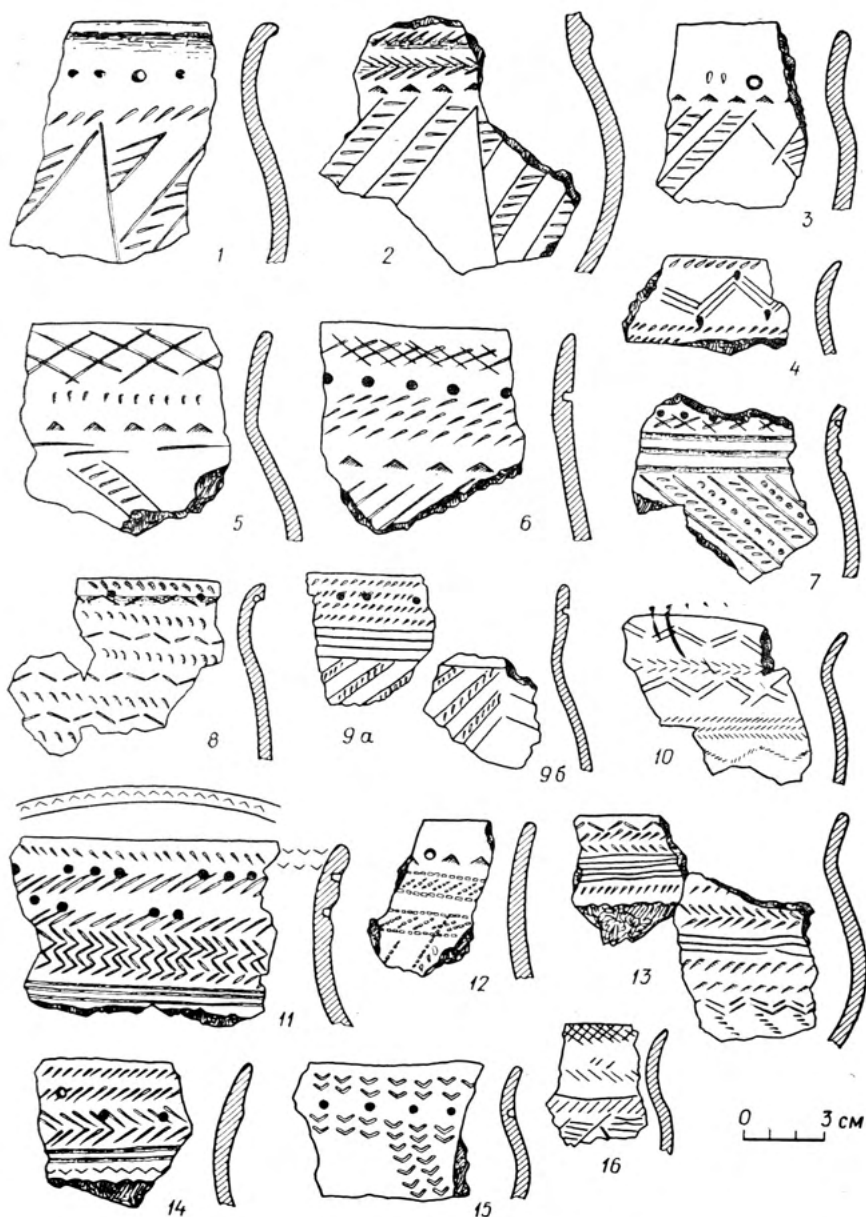

Рис. 65. Эпоха поздней бронзы. Керамика межовского типа из районов Тюмени и Нижнего Тагила

1—6, 12, 15, 16 — Мысовское поселение; 7—11, 13, 14 — Горбуновский торфяник

ности, не типичные для одновременной восточноуральской посуды: присутствие бугорков-«жемчужин» на шейке (признак, отличающий ирменскую посуду лесостепного Обь-Иртышья) и деление орнаментального поля рядами ямок (признак, характерный для керамики таежного Обь-Иртышья)⁶. Сочетание столь разнохарактерных черт в орнаментации керамики этих памятников, видимо, является свидетельством того, что район Среднего Понимья был в то время контактной зоной между межевским (замараевским), ирменским и таежным обь-иртышским (поздним сузгунско-еловским?) ареалами. На промежуточный, контактный характер этого района обратили внимание свердловские археологи. Они полагают, что по водоразделу Иртыша и Ишима проходила «граница между карасукским и позднеандроновским населением»⁷.

Мы пока не в состоянии назвать бронзовые орудия, которые можно было бы определено связать с межевским керамическим комплексом Зауралья. К. В. Сальников определил вещи бронзового века лесной части Южного Урала (очень немногочисленные) суммарно, не приурочивая их к выделенным им этапам черкаскульской культуры⁸.

Жилища продолжают сохранять традиционную четырехугольную форму. Одно из них было исследовано К. В. Сальниковым на селище Кулемкуль в Башкирии. Оно имело квадратную форму (площадь — 153 кв. м), со входом-коридором шириной 1,25 м и длиной более 3 м⁹. Строение было наземным, чуть углубленным в землю. На полу сохранились следы нескольких очагов. Остатки четырехугольного жилища вскрыты В. С. Стоколомом на поселении Лужки (юг Свердловской обл.). Оно также наземное, котлован лишь слегка углублен в грунт. Длина постройки около 16 м, ширина — не менее 10 м (жилище не докопано)¹⁰. В Приуралье, на территории Башкирии, при раскопках поселений Ахметово I и Старо-Яппарово I выявлены межевские жилые постройки земляночного типа. На Старо-Яппаровском I поселении жилище имело размеры 10,5×9 м и было углублено на 1,9 м от современной дневной поверхности¹¹.

Межевские могильники в Зауралье пока неизвестны. В смежных приуральских районах (Башкирия, Татария) исследовано к настоящему времени полностью или частично несколько могильников с межевскими погребениями — Тартышевский, Красногорский I, Такталачук и др. Насколько можно судить по предварительным информациям, погребальный обряд весьма разнообразен. В Красногорском I могильнике выявлено два типа погребений: а) вытянутые на спине труположения, ориентированные на северо-запад; костяки лежали в грунтовых ямах, без инвентаря; б) вторичные захоронения костей под курганными насыпями на уровне дневной поверхности или в ямах, сопровождавшиеся испорченным инвентарем. Единичные курганы, раскопанные в Ахуновском, Юрматинском и IV Мамбетовском могильниках, содержали погребения второго типа¹². На могильнике Такталачук вскрыто к 1976 г. 58 межевских захоронений в ямах (глубина 40—60 см). Покойники лежали в скорчен-

⁶ Голдина Р. Д., 1969, табл. 74; 75.

⁷ Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др., 1970, с. 42.

⁸ Сальников К. В., 1967, рис. 58.

⁹ Там же.

¹⁰ Стоколом В. С., 1972, рис. 18.

¹¹ Обиденов М. Ф., 1976.

¹² Там же.

ном или вытянутом положении; ориентировка почти исключительно восточная; в могилу клали бронзовые орудия и украшения (ножи, копье, игла, серьги) и посуду¹³.

В свое время К. В. Сальников справедливо синхронизировал межовско-березовские комплексы с замараевскими. Однако он неверно определил абсолютную дату замараевских памятников (XII—VIII вв. до н. э.)¹⁴, что повлекло за собой соответственно неправильное определение хронологической принадлежности межовско-березовских материалов. Устанавливая нижний хронологический предел замараевского этапа (XII в. до н. э.), К. В. Сальников исходил из того, что памятники федоровского типа древнее алакульских, а не наоборот, как это выяснилось позже; поэтому получилось, что начальный период существования замараевских комплексов занял хронологическое место, принадлежащее в действительности памятникам федоровского типа.

Выше мы уже говорили, что согласно новым данным федоровские комплексы в Зауралье, Северном Казахстане и Западной Сибири датируются в пределах последней четверти II тысячелетия до н. э.¹⁵ В связи с этим начало существования замараевских (и соответственно межовских) памятников должно быть поднято на два-три века, и тогда их следует датировать примерно X—VIII или IX—VIII вв. до н. э.

Памятники эпохи поздней бронзы в Среднем Прииртышье. Этот регион расположен в пределах двух ландшафтных зон — лесостепной и таежной. Таежная часть археологически почти не изучена. К позднему этапу бронзового века здесь может быть, пожалуй, отнесен лишь верхний слой Чудской Горы. Видимо, керамика финальной бронзы присутствует и на Сузгуне II, но этот памятник не стратифицирован. Посуда из верхнего слоя Чудской Горы (рис. 66) обнаруживает несомненную генетическую связь с андроновидной керамикой из нижних горизонтов. Как и ранее, достаточно характерны геометрические узоры — ромбы, зигзагообразные ленты, но в целом заметен упадок геометрической орнаментации. Орнаментальное поле, как и прежде, делится рядами круглых ямок. Появляются некоторые новые черты: характерность в верхней части сосудов рядов мелких насечек, образующих горизонтальную елочку (рис. 66, 1, 6); наличие заштрихованных лент, контур которых подчеркивался гладкими или гребенчатыми дуговидными штампами (рис. 66, 3, 4). Более обычным, чем на предыдущем этапе, становится разграничение орнаментальных поясов гребенчатыми или резными зигзагообразными линиями (рис. 66, 3, 5, 9). По всем этим элементам характеризующая посуда сходна с керамикой межовского типа Восточного Зауралья, в особенности с керамическим комплексом Мысовского поселения в Тюменском Притоболье (рис. 65, 1—6, 12, 15, 16). На одном из черепков по шейке идет ряд «жемчужин» (рис. 66, 2) — мотив, характерный в это время для ирменской орнаментации. Следует отметить также присутствие в слое с описываемой керамикой некоторого количества фрагментов, орнаментированных крестовым и мелкоструйчатым

¹³ Казаков Е. П., 1976.

¹⁴ Сальников К. В., 1967, с. 324.

¹⁵ Косарев М. Ф., 1965, с. 224; Стоко-

лос В. С., 1972, с. 131; Кузьмина Е. Е., 1973; Зданович Г. Б., 1975, с. 23; Молдин В. И., 1975а, с. 24.

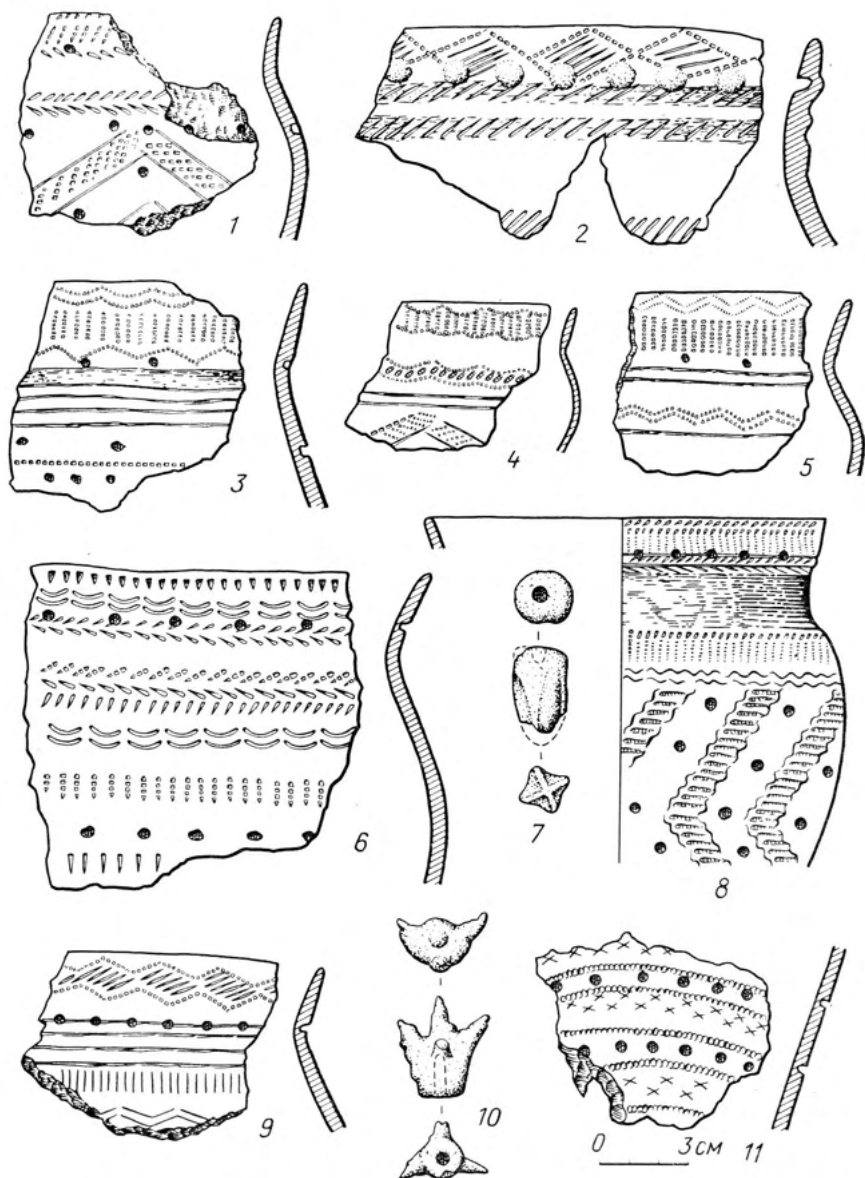

Рис. 66. Эпоха поздней бронзы. Среднее Прииртышье (таежная часть). Керамика городища Чудская Гора (1—11)

штампами (рис. 66, 8, 11), что, видимо, говорит о хронологическом смыкании или даже частичном сосуществовании характеризуемой посуды с керамикой гамаюнско-молчановского круга, относящейся уже к переходному времени от бронзового века к железному. Вещевой материал из верхнего слоя Чудской Горы беден и неопределим в функциональном отношении. В числе глиняных изделий найдено два предмета необычной формы со втулкой для насадки на древко (рис. 66, 7, 10).

Дата рассматриваемого комплекса определяется его более поздним временем по сравнению с сузгунско-еловским (на Чудской Горе это подтверждается стратиграфически) и более ранним относительно культур гамаюнского типа, для керамики которых характерны крестовый и мелко-струйчатый штампы. В целом характеризуемый комплекс укладывается, видимо, в хронологические рамки, отведенные нами для межовских памятников (примерно IX—VIII вв. до н. э.).

Лесостепная (предтаежная) половина Среднего Прииртышья в эпоху поздней бронзы, как и в предшествующий период, входила в сферу южных степных влияний. В. Ф. Генинг и другие археологи Уральского университета, характеризуют этот период в лесостепном Прииртышье, выделяли здесь особый «розановский» этап в развитии местных культур, который сформировался при активном участии южных карасукских воздействий¹⁶. К розановскому этапу (по нашему мнению, его лучше было бы назвать среднеиртышским вариантом ирменской культуры) они отнесли поселения Розановское, Черноозерье VIII (рис. 67, 1—9), а также часть керамики из Омской стоянки (рис. 66, 16, 17). Мне кажется, что в эту группу памятников можно включить и Евгащинское поселение (рис. 67, 10, 15), керамика которого в целом близка розановской. Правда, для посуды Евгащинского поселения характерно деление орнаментального поля рядами ямок — признак, более свойственный это время для керамики лесных культур. Однако подобное деление встречается и на посуде Черноозерского VIII поселения, которое В. Ф. Генинг и другие свердловские археологи считают ведущим памятником розановского этапа (рис. 67, 1).

Керамика памятников розановской группы представлена широкогорлыми плоскодонными сосудами с плавным переходом от шейки к плечикам; встречаются также чашевидные формы с округло-уплощенным дном. В тесте прослеживается примесь песка и шамота. В верхней части шейки характерно утолщение с небольшим уступчиком внизу («воротничок»). На поселении Черноозерье VIII сосуды с воротничком составляют 55% всей керамики¹⁷. На границе шейки и тулова обычен ряд «жемчужин» или глубоких вдавлений. Шейка чаще всего украшалась рядами насечек, образующих иногда горизонтальную елочку. Нередко на шейке располагался решетчатый пояс (рис. 67, 2, 10, 15, 16) или ряд геометрических фигур — зигзагообразный пояс (рис. 67, 3), цепочка ромбов (рис. 67, 4, 5, 9) или треугольники (рис. 67, 8, 17). Верхняя половина тулова украшалась решетчатым поясом (рис. 67, 2, 3), рядами насечек (рис. 67, 1, 10, 15), треугольными фестонами (рис. 67, 8, 9) и др.

¹⁶ Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др., 1970, с. 39 и сл.

¹⁷ Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др., 1970, с. 38.

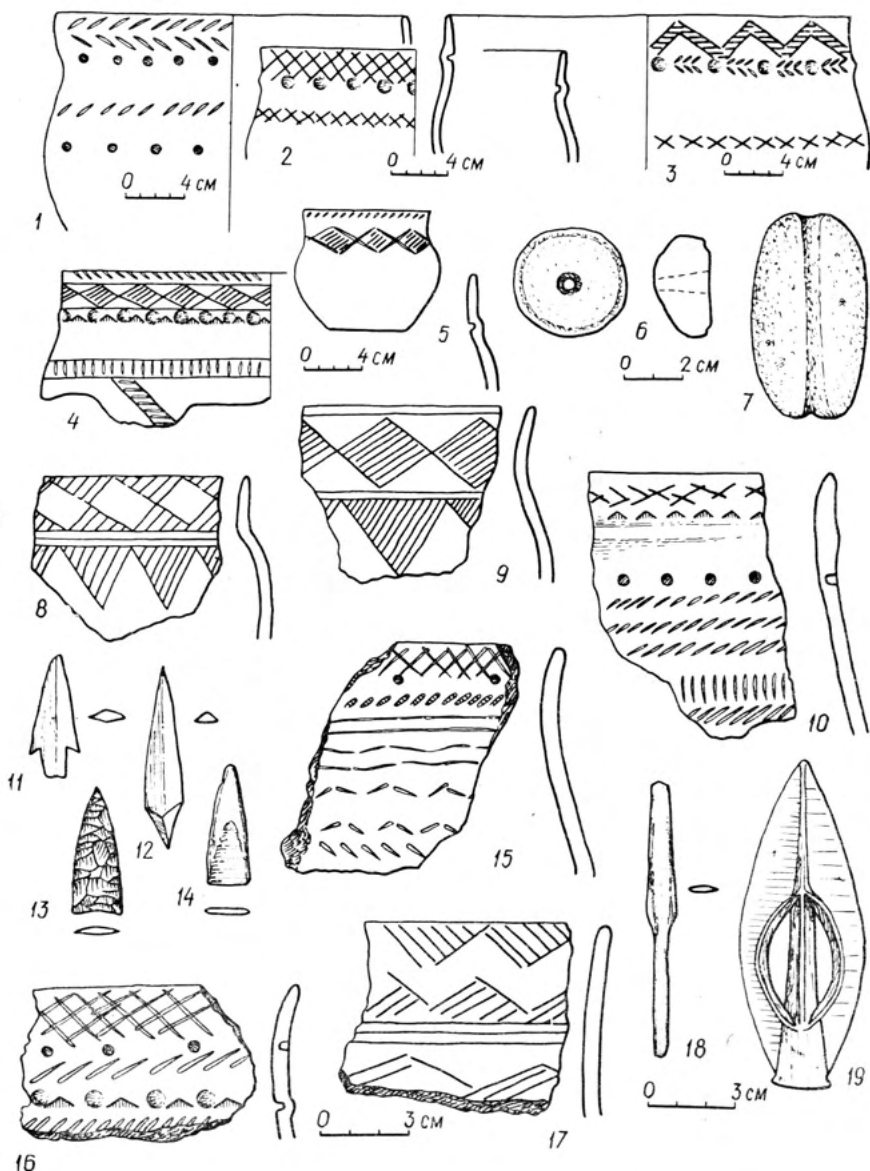

Рис. 67. Эпоха поздней бронзы. Среднее Прииртышье (лесостепная часть). Керамика и производственный инвентарь

1—9 — поселение Черноозерье VIII; 10, 15 — Евгагинское поселение; 11—14, 16, 17 — Омская стоянка; 18, 19 — сборы братьев Усовых в Тарском округе. 1—10, 13, 15—17 — глина; 11, 12, 14, 18 — кость; 19 — бронза

Возможно, с характеризуемой керамикой следует связывать некоторые найденные на Омской стоянке наконечники стрел: костяные (черешковый с жальцами — рис. 67, 11; трехгранный с пирамидальным черешком — рис. 67, 12; треугольный плоский — рис. 67, 14) и каменный треугольный, с небольшой выемкой в основании (рис. 67, 13). Подобные наконечники обычны на ирменских и смешанных еловско-ирменских поселениях Верхнего и Среднего Приобья¹⁸. Однако необыкновенная консервативность костяных наконечников Западной Сибири (формы их начинающая с андроновской эпохи и кончая поздним средневековьем почти не менялись) не позволяет говорить о хронологической принадлежности костяных наконечников стрел Омской стоянки с полной уверенностью, тем более что в коллекции этого памятника (он раскапывался многими исследователями, но документация раскопок отсутствует) богато представлена андроновская (федоровская) и средневековая посуда. К розановскому этапу может быть отнесен и бронзовый наконечник дротика с прорезным пером из коллекции братьев Усовых (Тарский округ; рис. 67, 19). Подобный наконечник встречен на Еловском поселении в смешанном еловско-ирменском слое. Свердловские археологи нашли бронзовый наконечник копьа с прорезным пером на поселении Черноозерье VIII вместе с керамикой розановского типа¹⁹.

На Черноозерском VIII поселении исследованы два жилища. Это землянки четырехугольных очертаний. Первая (7,5—10×9,5 м) была углублена в землю до 140 см, вторая (11—13×16 м) — до 190 см. В южной части землянок, обращенной к реке, зафиксирован коридорообразный выход. Следы очагов в жилищах не обнаружены.

Погребения эпохи поздней бронзы в Среднем Прииртышье пока не известны.

Хронологические рамки памятников розановского типа в лесостепном Прииртышье обусловлены их промежуточным положением между памятниками андроновской эпохи и памятниками переходного времени от бронзового века к железному. В общей историко-культурной стратиграфии Зауралья и Западной Сибири они занимают ту же стратиграфическую позицию, что и межовские, замараевские и ирменские памятники. Наиболее вероятная дата комплексов розановского типа — IX—VIII вв. до н. э.

Ирменская культура. В начале I тысячелетия до н. э. в Верхнем и Томском Приобье распространяются памятники ирменского типа. Ирменская культура выделена в 1955 г. Н. Л. Членовой²⁰ и получила признание в археологической литературе. Ирменские памятники были включены М. П. Грязновым в карасукский круг культур, который, по его мнению, является непосредственным генетическим продолжением андроновской культурной общности. Резкое отличие между карасукской и андроновской культурами М. П. Грязнов объясняет коренной перестройкой экономики, а именно переходом от пастушеско-земледельческого хозяйства к полукочевому яйлажному скотоводству²¹.

¹⁸ Матющенко В. П., 1974, рис. 30, 1—5, 13—15; 47, 1—5; 48, 3—5, 7 и др.

¹⁹ Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др., 1970, рис. 1, 88.

²⁰ Членова Н. Л., 1955.

²¹ Грязнов М. П., 1955.

Хотя переход к новым формам хозяйства может повлечь за собой известную трансформацию культуры, вывод М. П. Грязнова применительно к Западной Сибири трудно признать убедительным. Мы можем согласиться с тем, что какая-то группа южных андроновцев в условиях изменившейся ландшафтно-климатической, экономической и исторической ситуации в корне изменила свои производственные, бытовые и культурные традиции, но это исключено для предтаежной и южнотаежной полосы Западной Сибири, где население в это время вело оседлый образ жизни и где кочевое скотоводство или возникло сравнительно поздно, или вообще не появилось.

По мнению большинства исследователей, распространение в Западной Сибири элементов карасукской культуры является не результатом трансформации местных культур андроновской эпохи, а следствием продвижения на север новых групп населения. Это хорошо прослеживается не только в изменении формы и орнаментации посуды, но и в широкой экспансии на север карасукских бронз, в особенности ножей и украшений. О продвижении карасукцев в таежные районы Западной Сибири писал еще С. В. Киселев (для низовьев Томи)²²; позднее соображения в пользу карасукских проникновений в Томское Приобье высказывались мною, В. А. Посредниковым и В. А. Матющенко²³. Впоследствии данные о продвижении носителей карасукской культурной традиции на север были получены для Среднего Прииртышья²⁴. В свое время С. В. Киселев справедливо заметил, что в той части Западной Сибири, которая лежит западнее Иртыша, карасукские влияния сказались в меньшей мере, и там продолжали развиваться прежние андроновские традиции²⁵.

К настоящему времени в Верхнем и Томском Приобье известно около 50 поселений и городищ, давших большое или значительное количество ирменской керамики. Исследовано полностью или на значительной площади более 10 ирменских могильников (не считая раскопок одиночных захоронений) — Еловский, Иштанский, Ордынский, Титовский, Пьяново, Осинки, Суртайка, Долгая Грива и др. Имеющиеся материалы уже сейчас позволяют исследователям приступить к разработке вопросов, касающихся периодизации ирменской культуры и выделения ее локальных вариантов.

Ирменской культуре Верхнего и Томского Приобья посвящена значительная часть монографии В. И. Матющенко²⁶. Готовится к печати обобщающая работа по ирменской культуре, выполненная Н. Л. Членовой. Поэтому я коснусь лишь той части ирменского ареала, которая заходит в таежную зону (низовья Томи) и относится к томскому варианту ирменской культуры. В низовьях Томи широкие исследования велись на Еловском могильнике (ирменская часть; раскопки В. И. Матющенко, 1960-е годы), Еловском поселении (памятник наряду с еловскими материалами дал богатую ирменскую коллекцию керамики и орудий; раскопки В. И. Матющенко, 1960—1961 гг.) и на Басандайском городище

²² Киселев С. В., 1949, с. 87—88.

²³ Косарев М. Ф., 1964, с. 10—11; Посредников В. А., 1968; Матющенко В. И., 1974, с. 143—150.

²⁴ Генина В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др., 1970, с. 39—44.

²⁵ Киселев С. В., 1949, с. 92—93.

²⁶ Матющенко В. И., 1974.

(раскопки К. Э. Гриневича, 1944—1946 гг.). Кроме того, значительный материал ирменской культуры получен во время раскопок на Самусьском IV поселении, а также при сборах или из небольших разведочных раскопов на Томском Лагерном городище и Батуринском поселении, а также на поселениях Осинники, Иринский Борик и др.

Керамику нижнетомских памятников ирменской культуры в целом можно разделить на две большие группы: бытовую, найденную преимущественно на поселениях, и ритуальную, происходящую в основном из погребений.

Первая группа керамики представлена, как правило, крупными горшковидными сосудами с прямой или слегка отогнутой шейкой и достаточно резким переходом от шейки к плечикам (рис. 68, 7—11, 14). Эта посуда использовалась, видимо, для хранения продуктов и приготовления пищи. Стенки многих фрагментов закончены и покрыты нагаром. В тесте присутствует песок, мелкая дресва или шамот. Орнамент почти исключительно резной, геометрический. Шейка украшалась решетчатым поясом (рис. 68, 14), полосой из треугольников (рис. 68, 7—9, 10, 11) или другими геометрическими фигурами — цепочкой незаштрихованных ромбов, иногда зигзагообразной лентой и т. д. Геометрический пояс на шейке почти во всех случаях подчеркивался сверху и снизу горизонтальными резными линиями. В нижней части шейки располагался ряд «жемчужин», чередующихся с вертикальными насечками или ямками (рис. 68, 7—9, 10, 11, 14). На границе шейки и плечиков наносились две и более горизонтальных резных линий. Верхняя часть тулова украшалась треугольными фестонами, зигзагообразными лентами или одним-двумя рядами мелких косых насечек. Иногда тулово вообще не орнаментировалось (рис. 68, 10). Нижняя половина (порой и нижняя треть) сосудов была свободна от орнамента.

На ирменских поселениях встречаются также небольшие кувшинообразные сосуды с нешироким горлом и сильно раздутым туловом (рис. 68, 13), которые в дальнейшем, возможно, будут выделены в особую группу. Несколько подобных кувшинов найдено на Еловском поселении и на поселении Ирмень I. Из ирменских погребений мне известен только один подобный сосуд (Еловский I могильник; рис. 69, 24). Все кувшинчики орнаментированы по верхней части тулова удлиненными треугольными фестонами, чередующимися иногда с фестонами другого типа²⁷. Видимо, эти сосуды имели какое-то особое назначение.

Вторая группа, которую мы условно называем ритуальной, на поселениях встречается сравнительно редко (рис. 68, 1—6, 12), но зато явно преобладает в погребениях (рис. 69). Она представлена небольшими сосудами с очень аккуратным орнаментом. Сразу же оговоримся, что определение «ритуальная» мы не отождествляем с термином «погребальная». Скорее всего, это особая «праздничная» посуда, употреблявшаяся во время культовых церемоний — на ритуальных празднествах, при жертвоприношениях, на похоронах и т. д. Нельзя исключить и того, что отличие посуды из погребений и с поселений объясняется проще:

²⁷ Матющенко В. И., 1974, рис. 28, 1—4; 42, 4, 5, 7.

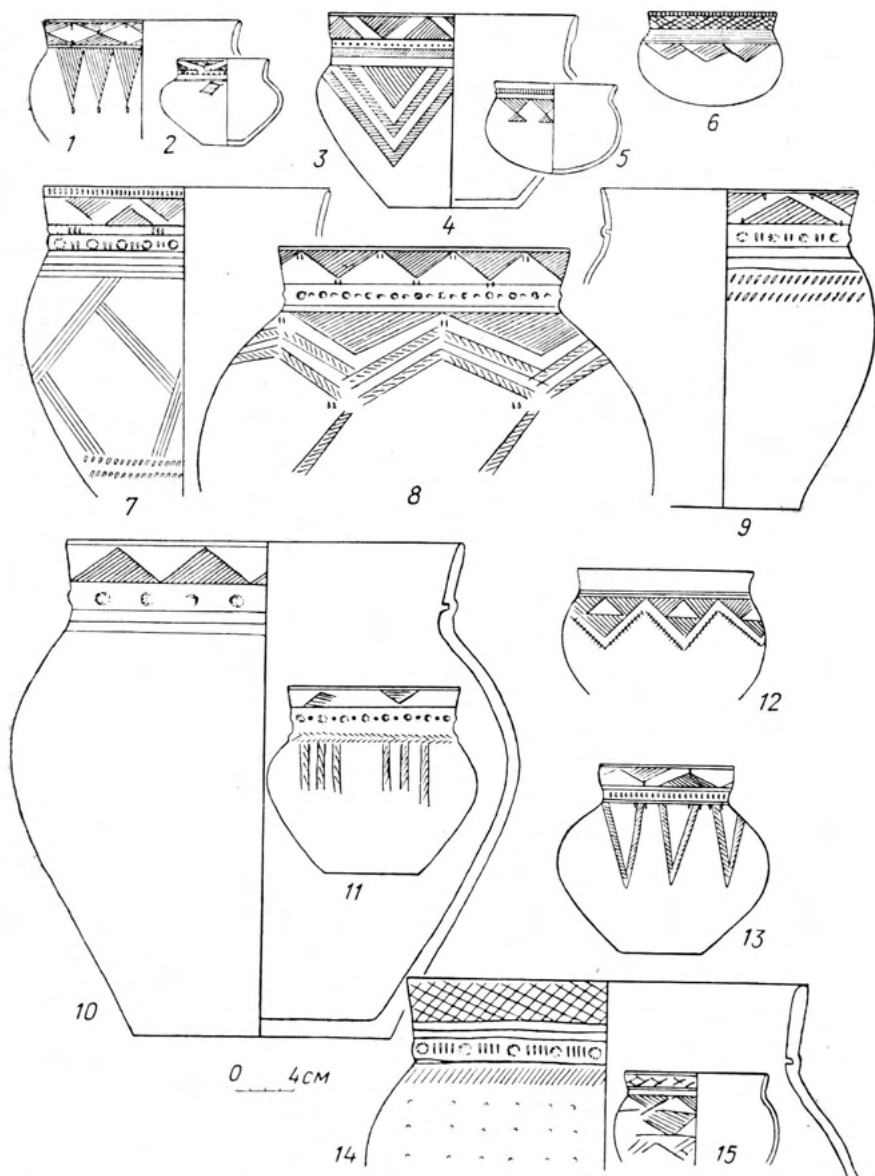

Рис. 68. Эпоха поздней бронзы. Томское Приобье. Керамика ирменской культуры
 1—5, 9—13 — Еловское поселение; 6, 8 — Басандайское городище; 7 — поселение Самусь IV;
 14, 15 — поселение Чекист (Большекиргизское)

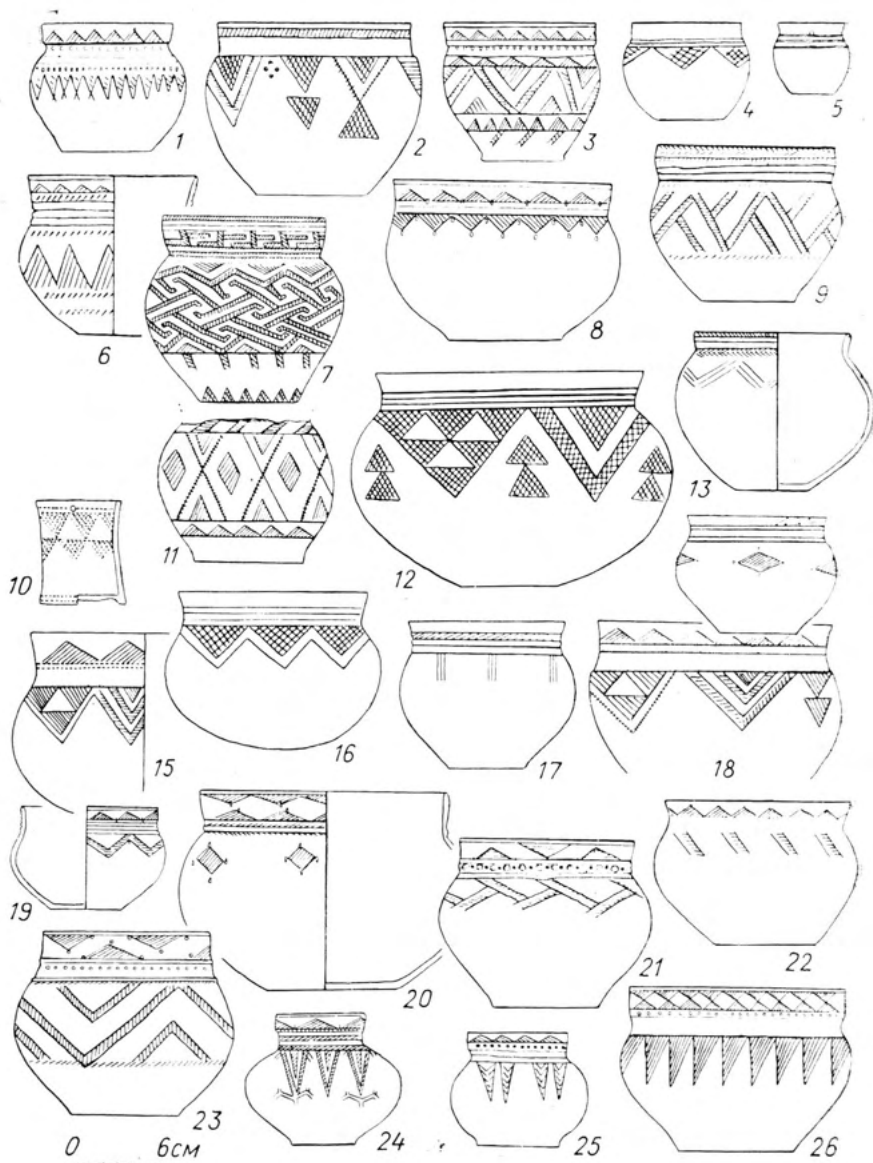

Рис. 69. Эпоха поздней бронзы. Томское Приобье. Керамика из погребений ирменской культуры Еловских I и II могильников

Еловский I могильник: 1, 11 — курган 2, могила 2; 2 — курган 3, могила 2; 3 — курган 4, могила 1; 4 — курган 14, могила 3; 5 — курган 14, могила 2; 6, 7 — курган 7, могила 1; 8 — курган 1, могила 3; 9 — курган 70 (насыпь). Еловский II могильник: 10, 15, 16 — курган 5, могила 1; 12 — курган 4, могила 3; 14 — курган 6, могила 3; 17 — курган 6, могила 1; 18 — курган 6; 19 — курган 12, могила 5; 20, 21, 23 — курган 12, могила 10; 22 — курган 6, могила 2; 24 — курган 68, могила 1; 25, 26 — курган 70, могила 3

с покойником оставляли не крупные кухонные горшки, предназначенные для варки пищи, а небольшие индивидуальные сосуды, употреблявшиеся в качестве мисок и являвшиеся личной собственностью покойника. Правда, в таком случае эта посуда должна была бы преобладать на поселениях, так как индивидуальные «чашки» и «миски», видимо, были многочисленнее коллективных кухонных горшков. Впрочем, все это сложно для решения: сосуды, которые ставили на огонь, наверняка приходили в негодность в несколько раз быстрее, чем индивидуальные чаши, и поэтому не удивительно, что они представлены на поселениях во много раз большим числом обломков, и т. д.

Керамика второй группы по форме и орнаменту более близка карасукской, чем посуда поселений²⁸. Сосуды имеют приземистую горшководную форму. Встречаются круглодонные экземпляры (рис. 68, 5, 6; 69, 15, 16). Во многих случаях шейка или ее верхняя половина не имели орнамента (рис. 69, 4, 5, 12, 16, 17 и др.). На шейке в тех случаях, когда она орнаментировалась, располагался ряд треугольников (рис. 69, 1, 3, 6, 8, 15 и др.), заштрихованная лента (рис. 69, 2, 17), ряды насечек (рис. 69, 9, 13), цепочка незаштрихованных ромбов (рис. 69, 26) и др. «Жемчужины» в нижней части шейки почти не встречаются. В ирменских погребениях Еловского могильника мне известен лишь один сосуд с «жемчужинами» (Еловский II могильник, курган 12, могила 10; рис. 69, 21). На границе шейки и тулова проходила одна или несколько резных линий. Верхняя половина тулова украшалась треугольными фестонами (рис. 68, 1, 3—6; 1, 16 и др.), зигзагообразной лентой (рис. 69, 3, 13, 19), рядами ромбов (рис. 68, 2; 69, 11, 14, 20). Нередко треугольные фестоны подчеркивались зигзагообразной лентой (рис. 68, 3; 69, 3 и др.). Очень характерны фестоны, заштрихованные в «шахматной» манере (рис. 68, 12; 69, 10, 12, 15). Обычна решетчатая штриховка геометрических фигур (рис. 69, 2, 4, 10, 12, 16). Обращают на себя внимание частые случаи асимметрии геометрического пояса в верхней части тулова: фестоны на одном сосуде бывают представлены несколькими разными геометрическими фигурами (рис. 69, 2, 12, 16, 18); это, видимо, говорит о сложном смысловом значении узоров на сосудах, которыми снабжались покойники.

Некоторые сосуды второй группы имеют в своем орнаменте элементы, сопоставимые с узорами на межовской керамике: ряды мелких насечек, зигзагообразные полосы (рис. 69, 13, 19), фестоны, выполненные заштрихованными лентами (рис. 69, 9), наклонные ленты (рис. 69, 22) и др.

Мне бы хотелось обратить внимание на два сосуда из ирменских погребений Еловского могильника, резко отличающихся от охарактеризованной выше керамики первой и второй групп. Один из них — горшководный, имеет необычно богатую геометрическую андроновидную орнаментацию: ряд резных уточек на шейке, окаймленный сверху и снизу резными линиями и насечками: четыре вписывающихся друг в друга меандра на тулове (сверху и снизу они дополнены рядами треугольников);

²⁸ Говоря о сходстве с карасукскими сосудами, мы имеем в виду керамику

из погребений карасукской культуры в Хакасско-Минусинской котловине.

от этого геометрического пояса отходят несколько вертикальных заштрихованных полосок; придонная часть орнаментирована треугольниками с решетчатой штриховкой. Узоры выполнены резными линиями (Еловский I могильник, курган 7, могила 1; рис. 69, 7). По композиционной манере (уточки на шейке, сложный разветвленный меандр на тулове) характеризуемый горшок напоминает один из дандыбайских Центрального Казахстана²⁹. Второй сосуд происходит из Еловского II могильника (курган 5, могила 1; рис. 69, 10); он представляет собой прямостенную банку, украшенную двумя соприкасающимися рядами треугольников. Орнамент выполнен аккуратной мелкозубой гребенкой, характерной в свое время для андроновской (федоровской) орнаментации. В верхней части имеются две сквозные дырочки для подвешивания. Похожие прямостенные банки известны из андроновских погребений Южного Казахстана, где они были найдены вместе с сосудами федоровского облика (могильники Каратау, Тау-тары)³⁰. В предшествующей главе в связи с характеристикой керамики из погребений еловской культуры Еловского II могильника мы тоже отмечали некоторые признаки в форме и орнаментации посуды, свидетельствующие о южных, казахстанских связях населения Томского Приобья³¹. Видимо, проникновение в низовья Томи носителей карасукской культурной традиции началось еще на рубеже II и I тысячелетий до н. э. и шло не только из Хакасско-Минусинской котловины, но и из глубинных районов Казахстана.

Инвентарь ирменских памятников достаточно разнообразен. Он различен в могильниках и на поселениях. В погребениях встречаются почти исключительно украшения, в культурном слое поселений найдены преимущественно орудия труда. Поскольку мы рассматриваем ирменскую культуру только в северном ее варианте (район Томска), обратимся к памятникам южной части Томской обл.

Видимо, к ирменской культуре следует отнести часть костяных наконечников стрел Еловского поселения и, возможно, некоторые происходящие отсюда же обломки костяных гарпунов (рис. 61). Однако они характеризуются В. И. Матющенко суммарно — как еловско-ирменские, и сейчас не представляется возможным расчленить их на еловские и ирменские. Подобные наконечники стрел — в основном трехгранные (иногда четырехгранные) черешковые — в значительном количестве встречены М. П. Грязновым на поселении Ирмень I³². Два костяных наконечника происходят из поселения Чекист (Большекиргизского) в низовьях Томи, примерно в 15 км ниже Томска, где они были найдены вместе с ирменской керамикой. Один из них — четырехгранный (рис. 60, 24), другой — трехгранный (рис. 60, 23а). Второй наконечник очень длинный (около 20 см), причем половина его приходится на черешок. На поселении Чекист собраны также другие орудия, в том числе два каменных песта (рис. 60, 21), наконечник стрелы из сланцевой породы (рис. 60,

²⁹ Грязнов М. П., 1952, рис. 1, 6.

³⁰ Агеева Е. И., Пацевич Г. И., 1956, рис. 21; Максимова А. Г., 1962, рис. 14, 7.

³¹ Матющенко В. И., 1974, с. 43 и сл.

³² Матющенко В. И., 1974, рис. 30, 1—5.

25), несколько костяных орудий (рис. 60, 23, 26) и два бронзовых ножа с выделенной рукоятью (рис. 60, 19, 20). Оба ножа, особенно второй (рис. 60, 20), близки по форме карасукским. Типично карасукский нож со шляпкой, небольшой петлей на рукояти и уступчиком на месте стыка рукояти и лезвия был найден в культурном слое Еловского поселения (рис. 61, 3). Однако такие ножи по классификации Н. Л. Членовой относятся к XIII—XI вв. до н. э.³³, и поэтому он, скорее, может быть связан не с ирменским, а с еловским комплексом Еловского поселения. Правда, Н. Л. Членова допускает, что этот тип ножей в районе Томска, возможно, доживает до VIII—VII вв. до н. э., оговаривая, однако, что «причину переживания этих ранних ножей в ирменской культуре пока понять трудно»³⁴. Из других бронзовых изделий с ирменской керамикой можно связать трехлопастный наконечник стрелы с черешком (рис. 61, 14) и наконечник дротика с прорезным пером (рис. 61, 4), найденные на Еловском поселении. Такие формы наконечников известны в комплексах, датируемых поздним этапом бронзового века³⁵.

Украшения, встреченные в ирменских погребениях Еловского могильника, немногочисленны. В их числе можно назвать полусферические бронзовые бляшки, височные кольца с взаимозаходящими или несомкнутыми концами, браслеты с шишкообразными утолщениями на концах, пронизки, свернутые из листов бронзы (меди?) и другие изделия, лишенные, как правило, каких-либо ярких специфических признаков³⁶.

Жилища ирменской культуры исследовались на поселениях Ирмень I и Красный Яр в Новосибирском Приобье. К сожалению, материалы поселения Красный Яр до сих пор не опубликованы. Жилища Ирмени I представляют собой землянки четырехугольной формы. Площадь одной из них около 100 кв. м, другой — около 150 кв. м. М. П. Грязнов предполагает, что они имели пирамидальную конструкцию стен с земляной кровлей. Грани пирамиды были выложены из бревен, уложенных друг на друга вдоль стен землянки. Такая конструкция не требовала опорных вертикальных столбов для поддержания кровли³⁷.

Погребальный обряд ирменского населения изучен сейчас достаточно хорошо. Могилы обычно обозначались на поверхности курганными насыпями. Под каждой из насыпей находилось от 2—3 до 9—13 захоронений³⁸. В. И. Матющенко обращает внимание на то, что грунт курганов ирменской части Еловского могильника состоит, как правило, из однородной черноземной земли. Он предполагает, что первоначально могилы были окружены стенкой из дерна, которая впоследствии разрушилась, оплыла и превратилась в холмик³⁹. В Еловском I могильнике лишь две ирменские могилы углублены в материк, а 31 находится выше материка; в ирменской части Еловского II могильника все погребенные лежали на уровне материка. Интересно, что в еловских погребениях Еловского II могильника покойники помещались глубже: девять — в толще

³³ Членова Н. Л., 1970, с. 142.

³⁴ Там же, с. 142.

³⁵ Генинг В. Ф., Гусеницова Т. М., Кондратьев О. М. и др., 1970, рис. 1, 88; Черников С. С., 1960, с. 271; табл. 776, 3.

³⁶ Матющенко В. И., 1974, рис. 89.

³⁷ Грязнов М. П., 19566.

³⁸ Матющенко В. И., 1974, с. 8—14, 21—34 (Приложение).

³⁹ Там же, с. 115.

материка, остальные на материке. Вокруг ирменских захоронений Еловского могильника часто прослеживаются следы деревянной обкладки из четырех бревен (в виде рамы); сверху (в головах, ногах и посередине) поперек рамы клали еще три плахи. Как и в еловское время, преобладала юго-западная ориентировка покойников.

Для ирменских погребений Еловского II могильника В. И. Матющенко отмечает достаточную характерность ритуалов, связанных с огнем. Он пишет: «Из 59 могил 18 имеют следы применения огня в различной степени: полное трупосожжение или частичное обожжение. В иных случаях сожжение было совершено настолько тщательно, что осталась только незначительная кучка пепла»⁴⁰. Изменилось по сравнению с еловским временем положение погребенных в могилах. Так, в еловских погребениях Еловского II могильника, где четко зафиксировано трупоположение, умершие захоронены в скорченном положении на левом боку, тогда как все ирменские трупоположения этого могильника помещены в скорченном положении на правом боку. Поза на правом боку превалирует и в могильниках Верхнего Приобья (Пьяново, Ближние Елбаны IV, Долгая Грива).

Если в захоронениях еловской культуры Еловского II могильника мы наблюдаем обилие керамики (нередко в могиле находилось два-три, иногда до шести сосудов), то в ирменских погребениях обычно оставалось по одному сосуду, а часто могилы вообще не содержали керамики. Например, из 59 ирменских погребений Еловского II могильника лишь 26 были с сосудами⁴¹. Таким образом, ирменская культура отличалась от еловской не только по керамике и орнаментации, но и по погребальному обряду (большая характерность курганных насыпей, более мелкие могильные ямы, положение погребенных на правом боку, меньшее количество сосудов в могилах и т. д.). В этой связи не совсем понятна уверенность В. И. Матющенко в том, что еловские и ирменские памятники относятся к единому еловско-ирменскому культурному комплексу⁴².

Датировкой ирменских памятников занимались Н. Л. Членова и В. И. Матющенко. Н. Л. Членова в последних своих работах относит ирменские комплексы к рубежу бронзового и железного веков, а в абсолютной хронологии — к VIII—VI вв. до н. э.⁴³ В. И. Матющенко, возражая Н. Л. Членовой, резонно указывает на неправомерность датировки памятников по самым поздним предметам⁴⁴. Нам представляется, что ирменские памятники (так же как межовские в Нижнем Приобье, замараевские в лесостепном Зауралье, розановские в предтаежном Прииртышье) входят в особый историко-хронологический пласт, который «подстигается» комплексами андроновской эпохи и перекрывается «слоем» скифо-тагарского времени. В пределах этих эпохальных рамок нижняя хронологическая граница существования ирменских памятников не могла быть ранее X в. до н. э., а верхняя — позже VII в. до н. э. Наиболее вероятной датой ирменской культуры является IX—VIII вв. до н. э.

⁴⁰ Матющенко В. И., 1974, с. 123.

⁴¹ Там же, с. 124.

⁴² Матющенко В. И., 1974, с. 124.

⁴³ Членова Н. Л., 1970.

⁴⁴ Матющенко В. И., 1974, с. 77.

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ БРОНЗОВОГО ВЕКА К ЖЕЛЕЗНОМУ

Накануне эпохи железа наблюдается возрастание влияния северных культур и продвижение в предтаежную зону Зауралья и Западной Сибири лесных групп населения. В Нижнем Притоболье в это время распространяются памятники гамаюнской культуры, в Среднем Прииртышье — комплексы красноозерского типа, в низовьях Чулыма — памятники молчановской культуры. Элементы таяжных культур внедряются на рубеже бронзового и железного веков довольно далеко в глубь лесостепи. Так, гамаюнская керамика обычна в районе Магнитогорска, по суду поздних молчановско-красноозерских вариаций (завьяловский тип, по Т. Н. Троицкой, или большебереченский, по М. П. Грязнову) широко распространяется в Верхнем Приобье.

Продвижению таяжных групп на юг предшествовал отход в лесостепные и степные районы носителей андронидной и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций, которые в ирменскую эпоху жили в южнотаяжной полосе Зауралья, в таяжном Прииртышье и Нарымском Приобье. В последние годы археологи находят керамику межовско-березовского (замараевского) облика в позднебронзовых комплексах Верхнего Притоболья (район Кустаная)⁴⁵, в Петропавловском Поишимье (Северный Казахстан)⁴⁶, а поселения финальной бронзы с керамикой еловско-сузгунского облика известны сейчас в районе Бийска (например, Корчажка V, исследованная Б. Х. Кадиковым в 1960-х годах). Черепки с гребенчато-ямочным орнаментом присутствуют в некотором числе на многих памятниках ирменской культуры Новосибирского Приобья. В. И. Матющенко относит их к еловскому этапу «еловско-ирменской» культуры. В действительности же речь может идти лишь о генетической близости их еловской посуде. Керамика, украшенная в еловской орнаментальной манере, появилась здесь в конце бронзового века и фиксирует не начало «еловско-ирменской» культуры, а скорее конец ее существования. Гребенчато-ямочная орнаментальная традиция, пришедшая в ишимо-иртышское лесостепье и в Верхнее Приобье в конце бронзового века, достаточно явственно прослеживается там и в эпоху раннего железа, на что неоднократно обращали внимание многие исследователи⁴⁷.

Ниже мы остановимся главным образом на памятниках гамаюнско-молчановской общности, которая в переходное время от бронзового века к железнному занимала огромнейшие пространства зауральской и западносибирской тайги, а также северную часть предтаежной полосы.

Гамаюнская культура. Гамаюнская культура в лесном Зауралье была выделена Е. М. Берс⁴⁸. Одновременно изучением памятников этого типа занимался К. В. Сальников (на севере Челябинской обл.), который также считал возможным отнести их к особой культуре, которую он называл каменогорской⁴⁹. Оба автора сходятся на том, что гамаюнско-ка-

⁴⁵ Потемкина Т. М., 1975, рис. 2, 6—10; 4.

⁴⁶ Зданович Г. Б., 1973, рис. 6.

⁴⁷ Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Конд-

ратьев О. М. и др., 1979, с. 31—32;
Косарев М. Ф., 1974а, с. 160.

⁴⁸ Берс Е. М., 1960.

⁴⁹ Сальников К. В., 1961.

меногорская культура в Нижнем Притоболье не имеет местных корней и пришла откуда-то со стороны.

К настоящему времени исследовано полностью или частично около 20 памятников гамаюнской культуры (Гамаюнское городище, жертвенное место Еловое, Айтское I поселение, гора Петрогром, Шайдурхинское укрепленное жилище, Палкинские поселения и другие в лесном Зауралье, городища Каменогорское, Зотинские II, IV и другие в Челябинской обл., 5 и 7 Андреевские городища и другие в Тюменской обл.). Кроме того, гамаюнская керамика встречена в качестве примеси на многих десятках многослойных поселений и городищ Урала. К. В. Сальников провел южный рубеж ареала гамаюнских (каменогорских) памятников по широте Магнитогорска, но сейчас имеются сведения, что керамика гамаюнского типа встречается и южнее, во всяком случае в ленте лесов, примыкающих к Уральскому хребту. Самые северные пока памятники и местонахождения гамаюнской культуры найдены на северной окраине Свердловской обл. (Усть-Вагиль, Махтылы). Восточная граница гамаюнских памятников, видимо, не идет дальше низовьев Тобола (в таежном Прииртышье и в районе Сургута была распространена в это время иная разновидность керамики). Сейчас стало очевидным, что Уральские горы не являются западным пределом распространения гамаюнского населения. В таежном Приуралье в последние годы выявлено много памятников и местонахождений, содержащих керамику гамаюнского типа⁵⁰.

Посуду гамаюнской культуры Нижнего Притоболья можно разделить на две группы. В первую входят сосуды с утолщенной шейкой, плавным переходом от шейки к плечикам, а также округлым или приостренным дном (рис. 70). Среди примесей в тесте преобладают тальк и слюда (в свердловско-тагильском регионе), песок и шамот (в Тюменском Притоболье). Характерна гребенчатая техника выполнения узоров, но не чужды и другие приемы — мелкоструйчатый штамп (рис. 70, 3, 5, 7), резные линии (рис. 70, 6). Одной из отличительных черт керамики первой группы является присутствие в орнаменте некоторых пережиточных андроновидных орнаментальных мотивов — взаимозаходящих зигзагов (рис. 70, 3), деградированных меандров (рис. 70, 8), решетчатых поясов (рис. 70, 5), ромбов (рис. 70, 9) и др. Иногда геометрические узоры наносились мелкоструйчатым штампом (рис. 70, 3, 5). На границе шейки и тулова обычен ряд или несколько рядов глубоких ямочных вдавлений. Ямки бывают разной формы — ромбические (рис. 70, 1, 2, 4, 8), круглые (рис. 70, 3, 9), подтреугольные (рис. 70, 10), овальные (рис. 70, 11). Порой они располагаются попарно — наискосок друг от друга (рис. 70, 9, 11). В Тюменском Притоболье вместо ямок встречаются иногда «жемчужины» (рис. 70, 5, 6). Шейка украшалась чаще всего горизонтальными рядами гребенчатых (иногда прочерченных) линий или рядом косых вдавлений гладкого, мелкоструйчатого либо гребенчатого штампов. Геометрическая зона — зигзаги, деградированные меандры, наклонные ленты и др. — всегда находилась в верхней части тулова. Са-

⁵⁰ См., например: Денисов В. П., 1967, с. 42—43.

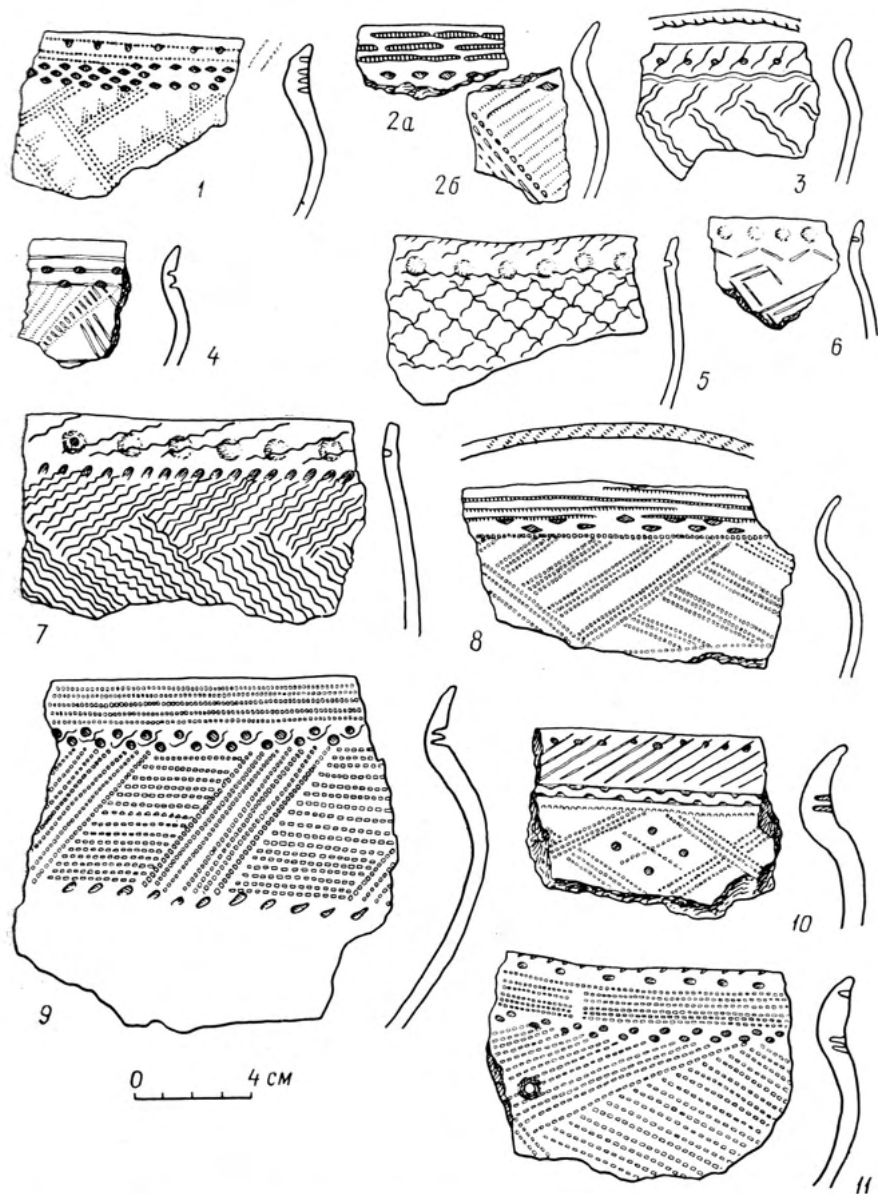

Рис. 70. Переходное время от бронзового века к железному. Нижнее Приоболье. Гамайюнская культура. Керамика первой группы

1, 2 — Ипкуль I; 3, 4 — Ипкуль VIII; 5, 6 — Байрык IB; 7 — Байрык—Иска I; 8, 10 — Свердловская обл.; 9, 11 — поселение Коптяки 10/3

мым распространенным орнаментом на тулове была полоса из сплошных взаимопроникающих треугольников (рис. 70, 2, 7, 11). Нижняя часть сосудов не орнаментировалась.

Нетрудно заметить, что керамика этой группы имеет в орнаментации ряд преемственных черт с межовской посудой. Вместе с тем она обнаруживает большое сходство с керамикой иткульской культуры эпохи раннего железа, на что справедливо указывали свердловские археологи⁵¹.

Посуду второй группы (рис. 71) отличает сильно отогнутая шейка; наряду с круглодонными сосудами встречаются плоскодонные⁵². Орнамент в некоторых случаях занимает всю внешнюю поверхность, включая дно сосудов (рис. 71, 2); преобладают узоры, выполненные мелкоструйчатым и крестовым штампами. Орнаментальная композиция довольно однообразна; сущность декоративной схемы заключается в монотонном заполнении верхней половины сосуда (иногда всей боковой поверхности) рядами отпечатков крестового или мелкоструйчатого штампов. Порой это однообразие нарушалось включением зигзагообразной линии или ямочных поясов (рис. 71, 1, 4, 6). Граница шейки и тулова всегда подчеркивалась глубокими ямочными вдавлениями. Они имели обычно круглую форму и часто располагались попарно (рис. 71, 1, 2, 5—9).

В орнаментации этой группы посуды мы не находим черт, которые можно было бы считать специфичными для предшествующей местной керамики. Следует согласиться с Е. М. Берс и К. В. Сальниковым, что носители крестово-мелкоструйчатой штамповой орнаментации пришли в Нижнее Приоболье из других мест. Мне представляется, что районы, откуда происходит это новое население, лежали к северу либо к северо-востоку от Нижнего Приоболья. На северное или северо-восточное происхождение характеризующей керамики указывает, в частности, присутствие на некоторых сосудах ямочных поясов-разделителей (рис. 71, 6) — признак, характерный для керамики северных и таежных культур Приобья и Припиртышья. Об этом говорит также большой удельный вес в орнаменте крестового и мелкоструйчатого штампов. Фигурно-штамповая орнаментация начиная с поздних этапов бронзового века является характернейшей чертой северных таежных западносибирских культур.

Керамика первой и второй групп обычно встречается совместно, но есть памятники, где найдена только первая группа посуды (например, Аятское I поселение). На некоторых гамаянских поселениях и городищах заметно явное преобладание одной из групп керамики. Так, на Шайдурхинском укрепленном жилище и Боевском городище более многочисленна посуда с крестово-мелкоструйчатой орнаментацией, а в нижнем слое поселения на горе Петрогром встречена почти исключительно керамика первой группы. Создается впечатление, что посуда первой и второй групп имеет разные генетические истоки: первая оставлена потомками местного межовского населения, вторая — северными мигрантами, но в то же время они существуют как бы нераздельно, взаимосвязанно, находясь в постоянных контактах друг с другом. Возможно, здесь мы

⁵¹ Романов М. В., Сухина Л. В., 1974, ⁵² Берс Е. М., 1960, табл. 1. с. 46.

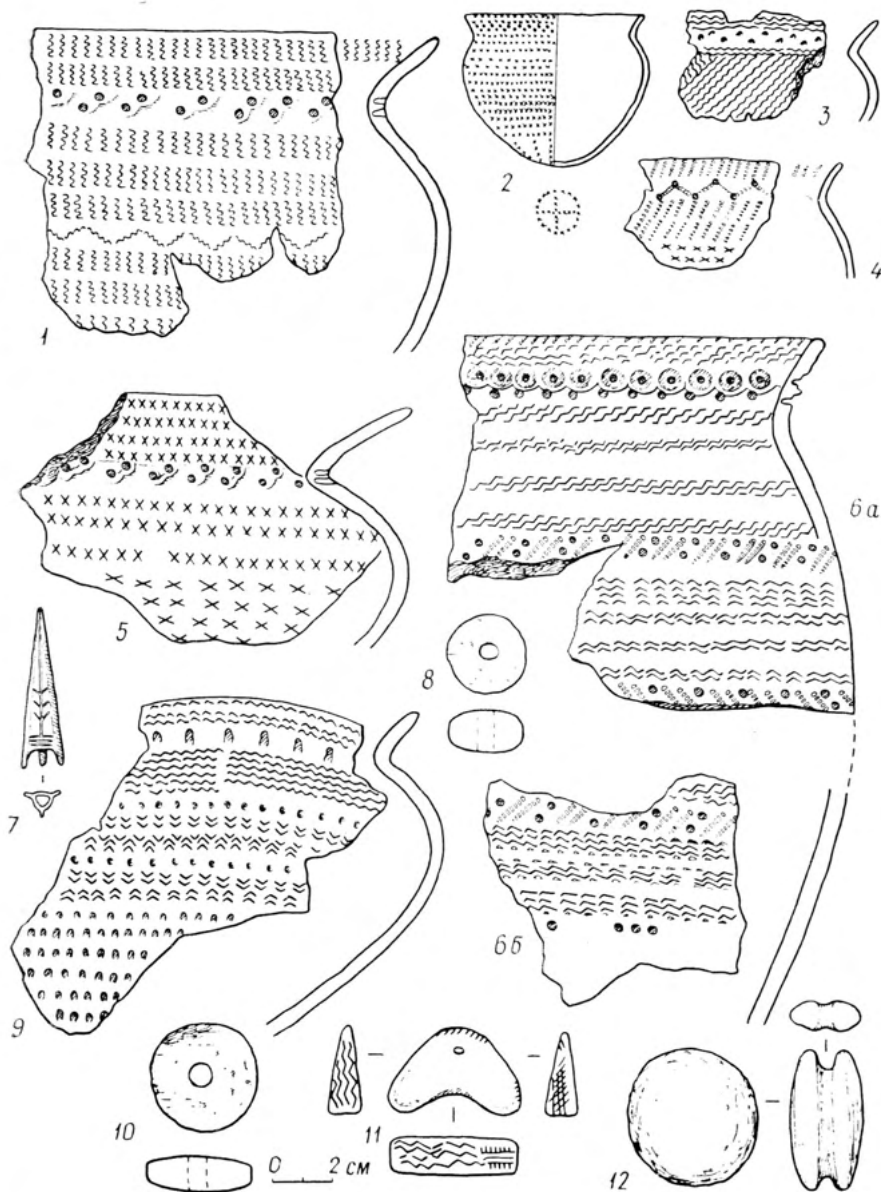

Рис. 71. Переходное время от бронзового века к железному. Свердловско-тагильский регион. Гамаюнская культура. Керамика второй группы. Производственный инвентарь 1, 8, 10, 11 — гора Маленькая (д. Палкино); 2—4 — Боевское городище; 5, 9 — Шигирский торфяник; 6, 12 — Голый Камень; 7 — жертвенное место Еловое. 1—6, 9, 11, 12 — глина; 7 — бронза; 8, 10 — камень

имеем дело с тем случаем, когда пришлое население представляло собой экзогамный коллектив, который, придя на новую территорию, вынужден был вступить в брачные связи с местным населением, и в этом отношении выступал уже не как этнос, а как фратрия.

Орудия, найденные на гамаюнских памятниках, немногочисленны, причем в ряде случаев о связи их с гамаюнской керамикой приходится говорить предположительно, так как значительная часть этих находок происходит из смешанных слоев. Е. М. Берс относит к гамаюнской культуре бронзовые трехлопастные наконечники стрел из жертвенного места Елового (рис. 71, 7)⁵³. Все они имеют скрытую втулку и опускающиеся ниже втулки лопасти. По К. Ф. Смирнову, похожие наконечники стрел бытовали у савроматов с VI в. до н. э., но особенно характерны в V в. до н. э.⁵⁴ Их происхождение К. Ф. Смирнов связывает со Средним Зауральем.

Известны также каменные наконечники стрел — подтреугольные, с небольшой выемкой в основании (жертвенное место Еловое)⁵⁵. Е. М. Берс упоминает о находках в гамаюнских комплексах костяных наконечников стрел⁵⁶. Каменные орудия обнаружены А. В. Борзуновым на II и IV Зотинских городищах в Челябинской обл., причем на последнем в одном из жилищ находилась кремнеобрабатывающая мастерская, в другом — следы бронзолитейного производства. Кроме того, на Зотинских городищах встречены костяные наконечники стрел и бронзовые бляхи⁵⁷. Материал, к сожалению, не опубликован. Среди других орудий следует назвать глиняное грузило, найденное на Голом Камне близ Нижнего Тагила вместе с гамаюнской керамикой второй группы. Оно имеет дисковидную форму с желобком по ободу (рис. 71, 12). Грузила этого типа известны на поселениях финальной бронзы Среднего Прииртышья (Черноозерье VIII; рис. 67, 7), а также на поселениях молчановской культуры в низовьях Чулыма и в Нарымском Приобье (рис. 72, 13, 14). В это время получает распространение и другой тип глиняных грузил — бочонковидные, со сквозным отверстием (рис. 72, 16, 17); они похожи на глиняные грузила, встреченные в комплексах молчановской культуры (рис. 72, 15). Не исключено, что с гамаюнким временем следует связывать бронзовое копье с прорезным пером, обнаруженное неподалеку от Каменогорского городища (рис. 72, 8). Однако датировать подобные наконечники, если они найдены вне комплекса, очень трудно, так как традиция изготовления наконечников с прорезным пером живет долго — от поздних этапов бронзового века до ананьинской эпохи.

Среди других вещей, найденных с гамаюнской керамикой, можно отметить неорнаментированные глиняные прислица (рис. 71, 8, 10) и глиняные подвески в виде полумесяца. Одна из них украшена решетчатым узором и мелкими зигзагообразными линиями (гора Маленькая; рис. 71, 11). Е. М. Берс склонна относить к гамаюнской культуре некоторых бронзовых древовидных идолов. Один из них найден на горе Ма-

⁵³ Берс Е. М., 1960, табл. II, 10, 11, 13, 14.

⁵⁴ Смирнов К. Ф., 1960, табл. III, 27—36, 106—137 и др.

⁵⁵ Берс Е. М., 1960, табл. II, 4—6.

⁵⁶ Там же, с. 79.

⁵⁷ Борзунов В. А., 1977; 1978.

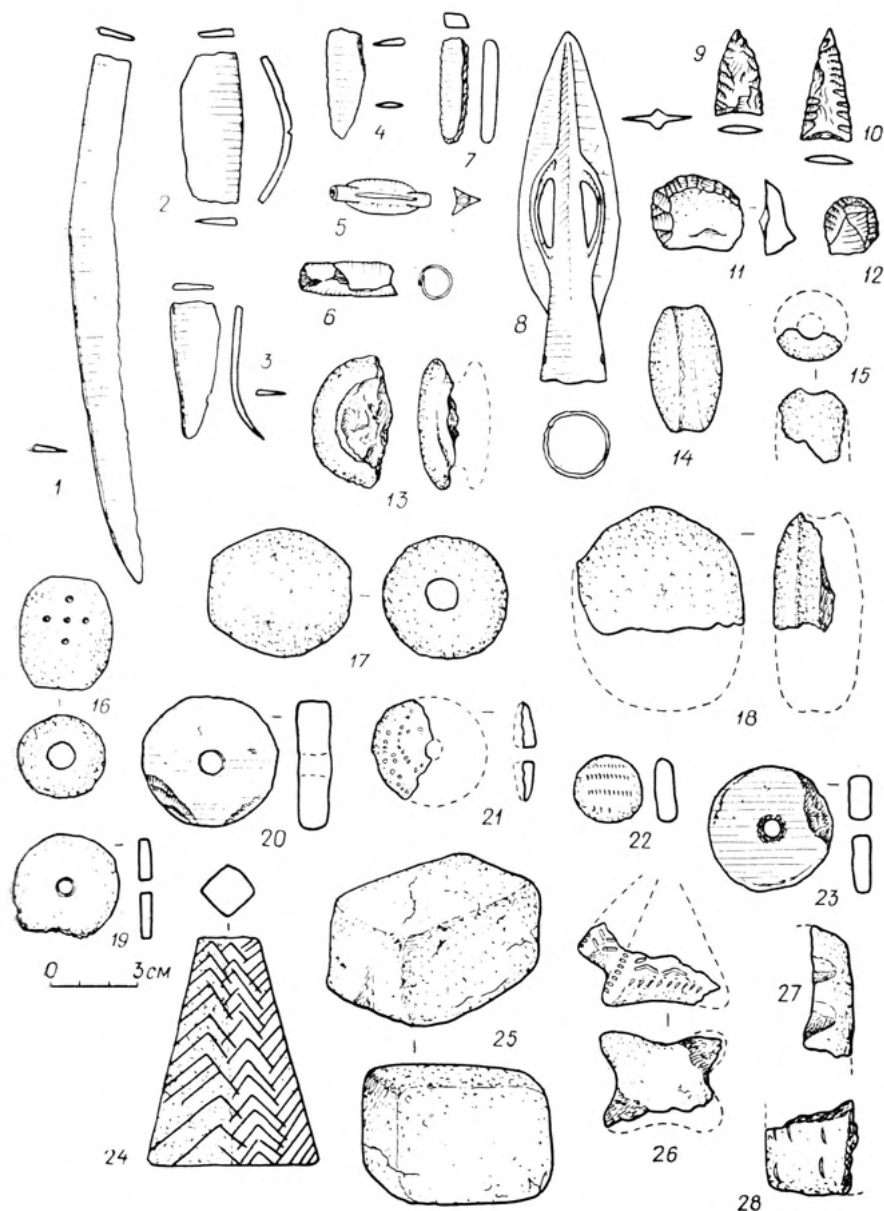

Рис. 72. Переходное время от бронзового века к железному. Тажная зона Зауралья и Западной Сибири. Инвентарь

1, 5, 14 — Десятское поселение; 2—4, 7, 11—13, 22, 24—28 — Шайтанское городище; 6, 10, 15, 18, 20, 21 — Молчановская Остятская Гора; 8 — Каменогорское городище; 9, 19 — жертвенное место Еловое; 16, 17 — Карасье II озеро; 23 — Усть-Карболка. 1—8 — бронза; 9—12, 20, 23 — камень; остальное — глина

ленькой и связан, как считает Е. М. Берс, с гамаюнским комплексом расположенного на горе селища⁵⁸.

Жилища гамаюнской культуры исследовались на нескольких памятниках, но сведения о них весьма скупы. Два жилища, раскопанные Е. М. Берс на горе Маленькой, были наземными, с полом из плах, поверх которых лежал слой обожженной глины. Дома имели квадратные очертания; та часть, где располагался вход, была приподнята на балках над склоном горы. Площадь жилищ — около 56,5 кв. м. В пол каждого дома вмазан очаг в виде чаши диаметром 60—70 см и глубиной 15 см. Между жилыми деревянными домами располагалось подсобное помещение — тоже в виде наземной постройки⁵⁹. Жилую постройку гамаюнского времени на Шайдурихе Е. М. Берс, судя по отчету, квалифицирует как «укрепленное жилище»⁶⁰.

Жилища гамаюнской культуры исследовались также В. А. Борзуновым на Зотинских II и IV городищах в Челябинской обл. На первом из них выявлено овальное жилое сооружение 7×5 м, углубленное до 0,2 м, с очагом и хозяйственной ямой у северной стенки⁶¹. Подобные же жилища наземного типа со слегка углубленными в грунт овальными и подпрямоугольными котлованами обнаружены на IV Зотинском городище. В одном из помещений выявлен кремнеобрабатывающий производственный комплекс с вырубленным в скале овальным очагом размерами 1,6×1,2 м; в другом найдены остатки бронзолитейного производства⁶².

Погребения гамаюнской культуры до сих пор не найдены.

При датировке гамаюнских комплексов следует иметь в виду, что первый тип гамаюнской керамики (с гребенчатым орнаментом) не вполне четко отделим хронологически от посуды иткульской культуры эпохи раннего железа и в принципе мог жить дольше, чем второй тип гамаюнской керамики (с крестово-струйчатым штамповым орнаментом). Исследователи обычно не разграничивают типологически и терминологически предиткульский тип гребенчатой посуды от генетически близкой керамики иткульской культуры, называя их общим наименованием «иткульская» или даже «каменогорско-иткульская»⁶³. В результате, по имеющимся публикациям, иткульская керамика то залегает в одном слое с «гамаюнской» (крестово-струйчатой) — на городищах Андреевских 5, 7, Зотинском IV, Красный Камень, то перекрывает «гамаюнский» слой (Зотинское IV городище)⁶⁴. Поэтому, говоря о датировке гамаюнских памятников, мы во избежание разночтений имеем в виду в первую очередь посуду второго типа — крестово-струйчатую, в значительной мере определившую колорит гамаюнской культуры в целом.

Почти все исследователи, обращавшиеся к памятникам гамаюнской культуры, относят их к переходному времени от бронзового века к железному или к самому началу эпохи железа⁶⁵, а в абсолютной хроноло-

⁵⁸ Берс Е. М., 1960, табл. II, 7.

⁵⁹ Берс Е. М., 1960, с. 77—79.

⁶⁰ Берс Е. М. Отчет по раскопкам Среднеуральской экспедиции за 1959 г. — Архив ИА. № 1906.

⁶¹ Борзунов В. А., 1977.

⁶² Борзунов В. А., 1978.

⁶³ Романова М. В., Сухина Л. В., 1974, с. 46.

⁶⁴ Борзунов В. А., 1977; 1978; Романова М. В., Сухина Л. В., 1974.

⁶⁵ Берс Е. М., 1960; Романова М. В., Сухина Л. В., 1974, с. 46.

гии — к середине I тысячелетия до н. э. Мне кажется, что термин «переходное время от бронзового века к железному» как нельзя лучше определяет содержание и хронологическое место гамаюнской культуры. Эта «переходность» выражена в нестандартности типов поселений (городища, укрепленные жилища, обычные открытые поселения), в распространении трехлопастных втульчатых наконечников стрел (при сохранении каменных наконечников), в характерности крестово-струйчатой штамповой орнаментации (при сохранении некоторых андроновидных геометрических рисунков) и т. д. В этой связи я хотел бы сделать небольшое отступление. Подчас мы несколько формально подходим к определению хронологического рубежа между бронзовым и железным веками, допуская, что можно определить чуть ли не точный хронологический момент, фиксирующий конец бронзового века и начало железного. Но ведь переход от бронзового века к эпохе железа — сложный и достаточно длительный процесс, сопровождавшийся затуханием или трансформацией многих элементов культур эпохи бронзы и становлением и упрочением признаков и черт, характерных для культур железного века. Этот переходный период (так же как, например, переходное время от неолита к бронзовому веку) следует, на наш взгляд, выделять в особую историческую эпоху. В таежной зоне и на севере лесостепной полосы Западной Сибири к переходному времени от бронзового века к железному относятся памятники гамаюнской культуры, комплексы завьяловского типа, отчасти красноозерские и молчановские памятники; в степной зоне и на юге лесостепи — памятники алексеевского (верховья Тобола), ильинского (Северный Казахстан), большеложского (район Омска) и трушниковского (Восточный Казахстан) типов. Этот период — именно в силу своего «переходного» характера — должен лежать около рубежа ирменской и скифо-тагарской эпох, т. е. приблизительно в пределах VIII—VII или VII—VI вв. до н. э. Думается, что дата гамаюнской культуры, предложенная Е. М. Берс (VI—IV вв. до н. э.), несколько завышена, во всяком случае применительно к верхней хронологической границе. Если согласиться с нашей датировкой межовских комплексов (X—VIII или IX—VIII вв. до н. э.), то начало гамаюнской культуры нельзя относить ко времени позже VII в. до н. э. Что касается верхней даты, то здесь необходимо учитывать следующее: все исследователи считают очевидным, что конец ее смыкается с началом иткульской культуры, которая определенно относится к эпохе железа и датируется VI—IV вв. до н. э.⁶⁶ Таким образом, время существования гамаюнских памятников лежит в промежутке между концом межовско-березовского этапа и началом иткульской культуры, т. е. около VIII—VII или VII—VI вв. до н. э.

Комплексы красноозерского типа. В Среднем Прииртышье сейчас известно несколько памятников с керамикой красноозерского типа: Красноозерское поселение, поздний комплекс Чудской Горы, значительная часть материалов поселений Инберень V—VIII и др. В последние годы Ю. П. Чемякин, В. П. Коротаев, М. В. Елькина и другие исследовали поселения с керамикой красноозерского облика в районе Сургута (Бар-

⁶⁶ Стоянов В. Е., 1969, с. 6.

сов Городок I/1, I/10, II/16; жилище 107)⁶⁷. Посуда красноозерского типа имеет слегка отогнутую или дугообразно выгнутую шейку, крутые плечики и плоское дно. В тесте обнаружена примесь песка и шамота. На керамике лесостепного Прииртышья в нижней части шейки обычен ряд «жемчужин»; встречается резной орнамент и гладкий штамп. По этим признакам рассматриваемая керамика близка посуде молчановской культуры, однако в орнаментации красноозерской керамики в целом наблюдается преобладание крестового штампа, что более присуще для гамаюньских орнаментов.

Большинство узоров на красноозерских сосудах выполнялось гребенчатым и крестовым штампом. Последний особенно характерен для района Сургута; он располагается горизонтальными рядами (рис. 73, 1, 3, 10) или образует различные геометрические фигуры — зигзаги (рис. 73, 2, 7, 9), треугольники (рис. 73, 4, 5, 11) и др. Иногда встречается мелкоструйчатый штамп (рис. 73, 6). На посуде красноозерского облика Чудской Горы крестовый штамп сочетался обычно с ямочными поясами и горизонтальными рядами гребенчатых линий (рис. 73, 1, 2); здесь не встречено сосудов с дугообразно выгнутыми шейками — характерен мягкий переход от шейки к плечикам. Возможно, такая профилировка шейки говорит о некотором хронологическом отличии посуды Чудской Горы от основного красноозерского керамического комплекса. Скорее всего, керамика с крестовой орнаментацией, найденная на Чудской Горе, относится к несколько более раннему времени и частично существовала с сузгунской. В этой связи интересно, что черепки с крестовым орнаментом на Чудской Горе были найдены в одном слое с поздней андроновидной керамикой, которую мы датировали IX—VIII вв. до н. э. (рис. 66).

Придонная часть, как правило, не орнаментировалась. Поверхность сосудов почти во всех случаях делилась горизонтальными рядами аккратных круглых ямок — черта, не характерная для гамаюньской и молчановской посуды. Членение орнаментального поля рядами ямок является пережитком древней гребенчато-ямочной традиции, которая особенно долго сохранялась в таежном Прииртышье и в Сургутском Приобье.

Керамика поселения Инберень V сопоставима с красноозерской лишь по отдельным показателям (этот памятник расположен намного южнее Красноозерского поселения и Чудской Горы — в лесостепной зоне). Здесь относительно редок крестовый штамп, но зато встречаются узоры, выполненные желобчатыми линиями и отступающей лопаточкой⁶⁸. Наличествуя геометрические узоры — резной решетчатый пояс, прочерченные взаимопротивостоящие зигзаги и др.⁶⁹ Поверхность некоторых сосудов делилась рядами ямок, но такое членение не является обязательным. Форма сосудов в целом близка красноозерской (плоскодонные горшки, дугообразно выгнутая наружу шейка у многих сосудов), но безоговорочно относить эту керамику к красноозерскому типу нельзя, так как речь может идти лишь о сопоставимости отдельных элементов, а не всего комплекса признаков. То же самое можно сказать о керамике Старо-Масля-

⁶⁷ Чемакин Ю. П., Коротаев В. П., 1976, рис. 2; Елькина М. В., 1977, рис. 4.

⁶⁸ Стефанов В. И., 1974, рис. 2, 6, 9.

⁶⁹ Там же, рис. 2, 4, 5, 7.

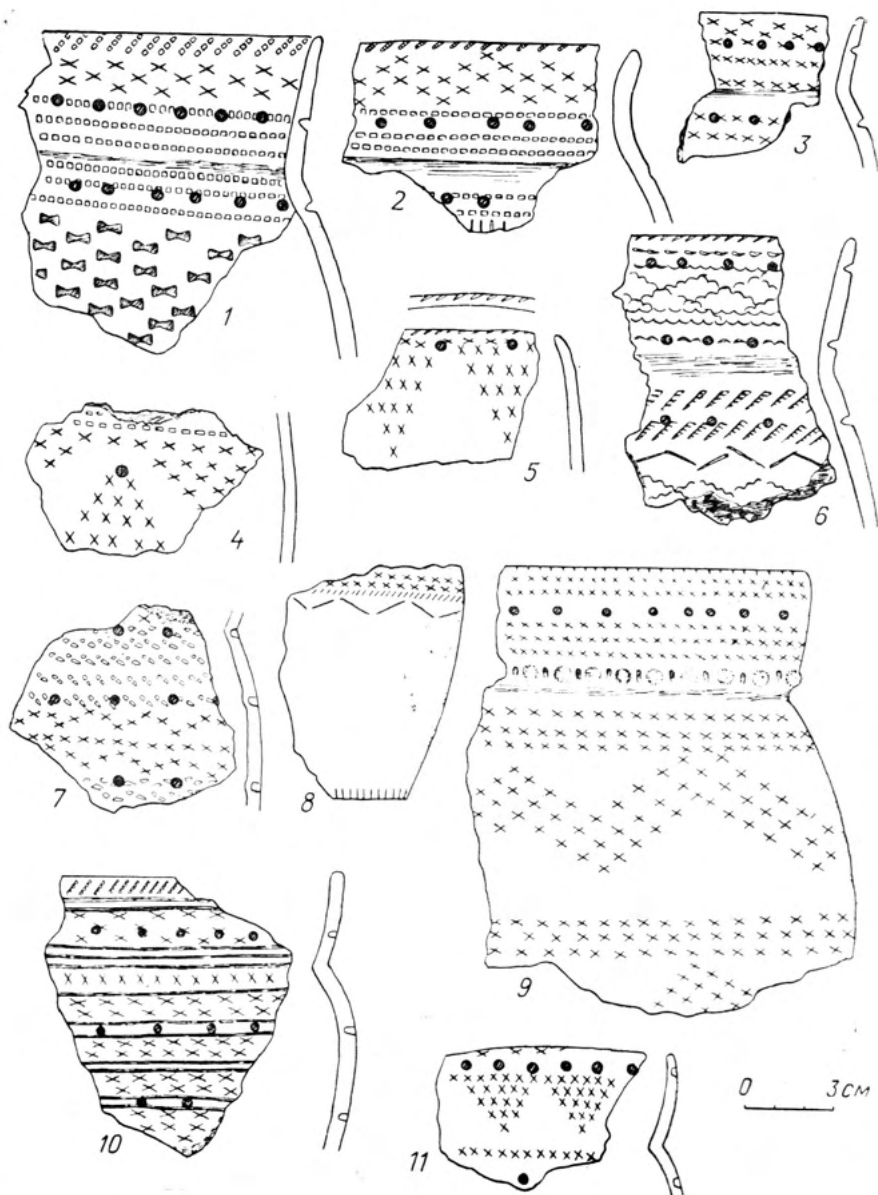

Рис. 73. Переходное время от бронзового века к железному. Среднее Прииртышье. Керамика красноозерского типа

1—6 — городище Чудская Гора; 7 — Оронтур (р. Конда); 8, 9, 11 — Красноозерское поселение; 10 — Евгащенское поселение

нинского поселения (лесостепное Поишимье), в орнаментации которой встречаются крестовый штамп и деление орнаментального поля рядами ямок⁷⁰; перечисленные признаки не составляют здесь основы орнаментального комплекса, так как в орнаментации посуды этого памятника присутствуют элементы других декоративных традиций с преобладанием еловских и, видимо, ирменских черт. Характеризуя посуду этого памятника, В. Ф. Генинг и В. В. Евдокимов отмечают, что она сложилась «в результате синтеза керамики еловско-десятовского типа и керамики с крестовым орнаментом при некотором влиянии карасукско-ирменских элементов»⁷¹. Таким образом, влияние лесных культур, выразившееся в продвижении на юг крестово-штамповой орнаментации с ямочными разделительными поясами, захватило лишь северную лесостепь и не достигло степных районов.

Орудия, которые можно было бы связать с керамикой красноозерского типа в таежном Прииртышье, мне неизвестны. Очень малочисленны они и в лесостепном Ишимо-Иртышье. На поселениях Инберень V—VII найдены костяные наконечники стрел, грузила, льячки, изделия из глины, кости животных, преимущественно диких⁷². Из поселений Барсовой Горы близ Сургута известны каменная булава, каменные бруски с поперечными желобками, обломки глиняных тиглей.

На Инберени V В. И. Стефанов исследовал два жилища. Оба имели квадратную форму (9×9 м; 8,2×8,2 м). Первое имело глубину 1,25 м (от уровня современной поверхности); внутри обнаружены остатки мастерской по производству медных изделий, две хозяйственные ямы (в юго-восточном углу и перед входом) и три очага — вдоль западной стенки. Другое жилище было углублено в грунт на 0,4 м, имело очаг в центре и коридорообразный выход в северной части; во внутренней части, по углам, у выхода и вдоль стен выявлены следы столбовых ям; перед выходом находилась большая хозяйственная яма. На городище Инберень VII раскопано небольшое жилище подчетыреугольной формы (5,5×5,3 м), углубленное на 0,15—0,25 м; в северо-западном углу находился выступ, в средней части, ближе к северной стенке, — небольшой очаг, в северо-восточном углу — большая хозяйственная яма⁷³. Жилище четырёхугольной формы было исследовано также на Старо-Маслянинском поселении. Размеры сохранившейся его части — 8,7×7,9 м. Жилище — наземное, пол лишь слегка углублен в грунт. Внутри обнаружены остатки трех кострищ, которые, видимо, не были одновременны⁷⁴.

М. В. Елькина описала три наземных жилища с керамикой, близкой завьяловской, на Барсовом Городке. Одно из них имело гигантскую площадь — около 300 кв. м, с обильной присыпкой стен; внутри него выявлены два больших очага. Два других жилища, по сообщению М. В. Елькиной, были небольшие, со слегка углубленными котлова-

⁷⁰ Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969, табл. 22—24.

⁷¹ Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969, с. 64.

⁷² Стефанов В. И., 1974, рис. 2, 1—3; 1977.

⁷³ Стефанов В. И., 1974, рис. 2, 1—3; 1977.

⁷⁴ Генинг В. Ф., Евдокимов В. В., 1969, с. 58.

нами и одним очагом на полу у центра. Стены также имели земляную присыпку снаружи⁷⁵. К сожалению, никаких конкретных данных о размерах жилищ М. В. Елькина не приводит.

Могильники этого времени в Среднем Прииртышье пока не найдены. Нам представляется, что комплексы красноозерского типа в таежной части Среднего Прииртышья в целом несколько древнее гамаюньских памятников свердловско-тагильского региона. Об этом говорит характерность плоскодонных горшковидных сосудов и сохранение многих геометрических элементов в орнаменте. Не исключено, что памятники красноозерского типа в таежном Прииртышье частично сосуществовали с розановскими лесостепного Прииртышья. В дальнейшем прослеживается все усиливающееся проникновение лесных (красноозерских) групп населения на юг, в результате чего керамика лесостепных памятников Прииртышья и Пойшимья приобретает ряд лесных черт (Инберень V, Старо-Маслянинское поселение).

В. И. Стефанов датирует поселение Инберень V первыми веками I тысячелетия до н. э., но к сожалению, никак не обосновывает эту дату⁷⁶. Нам она кажется не вполне правильной. Получается, что керамика этого памятника, имеющая ряд черт, характерных для местной посуды эпохи железа (крестовый штамп, деление орнаментального поля рядами ямок и др.), не только не доживает до железного века, но, наоборот, отделена от него ирменской эпохой (IX—VIII вв. до н. э.). Эта дата предполагает также абсолютную хронологическую несовместимость появления крестово-штамповой орнаментации в свердловско-тагильском регионе и в ишимо-иртышской лесостепи. Мне думается, что распространение в глубь зауральско-западносибирских лесостепей (в Южное Зауралье, Среднее Пойшимье, Омское Прииртышье, Верхнее Приобье) носителей крестово-штамповой орнаментальной традиции — единый процесс, начавшийся одновременно и вызванный какими-то общими причинами. В лесостепной зоне Западной Сибири результаты этого процесса улавливаются лишь в конце ирменской эпохи, и поэтому датировать лесостепные памятники с крестово-штамповой керамикой временем ранее VIII в. до н. э. не представляется возможным. Сложнее обстоит дело с датировкой памятников красноозерского типа в таежном Прииртышье: мы не знаем, в каких районах западносибирской тайги и как рано оформилась крестово-штамповая орнаментация, прежде чем распространиться на юг Западной Сибири. Поэтому можно предполагать, что начало существования памятников красноозерского типа в таежном Прииртышье относится к более раннему времени, чем памятников с крестово-штамповой орнаментацией керамики в лесостепной зоне. Выше мы уже говорили о том, что в последние годы памятники с керамикой, близкой красноозерской, исследуются М. В. Елькиной и Ю. П. Чемякиным в районе Сургута, Е. А. Васильевым — в Нижнем Приобье⁷⁷. Продолжение работ на севере Западной Сибири позволит в будущем установить центры формирования крестово-струйчатой штамповой традиции и определить районы, откуда начался исход носителей этой традиции на юг.

⁷⁵ Елькина М. В., 1977, с. 109.

⁷⁶ Стефанов В. И., 1974, с. 28.

⁷⁷ Чемякин Ю. П., Коротаев В. П., 1976, рис. 2; Елькина М. В., 1977, рис. 3; 4.

Молчановская культура. Эта культура была выделена мною в 1964 г.⁷⁸ на основе материалов городища Молчановская Остяцкая Гора (раскопки А. П. Дульзона, 1954 г.) и Десятовского поселения (поздний комплекс; раскопки Западносибирской экспедиции 1961, 1966 гг.) в низовьях Чулыма. Позже нами был исследован еще один памятник молчановской культуры — Шайтанское городище в верховьях р. Кети (раскопки Западносибирской экспедиции, 1967—1968 гг.). Молчановская керамика найдена в некоторых других пунктах Томско-Нарымского Приобья (Самусь IV, Новокусовская стоянка, Тух-Сигат IV и др.), но в незначительном количестве. Как показали материалы последних раскопок Ю. Ф. Кирюшина, памятники молчановского типа локализовались в основном в правобережной части Среднего Приобья⁷⁹; что касается левобережной половины этой территории (Васюганья), то здесь в это время преобладала гребенчато-ямочная культурная традиция, почти не осложненная инокультурными воздействиями. Правда, в конце андроновской эпохи в Васюганье ощущаются значительные южные влияния: в местный гребенчато-ямочный орнаментальный комплекс внедряются андроновидные геометрические элементы⁸⁰, что было связано, скорее всего, с продвижением на эту территорию андроновцев или родственных им групп. Но они, видимо, пришли в Васюганье в небольшом числе и вскоре были ассимилированы местным населением; в конце бронзового века и в начале эпохи железа здесь вновь почти безраздельно господствовала гребенчато-ямочная орнаментальная традиция⁸¹.

Керамику молчановской культуры в целом можно разделить на две большие группы. Первая (рис. 74) включает плоскдонные горшковидные сосуды с высокой, дугообразно выгнутой наружу шейкой и сильно раздутым туловом. На границе шейки и плечиков проходит обычно разделительная желобчатая дорожка. В тесте прослежена примесь песка, дресвы и шамота. В орнаментации характерны многие геометрические мотивы, знакомые нам по орнаментам позднееловской керамики, — решетчатый пояс (рис. 74, 7, 11), взаимопроникающие треугольники с косой или решетчатой штриховкой (рис. 74, 1, 3, 4), рисованные уточки (рис. 74, 10), ромбы (рис. 74, 5), взаимопроникающие Г-образные фигуры⁸², разветвленные меандры (рис. 74, 4, 8, 10) и др. Геометрические узоры в таежном Причулымье выполнялись резными линиями или гладким штампом, в более северных районах (Шайтанское городище) — в основном оттисками гребенки. Наряду с развитым геометризмом в орнаменте первой группы молчановской посуды присутствуют элементы, знакомые нам по узорам на керамике самусьской культуры, — сплошные взаимопроникающие треугольные зоны (рис. 74, 2, 5, 9), псевдоплетенка и др. Встречается крестовый штамп, но более характерен мелкоструйчатый (рис. 74, 6, 7). Однако крестовый и мелкоструйчатый штампы более обычны для керамики западной части молчановского ареала. На Шайтанском городище в верховьях Кети, где были найдены сотни фрагментов от нескольких десятков сосудов молчанов-

⁷⁸ Косарев М. Ф., 1964, с. 10.

⁷⁹ Кирюшин Ю. Ф., 1973б, с. 113.

⁸⁰ Там же, табл. I.

⁸¹ Там же, табл. II.

⁸² Косарев М. Ф., 1974а, рис. 37, 14, 19.

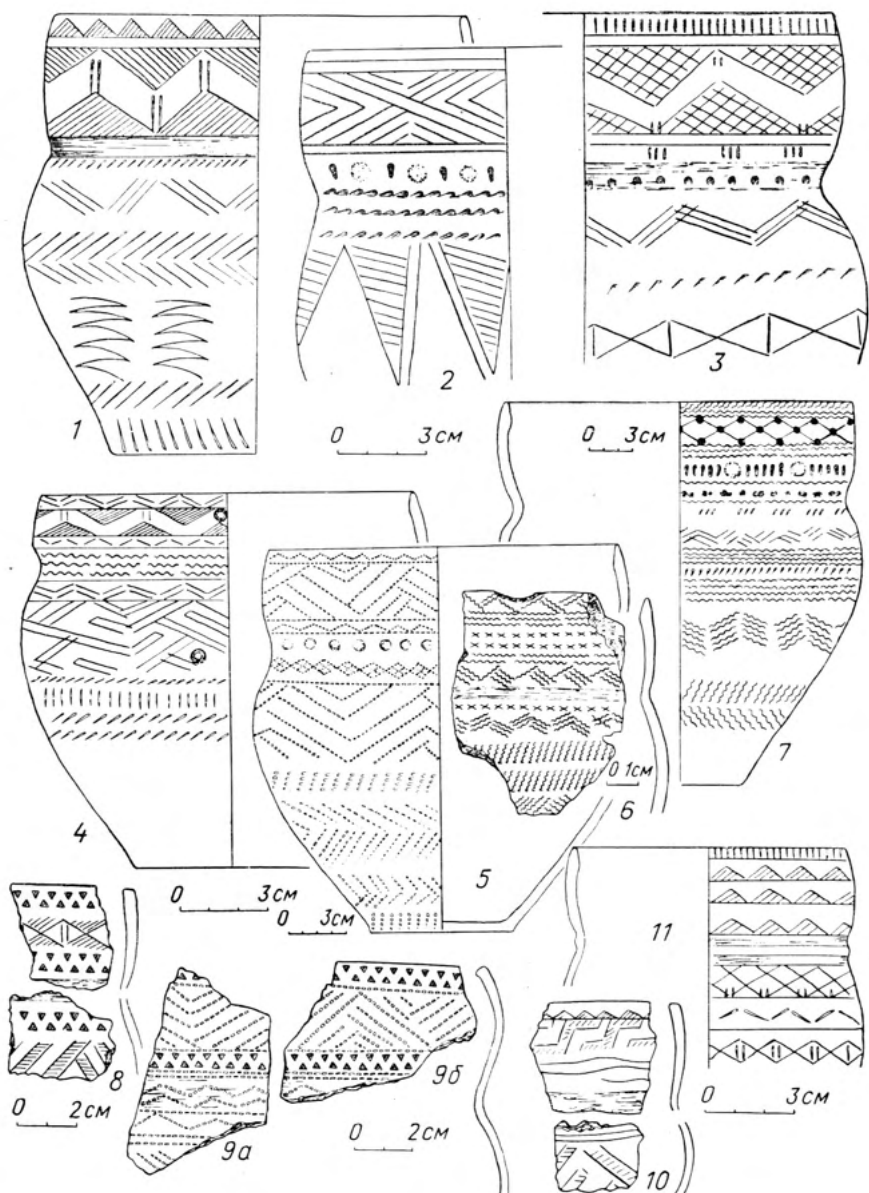

Рис. 74. Переходное время от бронзового века к железнму. Томско-Нарымское Приобье. Молчановская культура. Керамика первой группы

1—3, 8, 10, 11 — Десятковское поселение; 4, 5, 9 — Шайтанское городище; 6, 7 — Молчановская Остяцкая Гора

ского типа, мелкоструйчатый штамп отмечен только на одном сосуде (рис. 74, 4), а крестовый вообще не встречен. Зато к востоку от устья Чулыма на посуде молчановских памятников достаточно типичен треугольный штамп; он располагается, как правило, на шейке, в два ряда — по взаимопроникающему принципу (рис. 74, 8, 9). В целом керамику первой группы отличает преобладание андроновидных геометрических элементов в орнаменте и относительно малый удельный вес кресто-струйчатой штамповой орнаментации.

Орнаментальная композиция на керамике первой группы выдерживалась примерно в таком порядке: шейка украшалась геометрическими узорами — уточками, треугольниками, решетчатым поясом, взаимопроникающими Г-образными фигурами и др. В нижней части шейки также располагался ряд «жемчужин» (рис. 74, 2, 5, 7). Верхняя половина тулова тоже во многих случаях орнаментировалась геометрическими узорами — чаще всего зигзагообразной полосой (рис. 74, 1, 5, 7 и др.) или меандром (рис. 74, 4, 8, 10). В тех случаях, когда орнамент покрывал всю боковую поверхность, придонная часть украшалась горизонтальным елочным узором (рис. 74, 1, 5, 7).

Посуда второй группы (рис. 75) имеет плоскостную баночную форму. В орнаменте по существу полностью отсутствуют узоры, которые можно было бы связать с андроновидной орнаментацией предшествующей еловской керамики. Украшалась вся боковая поверхность. Сущность декоративной схемы заключается в заполнении внешней поверхности сосудов горизонтальными полосами из наклонных вдавлений мелкоструйчатого, гладкого или гребенчатого штампов (рис. 75, 1, 3—6). Встречаются сосуды, орнаментированные рядами отступающих наколов (рис. 75, 2). Орнаментальное поле почти во всех случаях делилось на несколько одинаковых зон поясами из крестового (рис. 75, 1—3, 6), ромбического (рис. 75, 4) или треугольного (рис. 75, 5) штампов.

Думается, что охарактеризованные выше две группы посуды имеют разное происхождение. Первая является генетическим продолжением местной позднееловской керамики, вторая была принесена из северных районов Западной Сибири. Но здесь, в среднеобском правобережье, эти два керамических комплекса существуют бок о бок, взаимосвязанно, и мне кажется, что разделять их и относить к разным культурам было бы неверным. Видимо, здесь мы имеем дело с двумя группами населения — местной и пришлой, которые были связаны между собой брачными контактами и в этом отношении представляли единый эндогамный коллектив. Керамика охарактеризованных разновидностей встречена как вместе (Десятовское поселение, Новокусково), так и раздельно (например, Молчановская Остяцкая Гора, где вся посуда относится к первой группе, хотя в ее орнаменте есть некоторые черты, характерные для второй группы)⁸³. Наблюдается тенденция ко все большему слиянию местной и пришлой орнаментальных традиций; видимо, местное население и северные мигранты постепенно смешивались друг с другом и происходила

⁸³ Имеются в виду материалы из раскопок А. П. Дульзона в 1954 г. В конце 1960-х годов В. И. Матющенко про-

должил раскопки этого памятника. Результаты его работ не опубликованы.

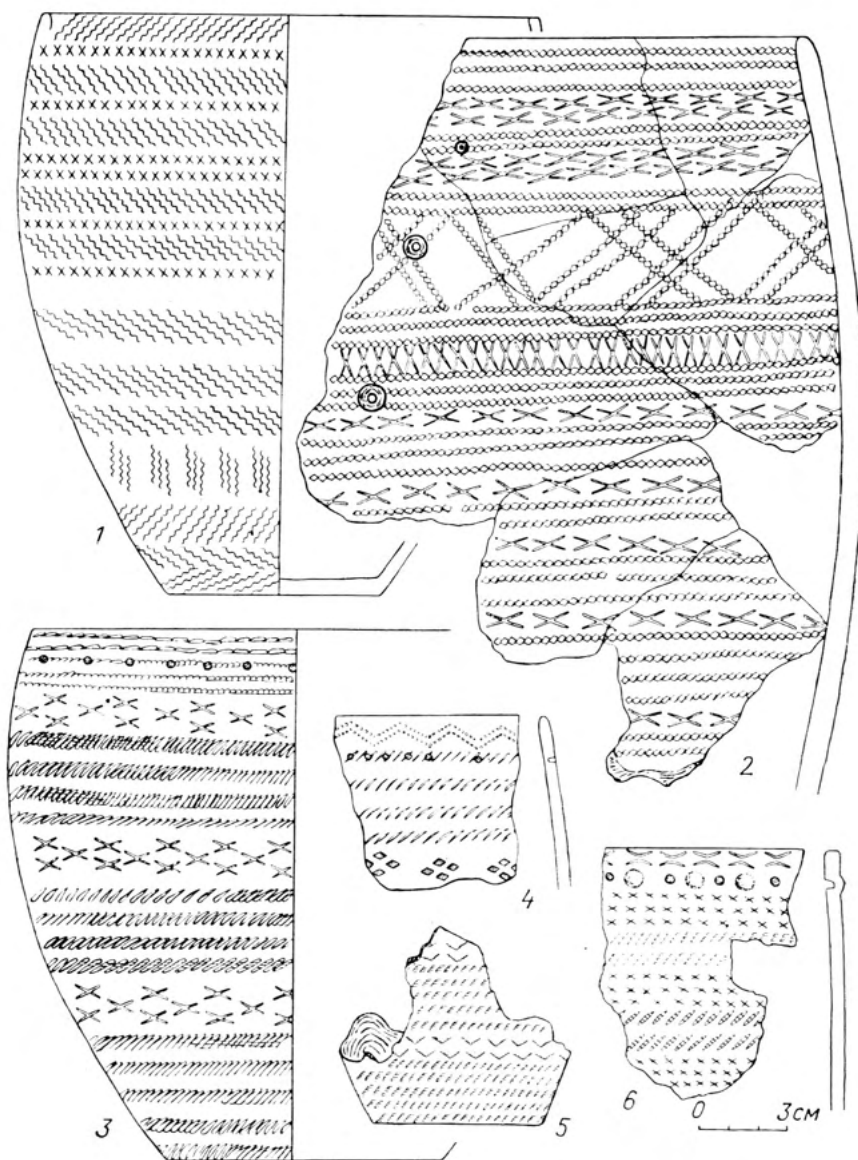

Рис. 75. Переходное время от бронзового века к железному. Тажское Причулымье. Молчановская культура. Керамика II группы

1 — Тургайские материковые группы ям; 2—6 — Десятовское поселение

их этническая и культурная нивелировка. Аналогичные процессы, судя по археологическим материалам, происходили в это время в Среднем Припиртышье и свердловско-тагильском регионе.

Дадим краткую характеристику инвентаря, найденного в культурном слое молчановских памятников.

Бронзовые ножи. Один целый экземпляр найден на Десятовском поселении (молчановский комплекс; рис. 72, 1). Его отличает легкая изогнутость и длинное узкое лезвие. Типологически он достаточно близок бронзовым ножам из погребений эпохи раннего железа (по М. Н. Комаровой) Томского могильника⁸⁴. Обломки бронзовых ножей сходной формы встречаются на Шайтанском городище (рис. 72, 2—4).

Металлические украшения. В верхнем слое Десятовского поселения найдена трехлопастная бронзовая подвеска, имитирующая наконечник стрелы (рис. 72, 5). К украшениям молчановского времени следует отнести также бронзовую (медную?) пронизку, свернутую из тонкой пластины; она обнаружена А. П. Дульзоном на полу жилища городища Остяцкая Гора близ пос. Молчаново (рис. 72, 5). Подобные пронизки очень не специфичны, и их трудно датировать (как, впрочем, почти все другие украшения эпохи бронзы). Более всего она похожа на пронизки из ирменских погребений Еловского могильника⁸⁵.

Глиняные грузила. В это время наблюдается сравнительное разнообразие форм грузил. С одной стороны, обычны дисковидные грузила с желобком по ободу (рис. 72, 13, 14, 18), с другой стороны, встречаются цилиндрические, с отверстием. Обломки таких грузил найдены на Десятовском поселении (рис. 72, 15). Ближайшие аналогии оба типа грузил находят в памятниках гамаюнской культуры (рис. 71, 12; 72, 16, 17).

Глиняные кирпичики. При раскопках Шайтанского городища в 1967 г. нами был вскрыт очаг из маленьких четырехугольных, сделанных от руки кирпичиков (рис. 72, 25). Очаг имел округлую форму (диаметр около 0,7—0,8 м) и был слегка углублен в землю. Некоторые кирпичики орнаментированы отпечатками пластины или ногтевыми вдавлениями (рис. 72, 27, 28). Целые экземпляры и крупные фрагменты кирпичиков встречаются в верхней части очага, ниже они превратились в сплошную спекшуюся глиняную массу. Ближайшие аналогии им известны на Кипельском селище в лесостепном Зауралье, где К. В. Сальниковым был исследован очаг, сделанный из таких же кирпичиков⁸⁶.

Другие глиняные изделия. В культурном слое Шайтанского городища найден фрагмент глиняной скульптуры животного, видимо оленя⁸⁷. На спине и по бокам нанесены елочные узоры гладким штампом. На Шайтанском городище встречаются также обломки четырехугольных глиняных пирамидок, орнаментированных по граням вертикальной елочкой (рис. 72, 26). Один целый экземпляр подобной пирамидки найден в верхней части описанного очага (рис. 72, 25). Видимо, все эти глиняные изделия относятся к категории культовых предметов.

⁸⁴ Комарова М. Н., 1952, рис. 23, 18 и др.

⁸⁵ Матющенко В. И., 1974, рис. 89, 23, 24.

⁸⁶ Сальников К. В., 1951, рис. 17, 4.

⁸⁷ Косарев М. Ф., 1974а, рис. 42, 31.

Каменные наконечники стрел. Мне известен один целый экземпляр, найденный на Молчановской Остяцкой Горе (рис. 72, 10), и несколько обломков (Шайтанское городище). Целый экземпляр — треугольный, с выемкой в основании; обработан довольно аккуратной ретушью. По форме и технике обработки он не отличается существенно от еловских (ср. рис. 60, 3—5, 9, 12) и гамаюнских (ср. рис. 72, 9).

Каменные скребки. Чаше встречаются на севере молчановского ареала. Так, в культурном слое Шайтанского городища найдено 13 скребков (рис. 72, 11, 12). Все они изготовлены на отщепах различных пород камня. Рабочий край имеет полукруглые очертания и в ряде случаев обработан довольно аккуратной ретушью. Возможно, часть скребков Десятовского поселения (там они найдены в количестве нескольких десятков) также следует связывать с молчановским комплексом этого памятника.

Пряслица. Мне известно 2 экз. — оба с Молчановской Остяцкой Горы. Одно — каменное, неорнаментированное (рис. 72, 20); другое — из глины, украшено беспорядочными вдавлениями конца палочки (рис. 72, 21).

Во время раскопок Молчановской Остяцкой Горы А. П. Дульзон обнаружил жилище в виде соединяющихся друг с другом двух четырехугольных землянок (4,5×5,8 м и 3,2×4,1 м)⁸⁸. Жилищные ямы были углублены в грунт на 1,1 м. Большое помещение имело две возвышенные прямоугольные площадки у стен. Посередине находился очаг. Для его устройства сначала были вбиты колья, ограничившие прямоугольник очага (0,5×0,4 м) и выступавшие от поверхности пола на высоту 0,4 м. Пространство между ними было заполнено землей. Стенки и верхняя площадка очага носили следы глиняной обмазки.

Погребальный обряд молчановского населения не изучен. Г. В. Евдокимова сообщает, что при раскопках средневекового могильника Релка в Молчаново были вскрыты две могилы с керамикой молчановского типа. К сожалению, никаких подробностей об устройстве могил она не сообщает. В каждой из них стояло по горшку⁸⁹. Останков погребенных не обнаружено.

Я не могу согласиться с мнением Г. В. Евдокимовой, что молчановская культура сложилась на основе ирменской и относится к VII—V вв. до н. э.⁹⁰ Мне кажется почти несомненным, что молчановская культура возникла на позднееловской основе при участии северных групп населения. Об этом свидетельствует явная преемственность между третьей группой еловской посуды (северный вариант; рис. 54, 4—8) и первой группой молчановской (рис. 74)⁹¹. На той и на другой обычны орнаменты, не типичные для ирменской керамики, — уточки, взаимопроникающие Г-образные фигуры, взаимопроникающие вертикальные полосы (образующие фон в виде простого ступенчатого меандра), вертикальные ряды гладкой качалки и др. Определенное сходство между первой группой молчановской посуды и ирменской керамикой (по отдельным элементам узоров и по характеру орнаментальной композиции) объяс-

⁸⁸ Дульзон А. П., 1966, с. 57.

⁸⁹ Евдокимова Г. В., 1973, рис. 3.

⁹⁰ Евдокимова Г. В., 1973, с. 123.

⁹¹ Косарев М. Ф., 1974а, рис. 37—41.

няется тем, что эти две культуры тесно взаимодействовали между собой. В молчановских комплексах была неоднократно встречена ирменская керамика (Молчановская Остяцкая Гора, Десятовское поселение), а в культурном слое ирменских памятников — молчановская посуда (Басандайское городище, Чекист, Томское лагерное городище). Интересно, что в позднееловских погребениях Еловского могильника известны сосуды с мелкоструйчатым штампом (рис. 58, 7, 18). Кроме того, следует учитывать, что в сложении ирменской культуры, так же как и молчановской, принял участие еловский компонент.

Таким образом, имеющиеся данные говорят о том, что ирменская и молчановская культура существовали в общем одновременно, на соседних территориях. Об этом свидетельствует и картографирование памятников (рис. 76). Гораздо сложнее вопрос, связанный с определением конечной даты молчановской культуры. Выше мы в разной связи неоднократно говорили о том, что в конце ирменской эпохи на территорию обитания межовско-березовского населения (Зауралье) и ирменского (лесостепное Приобье) продвигались северные таяжские группы, для керамики которых была характерна фигурно-штамповая (преимущественно крестовая) орнаментация. Не исключено, что эта северная волна захватила и часть молчановского населения, которое отошло в более южные районы. Если это так, то к дате молчановских комплексов нельзя подходить однозначно: до тех пор, пока молчановцы и ирменцы жили на разных территориях, оставленные ими памятники могли быть одновременными; с того времени как в пределы ирменского ареала продвинулись таяжские группы и ирменская культура прекратила свое существование, комплексы с керамикой молчановского облика могут быть более поздними, чем ирменские.

Памятники завьяловского типа. В конце бронзового века в Новосибирское Приобье пришло новое население, оставившее памятники завьяловского типа. Они изучены по материалам поселения Завьялово I и городища Завьялово V (раскопки Т. Н. Троицкой, 1969 г.). Комплексы завьяловского типа выявлены также при раскопках других памятников этого района (Ордынское I, Умна III). Поселение с завьяловской керамикой исследовано А. В. Циркиным у г. Мариинска на севере Кемеровской обл. (Лысая Гора). Завьяловская группа керамики была выделена Т. Н. Троицкой⁹². В целом завьяловскую посуду можно разделить на две группы.

К первой группе относятся некрупные круглодонные сосуды, имеющие обычно хорошо выраженную шейку (рис. 16, 99—101)⁹³. В большинстве случаев шейка дугообразно выгнута наружу, что сближает эту посуду с молчановской (первой группой) и красноозерской. По отдельным элементам орнамента (большой удельный вес крестового штампа и горизонтальных гребенчатых линий) и по общему характеру декоративной схемы (заполнение поверхности сосудов однообразными полосами крестового и гребенчатого штампов, деление орнаментального поля рядами ямок) эта группа более всего похожа на керамику красноозерского типа таяжского Припиртышья. Правда, в красноозерских комплексах не встречены

⁹² Троицкая Т. Н., 1970.

⁹³ Троицкая Т. Н., 1970, рис. 3, а, ж.

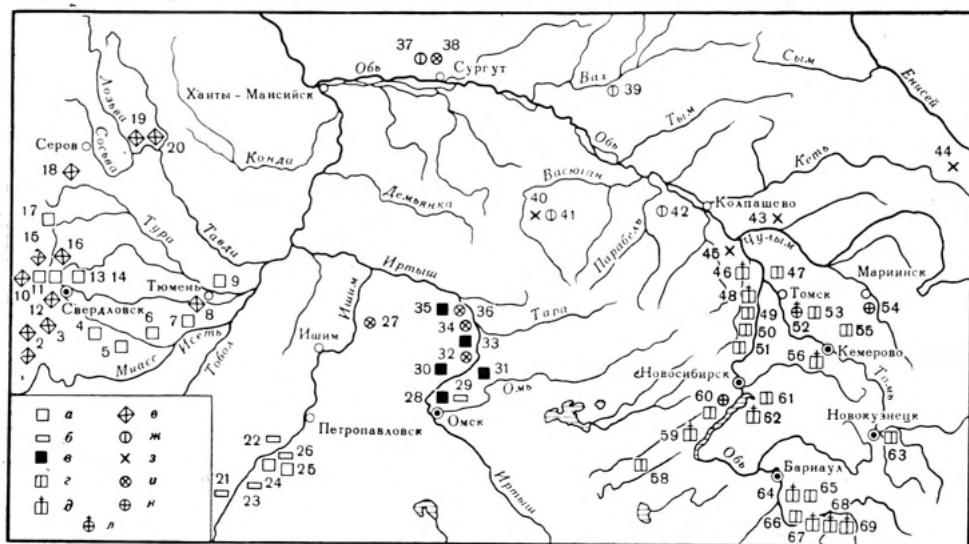

Рис. 76. Основные памятники эпохи поздней бронзы и переходного времени от бронзового века к железному в предтаежной и южнотаежной полосе Восточного Зауралья и Западной Сибири

а — поселения с межовской (замараевской) керамикой; б — поселения ильинского (больше-ложского) типа; в — поселения среднеиртышского варианта ирменской культуры; г — поселения ирменской культуры; д — могильники ирменской культуры; е — поселения гамаюн-ской культуры; ж — поселения с гребенчато-ямочной керамикой; з — поселения молчановской культуры; и — поселения красноозерского типа; к — поселения завьяловского типа; л — могильники завьяловского типа

1 — Зотинские I и II городища; 2 — Каменногорское городище; 3 — Боевское городище; 4 — Березовское поселение; 5 — Межовское; 6 — Лужки; 7 — Замараевское; 8 — Андреевские 5 и 7 городища; 9 — Мысовские стоянки; 10, 11 — Палкинские стоянки; 12 — Гамаюнское городище; 13 — Коптяки I, II; 14 — Карасье I озеро; 15 — Аятские I и II поселения; 16 — Шайдуриха; 17 — Горбуновский торфяник; 18 — Кокшаровский холм; 19 — Усть-Вагиль; 20 — Махтылы; 21 — Петровка II; 22 — Ново-никольское; 23 — Ильинка I; 24 — Бишкуль V; 25, 26 — Явленка I; 27 — Старо-Маслянинское поселение; 28, 29 — городище Большой Лог;

30 — Черноозерье VIII; 31 — Розановское городище; 32 — Инберень V—VII; 33 — Евгацинское поселение; 34 — Красноозерка; 35, 36 — городище Чудская Гора; 37 — Барсова Гора (жилища 435, 437, 451, 452, 472); 38 — Барсова Гора, жилище 107; Барсов Городок I/1, I/10, II/16; 39 — Большеларьякские поселения; 40 — Тух-Сигат IV; 41 — поселения Тух-Эмтор и Тух-Сигат; 42 — Малгет; 43 — Десятовское поселение; 44 — Шайтанское городище; 45 — Молчановская Остяцкая Гора; 46 — Иштанский могильник; 47 — поселение Чекист (Большекиргизское); 48 — Еловские I и II могильники; 49 — Еловское поселение; 50 — Камень; 51 — Красный Яр; 52 — Томский могильник на Большом Мысе; 53 — Басандайское городище; 54 — Дворниково; 55 — Люкус; 56 — Титовский могильник; 57 — поселение на р. Бурле у с. Ильинка; 58 — Ордынский I могильник; 59 — Ирмень I; 60 — Завьялово V; 61 — Петушиха; 62 — Могильник Бурмистрово; 63 — городище Маягора Гора; 64 — могильник Ближние Елбаны IV; 65 — могильник Дальние Елбаны I; 66 — Фоминское; 67 — могильник Долгая Грива; 68 — могильник Змеевка; 69 — могильник Суртайка

пока круглодонные чаши и в целом красноозерская керамика выглядит более ранней, о чем говорит, в частности, характерность геометрических орнаментальных мотивов. Нижняя часть завьяловских чаш обычно не имеет орнамента; иногда украшалась только шейка сосудов⁹⁴.

То обстоятельство, что описанная группа завьяловской посуды по облику орнаментации в большей мере сопоставима с красноозерской керамикой таежного Припртышья, нежели с молчановской Нижнего Причулымья и Нарымского Приобья, позволяет предполагать, что население, оставившее эту посуду, пришло в Новосибирское Приобье не из северной части Томской обл., как предполагает Т. Н. Троицкая, а скорее с северо-запада — из таежного Припртышья или района Сургута.

Вторая группа завьяловской керамики представлена крупными сосудами горшковидной или баночной формы⁹⁵. Судя по профилировке верхней половины стенки, большая часть сосудов была плоскодонной. Орнаментировался лишь верхний край. Наиболее характерный узор — несколько рядов горизонтальной елочki, выполненной гребенчатым или гладким штампом; довольно обычны также решетчатый пояс или зигзагообразная полоса⁹⁶. Орнаментальное поле во многих случаях делилось двумя рядами «жемчужин», чередующихся с насечками. Керамика этой группы по существу полностью идентична посуде большебереченского этапа большебереченской культуры в верховьях Оби⁹⁷.

Т. Н. Троицкая в целом правильно определила место завьяловских памятников, включив их в круг культур, родственных гамаюнской. Это мнение в общем согласуется с моей точкой зрения, высказанной в 1964 г.⁹⁸ Однако мне кажется, что Т. Н. Троицкая преувеличила близость завьяловской керамики молчановской посуде, и, наоборот, преуменьшила ее сходство с ранней большебереченской керамикой района Бийска. Завьяловские памятники характеризуют всего лишь один из вариантов большебереченской культуры и не могут рассматриваться в отрыве от памятников раннего (большебереченского) этапа этой культуры. Правда, здесь следует учитывать, что в формировании большебереченского этапа в районе Бийска северные воздействия сыграли меньшую роль, чем в районе локализации завьяловских памятников, во всяком случае крестовый штамп и гребенчато-ямочная манера орнаментации представлены там намного слабее. Видимо, в районе Бийска на формирование раннего этапа большебереченской культуры большое влияние оказало предшествовавшее ирменское население, что убедительно показал М. П. Грязнов⁹⁹. В районе Завьялово это влияние было меньшим и угадывается лишь во второй группе посуды, которая близка по облику ранней большебереченской района Бийска. Тем не менее между завьяловскими и большебереченскими комплексами больше сходства, чем различий, и мы вслед за М. Н. Комаровой¹⁰⁰ склонны рассматривать большебереченские памятники района Бийска и одновременные им памятники Новосибирского Приобья и низовьев Томи как относящиеся к одной (большебереченской) культуре.

⁹⁴ Там же, рис. 3, в.

⁹⁵ Троицкая Т. Н., 1970, рис. 3, и—р.

⁹⁶ Там же, рис. 3, з—к, п.

⁹⁷ Грязнов М. П., 1956а, табл. XIII, XIV и др.

⁹⁸ Косарев М. Ф., 1964, с. 13—14.

⁹⁹ Грязнов М. П., 1956а, с. 67—69.

¹⁰⁰ Комарова М. Н., 1952, с. 46—47; Грязнов М. П., 1956а, с. 69.

Среди орудий, найденных на завьяловских поселениях Новосибирского Приобья, Т. Н. Троицкая называет каменные грузила и бронзовый двухлопастный наконечник стрелы скифского типа, датирующийся VII—VI вв. до н. э.¹⁰¹ На памятниках большереченского этапа верхней Оби собрано большое количество металлических, костяных, каменных и глиняных изделий: бронзовые, железные и костяные наконечники стрел разных типов; бронзовые наконечники копий; обломки трехдырчатых костяных псалей; бронзовые ножи, шилья и иглы; бронзовые кельты и их литейные формы; каменные и глиняные пряслица; оселки-точильца; зернотерки; костяные трепала; всевозможные украшения. Все эти вещи описаны и опубликованы в обобщающей монографии М. П. Грязнова¹⁰².

На городище Завьялово V Т. Н. Троицкая распала часть осыпавшегося жилища. Оно, видимо, было наземным, так как углублялось в материк всего лишь на 20—30 см¹⁰³. Несколько полуразрушенных жилищ этого времени исследовал М. П. Грязнов на поселении Ближние Елбаны I; он относит выявленные жилые постройки к типу землянок, но, как и Т. Н. Троицкая, не берется судить об их форме и размерах¹⁰⁴.

В отношении абсолютной даты рассмотренных памятников (Завьялово I, V, Томский могильник на Большом Мысе, Ближние Елбаны I, VII и др.) у исследователей нет никаких расхождений. Они единогласно датируют их VII—VI вв. до н. э. — по бронзовым наконечникам стрел, чеканам, бронзовым ножам и другим вещам, тополого-хронологическая классификация которых считается хорошо разработанной¹⁰⁵. Дата памятников завьяловского типа (как и памятников большереченского этапа в целом) укладывается, таким образом, в хронологические рамки гаманской культуры. Это очень важно, так как подтверждает высказанный выше тезис об одновременности продвижения лесных групп на территории, занятые ранее межовско-березовским и ирменским населением.

* * *

Подытоживая изложенный в предшествующих главах материал, необходимо подчеркнуть некоторые существенные моменты. Если обратиться к материалам наиболее изученной лесостепной и южнотаежной полосы Западной Сибири, то бросается в глаза следующее: в течение всего бронзового века мы видим здесь поочередное расширение ареала то одной, то другой орнаментальной (культурной) традиции — сначала гребенчатоямочной (переходное время от неолита к бронзовому веку), затем отступающе-накольчатой или самусьской (самусьско-сейминская эпоха), потом андроновидной (андроновская эпоха) и т. д., причем эти расширения носили «взрывной» экспансивный характер и распространялись на большую площадь, иногда во много раз превышающую ареал исходной культуры.

Предтаежное Ишимо-Иртышье и томско-чулымский регион являлись в эпоху бронзы, пожалуй, самыми нестабильными в этнокультурном отношении территориями. Это особенно видно на примере лесостепной части

¹⁰¹ Троицкая Т. Н., 1970, рис. 4, м.

¹⁰² Грязнов М. П., 1956а, табл. VIII, IX, XI, XV—XVIII.

¹⁰³ Троицкая Т. Н., 1970, с. 150—151.

¹⁰⁴ Грязнов М. П., 1956а, с. 46—57.

¹⁰⁵ Комарова М. Н., 1952, с. 44, 46; Грязнов М. П., 1956а, с. 67—72; Троицкая Т. Н., 1970, с. 160.

Среднего Прииртышья. На рубеже неолита и бронзового века здесь жили носители гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. В самусьско-сейминскую эпоху южная граница гребенчато-ямочного ареала сдвинулась к северу, и лесостепное Прииртышье заняло население, родственное самусьскому; оно принесло своеобразно орнаментированную керамику и специфические типы бронзовых изделий. Позже сюда пришло андроновское население, с другой керамикой, с иной манерой орнаментации, с другими типами бронзового инвентаря. На поздних этапах бронзы здесь появляются носители карасукской культурной традиции. И, наконец, в переходное время от бронзового века к железному в лесостепное Прииртышье проникают многие элементы северных таежных культур. Сходная последовательность культурных смен имела место в районе Томска, с тем отличием, что гребенчато-ямочная традиция сменила здесь самусьскую, тогда как в предтаежном Прииртышье мы видим обратную картину (рис. 1а, б; 77).

Если говорить о выделении культурно-хронологических пластов бронзового века Западной Сибири, то такие пласты четче всего вычлениаются для южнотаежного и предтаежного Обь-Иртышья. Здесь археологи фиксируют неоднократную смену культурных традиций без видимых следов генетической преемственности. В окраинных и глубинных районах Западной Сибири культуры развиваются более традиционно. Так, в районе Свердловска на протяжении почти всего бронзового века прослеживаются этапы одной (андроноидной) культурной традиции — аятский, коптяковский, черкаскульский, межовско-березовский. В Васюганье и в бассейне Ваха с ранних этапов бронзового века до эпохи железа тоже идет развитие в основном одной культурной традиции — гребенчато-ямочной, не осложненной существенными инокультурными воздействиями.

Таким образом, если рассматривать бронзовый век Западной Сибири в целом, то мы вправе говорить об одновременности существования нескольких культурных традиций; если же касаться отдельных ее регионов — Тюменского Притоболья, лесостепного Прииртышья, Томско-Чулымского Приобья, то здесь одна культурная традиция сменяется другой, другая — третьей и т. д., и они воспринимаются как одновременные, причем последовательность культурных напластований на одновременных памятниках соседних микрорайонов могла быть не вполне одинаковой. Это мешает археологам, работающим в разных местах Западной Сибири, понять друг друга и является причиной многих разногласий и разночтений.

Этнокультурная карта Западной Сибири в энеолите и бронзовом веке была чрезвычайно сложной, и в этой связи нельзя не коснуться вопроса о западносибирской «культурной общности», которая якобы существовала на исследуемой территории в неолите и бронзовом веке. Тезис о существовании такой общности был высказан еще в те времена, когда неолит и бронзовый век Западной Сибири были практически неизвестны (по существу еще со времен Кастрена). Тем не менее точка зрения о западносибирской общности эпохи бронзы стала общепринятой и несмотря на то, что археологические материалы никогда не свидетельствовали в пользу этого мнения, оно вот уже десятилетия повторяется в археологической литературе, на него ссылаются как на истину, не требующую доказа-

Нижнее Приобье		Среднее Прииртышье		Новосибирское Приобье		Томско-Чулымский регион		Северный Казахстан (стенное Прииртышье)	Даты
Свердловско-Тазовский регион	Тюменское Приобье	Тайга	Песостепь			Нижовья Томск	Нижовья Чулым		
Гамаянская культура	Межезовский (Зымаевский) этап	Памятники краснозёрского типа	Большелопатинский комплекс	Памятники завьяловского типа		Молчановская культура	Ранние сарматы	Иртышский (большелопатинский) этап	IV - III вв до н.э.
Черкаскульская культура	Комплексы Андроновского типа	Сузгунская культура	Среднеиртышский вариант иртышской культуры	Иртышская культура		Еловская культура	Черкаскульско-зымаевский этап	Амгелдинские (гибридные алакульско-федоровские) комплексы	III - II вв до н.э.
Коптяковский этап	Тюменский вариант самусьской общности	(комплексы с гребенчатой - ямочной керамикой)	Предсузгунский этап	Андроновская культурная общность		Самусьская культурная общность	Анакульский этап	Петровский этап	III - II вв до н.э.
Аятский этап	Памятники с ямочной керамикой	Одиноковский этап (памятники с гребенчатой - ямочной керамикой)	Кротовская культура	Иртышский этап		Новокузнецкий этап	Памятники степного типа	Памятники вишнево-ямочной керамики	II - I вв до н.э.
Сосновостровский этап	Липчинский и шапкульский комплексы	Гребенчатая - ямочная общность (бай-рынский этап: памятники типа бай-рык - Искра I, Артын, Венгерово 3 и др.)	Гребенчатая - ямочная общность (древнейший этап: памятники типа Какуй I, Бичили, Екатеринаинка, Козловка I и др.)	Завьяловский этап (памятники типа Завьялово 2, 8, Седова 2 и др.)		Завьяловский этап	Завьяловский этап	Завьяловский этап	I - II вв до н.э.

Рис. 77. Схема синхронизации древних культур и этапов Восточного Зауралья, Западной Сибири и Северного Казахстана

тельств. На фоне новых и новейших археологических исследований этот априорный тезис стал анахронизмом и дает неправильное направление научному поиску. Гораздо больше оснований говорить о западносибирской общности для переходного времени от бронзового века к железному и для эпохи железа, когда в таежном Обь-Иртышье шло активное смешение разных групп населения и происходила нивелировка разнокультурных признаков.

Глава VII ХОЗЯЙСТВО

Характер хозяйства и направление его развития на территории Западной Сибири в исследуемые исторические периоды во многом зависели от географического окружения и динамики природной среды. На севере таежной зоны, где ландшафтно-климатическая обстановка в течение всего рассматриваемого времени оставалась относительно стабильной, сохранялся традиционный охотничий и охотничье-рыболовческий уклад. В пограничье тайги и лесостепи, а также в лесостепной и степной зонах, где климат был не столь суров, а ландшафтно-климатическая нестабильность сказывалась сильнее, чем в глубинных таежных районах, с большей активностью, чем на севере, и с большим успехом шли поиски более рациональных и экологически оправданных форм хозяйства.

Степная зона и юг лесостепной полосы. В позднем неолите и в эпоху раннего металла на южной окраине Западно-Сибирской равнины происходил повсеместный переход к оседлости, что было облегчено, как нам кажется, повышением влажности климата в этот период и возрастанiem роли рыболовства. Поселения этого времени располагаются обычно у проточных озер (стоянки Шилово-Курьинская, Мелковская II в Кулундинской степи) либо при устье мелких речек и куреек (стоянки Усть-Нарым, Иман-Бурлук в Восточном Казахстане, Охотнинская в Среднем Притоболье и др.), т. е. в местах, которые в условиях повышенной обводненности рек и озер той эпохи были удобны для запорного и сетевого рыболовства.

Возрастание оседлости должно было благоприятствовать зарождению или заимствованию производящих форм хозяйства — скотоводства и земледелия. Кости домашних животных — крупного и мелкого рогатого скота и лошади — известны в комплексах афанасьевского времени Южной Сибири и на суртандинских энеолитических поселениях Южного Урала¹. С. С. Черников отмечает присутствие костей овцы или козы (возможно, домашних) в неолитическом слое Усть-Нарыма².

Прямых данных в пользу существования предандроновского земледелия в обь-иртышских степях пока нет, за исключением, пожалуй, 28 ору-

¹ Киселев С. В., 1949, с. 41; Матюшин Г. Н., 1971, с. 118. ² Черников С. С., 1970, с. 6.

дий на микропластинах из Усть-Нарыма, которые Г. Ф. Коробкова определила как вкладыши для серпов³. Вообще судить о наличии земледелия в древности по инвентарю очень трудно, так как собирательские и раннеземледельческие орудия практически невозможно дифференцировать. Следует учитывать также, что некоторые древние земледельческие орудия, например мотыги, могли не дойти до нас. В этой связи примечательно, что все мотыгообразные орудия из торфяников свердловско-тагильского региона сделаны из дерева и кости, хотя недостатка камня на Урале не было. Не исключено, что обработка почвы в то время вообще не производилась. Шорцы и челканцы, например, иногда сеяли ячмень без предварительной обработки земли при помощи мотыги⁴.

До начала бронзового века скотоводство и земледелие в обь-иртышских степях вряд ли имели большое значение и, скорее всего, являлись подспорьем к охоте и рыболовству. Возрастание их роли в степной и лесостепной зонах и превращение в ведущие отрасли хозяйства совпадают с периодом усыхания климата в середине и особенно второй половине II тысячелетия до н. э. Скотоводство и земледелие эпохи бронзы, судя по приуроченности южносибирских поселений этого времени к широким речным поймам, базировалось в основном на пойменных угодьях. Интересно, что русское старожильческое крестьянство, жившее здесь 3 тыс. лет спустя после андроновцев, тоже стремилось использовать под пашни прежде всего пойменные и низинные участки. Здесь посевам не грозила гибель от недостатка влаги и суховеев, от нашествия кобылки, от выдувания семян ветром и от песчаных заносов. Кроме того, поймы, в отличие от грав, отличались более устойчивым плодородием почв⁵.

Мысль о том, что переход к производящей экономике был стимулирован усыханием климата, высказывал в свое время Г. Чайлд. По его мнению, усиленная концентрация населения в немногих удобных местах по берегам рек и маловодных ручьев повлекла за собой интенсивный поиск средств питания и привела к появлению скотоводства и земледелия⁶. Точка зрения Г. Чайлда, призванная объяснить условия зарождения производящего хозяйства в начале голоцена (для Передней Азии), как-будто не вполне подтверждается палеоклиматическими данными и имеет много противников⁷.

Независимо от того, как решится спор о ландшафтно-климатической ситуации в том или ином конкретном районе в период перехода к производящей экономике, гипотезу Чайлда нельзя сбрасывать со счета; она очень логична в своем построении и чрезвычайно интересна с экологической точки зрения. Во всяком случае, нам кажется, что тезис Чайлда об усыхании климата, как стимуле возникновения производящего хозяйства, справедлив применительно к Западной Сибири, хотя этот переход произошел там на несколько тысячелетий позже и не был копией переднеазиатского варианта.

³ Там же, с. 8.

⁴ *Потопов Л. П.*, 1952, с. 180.

⁵ См., например: Извлечения из дневников членов Красноуфимского от-

ряда. — ЕТГМ, 1895—1896, вып. V; *Гордягин А.*, 1897.

⁶ *Childe V. G.*, 1951, p. 23—25.

⁷ Историографию вопроса см.: *Шнирельман В. А.*, 1973.

Сказанное выше не означает, что основной причиной перехода степного об-иртышского населения к пастушеско-земледельческому хозяйству было усыхание степей. Изменения климата в сторону усиления сухости имели место и в предшествующие периоды, однако они не привели к смене охотничье-рыболовческого хозяйства скотоводческо-земледельческим. Успех этого шага был подготовлен развитием производительных сил. Переход к пастушеско-земледельческому хозяйству на юге Западно-Сибирской равнины шел в общем параллельно с развитием медной, а затем бронзовой металлургии, с радикальным качественным переоснащением производственного инвентаря. В условиях усыхания степей традиционные охотничье-рыболовческие промыслы оказались менее рациональными, чем находившиеся в стадии зарождения скотоводство и земледелие. Вслед за этим степное население вынуждено было покинуть мелкие речки и пересыхающие озера и переселиться в места, богатые пойменными угодьями, где можно было успешно заниматься скотоводством и земледелием.

М. П. Грязнов считает, что кости диких животных на поселениях андроновской эпохи Южной Сибири и Казахстана составляют не более 1—2% от общего количества костей⁸. В состав домашнего стада входили крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот и лошадь. Почти очевидно, что должны были иметь место какие-то хронологические тенденции в изменении состава стада, особенно в процессе перехода к полукочевому и кочевому скотоводству, но они на рассматриваемой территории пока слабо улавливаются. По данным, накопленным для Среднего Притоболья, изменение состава стада от развитого бронзового века к эпохе поздней бронзы шло в направлении повышения процента лошади и сокращения доли крупного рогатого скота, что, по справедливому мнению Т. М. Потемкиной, было вызвано увеличением населения и необходимостью расширения кормовой базы для все росшего стада, за счет, видимо, освоения открытых степных пространств, лежавших вне пойм⁹. Лошадь более любого другого домашнего копытного животного, способна добывать корм из-под снега и рассчитывать зимние пастбища для других видов домашнего скота, прежде всего овец и коз. Если на среднетобольских поселениях андроновской эпохи доля лошади, судя по остеологическим остаткам, составляла 8,7—12% (по числу особей), то на поселениях конца бронзового века этот процент возрос до 14,8—18 (а по количеству костей в 2,5—5 раз)¹⁰. Видимо, эта тенденция отражает повышение подвижности степного и лесостепного населения, что в значительной степени подготовило переход от пастушеско-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству.

М. П. Грязнов полагает, что в андроновскую эпоху преобладал крупный рогатый скот, в особенности на верхней Оби, где его было «во много раз больше, чем мелкого рогатого скота»¹¹. Тезис о преобладании крупного рогатого скота подкреплён статистикой остеологических остатков на поселениях андроновского времени Среднего Притоболья, где крупный рогатый скот составляет 37,7—55% (по числу особей), мелкий — 20,9—47%, лошадь — 8,7—12%¹². Однако мнение о повсеместном и значитель-

⁸ Грязнов М. П., 1957, с. 23.

⁹ Потемкина Т. М., 1976, с. 21—22.

¹⁰ Там же, с. 21.

¹¹ Грязнов М. П., 1957, с. 23.

¹² Потемкина Т. М., 1976, с. 21.

ном преобладании крупного рогатого скота у степного и лесостепного населения андроновской эпохи пока не подтверждается. На Черноозерском городище кости домашних животных распределяются так: крупный рогатый скот — 7 особей, мелкий рогатый скот — 8, лошадь — 3. На поселениях Мирный II, III, IV (Челябинская обл.) мы наблюдаем следующее соотношение (по числу особей): Мирный II — крупный рогатый скот — 8, мелкий рогатый скот — 33, лошадь — 3; Мирный IV — крупный рогатый скот — 37, мелкий рогатый скот — 54, лошадь — 4¹³. Скорее всего, в разных районах Зауралья и Западной Сибири, в зависимости от особенностей экологической среды, а также характера и направления экономических контактов состав стада был не совсем одинаковым.

Переходное время от бронзового века к железному совпадает с началом влажного климатического периода. В это время значительно повысился уровень воды в реках и озерах, что привело к сокращению пойменных угодий, удобных для скотоводства и земледелия. Североказахстанские археологи пришли к выводу, что с переходом к железному веку население, жившее на р. Ишим, покинуло свои поселения из-за начавшихся вдруг катастрофических наводнений¹⁴.

К. В. Сальников, а вслед за ним Г. Б. Зданович считают, что затопление речных долин затруднило пойменное скотоводство и земледелие, но зато увлажнение степей облегчило освоение в скотоводческом отношении открытых степных пространств. По их мнению, в этих условиях завершился переход от скотоводческо-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству¹⁵. На наш взгляд, упадок земледелия и отсюда потеря оседлости были вызваны также тем, что в связи с похолоданием сократился период, необходимый для вызревания культурных злаков, и увеличилась вероятность гибели посевов от поздних весенних и ранних летних заморозков.

Нам не хотелось бы, чтобы акцент на экологический фактор был воспринят как географический детерминизм. Мы не считаем, что изменение увлажненности климата могло явиться непосредственной причиной перехода от одной формы хозяйства к другой. Основной движущей силой таких экономических скачков было развитие производительных сил, которое на определенном этапе подвело людей к потенциальной готовности изменить характер экономики. Но эта потенциальная готовность могла оставаться в потенции до тех пор, пока окружающая среда не благоприятствовала такому переходу. Говоря о климатических изменениях на юге Западно-Сибирской равнины в рассматриваемое время, можно сказать, что они соответствовали производственным потребностям местного населения и способствовали успешному решению назревших экономических задач.

Сказанное выше не означает, что условия перехода от оседлого пастушеско-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству, отмеченное нами для северной степи и южной лесостепи, могут быть механически перенесены на все остальные районы кочевого скотоводства. В южных степях и полупустынях земледелие и оседлый быт в условиях прогрессирую-

¹³ Смирнов И. Г., 1975, табл. 1.

¹⁴ Зданович Г. Б., 1973.

¹⁵ Сальников К. В., 1967, с. 348, 350;
Зданович Г. Б., 1973, с. 42.

щего усыхания климата бронзового века вряд ли могли упрочиться на сколько-нибудь продолжительное время, и местное население должно было все более ориентироваться на преимущественно скотоводческий образ жизни. Вместе с тем скудная кормовая база южных степей и полупустынь не могла обеспечить существование скотоводства без регулярной смены пастбищных угодий. Г. Е. Марков считает, что в аридной полосе, вне зоны лесов и земледельческих оазисов, «сокращение кормовой базы (в результате усыхания климата. — М. К.) должно было способствовать подвижности скотоводов»¹⁶. Переход к кочевому скотоводству в пограничье степей и пустынь произошел, по Г. Е. Маркову, на рубеже II и I тысячелетий до н. э., т. е. на несколько веков раньше, чем в Северном Казахстане и на юге Западной Сибири, и в другой ландшафтно-климатической обстановке.

Таяжное Обь-Иртышье. Ландшафтно-климатические условия глубинных таяжных районов отличались большей стабильностью, чем на юге Западной Сибири. Природная среда здесь была менее подвержена воздействию климатических колебаний, и возможности для традиционных промыслов — охоты, рыболовства и собирательства — в течение исследуемого времени и последующих периодов оставались в общем одинаковыми. Однако применительно к западносибирской тайге зачастую свойственно переоценивать запасы ее естественного продукта. В отличие от соседних географических областей — Урала и тундры — эта территория лежала в стороне от наиболее активных путей сезонных миграций копытных животных, в связи с чем охотничий промысел на севере таяжной зоны никогда не был надежным занятием и не мог существовать без рыболовства.

Возможности для рыболовческого промысла в северных таяжных районах тоже были недостаточно благоприятны. Дело в том, что несмотря на чрезвычайную насыщенность западносибирской тайги озерами и водными артериями здесь было мало постоянных стабильных по производительности рыболовческих угодий. Реки таяжного Обь-Иртышья были подвержены периодическим катастрофическим заморам, губительность которых усугублялась тем, что местные реки собирали «мертвую» воду из огромнейших западносибирских болот, занимавших от 50 до 70% этой территории¹⁷. Озера западносибирской тайги несмотря на их многочисленность (в одной Тюменской обл. более 500 тыс. озер) были в подавляющем большинстве заморными и чаще всего располагались среди непроходимых болот и речных пойм. Эти обстоятельства во многом объясняют крайнюю бедность обь-иртышской тайги памятниками бронзового века.

Ко времени прихода русских плотность таяжных западносибирских аборигенов — хантов, манси, селькупов — составляла приблизительно 1 чел. на 30—40 кв. км. В условиях охотничьего и охотничье-рыболовческого быта даже усовершенствование промыслового инвентаря не могло привести к значительному увеличению численности людей. Отсюда — консервативность материальной культуры таяжных западносибирских аборигенов, неоднократно отмеченная археологами и этнографами. Эта консервативность была одним из условий существования первобытных

¹⁶ Марков Г. Е., 1973, с. 111.

¹⁷ Городков Б., 1913, с. 14.

людей в тайге, и нарушение этого условия могло привести к отрицательным последствиям.

Есть основания предполагать, что в своем стремлении сделать хозяйство более надежным и производительным древнее охотничье-рыболовецкое население могло предпринимать попытки ввести в него какие-то производящие отрасли. Об этом можно судить по этнографическим свидетельствам. Селькупы иногда держали в чуме диких утят и гусят, которые настолько привыкали к людям, что, будучи выпущены на свободу, на ночь возвращались домой. Осенью, когда выпадал первый снег, их убивали на мясо¹⁸. Иртышские ханты специально выжигали хвойные леса, чтобы увеличить площади молодых осинников, которые были излюбленными пастбищами лосей¹⁹. Интересен отмеченный на Конде обычай выжигания хвойных участков тайги для повышения урожайности брусничников²⁰. Но эти эпизодические меры, имевшие целью повысить объем естественного продукта и как-то ослабить зависимость человека от природы, не могли в условиях таежной зоны получить дальнейшего развития и вылиться в производящие отрасли.

Совершенно очевидно, что в условиях изменившейся географической среды в сторону, благоприятствующую производящему хозяйству, местное охотничье-рыболовецкое население могло бы легко воспринять от южных соседей скотоводческие и земледельческие навыки. Это необходимо учитывать, оценивая производственные возможности ландшафтов прошлого. Последние исследования уже преподнесли нам в этом отношении ряд сюрпризов. Ю. Ф. Кирюшин нашел недавно на поселениях самусьско-сейминской эпохи Васюганья, в самом сердце гиблого Нарымского края, вместе с гребенчато-ямочной керамикой ранних типов значительное количество костей лошади. Почвенный и споропыльцевой анализ, взятый на поселении Тух-Эмтор IV, а также ксилотомическое исследование древней древесины показали, что в эпоху бронзы в Васюганье «господствовала темнохвойная тайга, в основном из ели, с большими открытыми луговыми участками с богатым травостоем; район был менее заболочен»²¹.

Нам представляется бесспорным, что наряду с охотой и рыболовством значительным подспорьем в хозяйстве таежного об-иртышского населения являлось собирательство, хотя прямых свидетельств в пользу этого занятия археологический материал пока не дает. Возможности для собирательства в западносибирской тайге поистине колоссальны. Годовой запас орехов только в одной Томской обл. равен около 175 тыс. тонн, что соответствует по калорийности молочной продукции от 650 тыс. коров²². Огромные западносибирские болота являются естественными питомниками различных дикорастущих ягод. На торфяниковых ягодниках с одного га снимают до 200 кг клюквы и до 700—800 кг морошки²³. Трудно допустить, что древнее западносибирское население проходило мимо этих

¹⁸ Народы Сибири. М.; Л., 1956, с. 669.

¹⁹ Шухов И., 1928, с. 102.

²⁰ Городков Б., 1910, с. 7.

²¹ Кирюшин Ю. Ф. Хронология памятников эпохи бронзы Васюганья (тезисы). Доклад прочитан на заседании

сектора неолита и бронзы Института археологии 12 мая 1975 г.

²² Абрамович Д. И., Крылов Г. В., Николаев В. А. и др., 1963, с. 195.

²³ Пьявченко Н. И., 1971, с. 67.

богатств, не используя их. У современных западносибирских аборигенов собирательство играет немаловажную роль. Так, ненцы и северные угры заготавливали на зиму голубицу, бруснику и особенно морошку²⁴. Ханты и манси употребляли в пищу чернику, черную смородину, бруснику, черемуху — в сухом виде или сырыми, смешивая с жиром²⁵; ваховские ханты часто использовали сушеные ягоды в качестве приправы к толченой рыбе — порсе²⁶. Селькупы заготавливали смородину и черемуху, которые употреблялись в свежем или сушеном виде²⁷, и пр.

Север лесостепи и юг таежной зоны Обь-Иртышья в самусьско-сейминскую эпоху. В последние годы много писали о Самусьском IV поселении. В. И. Матющенко и вслед за ним автор настоящей работы пришли к выводу об охотничье-рыболовческом характере хозяйства населения самусьской культуры в низовьях Томи и Чулыма, о чем свидетельствует большое число каменных наконечников стрел, скребков, грузил и «якорей»²⁸. Судя по немногим сохранившимся костным остаткам, найденным на Самусе IV, в числе охотничьей добычи самусьцев были лось, медведь, водоплавающая птица, а объектами рыбной ловли являлись, в частности, щука, осетр, муксун²⁹.

В одной из последних своих работ В. И. Матющенко высказал предположение, что люди, жившие на Самусьском IV поселении, могли быть знакомы со скотоводством и земледелием. Хотя он не приводит в пользу этого предположения никаких фактических данных, высказанная им мысль представляется правомерной: такая богатая и своеобразная культура, как самусьская, вряд ли могла вырасти на основе присваивающего хозяйства.

В этой связи обращает на себя внимание необычайно богатая соллярная орнаментация на сосудах Самуся IV, не характерная, как правило, для «чистых» охотничье-рыболовческих культур. Интересны находки на Самусьском IV поселении и в некоторых других пунктах самусьской культуры сапожковидных каменных терочников, рукоять которых оформлена в виде головы человека или фаллоса (рис. 37, 9, 10). В. И. Матющенко считает их свидетельством «культа плодородия» у самусьцев, что было, по его мнению, связано «с заботой охотника и рыболова о богатстве тайги и реки, об увеличении дичи и рыбы, а в конечном счете с промысловыми культами»³⁰. Из этого высказывания остается неясным, какова связь между фаллическими изображениями на пестях и терочниках с «заботой охотника и рыболова о богатстве тайги и реки». Совершенно очевидно, что если считать фаллические скульптуры на рукоятках пестов и терочников свидетельством культа плодородия, то речь, скорее, должна идти не о промысловом охотничье-рыболовческом культе, а о земледельческом.

Еще одним возможным свидетельством в пользу земледелия у самусьцев является, как нам кажется, большое количество обнаруженных на Самусе IV литейных форм кельтов. Относительно функционального на-

²⁴ Иславин В., 1847, с. 35; Хомич Л. В., 1966, с. 135, 138.

²⁵ Народы Сибири.

²⁶ Шагилов М. Б., 1931, с. 114.

²⁷ Шагилов М. Б., 1927, с. 165.

²⁸ Матющенко В. И., 1960б, с. 11; Косарев М. Ф., 1964, с. 6.

²⁹ Матющенко В. И., 1973б.

³⁰ Матющенко В. И., 1973б, с. 67—68.

значения турбинско-сейминских кельтов у специалистов нет единого мнения. Большинство исследователей считают, что они употреблялись для рубки дерева или в качестве тесел. Такую точку зрения высказывали, например, С. С. Черников и О. Н. Бадер³¹. Б. Г. Тихонов пришел к выводу, что кельты-топоры и кельты-тесла появились уже на поздних этапах бронзового века как результат функциональной дифференциации турбинско-сейминских кельтов³². Мне кажется, что турбинско-сейминские кельты, отличавшиеся в большинстве своем асимметричностью продольного сечения, не могли использоваться в качестве топоров, тем более что населению турбинско-сейминской эпохи были известны металлические вислообушные топоры. Они встречены в Турбинском и Сейминском могильниках, а литейная форма вислообушного топора найдена на Самусьском IV поселении³³. В равной мере турбинско-сейминские кельты (здесь имеются в виду прежде всего кельты с асимметричным продольным сечением) трудно считать теслами. Дело в том, что тесла как таковые были известны населению турбинско-сейминской эпохи и часто встречаются в комплексах этого времени³⁴. Они найдены, в частности, в Турбинском и Сейминском могильниках³⁵.

Мне представляется, что кельты турбинско-сейминских типов были какими-то чрезвычайно важными, скорее всего многофункциональными, орудиями, и их необычайная популярность у урало-западносибирского населения предтаежной и южнотаежной зон не может быть объяснена однозначной специализацией. По характеру насадки (поперечной, на колечатую рукоять) асимметричные турбинско-сейминские кельты напоминают одновременно и мотыгу, и шорский абыл, и обыкновенную тяпку, и тесло. Они были одинаково удобны для расчистки пашни от кустарников, для рыхления земли, для разрубания и выкорчевывания мелких древесных корней, выкапывания клубней съедобных растений, разрывания нор грызунов, обработки дерева и для многих других операций, связанных с повседневными бытовыми нуждами. Будь турбинско-сейминский кельт предназначен только для выполнения функции тесла, только для рубки дерева и т. д., у урало-западносибирского населения не было бы столь великой нужды в них, а бронзолитейщикам Самуся IV не было бы необходимости специализироваться почти исключительно на изготовлении кельтов. Многофункциональное назначение кельтов отмечено и для более поздних эпох. Так, кельты ананьинского типа в зависимости от способа крепления к рукояти могли использоваться как топоры, как мотыги и как тесла³⁶.

Прямых данных в пользу скотоводства у жителей Самусьского IV поселения пока нет. Правда, В. И. Матющенко сообщает о находке на Самусе IV бараньих альчиков, но их связь с комплексом самусьской культуры зафиксирована не вполне четко³⁷. Косвенным свидетельством в пользу скотоводства у самусьцев являются находки костей лошади

³¹ Черников С. С., 1960, с. 31; Бадер О. Н., 1970б, с. 106.

³² Тихонов Б. Г., 1960, с. 45.

³³ Бадер О. Н., 1964, рис. 69—71; 1970б, рис. 42; Матющенко В. И., 1973б, рис. 9, 1.

³⁴ Тихонов Б. Г., 1960, с. 66.

³⁵ Бадер О. Н., 1964, рис. 65; 66; 1970б, рис. 41.

³⁶ Патрушев В. С., 1971, с. 38—40.

³⁷ Матющенко В. И., 1973б, с. 68.

в слое самусьско-сейминской эпохи поселения Тух-Эмтор IV в Васюганье, расположенного на юго-севернее Самусьского IV поселения³⁸.

Но дело не только в прямых археологических данных. Еще в сравнительно недавние времена аборигенное население томской тайги могло существовать, лишь ведя многоотраслевое хозяйство, в котором сочетались присваивающие и производящие элементы. В этом отношении интересен образ жизни шорцев. Их хозяйство было сложным и многообразным — охота, земледелие, скотоводство, собирательство и металлургия, причем все эти отрасли играли почти одинаковую роль, в том числе собирательство и металлургия. Так, зиму переживали лишь те шорцы, которые запасали достаточное количество клубней кандыка. Кандыка иногда заготавливали так много, что часть его поступала к населению бассейна Абакана в обмен на консервированные молочные продукты³⁹. Еще большую роль в обменных операциях шорцев имели предметы кузнечного ремесла. Когда в 1641 г. русские власти предложили шорцам, чтобы они «куяков и шапок железных и копий и никакой ратной сбруи и черным и белым калмыкам не продавали и на лошади и скотину не меняли», шорцы бассейна Мрассу заявили, что прекратить обменные операции не могут, так как кузнечный промысел — один из основных источников их существования⁴⁰.

Этот факт очень любопытен. Он наводит на предположение, что предки шорцев в прошлом предпочитали не разводить домашний скот, в частности лошадей и коров, а выменивали его у соседей-скотоводов на металлические изделия — уже во взрослом состоянии. Это избавляло их от забот, касающихся зимовки молодняка, и многих других неудобств, связанных с выращиванием домашнего скота в суровых условиях бассейна Томи. Покупка скота, видимо, не была особенно обременительной для шорцев, так как сводилась в основном к обмену на предметы из металла, а шорцы, как известно, славились на всю Сибирь как искуснейшие кузнецы. Русские называли бассейн Томи Кузнечной Землей, а шорцев — кузнечными людьми. Поневоле напрашивается аналогия — опять-таки с Самусем IV. Не исключено, что значительная часть отливавшихся на Самусьском IV поселении металлических изделий предназначалась для обмена на скот у скотоводческо-земледельческих групп более южных областей. Если это так, то роль скотоводства у населения самусьской культуры Томско-Нарымского Приобья во многом зависела от интенсивности их бронзовой металлургии. Учитывая своеобразие экологических условий бассейна Томи и относительную стабильность географического окружения этого района, можно предполагать, что те факторы природной среды, которые обусловили комплексный характер хозяйства шорцев, могли действовать и в самусьское время.

В последние годы богатые остеологические материалы получены на поселениях среднеиртышского варианта самусьской культурной общности, локализовавшегося на северной окраине лесостепи. Они показывают, что у родственных самусьцам групп, проживавших в предтаежном Прииртышье, скотоводство в хозяйстве играло очень важную, если не ве-

³⁸ Раскопки Ю. Ф. Кирюшина, 1973—1974 гг.

³⁹ Народы Сибири, с. 504.

⁴⁰ Там же, с. 497.

душую роль. Так, на поселении Черноозерье VI из почти 6 тыс. определенных остеологами костей кости домашних животных составляли более 97%, а по числу особей — более 90%: овца — 163 особи, лошадь — 29 особей, крупный рогатый скот — всего лишь 7 особей. Преобладание овцы в стаде при незначительной доле крупного рогатого скота отмечено и для других поселений самусьско-сейминской эпохи предтаежного Прииртышья — Черноозерья III, IV⁴¹. Столь высокий процент овцы в стаде при необычно малой доле крупного рогатого скота пока не совсем понятен. Скорее всего, разгадка этого явления будет зависеть от выяснения экологической специфики Среднего Прииртышья в то время. Интересно, что соотношение разных видов домашнего скота в стаде у среднеиртышского населения самусьско-сейминской эпохи распределяется почти в обратной пропорции по сравнению со стадом у более позднего населения еловской и ирменской культур, где первое место неизменно принадлежало крупному рогатому скоту.

В числе охотничьей добычи населения среднеиртышского варианта самусьской культурной общности, судя по костным остаткам на поселении Черноозерье VI, на первом месте стоят медведь и лисица (по пять особей), далее — лось (три особи), затем заяц (две особи) и т. д.⁴²

Нижнее Притоболье в эпоху раннего металла. Нижнее Притоболье — очень своеобразный район на юге таежной зоны, включающий северные притоки Тобола — Туру, Иску, Тавду, отчасти Исеть. Здесь очень много проточных и полупроточных боровых озер, идеально приспособленных для сетевого и запорного рыболовства. Основные притоки Тобола — Исеть, Тавда, Тура, обеспечивающие проточность этих озер и связывающие их с системой Тобола, берут начало на Урале. Воды этих рек круглый год богаты кислородом, что ослабляет губительность зимних заморов, которые очень сильны на большинстве таежных рек и озер обского бассейна.

Эти благоприятные обстоятельства с древнейших времен привлекали сюда массы людей и способствовали густому заселению этого района. О необычайной плотности древних озерных поселений Нижнего Притоболья писалось неоднократно. В. Н. Чернецов обращал внимание на это в связи с большим количеством древних памятников у Андреевского озера близ Тюмени. Сейчас у Андреевского озера известно не менее сотни поселений неолита и раннего металла. В 1971—1973 гг. Западно-сибирская экспедиция вела работы на трех небольших, расположенных рядом друг с другом, озерах бассейна р. Иски, приблизительно в 50 км севернее Тюмени. Здесь на сравнительно небольшом участке было открыто и частично исследовано более 50 поселений эпохи раннего металла — намного больше, чем известно сейчас на всей остальной территории таежного Обь-Иртышья, лежащей за пределами Нижнего Притоболья. А таких озер в Нижнем Притоболье — сотни.

Мне кажется, что оседлость и очень большая плотность населения в этих местах в то время были обусловлены прежде всего высокой рыболовецкой производительностью местных озер. Если рассматривать промысловый инвентарь озерных поселений конца неолита и эпохи раннего металла в тюменско-тобольской и свердловско-тагильской частях Ниж-

⁴¹ Смирнов Н. Г., 1975, с. 38.

⁴² Смирнов Н. Г., 1975, с. 38.

него Притоболья (для свердловско-тагильской части я беру лишь торфяниковые стоянки, где хорошо сохранились предметы из дерева и кости), то обращает на себя внимание преобладание рыболовецкого инвентаря и сравнительно небольшой удельный вес охотничьих орудий. Так, глиняные грузила для сетей на Андреевской II стоянке составляют 78% от общего количества найденных предметов⁴³. В нижнем слое VI разреза Горбуновского торфяника среди определимых орудий рыболовецкие составляют около 82%⁴⁴.

Древнее нижнетобольское население знало и активно использовало все известные в западносибирской этнографии способы ловли рыбы: охоту при помощи стрел, гарпунов и острог, ловлю крючковой снастью, добычу сетями и ловушками типа вентерей (рис. 78; 79)⁴⁵. Видимо, широко применялось запорное рыболовство. Правда, остатков запорных сооружений в Нижнем Притоболье пока не найдено, но само расположение поселений в местах, удобных для запорного рыболовства, — у озерных протоков, истоков или при устье впадающих в озеро речек — с несомненностью говорит об их существовании. В. Н. Чернецов считает возможным трактовать как изображения рыболовецких запоров некоторые древние наскальные рисунки Восточного Урала и отдельные виды орнаментов на энеолитической посуде Нижнего Притоболья⁴⁶.

Однако было бы неправильным считать, что древнее население Нижнего Притоболья могло жить только за счет рыболовства. В летнее время наряду с рыбной ловлей большое значение имела охота на водоплавающую дичь, особенно в период линьки. Сцены такой охоты известны на древних наскальных рисунках Урала и подробно рассмотрены В. Н. Чернецовым⁴⁷. О большой значимости охоты на водоплавающую дичь говорят находки деревянного бумеранга в Горбуново⁴⁸, а также изображение этих орудий на одной из древних наскальных композиций Урала в связи со сценой охоты на линную дичь⁴⁹.

В зимнее время в связи с невозможностью активно использовать наиболее эффективные рыболовецкие средства — сети, ловушки типа котцов и вентерей, запорные сооружения и др. — рыболовство отодвигалось на задний план и первой по значимости отраслью хозяйства становилась охота на лесных копытных животных. На поселениях бассейна Иски в Тюменском Притоболье, где найден почти исключительно рыболовецкий инвентарь (Ипкуль IX, Шапкуль VI и др.), не обнаружено следов жилищ, так как они, видимо, были обитаемы в летний период, тогда как те поселения, где имелись зимние жилища земляночного и полуземляночного типов (Ипкуль I, Байрык ID и др.), дали преимущественно охотничьи орудия — каменные наконечники стрел, скребки и т. д., и это позволяет считать, что зима была временем главным образом охотничьих промыслов.

Зимой, когда сибирские реки и озера покрывались мощным слоем льда, наиболее добычливым способом рыболовства становилась ловля

⁴³ Дмитриев П. А., 1951б, с. 19.

⁴⁴ Раушенбах В. М., 1956, с. 123.

⁴⁵ Раушенбах В. М., 1956, с. 115—118.

⁴⁶ Чернецов В. Н., 1971, рис. 50.

⁴⁷ Чернецов В. Н., 1971, цветная вклейка.

⁴⁸ Берс Е. М., 1951, рис. 2, 7; Раушенбах В. М., 1956, рис. 10, 9.

⁴⁹ Чернецов В. Н., 1971, цветная вклейка.

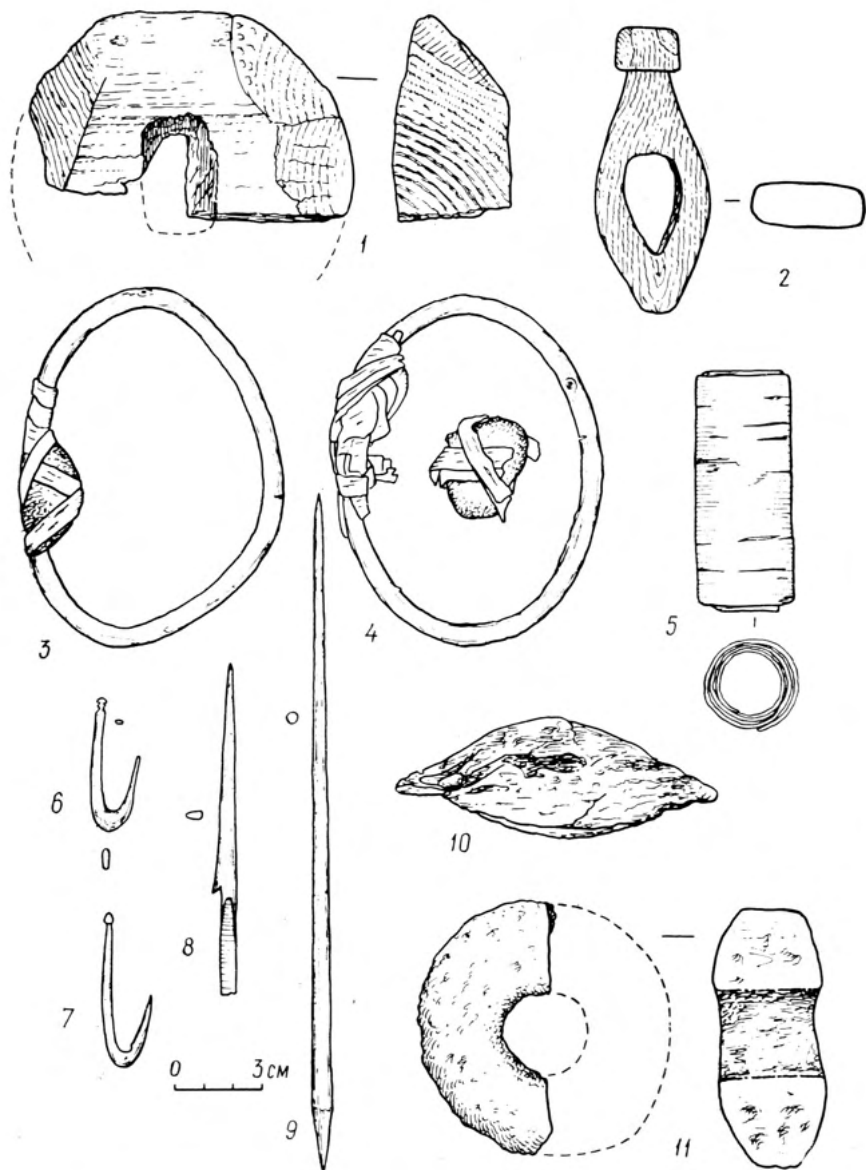

Рис. 78. Восточный Урал. Древние принадлежности рыболовческого промысла
 1—4, 6—9, 11 — Шигирский торфяник; 5, 10 — Горбуновский торфяник (VI разрез). 1, 2 — дерево;
 3, 4 — комбинированные орудия из дерева, бересты и камня; 5, 10 — береста; 6—9 — кость; 11 —
 камень

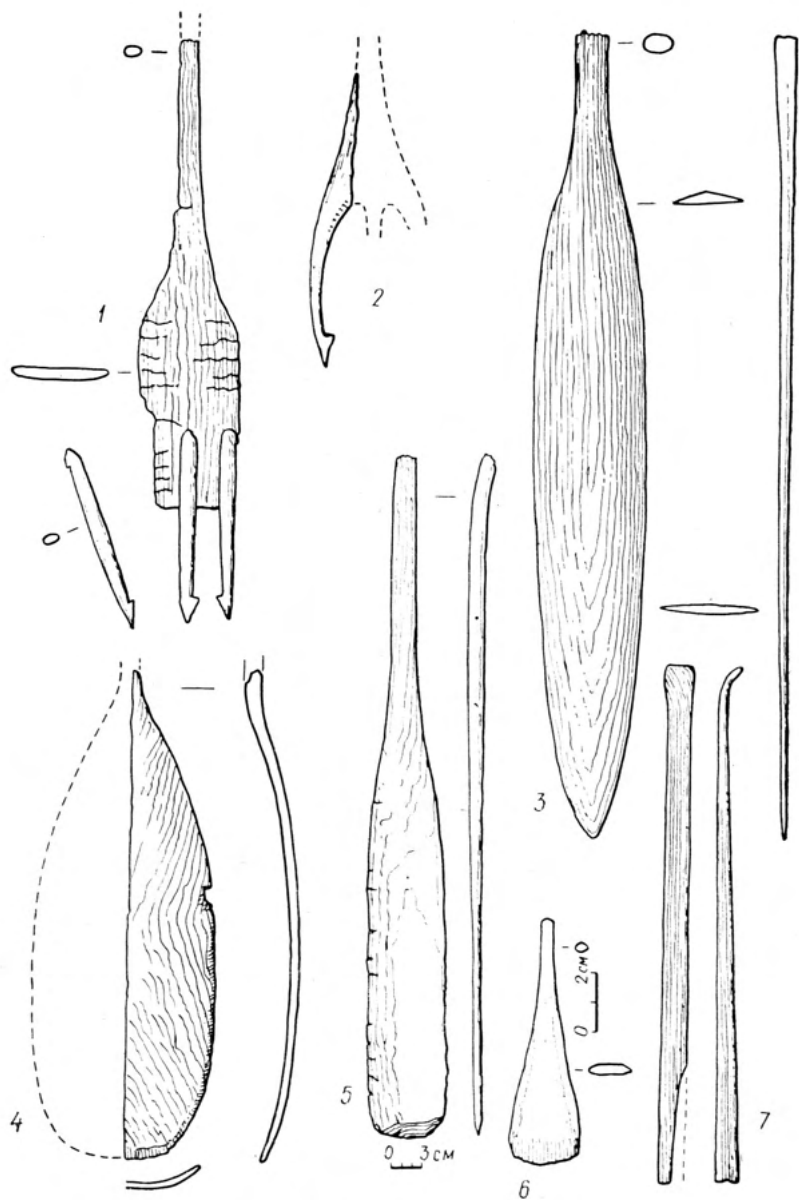

Рис. 79. Восточный Урал. Древние деревянные орудия, связанные с рыболовческим промыслом

1, 2 — Шигирский торфяник; 3—7 — Горбуновский торфяник (VI разрез)

крючковой снастью. По сообщению Л. П. Сабанеева, подледный лов был на восточноуральских озерах самым излюбленным видом добывания рыбы в зимнюю пору (с первого льда по декабрь и с февраля по март). Опытный рыбак ловил за световой день от двух до трех пудов окуней и ершей⁵⁰. Подледный лов крючковой снастью был популярен в Сибири повсеместно. Особенно богатые уловы были в период зимних заморозов, когда рыба скапливалась большими массами у «живунов», т. е. в местах, где бьют ключи с чистой «живой» водой⁵¹.

Нашему предположению о большой роли крючковой снасти в зимнем рыболовстве как будто противоречит малое количество рыболовных крючков, найденных в комплексах эпохи неолита и раннего металла, а также более поздних периодов. Скорее всего, это объясняется тем, что в древние времена широко использовались костяные и особенно деревянные крючки. Крючки из дерева в большом количестве встречены при раскопках древних Висских торфяниковых стоянок в Коми АССР⁵². Некоторые сибирские народности пользовались деревянными крючками до недавнего времени. Тувинцы, например, делали их из березовых и еловых сучков⁵³. Видимо, каменные стерженьки для составных крючков, найденные в Самусьском могильнике, могильнике на Мусульманском кладбище и в других пунктах эпохи раннего металла низовьев Томи и верхней Оби, предназначались в основном для деревянных крючков.

В. Н. Чернецов вслед за другими исследователями отметил, что та часть Нижнего Притоболья, которая непосредственно прилегает к Уральскому хребту, является территорией наиболее активных путей сезонных миграций лесных копытных животных, что создавало в прошлом благоприятные возможности для коллективной охоты путем загонов, «огородов», поколок и пр. Дело в том, что в Камском Приуралье мощность снежного покрова почти в два раза больше, чем в смежном свердловско-тагильском регионе. По данным биологов, лось способен добывать подножный корм из-под слоя снега не более 20 см, а сибирская косуля — не более 15 см. Поэтому с середины осени начинались массовые миграции лесных копытных, особенно косули, через Урал на восток, с глубоких снегов на мелкие, а весной — в обратную сторону. «Огороды», ловчие ямы, судя по этнографическим материалам, сооружались обычно в местах наиболее массового хода копытных; этот способ охоты был очень добычлив и позволял запастись мясом впрок. Сцены охоты при помощи «огородов» и других подобных сооружений богато представлены в древней наскальной живописи Урала⁵⁴.

Однако основное содержание хозяйственно-бытового уклада нижнетобольского населения эпохи раннего металла и прежде всего групп, живших в Тюменском Притоболье, определялось не охотой (тем более, что в результате случавшихся многоснежных зим и бескормиц поголовье лесных копытных могло год от года резко колебаться), а рыболовством — наиболее постоянным и стабильным по добычливости видом про-

⁵⁰ Сабанеев Л. П., 1874, с. 131 и сл.

⁵¹ Дукин-Горкавич А. А., 1897, с. 95.

⁵² Буров Г. М., 1968, с. 205.

⁵³ Народы Сибири, с. 435.

⁵⁴ Чернецов В. Н., 1971, с. 73.

мысла. В этом смысле население Тюменского Притоболья ранних этапов эпохи металла по его хозяйственно-бытовой специфике мы вправе квалифицировать как оседлых рыболовов⁵⁵.

Есть некоторые данные, позволяющие предполагать, что озерное население Нижнего Притоболья еще накануне бронзового века могло быть знакомо с зачатками земледелия и скотоводства. На торфяниковых стоянках свердловско-тагильской части озерного Притоболья найдено довольно много костяных и особенно деревянных мотыгообразных орудий, которые археологи относят к позднему неолиту, энеолиту и бронзовому веку и считают земледельческими⁵⁶.

Можно допускать и столь же раннее появление здесь зачатков скотоводства. Д. Н. Эдинг, характеризуя энеолитическую керамику стоянки Анин Остров, упоминает о находке в связи с ней костей лошади и коровы⁵⁷. В последние годы в юго-восточной Башкирии — озерном районе, близком в гидрографическом и культурном отношениях Нижнему Притоболью, Г. Н. Матюшин открыл энеолитические поселения суртандинского типа, где были найдены кости домашних животных — лошади, коровы и мелкого рогатого скота⁵⁸. В этом отношении весьма любопытны доказательные высказывания Л. Бинфорда, что поиски ранних форм производящей экономики должны быть направлены в те зоны, где археологически наблюдается крупный сдвиг в плотности населения и где имеются условия для оседлости. Он считает поэтому, что начальные этапы domestikации животных и культивации злаковых для тех или иных районов должны находиться по соседству с местами, занятыми относительно оседлыми рыболовами⁵⁹.

Археологи, занимавшиеся исследованием лесных нижнетобольских памятников свердловско-тагильского региона, — В. М. Раушенбах, Н. П. Кипарисова — пришли к заключению, что гидрография этих мест с переходом к бронзовому веку, особенно в андроновскую эпоху, изменилась в худшую сторону. Они приводят многочисленные примеры, свидетельствующие об обмелении в бронзовом веке озер лесного Зауралья, которое сопровождалось заболачиванием водоемов, сокращением их фауны и упадком рыболовства⁶⁰. Раскопки В. Ф. Генинга на оз. Мergen в ишимской лесостепи показали, что поселение андроновской эпохи Пахомовская Пристань I возникло на участке, который в неолите был дном озера⁶¹. Наши исследования в тюменской части Нижнего Притоболья выявили похожую картину. Усыхание климата в этот период привело к понижению уровня воды в реках и озерах, сокращению водного зеркала, заболачиванию проток, уменьшению количества рыбы. В этих условиях рыболовческая производительность нижнетобольских озер должна была резко снизиться.

В. М. Раушенбах приводит статистическую таблицу, в которой дано соотношение количества рыболовческих и охотничьих орудий в нижнем

⁵⁵ Косарев М. Ф., 1976, с. 39—40, 44.

⁵⁶ Дмитриев П. А., 1951а, с. 20—21; Раушенбах В. М., 1956, с. 125.

⁵⁷ Эдинг Д. Н., 1940, с. 30.

⁵⁸ Матюшин Г. Н., 1971, с. 118.

⁵⁹ Binford L., 1970, p. 332.

⁶⁰ Раушенбах В. М., 1956, с. 121; Кипарисова Н. П., 1960, с. 23—24.

⁶¹ Генинг В. Ф. Отчет об археологических исследованиях в Курганской обл. в 1962 г. — Архив ИА, № 2480, с. 155—157.

и среднем слоях VI разреза Горбуновского торфяника⁶². Эта цифровая схема хорошо показывает сокращение по мере перехода к бронзовому веку количества рыболовческих орудий и увеличение удельного веса инвентаря, связанного с охотой. Так, в нижнем слое VI разреза были найдены 2 наконечника стрелы, остатки 14 вершей, а в среднем слое — 35 наконечников и ни одной верши. Тенденция к снижению значения рыболовства и повышению роли охоты прослеживается и при сравнении других категорий орудий этого памятника — поплавков, грузил, скребков и т. д.⁶³

В связи с понижением уровня озер и заболачиванием проток строительство запоров в Нижнем Притоболье, видимо, стало нерациональным. Любопытно, что в сводке древних рыболовческих заграждений европейской части СССР, опубликованной Г. М. Буровым, все они датируются или неолитом, или железным веком; среди них не упомянуто ни одного, которое относилось бы к эпохе бронзы⁶⁴. Сокращение естественного продукта, вызванного упадком рыболовства, заставило нижнетобольское население искать новые хозяйственные возможности. Эти поиски должны были идти по пути развития тех отраслей, которые в условиях изменившейся географической среды являлись наиболее перспективными. В сложившейся обстановке население Нижнего Притоболья с готовностью воспринимает образ жизни начавших проникать сюда в это время андроновцев и родственных им групп, которые вели скотоводческо-земледельческое хозяйство и предпочитали селиться у широких речных пойм.

Северная лесостепь и юг таежной зоны во второй половине бронзового века. Мы уже говорили в одной из предыдущих глав, что около последней четверти II тысячелетия до н. э. на южной окраине западносибирской тайги и отчасти на севере лесостепи сформировался андроновидный круг культур, из которых наиболее известны в археологической литературе черкасульская, сузгунская и еловская. Андроновидное население Западной Сибири вело многоотраслевое хозяйство, сочетавшее присваивающие и производящие отрасли. Судя по костным остаткам Черкасульского II и Еловского поселений, разводились крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, лошадь и свинья. На Черкаскуле II состав домашнего стада по числу особей распределился следующим образом: крупный рогатый скот — 9 (37,5%), лошадь — 7 (29%), мелкий рогатый скот — 4 (16,7%), свинья — 2 (8,4%)⁶⁵. На Еловском поселении мы видим похожую картину: крупный рогатый скот — 41 особь (50,6%), мелкий рогатый скот — 22 (27,2%), лошадь — 11 (13,6%), свинья — 1 (1,2%), собака — 6 (7,4%)⁶⁶. При раскопках Сузгуна II остеологические остатки не встречены, но В. Н. Чернецов упоминает о находке там грубо вылепленной из глины головы лошади⁶⁷.

Данные о земледелии у андроновидных групп менее отчетливы. К. В. Сальников связывает с черкасульской культурой найденные на

⁶² Раушенбах В. М., 1956, с. 23—24.

⁶³ Там же, с. 24.

⁶⁴ Буров Г. М., 1974.

⁶⁵ Сальников К. В., 1967, с. 370; 2 особи (8,4%) принадлежат собаке.

⁶⁶ Матющенко В. И., 1974, с. 92.

⁶⁷ Чернецов В. Н., 1953а, с. 49.

Чесноковской Пашне и оз. Песчаном бронзовые крюкастые серпы срубного типа⁶⁸. Возможно, земледельческим орудием является тесловидная мотыга с несомкнутой втулкой со стоянки Калмацкий Брод (рис. 51, 10). Похожие бронзовые орудия Б. Г. Тихонов считает земледельческими и датирует их временем от XIV—XII вв. до н. э. до рубежа II и I тысячелетия до н. э.⁶⁹ Скорее всего, с земледелием следует связывать также форму для отливки серповидного орудия из Еловского поселения⁷⁰, обломки зернотерок из Десятова и литейную форму лопаты, найденную на Самусе IV (мы предполагаем, что она относится к еловскому комплексу Самусьского IV поселения)⁷¹. Сузгунские памятники, возможно из-за своей малочисленности и слабой исследованности, пока не дали свидетельств в пользу земледелия. Однако, если исходить из ландшафтно-географических особенностей Прииртышья, то не трудно убедиться, что условия для земледельческих занятий здесь были не хуже, а пожалуй, лучше, чем в Нижнем Приоболье и Томско-Нарымском Приобье. Не случайно в Среднем Прииртышье находятся сейчас самые северные в Сибири сельскохозяйственные районы, специализирующиеся на производстве зерна и молочных продуктов (например, Знаменский, Тевризский, Уватский районы). В Прииртышье отмечен самый северный пункт дорусского земледелия в Сибири. По сообщению атамана Брызги от 1582 г., татарские пашни были встречены им в 50 верстах севернее устья Тобола, т. е. на уровне 59 параллели⁷². И, наконец, в Прииртышье найдены самые северные в Сибири археологические остатки культурных злаков. При раскопке Потчевашских курганов эпохи железа на берегу Иртыша близ Тобольска А. И. Дмитриев-Мамонов обнаружил большое количество обугленных зерен, в основном ячменя⁷³. Если согласиться с К. В. Сальниковым и автором настоящей работы, что черкаскульцы и еловцы были знакомы с земледелием, то такое предположение в отношении сузгунского населения было бы не менее правомерным.

Большую роль в хозяйстве населения андронидных культур играла охота. На поселении Черкаскуль II кости диких животных составили по числу особей 46,5%, а на Еловском — около 33% (правда, на последнем кости были собраны в смешанном еловско-ирменском слое). Состав охотничьей добычи на Черкаскуле II и Еловке отражает экологические особенности Восточного Зауралья и низовьев Томи. На Черкаскульском II поселении первое место занимает косуля (13 особей), второе — лось (3 особи), остальные виды диких животных представлены единичными костями; на Еловском поселении на первом месте стоит бобр (18 особей), на втором — лось (14 особей), на третьем — соболь (2 особи). Преобладание косули в составе охотничьей добычи черкаскульцев, видимо, говорит о том, что здесь продолжала пользоваться популярностью охота на мигрирующих копытных (прежде всего косулю)⁷⁴.

⁶⁸ Сальников К. В., 1967, с. 368.

⁶⁹ Тихонов Б. Г., 1960, с. 54—55.

⁷⁰ Баранес А. П., Косарев А. Ф., Славнин В. Д., 1966, табл. 3, 9, 10.

⁷¹ Косарев М. Ф., 1966а.

⁷² Патканов С., 1891, с. 38.

⁷³ Флоринский В. М., 1894.

⁷⁴ Сальников К. В., 1967; Матющенко В. И., 1974.

На Еловском поселении наконечники стрел (главным образом костяные) достаточно многочисленны. Лось — основной объект охотничьего промысла еловцев — никогда не группируется в значительные по численности стада; поэтому коллективная охота на него, в частности загонная, вряд ли имела когда-либо существенное значение. Удивляет многочисленность (44% по числу особей среди диких животных) в культурном слое Еловского поселения костей бобра. Не исключено, что возрастание роли пушной охоты на поздних этапах бронзового века явилось следствием усиления спроса на пушнину со стороны степных соседей, а возможно, и более далеких южных народов. В предшествующих главах, характеризуя еловский и ирменский комплексы Еловского могильника, мы отмечали усиление южных связей (с Южным и Центральным Казахстаном) на основе присутствия в погребениях нескольких сосудов, сопоставимых с керамикой могильников Тары-тау, Каратау, Дандыбай.

О значительной роли рыболовства у андронидных групп говорят находки на южнотаяежных поселениях этого времени глиняных и каменных грузил (рис. 50), а также наличие в культурном слое поселений ихтиологических остатков. Л. П. Хлобыстин обнаружил в черкаскульском комплексе Липовой Курьи кости щуки, плотвы и окуни⁷⁵. Кости рыб, в том числе крупные рыбы позвонки, возможно принадлежащие осетровым, встречены нами при раскопках Чудской Горы. А. Н. Гундризер, изучивший ихтиологические остатки со дна жилищ Еловского поселения, пришел к выводу, что они принадлежат стерляди, осетру, нельме, щуке, плотве; собрано также много чешуи язя, золотистых карасей, окуней и др. А. Г. Гундризер обратил внимание на почти полное отсутствие в культурном слое Еловского поселения костей мелкочастиковых рыб. По его мнению, это объясняется применением крупнокрючковой снасти и ловушек типа котцов с большим просветом между дранками⁷⁶.

Видимо, удельный вес скотоводства и земледелия в хозяйстве был особенно высок на юге андронидного ареала. К. В. Сальников отметил больший процент костей диких животных (и соответственно меньший процент домашних) на Черкаскуле II по сравнению с андроновскими и южными черкаскульскими памятниками⁷⁷. Похожую закономерность мы наблюдаем и в пределах еловской культуры. Так, на Еловском поселении, где было вскрыто 850 кв. м, при очень большой насыщенности культурного слоя каменные наконечники стрел и скребки встречены в единичных экземплярах, тогда как на более северном Десятовском поселении (вскрытая площадь почти в 3 раза меньше) орудий этих категорий найдено несколько десятков. То же самое можно сказать о числе глиняных грузил. Интересно, что размеры жилищ на Еловском поселении (до 200 кв. м и более) в 5—10 раз превышают площадь более северных жилищ этого времени в Нарымском Приобье (например, на поселении Малгет). В. А. Посредников не без основания предполагает, что южные еловцы строили столь вместительные помещения

⁷⁵ Хлобыстин Л. П., 1968.

⁷⁶ Гундризер А. Н., 1966, с. 123.

⁷⁷ Сальников К. В., 1967, с. 368.

в связи с необходимостью зимнего содержания скота; на севере елового ареала, где скотоводство не играло существенной роли, а возможно, вообще отсутствовало, нужды в таких жилищах не было.

Повышение роли скотоводства и земледелия на юге западносибирской тайги в андроновскую эпоху, продвижение на север многих элементов южных культур были облегчены, как нам кажется, изменением ландшафтного облика южной окраины западносибирской тайги, а именно появлением здесь значительных остепненных участков. Однако вопрос о смещении ландшафтных границ в бронзовом веке до сих пор остается спорным. Противники этой точки зрения ссылаются, в частности, на наличие в культурном слое андроновидных и северных андроновских памятников костей медведя, соболя и других таежных животных, считая это аргументом в пользу стабильности южной границы тайги в андроновскую эпоху. Такой однозначный подход нельзя признать правильным. Внедрение (в процессе усыхания климата) в глубь таежной зоны степных и луговых участков совсем не обязательно должно сопровождаться фронтальным исчезновением таежных массивов. Скорее, наоборот, площадь лесов на юге западносибирской тайги могла значительно возрасти — прежде всего за счет частичного пересыхания огромных западносибирских болот.

В свое время известный западносибирский почвовед К. А. Кузнецов высказал мысль, что появление в прошлом открытых степных и луговых участков на юге таежной зоны происходило вследствие лесных пожаров⁷⁸. Это чрезвычайно интересное высказывание помогает понять характер и динамику остепнения южной части тайги в засушливые климатические периоды. Давно замечено, что в таежной зоне даже кратковременная летняя засуха приводит к увеличению количества лесных пожаров. Так, в засушливом 1915 г. в Сибири было уничтожено пожарами около 100 тыс. кв. км леса. Примером того, насколько катастрофичными могут быть пожары, вызываемые засухой, является печально знаменитое лето 1972 г. в лесной полосе европейской части СССР: несмотря на то что на борьбу с пожарами были брошены десятки тысяч людей, вооруженных современной техникой, огонь уничтожил большие площади леса. Почти очевидно, что если бы подобные засухи повторялись чаще, например через каждые 10—15 лет, то в течение 50—100 лет ландшафтный облик юга лесной зоны мог измениться самым существенным образом.

Для восстановления выгоревшего хвойного леса в южнотаежной полосе Сибири требуется около 90 лет, причем в процессе восстановления выгоревший участок проходит несколько растительных стадий, первая из которых в общем соответствует стадии лесостепи⁷⁹. Частое повторение лесных пожаров способствует тому, что гарь постоянно поддерживается на первой стадии восстановления леса, т. е. на стадии лесостепного ландшафта.

В засушливые климатические периоды летние засухи были чаще, чем теперь, а вероятность самовозгорания леса, число пожаров и их губительная сила — намного выше. Это подтверждается, например, наличием

⁷⁸ Кузнецов К. А., 1951, с. 69 и сл.

⁷⁹ Попов Л. В., 1967, с. 182, 194.

большого количества углей и зольных прослоек в пограничных горизонтах верховых болот⁸⁰. В условиях засушливого климата бронзового века многие гари при частых лесных пожарах могли превратиться в остепненные участки, удобные для скотоводства и земледелия. Интересно, что успешное ведение земледельческого и животноводческого хозяйства у русского старожильского населения таежной зоны Сибири до недавнего времени самым непосредственным образом зависело от наличия удобных «гарей», которые использовались под пашни и пастбища. Пашни у таежных сибирских чалдонов так и назывались — «гари».

Таким образом, исследуя экономику западносибирского населения андроновской эпохи, необходимо учитывать, что изменение ландшафтного облика южнотаежной полосы Западной Сибири в засушливые климатические периоды не сопровождалось исчезновением лесов (площадь лесных массивов, по всей вероятности, даже возросла), а происходило за счет сокращения болот, увеличения открытых луговых пространств и остепнения некоторых хорошо дренированных боровых участков тайги. Характер ландшафтов в то время в пределах андроновидного ареала был таков, что позволял с равным успехом охотиться на таежных животных, заниматься рыболовческим промыслом, а также скотоводством и земледелием.

В одной из своих работ В. А. Посредников выразил сомнение в правомерности моего вывода о возможности земледелия у еловцев. Но он, к сожалению, возвел сомнения на уровень аргументов. В частности, он не верит, что бронзовые лопаты еловско-применского времени использовались для обработки земли, полагая, что они могли быть орудиями собирательства или служить для выемки грунта⁸¹. Конечно, нельзя отрицать возможности многофункционального использования этих орудий. Но дело в том, что здесь, в бассейне Томи, у шорцев и северных алтайцев до недавнего времени орудием обработки земли являлся абыл — металлическая лопата с поперечной насадкой на коленчатую рукоять. Орудием собирательства у западносибирских народностей были не лопатки, а палки — заостренные или с металлическими наконечниками.

В. А. Посредников сомневается в том, что зернотерки, найденные в Десятове (вернее, обломки зернотерок), могли использоваться для растирания зерен культурных злаков⁸². Он считает, что они, скорее всего, являлись приспособлением для растирания сухой черемухи, обработки кедровых орехов или растирания охры. В принципе все это не исключено, но по этнографическим свидетельствам, сушеную черемуху, превращая в муку, толкли в ступе; для обработки орехов использовали деревянные орудия, а при растирании охры на камне оставались устойчивые, не смываемые временем следы, которых нет на еловских зернотерках. Насколько мне известно, западносибирские этнографы не зафиксировали случаев использования зернотерок для обработки продуктов собирательства. Зернотерки широко бытовали у шорцев и северных алтайцев, т. е. у народностей, в хозяйстве которых земледелие суще-

⁸⁰ Долгушин И. Ю., 1968, с. 71—74; Федорова Р. В., 1973, с. 42.

⁸¹ Посредников В. А., 1973б, с. 13, 14.

⁸² Посредников В. А., 1973б, с. 13—14.

ствовало наряду с собирательством, но они использовались прежде всего для растирания зерен культурных злаков.

В. А. Посредников подвергает сомнению мое высказывание о возможности использования в земледелии серповидного орудия⁸³, известного по одной из литейных форм Еловского поселения. Он считает, что это не серп, а секач, применявшийся для расчистки кустарников под пастбища для скота⁸⁴. Я не берусь судить, серп это или секач (тем более что литейная форма представлена фрагментами), но мне непонятна уверенность в том, что секачами расчищались кустарники только лишь под пастбища; К. В. Сальников, например, считал, что секачи распространились в лесостепном Зауралье с замараевского этапа в связи с дальнейшим прогрессом пойменного земледелия и служили для расчистки пойм под пашни⁸⁵.

В доказательство невозможности земледелия у еловцев В. А. Посредников приводит в пример ваховских остяков, которых, как он сообщает, не удалось приобщить к земледелию несмотря на усилия местных властей. Это очень неудачный пример. Андронидная еловская культура локализовалась намного южнее Ваха. Вах расположен далеко на севере, в районе 61-й параллели, где не только ханты, но и русские никогда не были склонны к обработке земли, так как на собственном опыте убедились, что в суровых условиях Сургутского Приобья земледелие вообще, а хлебопашество в особенности является ненадежным занятием.

Мне кажется, что при подходе к вопросу о возможности или невозможности земледелия у андронидных групп Западной Сибири нельзя не учитывать, что все западносибирские народности, которые ко времени прихода русских жили в пределах андронидного ареала, — тоболо-иртышские и томские татары, шорцы, северные алтайцы — вели комплексное хозяйство, где наряду со скотоводством, охотой и рыболовством было известно и земледелие. Такая многоотраслевая экономика должна была существовать именно в пограничье тайги и лесостепи, т. е. на территории, где, с одной стороны, имелись определенные возможности для скотоводства, земледелия и охотничье-рыболовческих занятий, а с другой стороны, отсутствие хотя бы одной из этих отраслей нарушило бы целостность хозяйственного организма, лишило бы его надежности и стабильности.

В ирменскую эпоху хозяйство населения, жившего на территории, занятой ранее андронидными группами, не претерпело существенных изменений. Оно продолжало оставаться многоотраслевым, основанным на скотоводстве, земледелии, охоте и рыболовстве, причем в лесостепной зоне роль охоты была минимальной. В приуральской части межовского ареала кости диких животных составили по числу особей: на Ахметово I — 16%, на Инзелге — 24%. В числе охотничьей добычи на Ахметово I фигурируют лось, лиса, заяц, волк. Поскольку каждый из них представлен лишь одной особью, трудно судить, какие животные являлись основным объектом охотничьего промысла.

⁸³ Баранес А. П., Косарев А. Ф., Славин В. Д., 1966, табл. 3, 9, 10.

⁸⁴ Посредников В. А., 1973б, с. 13.

⁸⁵ Сальников К. В., 1967, с. 348.

В пределах межевского (замараевского) ареала кости домашних животных найдены на поселениях Замараевское, Лужки, Ахметово I и др. В культурном слое поселения Лужки встречен обломок дна сосуда с пятью сквозными отверстиями, подобный найденному К. В. Сальниковым в Кипели. К. В. Сальников и В. С. Стоколос считают, что такие сосуды предназначались для отжимки творога⁸⁶. Состав домашнего стада у жителей поселения Ахметово I был следующим (по числу особей): крупный рогатый скот — 9 (34,6%), мелкий рогатый скот — 6 (23,1%), лошадь — 5 (19,2%), свинья — 4 (15,4%)⁸⁷. На Инзелге доля свиньи составляет 20%. Похожее соотношение разных видов домашнего скота отмечено для ирменского стада (по материалам поселения Ирмень I): крупный рогатый скот — 51,1%, мелкий рогатый скот — 27%, лошадь — 13,5%, свинья — 1,2%. В культурном слое Черноозерья VI («розовоский» вариант ирменской культуры) костные остатки по числу особей распределились следующим образом: лошадь — 6 (46,1%), мелкий рогатый скот — 4 (30,8%), крупный рогатый скот — 3 (23,1%). Однако в данном случае количество особей слишком невелико, чтобы считать, что оно может отражать истинное соотношение разных видов скота в стаде. На раскопанном неподалеку от Черноозерья VIII поселении Инберень IV, тоже относящемся к эпохе поздней бронзы, соотношение по числу особей получается иным: крупный рогатый скот — 4 (44,4%), лошадь — 3 (33,3%), мелкий рогатый скот — 2 (22,2%)⁸⁸. В целом же состав стада этого времени показывает количественное преобладание крупного рогатого скота в стаде и сравнительно небольшой удельный вес лошади. Малая численность лошадей, возможно, объясняется тем, что они использовались не столько как мясное животное, сколько как тягловое. Об этом говорят находки костяных псалий на Еловском и Ирменском поселениях (рис. 61, 23—26)⁸⁹. Они представляют собой дугообразно изогнутые стержни с тремя отверстиями, просверленными в одной или разных плоскостях.

В насыпях ирменских курганов Еловского II могильника собрано значительное количество костей лошади и коровы. Кости домашних животных найдены и в погребениях — в девяти могилах (из 59); в одном случае это были кости барана, в остальных восьми — кости лошади. В могильнике ирменской культуры на р. Ине (45 погребений) кости барана обнаружены в 13 случаях, быка — в восьми, лошади — в одном⁹⁰. Интересно, что если бы мы стали судить о количественном соотношении разных видов скота в ирменском стаде по могильникам, то был бы получен иной результат, чем по материалам поселений. Видимо, ритуальное значение домашних животных не всегда отражало их численность в стаде и реальную роль в хозяйстве.

Данные, которые могли бы говорить в пользу земледелия у населения юга урало-западносибирской территории в ирменскую эпоху, как всегда, спорны. По мнению К. В. Сальникова, о земледелии в лесо-

⁸⁶ Стоколос В. С., 1972, с. 57.

⁸⁷ Сальников К. В., 1967, с. 368; остальные 7,7% принадлежат собаке.

⁸⁸ Смирнов Н. Г., 1975, с. 39.

⁸⁹ Матющенко В. И., 1974, рис. 30, 7; 48, I, 2.

⁹⁰ Матющенко В. И., 1974, с. 93.

степном Зауралье на замараевском этапе свидетельствует распространение секачей, употребляющихся для «очистки под пашню участков пойм из-под кустарников»⁹¹. Возможно, свидетельством земледелия у межовских групп лесного Зауралья является находка В. С. Стоколосом на поселении Лужки трех каменных пестов⁹². О вероятности земледелия у ирменцев говорят находки каменных зернотерок (поселение Осинники, Ордынский могильник)⁹³, каменных пестов (поселение Чекист; рис. 60, 21), обломка серповидного орудия из Чертова городища⁹⁴ и др.

В лесостепной части Западной Сибири охота в ирменскую эпоху играла второстепенную роль. Кости диких животных на поселениях Черноозерье VIII, Инберень IV, Ирмень I и других исчисляются единичными находками⁹⁵. Севернее, в более облесенных районах, охота имела большее значение. В насыпях ирменских курганов Еловского II могильника найдены кости лося, утки и куропатки⁹⁶.

Некоторое место в хозяйстве межовского и ирменского населения занимало рыболовство. В. С. Стоколос сообщает о находке на поселении Лужки глиняных грузил; глиняное грузило встречено также на поселении Черноозерье VIII (рис. 67, 7), в Усть-Киргизке⁹⁷ и др. На некоторых ирменских и смешанных еловско-ирменских поселениях найдены костяные гарпуны (рис. 61, 19, 22)⁹⁸. Скорее всего, рыболовство у ирменцев, как и охота, являлось второстепенной отраслью хозяйства; само расселение ирменских групп — у широких пойм по берегам больших рек — говорит о том, что их привлекали не рыболовческие угодья, а прежде всего плодородные, не боящиеся засух пойменные земли, удобные для пастбищ и посевов.

В переходное время от бронзового века к железному хозяйство населения южнотаяжской и предтаяжской полосы Зауралья и Западной Сибири претерпело, видимо, существенные изменения, особенно на юге таяжской зоны. Можно предполагать некоторое возрастание значения охотничье-рыболовческих промыслов и уменьшение роли производящих отраслей. На эту мысль наводят, во-первых, данные о начавшемся в это время увлажнении и похолодании климата; во-вторых, таежная, молчановская и родственные им культуры имеют много северных лесных черт, к числу которых относится, в частности, широкое распространение фигурно-штамповой орнаментации.

Находки в таежных комплексах глиняных грузил для сетей (Голый Камень; рис. 71, 12; Палкинские стоянки и др.), каменных и костяных наконечников стрел (жертвенное место Еловое, Зотинские городища)⁹⁹ позволяют предполагать у зауральского населения наличие рыболовческого и охотничьего промыслов. Охотничье-рыболовческий инвентарь характерен и для памятников молчановской культуры таежного

⁹¹ Сальников К. В., 1967, с. 348.

⁹² Стоколос В. С., 1972, с. 57.

⁹³ Матющенко В. И., 1974, рис. 24, 5.

⁹⁴ Там же, с. 94.

⁹⁵ Смирнов Н. Г., 1975, с. 39; Грязнов М. П., 1956б.

⁹⁶ Матющенко В. И., 1974, с. 93.

⁹⁷ Стоколос В. С., 1972, с. 57; Матющенко В. И., 1974, рис. 13, 6.

⁹⁸ Матющенко В. И., 1974, рис. 17, 8, 11; 47, 16, 21.

⁹⁹ Берс Е. М., 1960, табл. II, с. 79; Борзунов В. А., 1977; 1978.

Причулымья и Нарымского Приобья (глиняные грузила, каменные скребки, наконечники стрел и пр.; рис. 72). На дне жилища, исследованного А. П. Дульзоном на городище Остяцкая Гора близ пос. Молчаново на Оби, найдено много рыбных костей, в том числе крупных осетровых рыб¹⁰⁰.

Материалы красноозерских памятников лесостепного Прииртышья свидетельствуют о понижении роли скотоводства в это время по сравнению с эпохой поздней бронзы и повышении роли охотничьего промысла. Так, костный материал поселения Инберень V принадлежал в основном диким животным¹⁰¹; встречены грузила и костяные наконечники стрел. Е. М. Берс и В. А. Борзунов сообщают о находках костей лошади на гамаюнских памятниках района Свердловска и на севере Челябинской обл.¹⁰² В культурном слое молчановских поселений кости домашних животных пока неизвестны. Однако, учитывая присутствие костей лошади в комплексах предшествующего (Тух-Эмтор IV) и последующего (кулайские памятники) времени, можно предполагать, что лошадь была известна и населению молчановской культуры. Весьма примечательно, что кости лошади встречены на древних поселениях Барсова Городка¹⁰³.

Мы считаем, что скотоводство на юге тайги после упадка андроновидных культур не исчезло, хотя роль его в хозяйстве, видимо, значительно уменьшилась, и оно приняло в основном коневодческое направление. Чем это было вызвано, судить трудно, однако, как показывают исследования В. Д. Викторовой и В. А. Могильникова, население южнотоежного Тоболо-Иртышья, жившее в X—XIII вв. н. э., в скотоводческом отношении продолжало оставаться в основном коневодами¹⁰⁴. Скорее всего, это можно объяснить способностью лошади добывать корм из-под снега, что делало необязательным ее стойловое содержание в зимнее время. В условиях многоснежных тоежных зим коневодство было единственной экологически оправданной формой скотоводства.

Возвращаясь к случаям находок костей лошади севернее 60-й параллели (в районе Сургута), следует отметить, что было бы, пожалуй, опрометчиво говорить о коневодстве у древнего населения Сургутского Приобья как сколько-нибудь значимой стороне хозяйства. По этнографическим материалам известно, что лошадь у манси и хантов была самым ценным и почитаемым жертвенным животным, особенно белая лошадь¹⁰⁵. Поэтому накануне особенно важных ритуальных церемоний манси и ханты из далеких северных районов снаряжали специальные экспедиции на юг, к русским и татарам, для закупки лошадей, предназначенных для жертвенного заклания. Возможно, этот ритуал уходит своим происхождением в глубокую древность, что необходимо учитывать при попытке объяснить присутствие костей лошади на древних памятниках столь северных территорий.

¹⁰⁰ Дульзон А. П., 1966, с. 57.

¹⁰¹ Стефанов В. И., 1977.

¹⁰² Берс Е. М., 1960, с. 85—86; Борзунов В. А., 1978.

¹⁰³ Елькина М. В., 1976.

¹⁰⁴ Викторова В. Д., 1968б; Могильников В. А., 1968а, с. 289.

¹⁰⁵ Носилов К. Д., 1904, с. 53; Шагилов М. Б., 1931, с. 103—104.

Иное соотношение производящих и присваивающих отраслей мы видим в это время в хозяйстве населения верхневьев Оби, известного по памятникам завьяловского (большереченского) типа. Хотя здесь тоже отмечается усиление лесных элементов культуры и повышение удельного веса охотничье-рыболовческих промыслов, хозяйство местного населения в целом сохраняет традиции, доставшиеся в наследство от живших здесь ранее андроновских и ирменских групп. М. П. Грязнов убедительно показал, что население Верхнего Приобья на большереченском этапе (VII—VI вв. до н. э.) вело оседлое скотоводческо-земледельческое хозяйство, приуроченное к пойменным угодьям¹⁰⁶. Разводился крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот и лошадь. Однако о количественном соотношении разных видов скота в стаде судить трудно, так как костные остатки в жилищах (широкие раскопки велись на поселении Ближние Елбаны I) являются не кухонными отбросами, а представлены лишь некоторыми видами костей, которые использовались для поделок. О земледелии в Верхнем Приобье в это время говорит, по мнению М. П. Грязнова, присутствие в четырех из пяти исследованных жилищ поселения Ближние Елбаны I каменных зернотерок¹⁰⁷.

Существенным подспорьем в хозяйстве населения Верхнего Приобья на большереченском этапе были охота и рыболовство. В жилищах этого периода, исследованных М. П. Грязновым на поселении Ближние Елбаны I, обнаружены кости и чешуя рыб, кости медведя, зайца, бобра, соболя, изделия из зубов и рогов марала, лося и косули¹⁰⁸.

Глава VIII

НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Реконструкция древнего общественного устройства — одна из сложнейших тем археологического исследования. Дело не только в специфике археологического материала Западной Сибири, дающего чрезвычайно скудную социальную информацию, но и в трудности выбора правомерных критериев при использовании этнографических параллелей. Археологические данные, которые мы традиционно используем для реконструкции отдельных сторон социальной жизни древнего западносибирского населения, не дают, как правило, оснований для их однозначной интерпретации. Это до сих пор является причиной многих разногласий и разночтений в археологической среде.

Тем не менее для западносибирских археологов наиболее перспективным методом реконструкции древней социальной организации продолжают оставаться археолого-этнографические сопоставления. Этот метод особенно рационален применительно к таежной зоне Западной Сибири,

¹⁰⁶ Грязнов М. П., 1956а, с. 73—74.

¹⁰⁷ Там же, с. 74.

¹⁰⁸ Там же, с. 74—75.

где экономика и культурные традиции были очень консервативными. Мы уже обращали внимание на то, что костяные наконечники стрел Западной Сибири с бронзового века до позднего средневековья не претерпели серьезных изменений. То же самое относится и к рыболовческим орудиям. Так, различные типы древних грузил, поплавков и рыболовных крючков, обнаруженные на Шигирском и Горбуновском торфяниках (рис. 78), фактически неотличимы от одноименных категорий рыболовческого инвентаря, известного по западносибирским этнографическим материалам. Подобная же консервативность отмечается и в других сторонах хозяйства и быта западносибирских аборигенов — в типах жилищ, в размерах поселений и даже в их топографическом местоположении. Экологически оправданная консервативность хозяйства и быта должна была неизбежно повлечь за собой известную консервативность общественного устройства, и в этом отношении ретроспективный метод исследования древней социальной организации на территории Западной Сибири рационален и перспективен. Тем не менее, осознавая чрезвычайную сложность и ответственность этой проблемы, мы в нижеследующем очерке не берем на себя смелость предложить какой-либо определенный вариант социальной схемы, а всего лишь пытаемся наметить пути поисков критериев и возможностей социальной реконструкции древнего общества применительно к Западной Сибири.

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Наиболее быстрые темпы социально-экономического развития прослеживаются в тех районах, где отрицательные и положительные элементы природной среды как бы уравнивают друг друга. Отрицательные факторы стимулировали активный поиск новых социально-экономических возможностей, положительные — способствовали успеху этих поисков. Так, в степной зоне условия для охоты, рыболовства и собирательства в целом были неблагоприятны, и это заставило степное население искать более рациональные формы хозяйства. Степь в соответствии с ее экологическими особенностями дала людям возможность перейти на определенном этапе к скотоводческо-земледельческому хозяйству. Этот переход явился тем хронологическим рубежом, с которого обозначилось социально-экономическое отставание населения таяжных районов Западной Сибири от степных.

Среди таяжных районов Западной Сибири, социальное развитие которых шло замедленными темпами, исключением было, видимо, Нижнее Притоболье, где, как отмечалось выше, имелись идеальные условия для запорного и сетевого рыболовства. Можно предполагать, что жившее здесь в эпоху раннего металла оседлое рыболовческое и рыболовческо-охотничье население стояло на более высокой ступени общественного развития, чем охотничьи и охотничье-рыболовческие группы, населявшие остальную часть зауральской и западносибирской тайги. При необыкновенно высокой плотности населения в районе нижнетобольских озер должны были обязательно возникнуть какие-то авторитетные общественные органы, обязанностью которых было регулировать отношения между жителями соседних поселений, наблюдать за правилами пользования ры-

боловческими угодьями, руководить строительством и ремонтом запорных сооружений, устанавливать места и сроки функционирования запоров, тем более что от этого нередко зависела рыболовческая производительность соседних проточных озер и т. д.

Одной из основных функций органов местной общественной власти в разных местах Нижнего Притоболья в предандроновский период была забота о поддержании проточности озер и руководство работами по расчистке проток. Любопытно, что тобольские татары, в хозяйстве которых рыболовство играет немаловажную роль, до недавнего времени проводили в этом отношении поистине титаническую работу. Они не только регулярно расчищали озерные протоки, но с целью повышения производительности местных рыболовческих угодий копали многокилометровые каналы, соединявшие непроточные озера с проточными, т. е. создавали искусственные протоки. Остатки таких старых «перекопов» мне приходилось встречать, например, в бассейне р. Иски Нижне-Тавдинского района Тюменской обл.

Несмотря на казалось бы абсолютное несходство оседлорыболовческого и примитивноземледельческого укладов, между ними наблюдается много общего. Так, если у населения с производящей экономикой оседлость обеспечивается земледелием, то у первобытных народов с присваивающим типом хозяйства оседлость всегда связана с рыболовством. Утрата рыболовства у охотничье-рыболовческих групп и земледелия у скотоводческо-земледельческих неизбежно приводит к утрате оседлости. И оседлое рыболовство, и примитивное земледелие требуют очень значительной затраты труда на малую площадь угодий. И оседлое рыболовство, и земледелие позволяют получать сравнительно обильный пищевой продукт с малой площади угодий. И, наконец, очень интересен отмеченный этнографами факт, что матрилинейный род характерен прежде всего для примитивных земледельцев и оседлых рыболовов. Исследователи считают, что оседлый рыболовческий быт «дает возможность достигать уровня культуры высокой сложности, который в иных условиях может быть достигнут лишь при интенсивном земледелии». В подтверждение этой мысли Д. П. Мэрдок приводит пример с оседлыми рыболовами Южной Флориды, «разработавшими политическую систему типа государства», а также называет группы оседлых рыболовов бассейнов Нигера и Конго, культура которых «не уступала по сложности культурам соседей земледельцев»¹. Все это дает основание предполагать, что у оседлых рыболовов Нижнего Притоболья в эпоху раннего металла могла существовать достаточно развитая социальная структура, возможно на уровне южных примитивноземледельческих групп.

Насколько позволяют судить археологические материалы, население таежной окраины Западной Сибири в андроновскую эпоху — черкаскульцы, еловцы и другие андроновские группы, сочетавшие в хозяйстве скотоводческо-земледельческие занятия с охотничье-рыболовческими промыслами, — в культурном отношении стояло не ниже своих степных соседей — андроновцев. Видимо, то же самое можно предполагать и в отношении уровня общественного развития. Такое предположение выска-

¹ Murdock G. P., 1968, p. 15.

зывал, например, К. В. Сальников, касаясь вопроса о социальной организации черкаскульского населения². К подобному же мнению, с некоторыми оговорками, склоняется В. И. Матющенко, анализируя общественное устройство еловцев³. Думается, они правы, во всяком случае в отношении южных андронидных групп, образ жизни которых был особенно близок андроновскому: у тех и других мы видим оседлость, сходные по форме и размерам жилища, большую или значительную роль скотоводческо-земледельческих занятий, тяготение поселений к широким речным поймам, сходство ряда элементов материальной культуры и т. д. Видимо, в северной части андронидного массива, где основную роль в хозяйстве играли охотничье-рыболовческие промыслы, следует ожидать понижения плотности населения и приближения характера социальной организации к уровню общественного устройства северных таяжных аборигенов.

На севере Западной Сибири, в глубинных таяжных районах, социальное развитие шло замедленными темпами. В условиях преимущественно охотничьей ориентации хозяйства, чтобы прокормить семью, требовались очень большие по площади угодья. Говоря о социальной организации эвенков, Г. М. Василевич пишет: «Даже при отпочковании и образовании нового рода семья, дающая начало этому роду, старалась подалеже уйти от своих, чтобы иметь возможность обеспечить себя мясом»⁴. Думается, что в силу именно этих постоянно действующих центробежных сил род у таяжных сибирских аборигенов не мог выступать как единое производственное целое. Г. М. Василевич обращает в связи с этим внимание на то, что у эвенков отсутствуют такие характерные для рода признаки, как «территория, собственность на нее, а также экономическая общность»⁵. У западносибирских таяжных народностей при наличии закрепленных за отдельными родовыми группами охотничьих и рыболовческих угодий род не выступал как единый производственный коллектив, что отмечает, в частности, З. П. Соколова, касаясь социальной организации обских угров⁶. Ближайшие родственники собирались вместе лишь во время наиболее значительных ритуальных церемоний — жертвоприношений перед началом промысла, во время медвежьего праздника и т. д.

Аморфность и неустойчивость рода в условиях таяжной зоны не могли привести к сложению сколько-нибудь прочной племенной организации. Этнографы, по свидетельству Г. М. Василевич, не нашли у таяжных восточносибирских аборигенов достаточно выраженных признаков племени⁷. Еще более любопытная картина отмечена у обских угров. Их дуально-фратриальная организация закрепляла эндогамность не племени и даже не народа, а большой этнолингвистической общности, в которую входили две северные народности — ханты и манси с несколькими языковыми диалектами у каждой.

Вышеизложенное не следует понимать так, что экологические условия таяжной зоны и охотничье-рыболовческий образ жизни служили

² Сальников К. В., 1967, с. 369.

³ Матющенко В. И., 1974, с. 110—112.

⁴ Василевич Г. М., 1972, с. 165.

⁵ Там же.

⁶ В кн.: Общественный строй народов Северной Сибири. М., 1970, с. 134—135.

⁷ Василевич Г. М., 1972, с. 165.

непреодолимым препятствием для тесного экономического и социального сплочения аборигенных групп населения. В. Н. Чернецов, описывая образ жизни лозвинских манси, отмечает, что особенное значение у них имела охота на путях сезонных перекочевок лесных копытных животных при помощи ловчих ям и «огородов» — грандиозных сооружений, тянувшихся иногда на десятки километров⁸. Возводить такие сооружения и поддерживать их в рабочем состоянии было не под силу мелким коллективам, и поэтому, «несмотря на небольшой размер и разбросанность отдельных поселков, то есть локальных групп, население такой территории было в достаточной степени единым и в пределах его существовали не только коллективные виды промысла, но и коллективное потребление»⁹. Если допустить, что охота при помощи «огородов» существовала в лесном Зауралье и в бронзовом веке (а это можно предполагать по сюжетам древних наскальных изображений Урала), то следует ожидать здесь в то время существование крупных производственных ячеек — на уровне рода или даже нескольких родовых групп.

Мы должны также иметь в виду, что в определенных исторических ситуациях необходимость тесной социальной консолидации могла стать особенно насущной, например во время переселений на другие территории или в случае военной угрозы. Интересные сведения в этом отношении дают остяцкие героические сказания. Они свидетельствуют о том, что в периоды войн четко обозначался правовой статус родовых старейшин, начинали функционировать совет старейшин и народное собрание. Военный вождь (князь), испросив согласия совета старейшин, созывал народное ополчение, которое порой было весьма многочисленным. Нередко отряды соседних князей объединялись в одно большое войско. Во время освоения русскими Западной Сибири князь Нимнян собрал в своем городке до 2 тыс. воинов, причем в числе его союзников были не только остяки, но и кондинские вогулы. После битвы казаков с остяками под Самарским Мысом среди убитых оказались князь Самар и восемь князей-союзников¹⁰. Похожие исторические ситуации возникали и в бронзовом веке и, видимо, приводили к сходным социальным последствиям. Об этом говорит, например, тот факт, что периоды активного распространения укрепленных поселений и городищ на Западно-Сибирской равнине совпадают, как правило, с наиболее мощными миграционными волнами — продвижением на север ранних скотоводов в самусьско-сейминскую эпоху (укрепленные поселения Боголюбово I, Новоникольское I в Северном Казахстане, Черноозерье VI в Среднем Прииртышье), распространением на юг таежных групп в переходное время от бронзового века к железному (городища Андреевское 5 и 7 в Тюменском Притоболье, Остяцкая Гора, Шайтанское в Томско-Нарымском Приобье) и др.

Мы уже говорили, что с переходом к пастушеству и земледелию социальное развитие на юге Западной Сибири пошло более быстрыми темпами, чем в таежной зоне. Однако в условиях южносибирских и североказахстанских степей возможности для роста численности оседлого пастушеско-земледельческого населения в эпоху бронзы были весьма огра-

⁸ Чернецов В. Н., 1971, с. 73—74.

⁹ Чернецов В. Н., 1971, с. 75.

¹⁰ Патканов С., 1891.

ничены. Дело в том, что широкие речные поймы, удобные для ведения оседлого пастушеско-земледельческого хозяйства, здесь очень редки. Так, в казахстанской части р. Ишим протяженностью около тысячи километров имеются лишь два значительных по площади участка с удобными широкими поймами и, соответственно, отмечены два приуроченные к ним скопления памятников бронзового века, которые отделены друг от друга сотнями километров практически незаселенных пространств¹¹. Освоив эти немногие степные «оазисы» и плотно заселив их, местное пастушеско-земледельческое население вскоре начало испытывать нужду в новых территориях. Переход к кочевому скотоводству, совпавший с существенным увлажнением климата, дал лучшие возможности в этом отношении, так как позволил перейти к активному освоению открытых степей. Этот переход не только во много раз увеличил жизненные пространства, но и привел к появлению огромного фонда свободных земель, который на протяжении нескольких веков обеспечивал условия для возрастания численности степного населения. По этнографическим данным, чтобы прокормить семью казаха-кочевника из четырех человек, достаточно было 24 головы скота (в переводе на лошадь), для чего требовалось от 2 до 3 кв. км пастбищ¹². При таком соотношении юг Западно-Сибирской равнины в более или менее благополучные климатические периоды был в состоянии прокормить не менее миллиона человек.

На южной окраине западносибирской тайги, где на поздних этапах бронзового века жило андронидное население, знакомое с производящими отраслями хозяйства, увлажнение климата в конце бронзового века и в начале эпохи железа вызвало несколько иные последствия, чем в степной зоне: ухудшило условия для скотоводческо-земледельческих занятий, вынудив значительную часть местного населения переселиться в более южные районы. Для этого времени в связи с повышением значения охоты можно предполагать уменьшение населения на юге таежной зоны.

Охотничий и охотничье-рыболовецкий промыслы в сибирской тайге требуют очень низкой плотности населения. В XVII в. общая численность хантов, манси и селькупов составляла 19,5 тыс. человек¹³ при средней плотности 1 человек на 30—40 кв. км; численность же скотоводческого и скотоводческо-земледельческого башкирского населения приближалась к 200 тыс. при плотности 1—2 человека на 1 кв. км, т. е. была в 35—70 раз выше, чем у хантов и манси. Приведенный пример является красноречивой иллюстрацией к вопросу о значимости перехода к производящему хозяйству для роста численности населения со всеми вытекающими отсюда последствиями социального порядка.

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Принято считать, что по существу все более или менее крупные и быстрые изменения в социально-экономической жизни первобытного общества являлись шагом, призванным в конечном счете решить проблему

¹¹ Зданович Б. Г., 1975, с. 4.

¹² Головачев П., 1905, с. 242.

¹³ Долгих Б. О., 1967, с. 9.

перенаселенности. Проблема перенаселенности особенно обострялась при ухудшении естественного географического окружения — в результате изменений климата или крупных стихийных бедствий, приводивших к резкому сокращению добываемого продукта. Подобные ситуации ученые называют экологическими кризисами. Можно назвать по крайней мере три пути преодоления этих кризисов.

Первый путь — переход к новой форме хозяйства, позволяющей значительно повысить объем добываемого продукта и увеличить численность населения. В Западной Сибири в рассматриваемый период такие шаги совершились по крайней мере дважды. Мы имеем в виду переход к пастушеско-земледельческому хозяйству в начале бронзового века и освоение кочевого скотоводства на рубеже бронзового и железного веков. Оба эти события произошли на юге Западной Сибири и совпали по времени с очень существенными ландшафтно-климатическими изменениями. Такое совпадение вряд ли является случайностью. Л. Р. Бинфорд приводит ряд интересных этнографических свидетельств в пользу того, что первобытным людям не было свойственно стремление к улучшению хозяйства и орудий труда до тех пор, пока их не вынуждали к этому изменения окружающей среды¹⁴.

Однако сведение причин «экономических революций» древности только к экологическому фактору было бы грубой ошибкой. Согласно материалам, изложенным в предыдущей главе, переход от охотничье-рыболовческого хозяйства к оседлому пастушеско-земледельческому был обеспечен по крайней мере тремя совместно действовавшими факторами: 1) развитие производительных сил (не случайно переход к производящей экономике на юге исследуемой территории шел в общем параллельно с развитием медной, а затем бронзовой металлургии); 2) подходящие экологические условия степной и лесостепной зон для разведения копытных и выращивания культурных злаков; 3) кризис присваивающей экономики в условиях прогрессирующей засушливости климата и катастрофического сокращения охотничье-рыболовческих угодий.

Переход от оседлого пастушеско-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству был обусловлен совместным действием по существу тех же самых трех факторов (правда, в данном случае они проявились на ином естественного географического фоне и в новых исторических условиях): 1) развитие производительных сил (не случайно переход к кочевому скотоводству на исследуемой территории в общем совпал с освоением железа); 2) достаточно благоприятные экологические условия степной и лесостепной зон для существования здесь кочевого скотоводства; 3) кризис оседлого пастушеско-земледельческого хозяйства, вызванный резким сокращением пищевых ресурсов и обострением проблемы перенаселенности.

Второй путь преодоления экологических кризисов — примитивизация социально-экономического уклада, археологически воспринимаемая обычно как «упадок культуры». Выше мы уже отмечали «снижение» уровня материальной культуры северных пастушеско-земледельческих групп Западной Сибири, выразившееся, в частности, в упадке пастуше-

¹⁴ Binford L. R., 1970.

ства и земледелия (и соответственно повышении роли охотничье-рыболовческих промыслов) в условиях ухудшившейся ландшафтно-климатической обстановки на рубеже бронзового и железного веков. Для более позднего времени интересен факт исчезновения в первой половине II тысячелетия н. э. у предков нарымских селькупов в Васюганье скотоводства (и земледелия?) вследствие заболачивания открытых луговых пространств и ухудшения условий для производящих отраслей хозяйства¹⁵.

И, наконец, третий путь преодоления экологических кризисов — миграции. Вопросы, касающиеся места и роли миграций в истории первобытного общества, до сих пор не привлекли должного внимания исследователей. Между тем их изучение помогает глубже понять обстоятельства, при которых происходили рождение новых этнических групп, изменение социально-экономического уклада первобытных коллективов, расцветы и упадки древних культур.

К сожалению, археологический материал сам по себе почти ничего не говорит о причинах и социальных последствиях древних миграций. Приблизиться к пониманию этих исторических явлений можно, лишь обратившись к этнографическим свидетельствам. Однако методика археолого-этнографических сопоставлений не разработана и во многом спорна. Большинство исследователей справедливо считает, что формальное проектирование этнографии на археологию — без учета степени сопоставимости уровней культуры, экологических условий, производственных традиций и конкретных исторических ситуаций — не оправдано с методической точки зрения и чревато ошибочными выводами. Однако абсолютизация этого тезиса может привести к другой крайности. Так, в среде специалистов по истории первобытного общества до сих пор бытует мнение, что археолого-этнографические параллели правомерны только в тех случаях, когда сравниваемые факты относятся к обществам, находящимся на одной стадии социально-экономического развития. Между тем эта формула не отражает сложности, многообразия и нестандартности подходов к исследовательским возможностям археолого-этнографических сопоставлений.

Возьмем, например, экологический аспект проблемы. Перенаселенность, на каком бы уровне социально-экономического развития и в какое бы время она ни возникла, всегда оставляла обществу два основных пути преодоления кризиса: 1) переход на другой уровень экономики; 2) миграция избыточного населения в другие районы. Поэтому, исследуя последствия перенаселенности для какого-либо конкретного исторического периода, мы вправе искать подтверждающие факты в других исторических эпохах и на других территориях. Возьмем социальный аспект проблемы. При возрастании внешней опасности всегда проявлялась тенденция к усилению социальной сплоченности общества. Это в одинаковой мере относится к каменному, бронзовому и железному векам, к охотникам, земледельцам и скотоводам. Исследуя этот аспект проблемы, мы при анализе причин, исторического содержания и социальных последст-

¹⁵ Ефимова Л. И., Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., 1975, с. 95.

вий рассматриваемого явления вправе обращаться к разным историческим периодам, к обществам, стоящим на разных этапах социально-экономического развития. Другими словами, археолого-этнографические параллели не должны сводиться лишь к узкой задаче определения сходства или несходства конкретных материалов; не менее важно выявить факты и явления, характеризующие общие закономерности исторического развития.

Если исходить из археологических и этнографических источников, то с точки зрения конкретных стимулирующих обстоятельств древние переселения (этот термин мы понимаем шире, чем собственно миграции) можно разделить на три основные разновидности. К первой относятся регулярные передвижения производственных коллективов, диктуемые самим характером хозяйства: следование за стадами диких копытных по путям их традиционных перекочевок у древних охотников степей (а позднее — подвижный образ жизни кочевых скотоводов и оленеводов); весенние и осенние перемещения в связи со сменой охотничьего сезона рыболовческим и наоборот в таежном Обь-Иртышье (например, у хантов, манси и их предков); периодические — раз в несколько лет — переселения, вызванные необходимостью освоения под пашню новых участков леса (например, у шорцев и северных алтайцев) и т. д. Такие передвижения не выходили, как правило, за пределы родовых и племенных территорий. Они являлись необходимым условием существования конкретных хозяйственных типов, и в историческом плане, видимо, не могут быть квалифицированы как миграции.

Ко второй разновидности переселений относятся нерегулярные перемещения отдельных групп людей, обусловленные причинами, не укладывающимися в рамки строгих социально-экономических закономерностей. Судя по этнографическим материалам, к числу таких причин относятся бегство от кровной мести, смерть близких, «выживание шайтаном» и др. К. Д. Носилов во время своих поездок по Восточному Зауралью не раз встречал мансийские стойбища, покинутые людьми после серии несчастий дома и на промыслах¹⁶. Такие заброшенные места считались «плохими» и долгое время оставались незаселенными. Подобные переселения затрагивали обычно незначительное количество людей — семью, несколько родственных семей, небольшой производственный коллектив. Они не нарушали стабильности этносов и не вызывали сколько-нибудь значительных социальных последствий.

И, наконец, третья разновидность — переселения, являвшиеся следствием глубоких внутренних социально-экономических процессов. Побудительной силой таких миграций, захватывавших отдельные семьи, родовые коллективы, группы родственных родов и целые народы, было несоответствие между медленными темпами развития производительных сил и относительно быстрыми темпами роста численности населения. Тезис о перенаселенности и давлении избытка населения на производительные силы как основной причине большинства переселений древности был сформулирован К. Марксом. Он писал: «Давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться

¹⁶ Носилов К. Д., 1904.

в государства Древнего мира». И далее: «Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы»¹⁷.

Миграции, обусловленные давлением избытка населения на производительные силы, наиболее логичны и оправданы как с экологической, так и с исторической точек зрения. Они сопутствовали человечеству на всех этапах его древней истории, выступая в ранге исторической закономерности, и именно поэтому привлекли особое внимание К. Маркса¹⁸. Ниже мы будем касаться социальной характеристики прежде всего этой категории миграций.

Чрезвычайно важно и интересно следующее обстоятельство: кризисная обстановка, которая предшествовала древним миграциям интересующего нас типа, была в сущности аналогична кризисным ситуациям, предшествовавшим крупнейшим экономическим трансформациям древности — таким, например, как переход от охоты и рыболовства к пастушеско-земледельческому хозяйству, а от последнего — к кочевому скотоводству. И миграциям, и древним «экономическим революциям» предшествовали обычно ухудшение условий для ведения традиционных форм хозяйства и обострение проблемы перенаселенности. Однако для успешного перехода к новой, более рациональной форме хозяйства, кроме наличия кризисной ситуации, требовались, по крайней мере, еще два условия: а) достаточно высокий уровень производительных сил, т. е. потенциальная готовность к новому уровню экономики; б) соответствие новой формы хозяйства экологическим особенностям района. При отсутствии хотя бы одного из этих условий кризис мог привести к упадку и даже гибели культуры. Но чаще всего первобытные коллективы пытались преодолеть такие кризисы путем миграции в другие районы.

В этом отношении весьма любопытен следующий пример. На рубеже XVIII и XIX столетий умный и энергичный казах Сеит-Кул, живший в бассейне Тургай, стремясь облегчить жизнь своего разросшегося и обедневшего рода, начал готовить переселение в более благодатные места. Скитаясь в поисках таких свободных территорий, он побывал в глубинных районах Азии и был поражен благосостоянием жителей этих южных стран, которого они достигли, занимаясь земледелием. Вернувшись, он решил избежать миграции и положить начало прочной оседлости в родном крае путем введения земледелия, которое он считал залогом благополучия своих соплеменников. Возникла значительная земледельческая колония, причем осевшие здесь казахи-земледельцы во главе с Сеит-Кулом успешно защищали ее от постоянных набегов кочевников¹⁹.

В описанном случае первоначально были налицо два фактора: а) благоприятные для земледелия экологические условия на Тургае; б) кризисная ситуация, вызванная истощением пастбищных угодий и обострением проблемы перенаселенности. Они обусловили необходимость миграции,

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 568.

¹⁸ См., например: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 568; т. 46, ч. I, с. 483.

¹⁹ Рыбаков С. Г., 1897, с. 173.

но накануне этого шага случай дал возможность приобщиться к социально-производственному опыту земледельцев Средней Азии, и вместо миграции произошел переход к новой, более рациональной форме хозяйства — земледелию.

Объективности ради следует отметить, что земледелие на Тургае в то время не смогло взять верх над кочевым скотоводством. Сначала дело продвигалось успешно. Число последователей Сеит-Кула все более увеличивалось, и спустя некоторое время он решил устроить специальное поселение в виде торгового рынка для сбыта кочевникам продуктов земледелия, но не успел довести до конца задуманное. Около 1830 г. он был наконец убит кочевниками, основанные им земледельческие поселения были разорены и пришли в запустение²⁰. Правда, земледелие здесь не умерло окончательно, и отдельные кочевые группы Тургая, потеряв скот, продолжали обращаться к земледелию как основному способу выжить. Печальный конец предприятия Сеит-Кула свидетельствует о том, что помимо трех отмеченных выше факторов перехода от одной формы хозяйства к другой (в данном случае от кочевого скотоводства к оседлому земледелию) необходим еще один фактор — благоприятная историческая обстановка.

Начало миграции обычно следовало за моментом, когда становилось очевидным, что объем добываемого продукта не позволяет прокормить людей, живущих на данной территории. Избыточное население было вынуждено уходить в другие районы и тем самым приводить в соответствие количество людей с объемом пищевых ресурсов. Фактор давления избытка населения на производительные силы действовал с особой жесткостью при истощении естественных угодий в результате их хищнической эксплуатации или крупных стихийных бедствий (засух, наводнений, лесных пожаров и др.), когда резко сокращалась урожайность полей и пастбищ, начинался падеж диких и домашних животных, приходила угроза голода и эпидемий.

К сожалению, археологические находки не дают возможности судить, насколько губительными были последствия стихийных бедствий и какие их конкретные проявления заставляли древних людей покидать земли предков. Поэтому вновь приходится обращаться к историческим хроникам и этнографическим свидетельствам. В челобитной казымских остяков от 1642 г. сообщается: «От больших вод рыбного промыслу не стало, терпим нужу и голод по вся годы великий, и многие казымские остяки с женами и детьми с голоду померли»²¹. В 1897 г. в четырех волостях Большеземельской тундры вследствие недородов и сокращения ягельных пастбищ пало 220 тыс. оленей, т. е. около двух третей всего стада. Начался голод, а затем эпидемия²². По сведениям путешественников прошлого столетия в казахстанских степях бескормицы (куянжилы), сопровождаемые массовым падежом скота, повторялись каждые 10—12 лет²³. Следствием этого были жестокие голодовки и стремление откочевать в места с более богатыми пастбищными угодьями, что нередко приводило к столкновениям с другими кочевыми группами.

²⁰ Там же.

²¹ Бахрушин С. В., 1935, с. 24.

²² Борисов А. А., 1907, с. 20.

²³ Рыбаков С. Г., 1897, с. 175.

Видимо, миграционный «взрыв» бронзового века, в частности далекие миграции андроновцев на Алтай, в Верхнее Приобье, Хакасско-Минусинскую котловину и в северные районы Обь-Иртышья, был в значительной мере обусловлен частыми засухами ксеротермического периода, который, как считают многие ученые, совпал по времени с андроновской эпохой. Активные проникновения в северные районы Обь-Иртышья андроновских и родственных им групп способствовали сложению на юге таежной зоны огромнейшего массива «андроноидных» культур.

Если в андроновскую эпоху миграционные волны шли в основном на север и восток Западной Сибири, то в переходное время от бронзового века к железному и в начале эпохи железа на Западно-Сибирской равнине стали преобладать миграции южного направления — из глубинных таежных районов в сторону лесостепи. На южную окраину тайги и на север лесостепной зоны, где ранее локализовался андроноидный культурный массив и куда заходила северная периферия андроновской культурной общности, распространились в это время культуры северного происхождения, известные по памятникам гамаюнского, красноозерского, молчановского и завьяловского типов. Этот этнокультурный сдвиг произошел в условиях начавшегося увлажнения климата, который, как считают многие палеогеографы, привел к увеличению заболоченных площадей в тайге и вызвал наступление леса на ранее остепненные участки тайги²⁴.

Миграции и связанное с ними возрастание внешней военной опасности способствовали социальной сплоченности первобытных коллективов. По остяцким героическим сказаниям, в такие смутные времена усиливалась роль военных вождей (князей или богатырей), сооружалось много городков-крепостей, укрепленных рвом, валом и деревянным частоколом. Князья (богатыри) заключали между собой оборонительные и наступательные военные союзы²⁵. Правда, приведенный пример не вполне сопоставим с миграциями интересующего нас типа и в большей мере относится к героическим временам периода военной демократии, когда война ведется «только ради грабежа, становится постоянным промыслом»²⁶. Однако социальный эффект фактора возрастающей военной опасности должен был сказываться сходно во все времена; не случайно периоды особенно активного строительства городищ в бронзовом и железном веках на территории Западной Сибири совпадают по времени, как мы уже говорили выше, с мощными этнокультурными передвижениями.

Одним из наиболее значимых социальных последствий древних миграций было рождение новых этнических групп. Разные варианты слияния «этнического субстрата» (местного населения) и «этнического суперстрата» (пришлого населения) в единый новый этнос подробно рассмотрены В. П. Алексеевым и Ю. В. Бромлеем²⁷. Поэтому я останавлиюсь здесь лишь на социальном механизме таких слияний в условиях таежной зоны Западной Сибири.

Этнографические материалы говорят о том, что дуально-фратриальное деление у западносибирских народов (в том виде, как оно дошло до нас)

²⁴ Библиографию вопроса см.: Косарев М. Ф., 1974а.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 164.

²⁵ Патканов С., 1891.

²⁷ Алексеев В. П., Бромлей Ю. В., 1968.

явилось следствием установления регулярных брачных связей между аборигенами и пришлыми иноэтническими группами. Это объясняется тем, что переселялись обычно экзогамные коллективы — род или группа родственных родов. В свое время В. Штейниц высказал интересную догадку о разных генетических истоках и первоначальной разноэтничности двух экзогамных половин обских угров — фратрий Пор и Мось²⁸. Примечательно, что в ритуалах медвежьего праздника фратрии Пор и Мось выступают как два противоборствующих враждебных народа²⁹.

Е. Д. Прокофьева считает, что в основе деления селькупов на две фратрии — Орла и Кедровки — «лежит отражение начального процесса возникновения селькупов из двух компонентов: аборигенного — людей землянок и саяно-алтайского, разнившихся многими элементами материальной культуры и языка, религиозными представлениями, способами погребения и т. д.»³⁰ Шаманы разных селькупских фратрий путешествовали в «загробный мир» по разным рекам. Если шаман половины Орла шел по солнцу, то шаман половины Кедровки — против солнца. Различно оформлялись шаманские атрибуты и пр.³¹

В. И. Васильев развил и обосновал мысль Б. О. Долгих, что обдорские ненцы фратрии Харючи пришли на Север раньше других самоедов и в силу этого стали заключать браки с аборигенами. В результате возникла другая фратрия — Вануйта, в которую вошли разные этнические компоненты³².

Налаживание брачных связей между местными и пришлыми группами далеко не всегда происходило мирным путем. Восточные ненцы рассказывают, что последняя их война с энцами велась из-за того, что они требовали себе в жены энецких девушек³³. Видимо, в имитации противоборства фратрий, зафиксированной у обских угров и некоторых других сибирских народов, получили отражение события тех далеких времен, когда члены двух экзогамных половин выступали не на уровне одного народа, а на уровне двух враждебных этносов.

Интересны прослеживаемые археологически этнические контакты андроновцев (федоровцев) с алакульской и раннееловской группами. Видимо, андроновское (федоровское) население мигрировало несколькими экзогамными (фратриальными?) объединениями, что вынуждало его устанавливать брачные связи с этнически чуждым населением тех территорий, которые оно пыталось освоить. Сейчас известны общие федоровско-алакульские (Черняки II, Субботино) и федоровско-еловские (Еловка II) могильники, где хорошо видна тенденция к нивелировке федоровских и алакульских (в Зауралье), федоровских и раннееловских (на востоке Западной Сибири) культурных признаков.

В этом отношении представляют также интерес памятники молчановской культуры в таежном Причулымье и Нарымском Приобье (переходное время от бронзового века к железному). Керамика этой культуры достаточно четко распадается на две группы: первая (рис. 74) обнаруживает следы преемственности с местной андроноидной (позднееловской)

²⁸ Steinitz W., 1938.

²⁹ Чернецов В. Н., 1965.

³⁰ Прокофьева Е. Д., 1952, с. 106.

³¹ Там же.

³² Васильев В. И., 1976.

³³ Васильев В. И., 1963, с. 44.

посудой, для второй (рис. 75) характерны крестово-струйчатые штамповые узоры и отступающенакольчатые линии, связанные по происхождению с северными районами Западной Сибири. Частая встречаемость этих двух групп посуды не оставляет сомнений в их одновременности. Создается впечатление, что здесь жили бок о бок вперемежку друг с другом две разноэтничные группы населения, находившиеся в тесных взаимосвязях. Скорее всего, в данном случае имели место брачные контакты и носители двух разных орнаментальных комплексов выступали как две экзогамные половины на фратриальном уровне; примечательно, что прослеживается тенденция к смешению этих двух орнаментальных традиций и к сложению единого «гибридного» декоративного комплекса.

Приведенный вариант сложения дуально-фратриальной организации в таежной зоне Западной Сибири, видимо, был обусловлен обстоятельствами не только социального, но отчасти и биологического характера. Чрезвычайно низкая плотность охотничьего и охотничье-рыболовческого населения севера Западно-Сибирской равнины (1 человек на 30—40 кв. км), при изолированности разбросанных на огромной территории мелких групп, должна была приводить время от времени к сужению эндогамности, кровосмешению и обеднению генофонда. Генетики установили, что повышение коэффициента инбридинга в замкнутых популяциях способствует увеличению рецессивных мутаций и наследственной патологии³⁴. Ф. Энгельс, касаясь положительных биологических и социальных последствий запрета браков внутри фратриально-родовых подразделений, констатировал вслед за Л. Г. Морганом, что первобытные коллективы, «у которых кровосмешение было... ограничено, должны были развиваться быстрее и полнее»³⁵.

При сужениях эндогамного круга, особенно после жестоких эпидемий или кровопролитных войн, когда число людей во фратриях (или в одной из них) резко сокращалось, должен был срабатывать некий (биологический?) импульс, заставлявший «ослабленные» группы обновлять направление брачных контактов за счет установления брачных отношений с иноэтничными коллективами, в том числе с чужеродными группами мигрантов. Думается, что этот импульс повлиял на происхождение некоторых известных в этнографии семейных и брачных обычаев, наблюдаемых прежде всего у малых народов: предпочтительное отношение к ребенку, родившемуся от связи с мужчиной «чужой крови», обычай уступать жену гостю-чужеродцу и др.

Древние мигранты стремились освоить районы, которые в ландшафтно-климатическом отношении соответствовали их традиционному хозяйству и быту. Но в ряде случаев они вынуждены были уходить на территории с непривычным природным окружением — из тайги в степь и из степи в таежную зону. Такие меридиональные переселения влекли за собой, как правило, весьма существенное изменение социально-экономического уклада мигрантов, особенно начиная с эпохи бронзы, когда на юге Западной Сибири упрочились производящие формы хозяйства — скотоводство и земледелие.

³⁴ Артемчук Н. Л., 1972, с. 8.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 43.

Уход северного населения на юг, в степные районы, при благополучном исходе миграции приводил обычно к утрате мигрантами таежных охотничье-рыболовческих навыков и к освоению ими производящего хозяйства со всеми вытекающими отсюда последствиями социального порядка. Так, охотничьи группы тунгусов забайкальско-верхнеамурского региона оторвались от таежного тунгусоязычного массива, перешли в степи, заимствовали лошадь, а в начале текущего тысячелетия перешли к кочевому скотоводству, окончательно влившись, таким образом, в кочевой мир евразийских степей³⁶. Вспомним в этой связи несходство исторических судеб угроязычных народов. Те угры, которым удалось закрепиться в районах, удобных для скотоводства, стали многочисленным и сильным народом и, уйдя впоследствии на средний Дунай, основали венгерское государство; другие угроязычные группы, предки нынешних хантов и манси, оставшиеся в таежной зоне, продолжали вести охотничье-рыболовческий образ жизни, были очень малочисленны и к тому времени, когда стали известны этнографически, во многом оставались на уровне первобытности.

Присутствие костей домашних копытных на гамаюнских и завьяловских памятниках, население которых около рубежа бронзового и железного веков пришло на Южный Урал и в лесостепное Прииртышье из далеких таежных районов, свидетельствует о том, что на их хозяйство в освоенных южных краях существенным образом повлияли новые географические условия и усилившиеся контакты со степным скотоводческим и скотоводческо-земледельческим миром.

Иная картина имела место при миграциях на север. Земледельческим и пастушеско-земледельческим группам, переселившимся в северные таежные районы, не всегда удавалось сохранить надолго скотоводческие и земледельческие занятия. В дореволюционной этнографической литературе приводятся примеры, когда русские люди, долго прожившие на севере Сибири, полностью усваивали быт аборигенов, при болезнях и других несчастиях обращались за помощью к шаманам, а отправляясь на промысел, приносили жертвы «шайтанам»³⁷. В зарубежных и отечественных этнографических исследованиях описаны случаи, когда после переселения из районов производящей экономики в глубинные лесные места — в северную тайгу или тропические джунгли — мигранты вынуждены были переходить на новых местах от плужного к подсечно-огневому мотыжному земледелию, от земледелия к собирательству, от скотоводства к охоте и т. д.³⁸

Коль скоро такое случалось в сравнительно недавнем прошлом, то тем более подобное было возможно во времена далекой древности. Так, южные андроновские группы, придя в конце II тысячелетия до н. э. в таежные районы Обь-Иртышья, постепенно утратили или почти утратили навыки пастушеско-земледельческого хозяйства, смешались с местным населением и стали жить преимущественно охотничье-рыболовческим бы-

³⁶ Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И., 1977, с. 163.

³⁷ Носилов К. Д., 1904, с. 14.

³⁸ Aberle D. F., 1961, p. 667—668; Bin-

ford L. R., 1970; Маретин Ю. В., 1972, с. 103; Косарев М. Ф., 1972, с. 23—24; Пуляркин В. А., 1976, с. 135—136.

том. Процесс потери ими своей культурной самобытности достаточно хорошо демонстрируется археологическими материалами. В Васюганье на поселениях Малгет и Тух-Эмтор отмечена следующая стратиграфическая картина: нижний слой содержал местную гребенчато-ямочную керамику, ее перекрывал горизонт с посудой, в орнаментации которой сочетались гребенчато-ямочные мотивы и андроновские геометрические узоры, а еще выше залегала керамика начала железного века, но опять уже украшенная в традиционной гребенчато-ямочной манере³⁹.

Географическая среда играла очень важную роль в жизни первобытного общества. «Земля, — писал К. Маркс, — вот великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средства труда, и материал труда, и место для жительства, то есть *базис* коллектива»⁴⁰. И далее: «Охота, рыболовство, пастушество, существование плодами деревьев и т. д. — всегда предполагает присвоение земли либо для постоянного поселения, либо для скитаний с места на место, либо как пастбища для животных и т. д.»⁴¹ Попадая в ту или иную природную среду, древние люди старались приспособить к ней не только свою экономику, но в конечном счете и свою социальную организацию. Это приспособление было всегда рациональным с точки зрения повышения выживаемости, но не всегда являлось шагом вперед с точки зрения наших привычных представлений об экономическом и социальном прогрессе.

Формы и пути приспособления древнего населения к природной среде были неодинаковы в разных географических районах, на разных уровнях социально-экономического развития и в разных исторических ситуациях. В процессе адаптации человека к среде всегда что-то приобреталось и что-то терялось, однако было бы ошибкой подходить к оценке подобных трансформаций односторонне — только с точки зрения «потерь». Кроме того, вряд ли правильно оценивать такие трансформации лишь в аспекте исторических судеб мигрантов. Для северных аборигенов, например, соприкосновения с пришлыми южными группами открывали особую сферу контактов, которые, помимо обычных экономических связей, были одним из способов приобщения их к достижениям южных культур, что способствовало экономическому и культурному развитию северных районов Сибири.

Высокая способность к ландшафтно-климатической, хозяйственной и социальной адаптации — безусловно прогрессивное качество, которое могло человеку выжить в условиях многократных исторических потрясений и экологических кризисов, и не только выжить, но и освоить разные природные зоны — пустыню, степь, тайгу и тундру, создав исключительное многообразие культур, которые, взаимно обогащая друг друга, способствовали прогрессу человечества в целом. В этом, нам представляется, заключается едва ли не самый главный социальный смысл древних миграций, о чем необходимо помнить, приступая к изучению этой сложной проблемы.

³⁹ Кирюшин Ю. Ф., 1973б.

⁴¹ Там же, с. 481.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 463.

Миграции первобытной эпохи при многообразии и нестандартности их содержания помогают полнее и глубже осмыслить по существу все аспекты древней истории Западной Сибири. Видимо, разработка этой проблемы должна занять важное место в будущих исследованиях сибирских археологов.

Глава IX ВЕРОВАНИЯ

Религиозные представления отличаются большой консервативностью, и обращение к этнографическим материалам при расшифровке семантики древних культовых предметов и исследовании первобытных верований особенно перспективно. Однако следует иметь в виду, что отдельные культовые изделия, имевшие определенный смысл у одной этнической группы, попадая в другую этническую среду, могли менять свое смысловое значение в соответствии со спецификой местных представлений о мире.

Так, например, христианский святой Николай, покровитель охотников и рыболовов, довольно легко вошел в религиозный пантеон христианизруемых угров, самодийцев, тунгусов и других народов, но на языческий манер, совершенно не изменив существа их исконных верований. У некоторых групп остяков Николай стал считаться сыном (по другим источникам — помощником) главного бога Торума¹. Отправляясь на охоту, остяки возносили молитвы с жертвоприношениями Миколу-Торуму, которого нередко отождествляли с Вонт-ике — духом, ведающим всеми делами на земле, в частности пушным промыслом².

Совершенно очевидно, что, например, серебряные медальоны с изображением парфянского царя из древних святилищ сибирской тайги³, серебряная скульптура индийского слона, которой, по свидетельству Д. Н. Анучина, издревле поклонялись сосвинские вогулы⁴, русские куклы, покупавшиеся инородцами на Ирбитской ярмарке и использовавшиеся затем в качестве домашних идолов⁵, приобрели в аборигенной среде совершенно иное содержание, чем то, какое придавалось им там, где они были изготовлены. Все это говорит о том, что одинаковые и одновременные культовые (?) вещи, найденные в разных местах, не всегда позволяют правильно раскрыть семантику того или иного культового предмета, если даже смысловое значение одного из них нам известно. Еще большие трудности возникают при этнографических параллелях, когда сравниваются не аналогичные, а «похожие» вещи, отделенные друг от друга многими сотнями и тысячами лет. Поэтому пря-

¹ Тарасов В., 1971, с. 65.

² Шатилов М. Б., 1931, с. 101.

³ Кинжалов Р. В., 1959, с. 207; Могильников В. А., 1969, рис. 2.

⁴ Анучин Д. Н., 1893.

⁵ Гондатти Н. Л., 1888, с. 111.

мое обращение к этнографии при реконструкции древних религиозных представлений, в частности при расшифровке культовых изображений, может привести к неверным выводам. Вероятность неверных толкований, видимо, уменьшится, если мы будем избегать однозначных и категорических выводов, подходя к объяснению тех или иных сходств и совпадений на уровне предположений и рабочих гипотез.

Представления о загробной жизни. Судя по местоположению известных могильников эпохи бронзы, древние жители Западной Сибири хоронили своих сородичей в строго определенных местах, в стороне от поселений, во всяком случае древние кладбища никогда не располагались в непосредственной близости от жилья. Право покойников на свою территорию, вероятно, закреплялось устной традицией на многие века. Так, Томский могильник функционировал не менее 2 тыс. лет — в эпоху раннего металла, в бронзовом и железном веках. Эти места, видимо, считались принадлежащими покойникам. Интересно, что кладбища у остяков назывались «поселение покойников», «юрты мертвых»⁶, у самоедов — «лес покойников», «остров покойников»⁷ и т. д.

Наличие у древнего населения Западной Сибири кладбищ (поселений мертвых), выработанный погребальный обряд, в частности обязательное снабжение покойника инвентарем и пищей, свидетельствуют о вере в загробную жизнь. Этнографами установлено, что представления современных сибирских народов о мире мертвых в достаточной мере отражены в их погребальном ритуале, который в своих основных чертах мало отличен от древних погребальных обрядов, изученных археологами на этой территории. Это сходство выражается, например, в расположении кладбищ в стороне от поселений, в их родовом и семейно-родственном характере, в снабжении покойников запасом вещей и пищи.

По этнографическим данным, сибирские аборигены представляли загробный мир неким подобием земного, где постоянно выполнялись те же дела и испытывали те же заботы: мужчинам охотиться, ловить рыбу, женщинам готовить пищу, шить одежду и исполнять другие домашние обязанности⁸. В мире мертвых покойники находились между собой в тех же родственных связях, что и при жизни. Тымские селькупы рассказывают, что когда-то на Напасском кладбище была похоронена чужая старуха, и с тех пор по ночам оттуда доносятся шум и крики: покойники пытаются изгнать чужачку⁹.

Надо полагать, однако, что мир мертвых, по представлениям древнего западносибирского населения, не был полным подобием земного, так как это противоречило бы убеждению о разных сферах обитания и о разных путях живых и мертвых. Он находится как бы в другом измерении — совсем рядом, но увидеть его можно лишь при каких-то исключительных обстоятельствах. В ненецком фольклоре популярен такой сюжет: человек, попадая в мир мертвых, живет там некоторое время, но мертвые его не видят и не слышат¹⁰.

⁶ Шагилов М. Б., 1931, с. 119.

⁷ Ислаев В., 1847, с. 136.

⁸ Старцев Г., 1928; Хомич Л. В., 1966;

Пелих Г. И., 1972 и др.

⁹ Пелих Г. И., 1963, с. 143.

¹⁰ Хомич Л. В., 1976, с. 63—64.

Видимо, загробный мир был не копией земного, а его зеркальным и несколько смещенным отражением. Остяки, например, считали, что хотя люди в стране мертвых ведут тот же образ жизни, что на земле, они делают все левой рукой¹¹; при обряде покойника все завязки его костюма завязывались «мертвым» узлом¹². У ненцев, зашивая покойника в шкуру, делали стежки наоборот, а малицу клали рукавами к ногам¹³. Селькупы, собирая умершего в последний путь, надевали обувь и рукавицы — правый на левую ногу или руку, а левый на правую¹⁴. Считалось также, что покойники трудятся и занимаются своими повседневными делами не днем, а ночью¹⁵.

Ориентировка покойников в ранних погребальных памятниках Западной Сибири (Самусьский могильник, могильник на Мусульманском кладбище) не была постоянной; в пределах единовременного и единокультурного кладбища направление могильных ям и покойников в могилах могло быть самым разнообразным¹⁶. Начиная с развитых этапов бронзового века ориентация погребенных стала более устойчивой. Так, в Ростовкинском могильнике она в общем соответствует направлению запад-восток (с небольшими отклонениями)¹⁷. В Еловском I и II могильниках наиболее характерная ориентировка — северо-восток — юго-запад и север-северо-восток — юг-юго-запад¹⁸; в могильнике Черноозерье I — северо-запад — юго-восток¹⁹. Тенденция к более устойчивой ориентировке покойных, возможно, отражает выработку определенных представлений о направлении, в котором находился загробный мир. По этнографическим данным ориентировка погребенного была всегда связана с местоположением страны мертвых. Остяки хоронили мертвых лицом к северу²⁰ или ногами на север²¹, чтобы умершему легче было найти место своего загробного обиталища. Кеты клали покойников головой на восток, ногами на запад, что было связано с представлением о востоке как олицетворении жизни и смерти (запад — страна мрака, где расположен нижний мир; восток — страна света и возрождения)²². У селькупов труп помещали в могиле ногами на север или вниз по течению реки; по их представлениям, мир мертвых находился на севере и попасть туда можно было, лишь спускаясь вниз по реке²³.

В. И. Матющенко, исследуя погребальный обряд Самусьского могильника, обратил внимание на факт умышленной порчи вещей, прежде всего наконечников стрел. Он объясняет это стремлением освободить душу вещи и тем самым дать ей возможность последовать за своим хозяином в загробный мир, а также считает, что такая мера защищала живых от вреда, который мог им принести мертвый²⁴. Думается, что В. И. Матющенко прав лишь в первой части своего высказывания; вто-

¹¹ Старцев Г., 1928, с. 122.

¹² Росляков И. П., 1895—1896.

¹³ Хомич Л. В., 1966, с. 208.

¹⁴ Пелих Г. И., 1972, с. 76.

¹⁵ Чернецов В. Н., 1959, с. 120; Хомич Л. В., 1966, с. 222.

¹⁶ Матющенко В. И., 1973а, с. 34, 39.

¹⁷ Матющенко В. И., Ложникова Г. В., 1969, с. 18—19.

¹⁸ Матющенко В. И., 1974, с. 121.

¹⁹ Генинг В. Ф., Ещенко Н. К., 1973, с. 55.

²⁰ Старцев Г., 1928, с. 123.

²¹ Бартенев В., 1896, с. 85.

²² Алексеенко Е. А., 1967, с. 202.

²³ Пелих Г. И., 1972, с. 80.

²⁴ Матющенко В. И., 1960б, с. 8.

рая же часть (ломка оружия с целью обезопасить мертвых) не находит убедительного объяснения в сибирских этнографических материалах.

По многочисленным этнографическим свидетельствам, манси (вогулы), ханты (остяки), ненцы, селькупы, кеты, шорцы, эвенки и другие сибирские народности ломали весь погребальный инвентарь, а не только оружие²⁵. И. П. Росляков, наблюдавший этот обряд у остяков, описывает его так: «У всех... вещей — кладутся ли они в гроб или бросаются на кладбище — на дне их или сбоку непременно пробивается дырка или делается какой-нибудь другой изъяз: отбивается дужка или вещь надкалывается; если она деревянная или если это нарта, то выламывается несколько копыльев; если это шест — он надламывается; если это колокольчик — у него вырывается язычок; если это какая-нибудь принадлежность одежды — от нее отрывается какая-то незначительная часть ее; если это деньги бумажные — от них отрывается угол; если это деньги серебряные или медные — на них пробивается дырка; если это какие-нибудь звериные шкуры — песец, лисица, волк... и проч. — на их спине вырезывается кусок меха; если это живые олени, то они полузадушенными оставляются с петлей на шее пропадать на могиле; то же самое делается с любимой собакой умершего и т. д. Словом, все вещи, какие бы они ни были, никогда не кладутся покойнику целыми»²⁶. Сами аборигены объясняют порчу принадлежащих покойнику предметов необходимостью придать вещи иное качественное состояние (раз человек «не такой», то и его вещи должны стать «не такими») ²⁷. Это было связано с верой в душу-тень, в одушевленность всех предметов природы, в том числе вещей, сделанных руками человека.

Обычай умышленной порчи погребального инвентаря возник, видимо, в глубокой древности и непрерывно существовал в Сибири до этнографической современности. Правда, в сибирской археологической литературе этот обряд отмечается сравнительно редко²⁸. Может быть, это происходит потому, что такие мелкие детали, как, например, надколотый край сосуда, считаются слишком незначительными, чтобы пытаться их как-то интерпретировать. «Умерщвление» вещей могло заключаться в ссаживании наконечников с копья или стрелы или ломке их древка, в разрывании нити бус, разрезании одежды и т. д. Следы такой порчи по прошествии нескольких тысяч лет заметить практически невозможно. Согласно некоторым данным, освобождение души вещи могло происходить путем придания ей неестественного положения: перевертывания нарты у могилы вверх полозьями²⁹, помещения сосудов вверх дном³⁰, оставления предметов у погребения воткнутыми в землю (хорея, острых металлических вещей — копья, ножа и др.) и т. д.

Сибирские этнографические свидетельства о страхе, внушаемом покойниками, не объясняют ломки погребального инвентаря. Наоборот, этот страх побуждает сородичей избегать всяких действий, которые мо-

²⁵ Львов В., 1908, с. 26; Старцев Г., 1928, с. 122; Туголуков В. А., 1963, с. 32; Алексеенко Е. А., 1967, с. 199.

²⁶ Росляков И. П., 1895—1896, с. 4.

²⁷ Львов В., 1908, с. 26; Туголуков В. А., 1963, с. 32.

²⁸ См., например: Окладников А. П., 1955, с. 335; Глазская Э. К., 1963, с. 40.

²⁹ Хомич Л. В., 1976, с. 123.

³⁰ Могильников В. А., 19686, рис. 45; Савинов Д. Г., 1975, рис. 4.

гли бы обидеть умершего. Считалось, что мертвец вредил живым лишь в том случае, если они проявили неуважение к нему. Самоеды, по свидетельству В. Иславина, «вещей, положенных в могилу, ни за что не тронут»³¹. Любое нарушение интересов покойника у остяков считалось непростительным кощунством³². Боязнь не угодить покойнику, сделать что-то не так была настолько велика, что у некоторых сибирских народностей, например у кетов, к обряжению умершего, изготовлению гробовины, рытью могилы и пр. старались привлечь чужеродцев, на которых месть покойника не распространялась или, во всяком случае, не грозила слишком сильными бедами³³.

Чтобы обезопасить себя от немилости покойника и одновременно подчеркнуть, что у живых и мертвых разные дороги, которые не должны пересекаться, сибирские аборигены после похорон выполняли особые ритуалы. Ненцы покидали кладбище, пятясь, и, сев в нарты, ехали домой не по старому следу, а параллельно ему³⁴. Кеты, уходя от захоронения, не оглядывались; последний в процессии должен был положить поперек тропинки палку, как бы преграждавшую умершему возвращение к людям³⁵. Вогулы, покидая кладбище, перегораживали дорогу засекой³⁶. У всех западносибирских народов — ненцев, хантов, манси, селькупов, шорцев и др. — в прошлом существовал обычай перенесения жилища в другое место после смерти члена семьи. Таким образом, в распоряжении сибирских аборигенов был вполне достаточный набор всевозможных магических действий и обрядов, долженствующих воспрепятствовать покойнику появляться в мире живых, но среди них нет ни одного действия, которое могло бы спровоцировать открытый конфликт с мертвым. Именно боязнь покойника, которая действительно имела место, не могла заставить сородичей приводить в негодность орудия и оружие с целью лишения их рабочих и боевых качеств. Это поставило бы безоружного родственника в затруднительное положение на пути в мир мертвых, где он должен был добывать себе пищу и защищаться от врагов. Такие меры противоречат родовой этике и самой идее ритуала снабжения покойника вещами, необходимыми для жизни в загробном мире.

Тотемизм. Археологические находки из разных мест Урала и Сибири позволяют говорить о почитании в древности некоторых животных, особенно медведя. С. В. Студзицкая опубликовала сводку наиболее ранних, по ее мнению, скульптурных изображений медведя, найденных на территории Сибири³⁷. Самые древние каменные фигурки медведя, известные к настоящему времени в Западной Сибири, относятся к эпохе раннего металла (рис. 80, 1)³⁸. Видимо, они изготовлялись также и из дерева, о чем говорит деревянная голова медведя из Шигирского торфяника³⁹. Позже, в самусьско-сейминский период, скульптурные изображения медведя делали не только из дерева и камня, но и из бронзы. Для этого

³¹ Иславин В., 1847, с. 138.

³² Бартенев В. В., 1895—1896, с. 10.

³³ Алексеенко Е. А., 1972, с. 185.

³⁴ Иславин В., 1847, с. 137; Хомич Л. В., 1966, с. 221.

³⁵ Алексеенко Е. А., 1967, с. 112.

³⁶ Чернецов В. Н., 1959, с. 147.

³⁷ Студзицкая С. В., 1969а.

³⁸ См. также: Косарев М. Ф., 1974а, рис. 20, 9.

³⁹ Эдинг Д. Н., 1940, рис. 47.

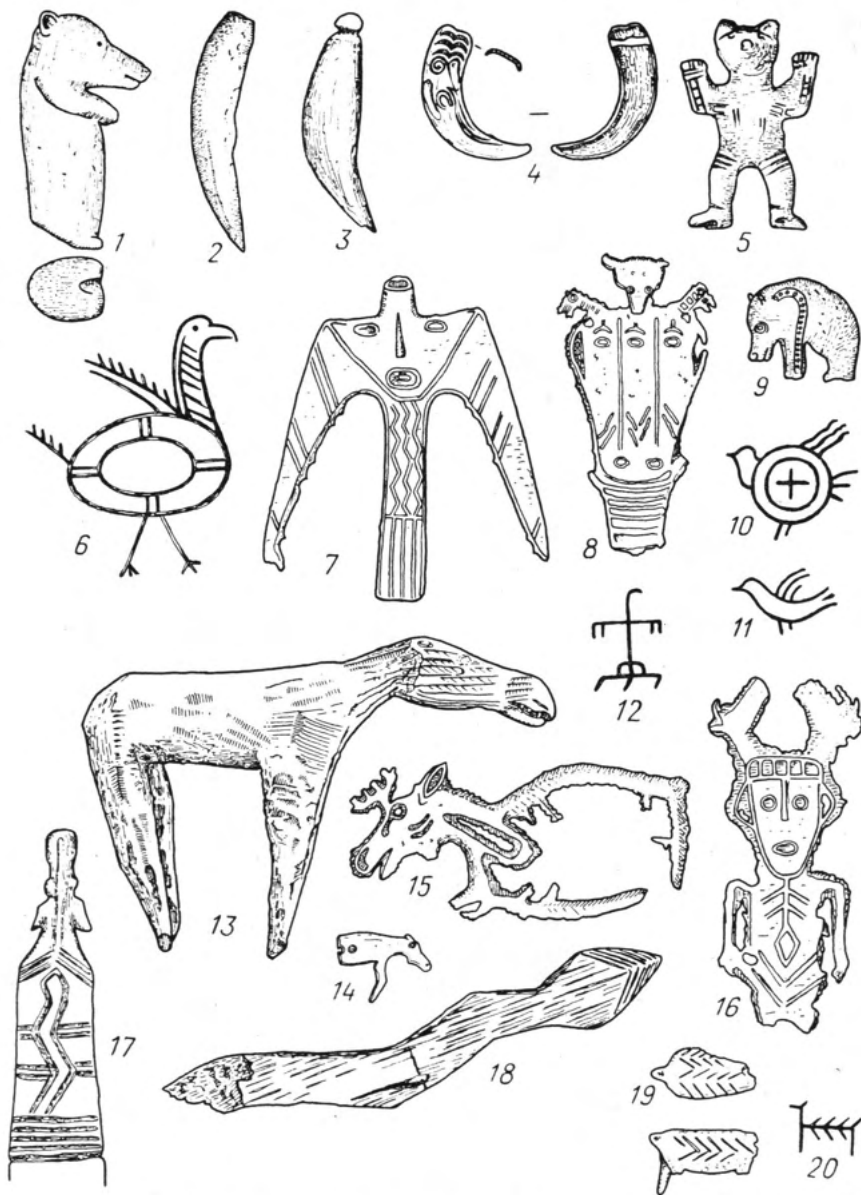

Рис. 80. Восточное Зауралье и Западная Сибирь. Древние и этнографические предметы и рисунки, имеющие отношение к культу зверей и птиц

1 — Самусьский могильник (энеолит); 2 — Самусь II (нестратифицированный памятник эпохи раннего металла и железного века); 3 — Шигирский торфяник; 4 — Степановское культовое место в окрестностях Томска (эпоха раннего железа); 5, 16 — р. Чая (кулайская культура); 6 — рисунок на сосуде Самусьского IV поселения (бронзовый век); 7, 15 — Парабельское культовое место (первая половина I тысячелетия н. э.); 8 — Тюменская обл. (случайная находка); 9 — д. Палкино (случайная находка); 10—12 — тамги XVI—XVII вв. у обских угров (по рисункам Ю. Б. Симченко); 13, 18 — Горбуновский торфяник (нижний слой VI разреза, относящийся к энеолитической эпохе); 14 — Еловское поселение (бронзовый век); 17 — Сейминский могильник (бронзовый век); 19 — Шайтанское городище (переходное время от бронзового века к железу). 1, 2 — камень; 3, 14 — кость; 4, 5, 7—9, 15—17 — бронза; 13, 18 — дерево; 19 — глина; 6, 10—12, 20 — рисунки на предметах

времени нам известны: литая фигурка из Самуся IV (рис. 36, 7) и стилизованная скульптура рыси или медведя на втулке копия сейминского типа из Прииртышья. Интересен сосуд из Самусьского IV поселения⁴⁰, украшенный по внутренней стороне венчика рельефными изображениями медвежьих морд. Не исключено, что среди стилизованных рельефных изображений зверя, встречающихся на венчиках уральских и западносибирских сосудов эпохи неолита и раннего металла, представлен и медведь, но, к сожалению, их схематичность не дает возможности определить видовую принадлежность животных⁴¹. В этой связи обращает на себя внимание характерность — особенно на ранней керамике томско-чулымского региона — узора в виде трех ямок: две вверху, третья внизу (рис. 20, 4, 7). На поздних угорских затесах и тамгах так изображался медведь⁴². Ю. Б. Симченко предполагает, что происхождение этого знака уходит в глубокую древность⁴³.

Фигурки медведя из металла и изображения его на различных металлических, преимущественно бронзовых, предметах широко бытовали в таежном Приобье в более поздние времена. Находки таких изделий достаточно обычны в кулайских культовых местах⁴⁴, в усть-полуйских комплексах⁴⁵ и в средневековых памятниках таежной зоны Западной Сибири⁴⁶. Настоячивое стремление древних художников к «медвежьей» теме, видимо, не случайно. Содержание этого культа раскрывается отчасти в ритуалах медвежьего праздника обских угров, подробно описанного многими дореволюционными путешественниками и этнографами. Уже в XIX в. были предприняты весьма удачные попытки раскрыть значимость этого праздника в понимании древних верований западносибирского населения и определить генетические истоки обрядов чествования медведя⁴⁷.

Н. Харузин убедительно показал, что медвежий праздник обских угров носит тотемистический характер. Действительно, в большинстве обрядовых действий праздника медведь предстает как старший родственник. Убитого медведя помещают на почетное место, перед ним ставят лучшие блюда, убирают его всевозможными украшениями. На празднике участвуют только сородичи. Женщины в присутствии медведя закрывают лицо платком, как перед родоначальником. Труп медведя, как и умершего сородича, вносят в жилище не через дверь, а через окно или специальное отверстие в стене. Если убит взрослый медведь-самец, праздник длится 5 дней; если медведица — 4 дня; если медвежонок — 2—3 дня. Эта числовая градация соответствует представлениям обских угров о числе душ у человека — мужчины, женщины и ребенка.

В. Н. Чернецов обращает внимание на сюжет одного из сказаний в честь медведя, где говорится о том, что женщина — родоначальница фратрии Пор была рождена медведицей. По рассказам хантов и манси,

⁴⁰ Матющенко В. И., 1973б, с. 99—100.

⁴¹ Мошинская В. И., 1953, с. 184.

⁴² Симченко Ю. Б., 1965, табл. 20, 4.

⁴³ Там же, с. 111—112.

⁴⁴ Мягков И. М., 1929, табл. II, 1, 9.

⁴⁵ Чернецов В. И., 1953б, табл. III, 1, 2,

6, 8; VI, 14; XIII, 3 и др.

⁴⁶ Чернецов В. И., 1957, табл. VII, 2; VIII, 2; XXXI; Чиндина Л. А., 1974.

⁴⁷ Гондатти Н. Л., 1887; Харузин Н., 1899.

прежде люди фратрии Пор не ели мяса медведя, а еще в более отдаленные времена не убивали его⁴⁸.

У многих сибирских народов наиболее действенной и нерушимой клятвой считалась присяга на голове медведя, на медвежьей лапе, перед клыком медведя⁴⁹. Клык и коготь медведя хранились как чудодейственные талисманы. У остяков зуб медведя подвешивался над люлькой или на шею ребенка⁵⁰. Ненцы носили клык медведя на поясе и считали, что он оберегает от злых духов и приносит удачу в охоте. Этот обычай является отражением представлений о медведе-тотеме и, видимо, связан с верой в то, что даже частица тела медведя способна оказывать покровительство, обеспечивать удачу, оберегать от несчастий. Клыки и когти медведя (натуральные, а также изготовленные из камня и бронзы) — довольно частая находка на древних восточноуральских и западносибирских памятниках. Они встречены на Шигирском торфянике (рис. 80, 3), поселениях Самусь II (рис. 80, 2) и Самусь IV⁵¹, на Степановском культовом месте близ Томска (рис. 80, 4) и др. Скульптурные изображения медведей, найденные в Самусьском могильнике, могильнике на Мусульманском кладбище, на Самусьском IV поселении и в других пунктах Западной Сибири, являлись, скорее всего, неким эквивалентом живого медведя, его двойником, который всегда был под рукой и к которому можно было в любое время обратиться за помощью и покровительством.

Почти очевидно, что большинство известных по этнографическим материалам амулетов в виде животных (а также клыков, когтей и др.) уходит своим происхождением в древние тотемистические культы. Васюганские ханты и нарымские селькупы, в преданиях которых сохранились сообщения о лягушке как тотемном предке, еще совсем недавно выдалбливали ее изображение на наличниках окон для защиты от нечистой силы. У васюганских хантов старуха держала перед роженицей платок, на котором была вышита бисером фигура лягушки. Перед изображением лягушки враги заключали мир⁵².

На культ медведя, тотемистическое значение которого, выйдя за рамки отдельных родов, фратрий и этносов, стало почти глобальным («евразийско-американским»)⁵³, наложившиеся иные тотемистические образы, связанные с другими животными. На Югане отдельные хантыйские семьи считали своим покровителем лося и горноста⁵⁴. По данным Г. Д. Вербова, на Агане были известны три хантыйских рода — медведя, лося и бобра⁵⁵. Ханты, жившие по р. Пим, вели свой род от росомахи⁵⁶. Но особенно популярными тотемными предками у таежных западносибирских народностей (особенно у селькупов) были птицы, и здесь этнографические материалы особенно хорошо увязываются с археологическими данными.

В Яйском неолитическом могильнике (бассейн Чулыма) найдены две миниатюрные скульптурки птиц в полете, одна из которых, более реали-

⁴⁸ Чернецов В. П., 1965, с. 109, 110.

⁴⁹ Гондатти Н. Л., 1888, с. 13.

⁵⁰ Шагилов М. Б., 1931, с. 110.

⁵¹ Матюценко В. И., 1973б, с. 65.

⁵² Пелих Г. И., 1972, с. 275.

⁵³ Васильев Б. А., 1948, с. 81.

⁵⁴ Старцев Г., 1928, с. 55.

⁵⁵ Вербов Г. Д., 1936, с. 69.

⁵⁶ Старцев Г., 1928, с. 55.

стичная, изображает лебедя. Костяная фигурка лебедя встречена в погребении 3 Ордынского неолитического (по В. И. Матющенко) могильника⁵⁷. Рисунки птиц известны на сосудах Самусьского IV поселения, причем в одном случае туловище птицы передано в виде солярного символа (рис. 80, 6). Изображения птиц с солярным знаком внутри встречаются иногда на остиах знаменах; они носят, как считает Ю. Б. Симченко, сакральный характер и, возможно, являются изображением одной из душ человека⁵⁸. Поскольку представление о душе-птице у обских угров было связано с образом тотемного предка, можно предполагать, что рисунок «солнечной птицы» на самусьском сосуде носит тотемистический характер. В культурном слое Самуся IV найдена бронзовая фигурка птицы, напоминающая попой и, в частности, постановкой крыла описанный выше рисунок на сосуде (рис. 36, 9).

Особенно характерны бронзовые изображения птиц в Западной Сибири для более поздних эпох — раннежелезного века и средневековья; они обычно изображались в фас, с расставленными крыльями и имели ряд антропоморфных черт (рис. 80, 7)⁵⁹. Анализируя древние наскальные изображения Урала, В. Н. Чернецов обращает внимание на рисунки птиц в геральдической позе, сходной с позой древних птицевидных бронзовых идолов⁶⁰. Похожие рисунки птиц известны по обско-угорским тамгам (рис. 80, 12). Еще Н. Л. Гондатти заметил, что облик личных тамг у аборигенов северо-западной Сибири в большинстве своем напоминает схематические изображения птиц⁶¹. Если учесть, что личные тамги произошли от родовых и являются обычно разновидностью прежних родовых символов, то можно предположить, что в этой традиции отразилось почитание определенных пород птиц, уходящее в далекую первобытность. На происхождение тамг в виде птиц от родовых птиц-тотемов неоднократно указывали В. Н. Чернецов и другие исследователи⁶².

У обских угров известны родовые группы, ведущие происхождение от журавля, гоголя, филина и других птиц. В. Н. Чернецов отмечает, что в песнях и сказаниях хантов и манси образ человека и птицы так тесно переплетается, что порой сам рассказчик не в состоянии отличить, где речь идет о человеке, а где — о птице. «Подобные представления, — пишет В. Н. Чернецов, — могли возникнуть лишь на базе развития тотемистических представлений, пережитки которых еще сильны и поныне у манси»⁶³. Описывая обряды медвежьего праздника, В. Н. Чернецов обращает внимание на тотемный характер птичьих танцев и песен (танец и песни филина, танец враждебно настроенного к медведю журавля и др.). Содержание птичьих песен на медвежьем празднике у манси сводится к следующему: птица вьет гнездо, высиживает птенцов; при этом «два птенца как птенцы, а третий как дитя человеческое»⁶⁴. Нетрудно заметить, что этот мотив аналогичен сюжету

⁵⁷ Матющенко В. И., 1973а, с. 63.

⁵⁸ Симченко Ю. Б., 1965, с. 165.

⁵⁹ Чернецов В. Н., 1971, с. 79.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Гондатти Н. Л., 1888, с. 80.

⁶² См., например: Симченко Ю. Б., 1965, с. 3—4.

⁶³ Чернецов В. Н., 1935, с. 16.

⁶⁴ Чернецов В. Н., 1965, с. 105.

песни в честь медведя, где рассказывается о том, как медведица родила двух медвежат и одну девочку, от которой впоследствии пошли люди фратрии Пор⁶⁵.

По западносибирским этнографическим материалам пережитки представлений о птицах-тотемах были особенно сильны у селькупов. У них существовали роды и родовые группы Орла, Кедровки, Глухаря, Журавля, Ястреба, Ворона и Лебедя. Наиболее четко был обозначен культ орла и кедровки, отражавший дуально-фратриальное деление селькупов. У селькупов был обычай выращивать орла и кедровку в домашних условиях, существовал также красивый обряд встречи лебедей: весной, когда лебеди, возвращаясь с юга, пролетали над селькупскими селениями, все жители выходили из жилищ и приветствовали летящих птиц, подражая лебединому крику. «Наши братья прилетели», — говорили селькупы и брызгали вверх водой, чаем, березовым соком и др.⁶⁶ До недавнего времени у селькупов запрещалось убивать орла, кедровку, лебедя и других птиц-тотемов. На глухаря прямого запрета не было, но у некоторых групп селькупов, особенно в роде Глухаря, нельзя было палить его над огнем⁶⁷. Выращивание орлят дома и ритуал «угощения» первых весенних лебедей известны у кетов⁶⁸. Северные кеты считали родоначальником фратрии Кэнтанденг орла, а фратрии Богденденг — кукушку⁶⁹. Считалось грехом убивать орлов, гагар и особенно лебедей⁷⁰.

Выше мы уже упоминали о том, что тотемистический характер культа птиц у обских угров часто перекликался с представлением о душе-птице (четвертой душе человека), живущей в волосах на голове. Указывая на то, что у разных групп восточных хантов женские накосные украшения были то в виде двух воронов, то двух ястребов и др., В. Н. Чернецов замечает, что эти изображения на косах, видимо, были связаны не только с четвертой душой, но и с тотемными предками⁷¹. Ассоциация четвертой души (души-птицы) с тотемными предками стала возможной потому, что эти две категории несут одну общую нагрузку — наследование жизни. В остяцких героических сказаниях победитель обычно снимает скальп с побежденного, считая, что враг в этом случае будет умерщвлен окончательно и никогда не возродится вновь⁷². Таким образом, археологические материалы, рассмотренные в свете этнографических параллелей, позволяют предполагать большую древность представлений о душе-тени, уходящей после смерти человека в загробный мир, и о душе-птице, передающейся по наследству и отождествляемой обычно с образом тотемного предка.

Однако вышесказанное не исключает возможности иной трактовки некоторых древних изображений птиц. В главе, посвященной хозяйству, мы, вслед за В. Н. Чернецовым, отмечали явно промысловый характер некоторых «птичьих» композиций на писаницах Урала. Возможно, с охотничьей магией следует связывать орнаментальные пояса на восточноуральской керамике позднего неолита и ранних этапов бронзового

⁶⁵ Чернецов В. Н., 1965, с. 108.

⁶⁶ Прокофьева Е. Д., 1952, с. 98.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Алексеенко Е. А., 1967, с. 172.

⁶⁹ Народы Сибири. М.; Л., 1956, с. 696.

⁷⁰ Алексеенко Е. А., 1967, с. 172.

⁷¹ Чернецов В. Н., 1959, с. 139.

⁷² Патканов С., 1891, с. 66—67.

века в виде ряда стилизованных фигурок птиц⁷³ и похожие рисунки, но выполненные фигурным штампом на таежной западносибирской посуде эпохи железа⁷⁴.

В. Н. Чернецов допускает, что фигурные штампы в орнаментах железного века изображают следы животных и птиц⁷⁵. Он полагает, что мы имеем здесь дело с магическими обрядами, зародившимися в охотничьей среде и носившими промысловый характер⁷⁶. Видимо, промысловые культы отражены в деревянной скульптуре VI разреза Горбуновского торфяника, представленной в основном фигурами водоплавающей птицы⁷⁷.

По этнографическим свидетельствам некоторые птицы, не являясь тотемами, тем не менее принимали активное участие в судьбе человека, особенно после его смерти. В их обязанность входило провожать душу-тень в загробный мир, вмещать в себя временно (до вселения в новорожденного) душу, передающуюся по наследству, и т. д. В этой роли у западносибирских народностей чаще всего выступала утка. Ханты обычно прикрепляли к коньку домика мертвых, а позднее к надмогильному кресту деревянную скульптуру утки⁷⁸. Некоторые группы обских угров, сжигая по истечении определенного срока деревянные изображения умерших, сооружали для этой цели специальные шалашики, у входа в которые клали головой на север первую убитую утку⁷⁹. Архаичный обряд захоронения на деревьях у шорцев раньше всегда сопровождался принесением в жертву утки. Кроме того, родственники умершего вырезали из дерева изображения летящих уток с распростертыми крыльями; рядом с захоронением ставили колья с изображениями уток, а к дереву, на котором висел труп, привязывали утиные крылья⁸⁰. Об участии утки и других птиц в погребальных ритуалах говорят и археологические материалы. Так, В. И. Матющенко сообщает о находках в насыпи крменских курганов Еловского II могильника «большого количества костей утки и птиц куриных пород»⁸¹.

В селькупских жертвенных амбарчиках, где хранились металлические и деревянные изображения сородичей, под одежду этих фигурок помещали миниатюрные скульптурки птицы жолны (сойки) и змеи, причем птица всегда изображалась в летящем положении. По представлениям селькупов она отводила душу покойников (душу-тень) в загробный мир. Змея же считалась покровительницей души и символом дороги; одновременно ее обязанностью было помогать душе преодолевать встречаемые на пути препятствия и опасности⁸².

Таким образом, давая семантическое толкование тех или иных древних зооморфных изображений, мы должны учитывать, что их смысловое содержание могло быть чрезвычайно сложным, так как здесь часто переплетались тотемистические и анимистические представления, элементы разнохарактерных культов и магических действий. Среди них то-

⁷³ Эдинг Д. Н., 1940, рис. 65—68, 70.

⁷⁴ Чернецов В. Н., 1957, с. 239.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Чернецов В. Н., 1971, с. 86.

⁷⁷ Эдинг Д. Н., 1940.

⁷⁸ Душин-Горкавич А. А., 1911, с. 51.

⁷⁹ Росляков И. П., 1895—1896, с. 5.

⁸⁰ Пелих Г. И., 1972, с. 205.

⁸¹ Матющенко В. И., 1974, с. 95.

⁸² Прокофьева Е. Д., 1952, с. 99.

темными изображениями с наибольшей вероятностью можно признать те, в которых зооморфные черты сочетались с антропоморфными, но такой критерий более подходит для культового бронзового литья эпохи железа.

Культ лося. Среди древних изображений животных, найденных в таежной зоне Западной Сибири, первое место по количеству находок занимает лось. В неолите и в эпоху раннего металла бытовали каменные, костяные и деревянные скульптуры этого животного. На интересующей нас территории самые ранние скульптурные изображения лося относятся к неолитической эпохе (костяная голова лося из Ордынского могильника, раскопки М. П. Грязнова, 1954.; каменная голова лося, найденная на стоянке Евстюниха у г. Нижнего Тагила). Деревянные и костяные скульптурные изображения лося и головы лося в значительном числе известны из нижнего слоя VI разреза Горбуновского торфяника (эпоха раннего металла)⁸³. В самусьско-сейминское время появляются первые бронзовые изображения этого животного — обычно в виде головы, венчающей верхнюю часть бронзовых изделий — кинжалов (рис. 80, 17)⁸⁴ и других предметов (рис. 36, 8). Для более поздних этапов бронзового века можно указать на миниатюрную, но очень реалистичную фигурку лося из кости, найденную на Еловском поселении (рис. 80, 14). В эпоху железа на территории Западной Сибири, особенно в пределах кулайского ареала, распространяются бронзовые фигурки лося ажурного литья⁸⁵. В этом же ажурном стиле, со «скелетным мотивом» в изображении туловища, выполнены многочисленные рисунки лосей на наскальных изображениях Урала и отчасти Западной Сибири⁸⁶. Аналогичные по стилю рисунки встречены также на бронзовых изделиях усть-полуйской и кулайской культур⁸⁷.

Это говорит о том, что лось в Западной Сибири издревле являлся объектом особого почитания. Однако культ этого животного вряд ли имел прямое отношение к тотемистическим представлениям. Лось в таежной зоне был основным промысловым животным, и поэтому табуация его, являющаяся условием тотемистического культа, никогда не могла проявляться в сколько-нибудь полной мере. Вместе с тем известно, что отдельные группы обских угров считали лося своим родовым предком, например некоторые хантыйские семьи на Югане⁸⁸. В. Н. Чернецов находит возможным связывать с древними тотемами найденные в Чердынском Приуралье изображения антропоморфизированных лосей⁸⁹. Думается, однако, что если лось и являлся когда-либо тотемом, то скорее у таких родовых групп, которые пришли с юга, или у коллективов с рыболовческим типом хозяйства. Не исключено также, что образ лося как тотемного предка сложился сравнительно поздно, когда полная табуация тотема стала не обязательной.

⁸³ Эдинг Д. Н., 1940.

⁸⁴ Бадер О. Н., 1970б, рис. 50; Студзика С. В., 1969б.

⁸⁵ Чернецов В. Н., 1953б, табл. XII, 4, 5; Ураев Р. А., 1956, табл. I—III; Косарев М. Ф., 1974а, рис. 44.

⁸⁶ Чернецов В. Н., 1964; 1971; Окладников А. П., Мартынов А. И., 1972.

⁸⁷ Мягков И. М., 1929, табл. II, 6; Чернецов В. Н., 1953в, рис. 1.

⁸⁸ Старцев Г., 1928, с. 55.

⁸⁹ Чернецов В. Н., 1971, с. 80.

Лось в тайге (как и олень в тундре) по представлениям западносибирских аборигенов был специально создан богами как основной источник существования людей. И лось, и олень считались символами чистоты. В этой связи интересна манера изображения этих животных на древних наскальных рисунках и в бронзовой скульптуре: на туловище всегда обозначались ребра, а иногда и внутренности. С. Патканов, анализируя содержание остяцких былин, пишет, что прозрачность туловища подчеркивает чистоту и красоту тела. «О красивых людях, — сообщает С. Патканов, — в сказаниях говорится, что у них «сквозь кости виден мозг и сквозь мозг видны кости». Но эта прозрачность тела считалась также признаком нежного сложения. Напротив, отличием силы была плотность и непрозрачность организма⁹⁰. В древних наскальных рисунках Урала лось обычно изображался вместе со знаками солнца и небосвода, чем, возможно, подчеркивалось особое место этого животного в миропонимании древних урало-западносибирских аборигенов. Видимо, в этом и заключался смысл почитания лоса как наивысшего блага, ниспосланного небом, чтобы дать людям жизнь и пищу. Не исключено, что придание антропоморфной фигуре черт лоса в некоторых случаях было призвано оттенить чистоту, священность изображаемого образа (рис. 80, 16), так же как придание черт медведя — силу (рис. 80, 8). Можно предполагать, что придание черт лоса той или иной вещи вводило ее в категорию священных предметов, употреблявшихся в ритуальных целях. В. М. Кулемзин сообщает о священных деревянных молотах, конец которых оформлялся в виде головы лоса. Васюганские ханты оставляли такие молоты у священного кедра; считалось, что водяной дух по ночам забивает ими расшатанные колья заповоров, способствуя тем самым успеху рыболовческого промысла⁹¹.

В целом же характер обрядов, связанных с лосем, был обусловлен прежде всего его промысловой значимостью. Рисунки лоса на древних писаницах Урала нередко сочетались с изображением ловушек. В. Н. Чернецов, раскрывая смысл этих рисунков, связывает их с обрядами, темой которых было прежде всего «привлечение добычи в ловушки и удержание ее в них» и, кроме того, «весеннее оживание природы и идея размножения»⁹². Видимо, культ лоса, зафиксированный в древностях Западной Сибири, был связан в основном с этими двумя темами, в которых, как легко заметить, нет никаких намеков на тотемную роль этого животного. Д. Н. Эдинг, касаясь семантического содержания деревянных скульптур лоса из восточноуральских торфяников, также пришел к выводу, что они являются атрибутами промыслового культа⁹³.

Мы отмечали уже, что наряду с полными фигурками животных и птиц в древних ритуальных действиях часто участвовали лишь головы животных (лоса, медведя, птиц и т. д.). На эту особенность для скульптурных изображений эпохи неолита и бронзы обращали внимание Д. Н. Эдинг⁹⁴ и В. И. Матющенко⁹⁵. Подобная особенность отмечалась

⁹⁰ Патканов С., 1891, с. 24.

⁹¹ Кулемзин В. М., 1976, с. 36.

⁹² Чернецов В. Н., 1971, с. 83.

⁹³ Эдинг Д. Н., 1940.

⁹⁴ Эдинг Д. Н., 1940.

⁹⁵ Матющенко В. И., 1973а, с. 94.

нами для более поздних кулайских изображений⁹⁶. Даже при изготовлении полных фигурок животного древний мастер уделял особое внимание отделке головы; остальная часть скульптуры выполнялась с гораздо меньшей тщательностью. В известном смысле культ животных в Западной Сибири является культом голов. Может быть, В. И. Матющенко прав, связывая эту особенность с представлением о голове как месте обитания четвертой души (по В. Н. Чернецову)⁹⁷, которая после смерти переселялась в новорожденного и тем самым являлась как бы основой наследования жизни от поколения к поколению. Этим, по всей вероятности, объясняются неоднократно отмеченные этнографами факты особого отношения к голове животных у западносибирских аборигенов: клятва на голове медведя и щуки, отчленение головы жертвенных животных и оставление их у священного дерева и т. д.

Культ солнца. Начиная с эпохи раннего металла в южной части зауральской и западносибирской тайги на керамике местных культур становятся весьма характерными солярные узоры. Расцвет солярной ornamentации (самусьско-сейминская и андроновская эпохи) совпадает по времени с усилением влияния южных культур и широким распространением на север элементов производящей экономики. В первой половине бронзового века в ornamentации западносибирской керамики достаточно четко прослеживаются две манеры изображения солнца — андронидная (в виде поясов из треугольников, зигзагов, ступенчатых фигур; см. аятский и коптяковский типы посуды, а также рис. 81) и самусьская (в виде креста, спиральных узоров, концентрических окружностей, лестничного пояса и др.; рис. 82, 1, 4, 7, 8)⁹⁸. С андроновской эпохи эти две манеры часто выступают в смешанном виде, особенно в бронзовом литье, которое носило более космополитический характер. На керамике самобытность солярного стиля сохраняется дольше. Так, андронидная манера солярной ornamentации в полной мере выражена на знаменитых горбуновских блюдах (рис. 49; 81), а на глиняных и костяных пряслицах она живет до этнографической современности (рис. 82, 10—12). То же самое прослеживается и для самусьской солярной традиции (рис. 82, 1—3, 7—9).

Начиная с развитых этапов бронзового века солярная символика осваивает многие бронзовые изделия, особенно украшения и культовые предметы. Формы для отливки солнц известны на Самусьском IV (рис. 82, 4) и Канайском⁹⁹ поселениях. В таежной зоне Западной Сибири специально отлитые колесообразные солнечные диски встречаются до этнографической современности (рис. 82, 3, 5). Думаю, что широко распространившиеся в бронзовом веке на юге Западной Сибири украшения в виде спиралей, перстни и браслеты со спиральными завитками на концах (рис. 43, 10; 74, 13, 14, 18) тоже имели солярное или даже двойное солярно-лунарное значение и, по всей вероятности, играли роль оберегов. К числу других украшений, ассоциируемых с солнцем, следует относить, скорее всего, и бронзовые бляхи, найденные в большом количестве в Черноозерском I, Еловских I и II, Томском и других могиль-

⁹⁶ Косарев М. Ф., 1974а, с. 137.

⁹⁷ Матющенко В. И., 1973а, с. 94.

⁹⁸ Косарев М. Ф., 1966б.

⁹⁹ Черников С. С., 1960, табл. 14, 22.

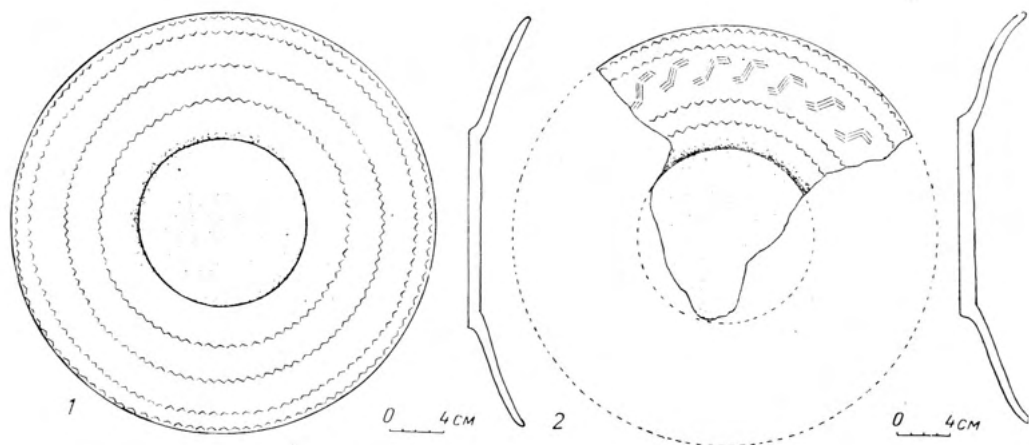

Рис. 81. Культовые глиняные блюда из Горбуновского торфяника (бронзовый век)

никах юга Западной Сибири (рис. 43, 11, 13, 15, 19; 59, 7—9, 22, 25, 26)¹⁰⁰. Р. Н. Митусова сообщает, что при обрядах поклонения солнцу ненцы нашивали на малицу блестящую медную пуговицу¹⁰¹. У юкагиров серебряные и медные диски, нашитые на одежду спереди, назывались «грудным солнцем». То же самое значение придавалось нашивным медным и серебряным бляхам у эвенков, нганасан и других сибирских народов¹⁰².

Видимо, в бронзовом веке уже существовали особые места, где совершались ритуалы солярного культа. В этой связи чрезвычайно интересна находка Д. Н. Эдингом при раскопках VI разреза Горбуновского торфяника большого количества обломков круглых глиняных тарелок, украшенных по внутренней поверхности изображениями солярного круга с лучами в виде уголков, зигзагов и ступенчатых фигур (рис. 49; 81). Судя по западносибирским этнографическим материалам, сосуды в форме круглых блюд обычно ассоциировались у аборигенов с солнечным или лунным дисками. Так, у селькупов к священным столбам «па-парге», стоящим у жилищ-карамо, прибывались сверху круглые тарелки, символизирующие солнце и месяц¹⁰³. Жертвенную пищу во время ритуальных церемоний обские угры старались приносить на серебряных или оловянных блюдах¹⁰⁴. Это, по мнению Н. Ф. Прытковой, «наилучшим образом выражало идею светлого начала, воплощенного в образе Мир-сусне-хума»¹⁰⁵. Во время обряда призывания Мир-сусне-хума перед жилищем ставилось несколько серебряных или медных тарелок, на которые его божественный конь должен был ставить свои копыта¹⁰⁶. По сообщению Д. Н. Анучина, «вогулы и остяки добывают... требуемые для их святилищ серебряные тарелочки от русских, заказывая их даже

¹⁰⁰ Генинг В. Ф., Ещенко Н. К., 1973, рис. 3, 10—14.

¹⁰¹ Хомич Л. В., 1972, с. 210.

¹⁰² Окладников А. П., 1955, с. 340—341.

¹⁰³ Пелих Г. И., 1966, с. 103.

¹⁰⁴ Шатилов М. Б., 1931, с. 105.

¹⁰⁵ Прыткова Н. Ф., 1949, с. 49.

¹⁰⁶ Гондatti Н. Л., 1888, с. 115.

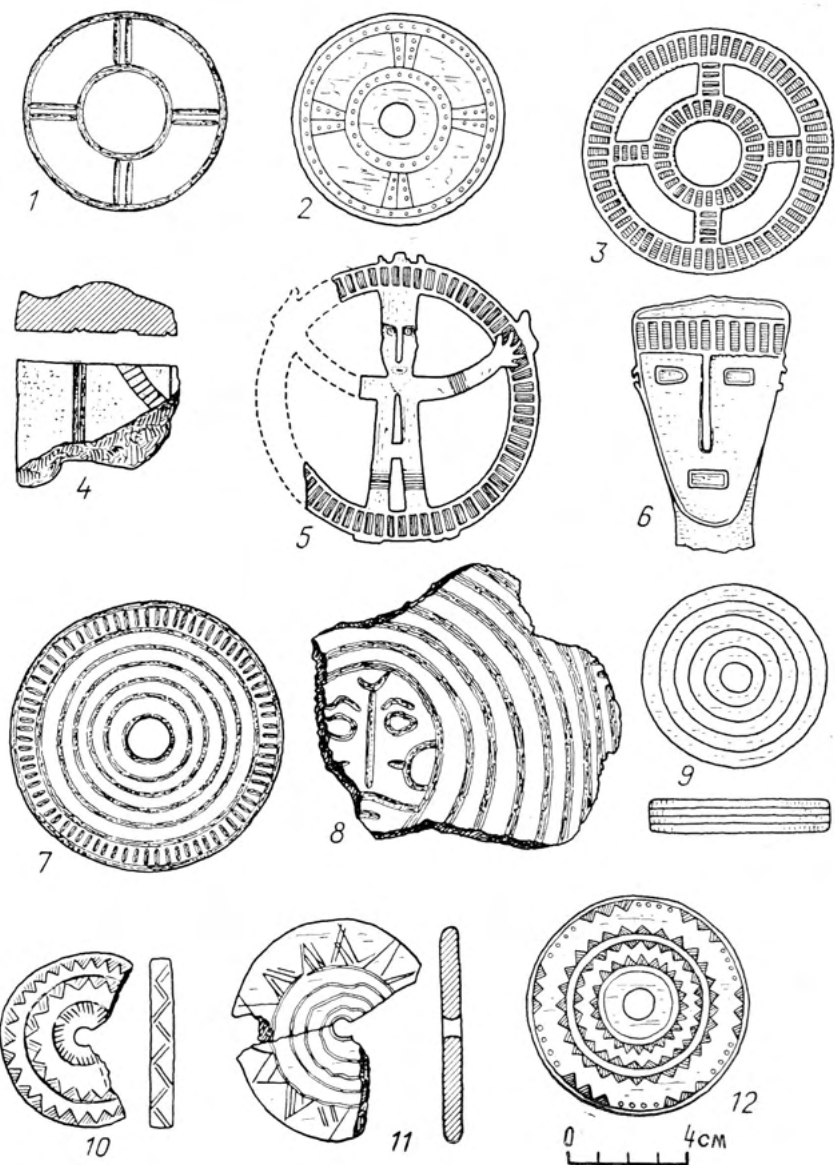

Рис. 82. Древние и этнографические солярные изображения из разных мест западно-сибирской тайги

1, 7, 8 — рисунки на днищах из Самусьского IV поселения (бронзовый век); 2, 9, 12 — хантыйские костяные пряслица (по рисункам А. А. Попова); 3 — солярное изображение из олова (ханты); 4 — обломок формы для отливки солярного круга из Самусьского IV поселения (бронзовый век); 5 — бронзовое солярное изображение из с. Новый Напас на р. Тым (случайная находка); 6 — бронзовая личина из Кривошеинского клада (эпоха раннего железа); 10 — глиняное пряслице с солярным орнаментом из Десятовского поселения (бронзовый век); 11 — каменное пряслице из Самуся IV (бронзовый век)

нарочно через посредство знакомых купцов»¹⁰⁷. В свете изложенного становится понятной распространенность в урало-западносибирской тайге сасанидских серебряных блюд, находки которых приурочены, как правило, к древним жертвенным местам и святилищам.

Западносибирские этнографические материалы говорят о том, что в почитании солнца особенно отчетливо проявляются две идеи: а) идея возрождения; б) идея добра и света, противостоящая всему темному и злему. У селькупов Небесная мать, или Жизнедательница-Старуха, каждое утро на кончике лучей посылает на землю души рождающимся людям. Души эти представлены в образе птички¹⁰⁸. Подобные представления известны у ваховских остяков; они считают, что Пугос-лунг (Мать-дух), или Торум-анка (Мать бога), живет на востоке, у солнца. От нее зависит рождение ребенка: она пестует младенцев — таких маленьких, что «на глаз не видно», а утром, с первым лучом восходящего солнца, посылает их на землю: куда попадает этот луч, там родится ребенок¹⁰⁹.

В фольклоре селькупов солнце способно оживить убитого. Для этого кусочки его тела собирают и складывают на восточной стороне чума на шкуре белого оленя. Едва лучи солнца коснутся его, умерший оживает¹¹⁰. Интересно, что солнечный луч («ильсат») в переводе с селькупского означает «душа» и «то, что оживляет»¹¹¹. Солнце обладало способностью возрождать не только людей, но и все живое. Кости медведя, лося, оленя и других животных кеты относили в лес и складывали в дупле или у основания дерева с восточной стороны, веря, что это является необходимым условием возрождения убитых зверей и, следовательно, залогом будущих охотничьих удач¹¹². Одной из основных тем древней наскальной живописи Урала, по мнению В. Н. Чернецова, была тема «весеннего оживания природы и идея размножения»; он отмечает, что содержание этой темы раскрывается солярно-небесными символами, которые сопровождают на уральских писаницах изображения лося и водоплавающей птицы¹¹³.

В представлениях западносибирских аборигенов солнце охраняло от злых духов и опасностей. По свидетельству Г. И. Пелих, у нарымских селькупов «изображением солнца защищалось раньше любое отверстие, ведущее в дом, в крыше, в стене»¹¹⁴. Возможно, солярные узоры на западносибирской керамике эпохи бронзы, приуроченные обычно к придонной части и устью сосудов, были призваны исполнять роль своего рода оберегов — защищать содержимое сосудов от злых чар и вредоносных действий.

Культ огня. В погребениях эпохи раннего металла и первых этапов бронзового века на исследуемой территории обычны следы огня. Так, в Самусьском могильнике присутствие огня зафиксировано в восьми могилах (из 16), в том числе в трех — трупосожжение¹¹⁵. В могильнике на Мусульманском кладбище следы огня отмечены в 16 погребениях (из 30)

¹⁰⁷ Анучин Д. Н., 1893, с. 97.

¹⁰⁸ Прокофьева Е. Д., 1952, с. 103.

¹⁰⁹ Шатилов М. Б., 1931, с. 101.

¹¹⁰ Прокофьева Е. Д., 1961, с. 6.

¹¹¹ Прокофьева Е. Д., 1952, с. 103.

¹¹² Алексеенко Е. А., 1967, с. 175.

¹¹³ Чернецов В. Н., 1971, с. 83.

¹¹⁴ Пелих Г. И., 1964, с. 136.

¹¹⁵ Матющенко В. И., 1973а, с. 35.

при одном случае полного трупосожжения¹¹⁶. В ранних погребениях Томского могильника на Большом Мысе присутствие огня обнаружено во всех восьми случаях (полное трупосожжение по А. В. Адрианову)¹¹⁷. В Ростовкинском могильнике самусьско-сейминской эпохи удельный вес трупосожжений и погребений со следами огня как будто снижается, но поскольку полной публикации памятника нет, говорить об этом с полной определенностью трудно. На более поздних этапах бронзового века погребения со следами огня редки. В Томском могильнике на Малом Мысе (12 погребений) они не отмечены ни в одном случае. Нет их, судя по краткой публикации, и в Черноозерском могильнике, где свердловские археологи исследовали 170 погребений андроновского времени¹¹⁸. К концу бронзового века роль огня в похоронном обряде вроде бы опять несколько возрастает. Во всяком случае, в могилах еловской и ирменской культур из Еловки встречаются не только следы огня, но даже трупосожжения¹¹⁹, однако не настолько часто, чтобы считать огонь характерной чертой погребального ритуала.

По сибирским этнографическим материалам об отношении аборигенов к огню и в оценке его роли в тех или иных ритуальных действиях было много противоречий. Так, с одной стороны, считалось, что огонь был необходим покойникам: манси, например, не сжигали в дороге всех запасенных для костра дров — обязательно оставляли хотя бы одно полено, чтобы тень умершего (душа-тень), идущая в загробный мир, могла согреться у костра¹²⁰. С другой стороны, покойники вроде бы боялись огня: ханты, чтобы не допустить возвращения умершего, в течение нескольких дней после смерти родственника поддерживали постоянный огонь в жилище¹²¹. У обских угров, селькупов, кетов и других сибирских народностей считалось, что сожжение тела и костей животных либо человека означает уничтожение его души, окончательную смерть, исключаящую возможность возрождения. Так, обские угры прежде, убив медведя-людоеда, сжигали его. «Сжигая кости виновного в смерти человека медведя, — пишет по этому поводу Н. Харузин, — инородец уничтожает последнего окончательно, он умерщвляет его дух»¹²². Этот обычай находится в противоречии с обрядом трупосожжения, который имел место у непосредственных предков обских угров и селькупов¹²³, причем у последних дожил до современности.

Видимо, отмеченные выше противоречия явились результатом многокомпонентности культуры современных западносибирских аборигенов, смешения элементов идеологии разных этнических групп и разных эпох. В этой связи важно выделить общее в отношении к огню у всех сибирских народов. Этим общим является: а) вера в очистительную и охранительную силу огня; б) ассоциация огня с женским началом; в) обычай «кормления» огня. Общераспространенность этих трех элементов огневого культа является свидетельством их глубочайшей древности.

¹¹⁶ Там же, с. 39.

¹¹⁷ Матющенко В. И., 1973а, с. 41.

¹¹⁸ Генинг В. Ф., Ещенко Н. К., 1973.

¹¹⁹ Матющенко В. И., 1974, с. 121—123.

¹²⁰ Гондатти Н. Л., 1888, с. 101—102.

¹²¹ Дунин-Горкавич А., 1911, с. 27.

¹²² Харузин Н., 1899.

¹²³ Викторова В. Д., 1968б, с. 254; Чиндина Л. А., 1974.

Нельзя считать, однако, что наличие следов огня в древних могилах во всех случаях следует воспринимать как свидетельство культа огня. Разбирая некоторые особенности древнего погребального обряда в свете этнографических параллелей, мы говорили о вещах, которые клались в могилу, чтобы сопровождать покойника в загробный мир. Среди этих обязательных вещей, видимо, должен был быть и огонь (или приспособление для его добывания). Именно так объясняет наличие огня в серовских могилах А. П. Окладников. Особенно большие трудности покойник, не имеющий огня, испытывает на пути в загробный мир, который совершается в ночное время¹²⁴. Следы огня, которые мы часто обнаруживаем в могильных ямах в виде углей, являлись, возможно, остатками костра, который «клали» покойнику вместе с другим погребальным инвентарем. Огонь могли оставлять как в могильной яме, так и наверху. Кеты, например, разводили костер у могильной ямы, а когда могилу закапывали, огонь тушили¹²⁵. В данном случае тушение костра и порча погребального инвентаря выглядят как один и тот же ритуал, имеющий целью дать возможность огню (как и другим принадлежностям: оружию, украшениям, посуде и др.) сопровождать покойника в мир мертвых. У селькупов, после того как труп снимали с дерева, его помещали в яму, а сверху разводили костер; когда костер прогорал и обрушивался в могилу, ее торопились засыпать землей, пока огонь еще не потух¹²⁶, т. е. здесь тоже видно стремление «умертвить» огонь.

Не исключено, что присутствие огня в древних могилах в некоторых случаях явилось следствием ритуала очищения могилы. Этот обряд известен, например, у селькупов, которые перед тем, как опустить гроб в яму, окуривали ее, сжигая ветки сосны или кедра¹²⁷. Интересно, что огонь разводился в сломанном глиняном горшке, который потом ставили в ноги покойника¹²⁸.

В преданиях западносибирских аборигенов ритуал сожжения трупа упоминается чаще всего по отношению к врагу. По ханты-мансийским героическим сказаниям, богатырь, сжигая тело врага, все время сбивал искры на землю, чтобы вместе с ними душа убитого не смогла подняться на небо.¹²⁹ Это свидетельство чрезвычайно интересно. Оно наводит на мысль, что при других обстоятельствах ритуальное сожжение трупа могло, наоборот, способствовать вознесению умершего в верхний мир. У А. П. Окладникова есть интересная подборка этнографических примеров, показывающая, что двойственное представление о загробном мире было распространено очень широко. Даяки, например, верили, что во время сожжения трупа душа вместе с дымом и пламенем возносится на небо; если человек был злым, то дым опускался вниз, а душа попадала в подземное царство¹³⁰.

Выше мы говорили о возможности существования у западносибирского населения в эпоху бронзы веры в душу-тень и бессмертную душу, обеспечивающую наследование жизни. Они, видимо, соответствуют пер-

¹²⁴ Окладников А. П., 1950, с. 357—359.

¹²⁵ Народы Сибири, с. 697.

¹²⁶ Пелих Г. И., 1972, с. 72.

¹²⁷ Пелих Г. И., 1966, с. 105.

¹²⁸ Пелих Г. И., 1972, с. 76.

¹²⁹ Там же, с. 281.

¹³⁰ Окладников В. И., 1959.

вой и четвертой душам человека, известным по представлениям обских угров (остальные души прекращали свое существование со смертью человека или вскоре после его захоронения)¹³¹. Душа-тень после смерти человека следовала в страну мертвых, где, повторив еще один жизненный цикл, подобный земному, умирала окончательно; с представлением о ее последующей жизни были связаны почти все наблюдаемые нами черты древнего погребального обряда: закапывание покойника в землю, снабжение его пищей и инвентарем, обряды, имеющие целью предотвратить блуждание тени умершего среди живых, и т. д. Этнографические материалы говорят о том, что оставшиеся в живых испытывали страх перед душой-тенью и той мрачной страной, где она продолжала свое существование. Напротив, бессмертная душа, от которой зависело продолжение рода, до переселения в новорожденного жила в виде птички на дереве (например, у северных угров, нанайцев) или улетала к солнцу (например, у селькупов и ваховских хантов); солнце потом посылало эти души рождающимся младенцам на кончике своих лучей. Похожий параллелизм посмертной судьбы человека отмечен у кетов: запад у них — темный мир, страна мертвых; восток — страна света и возрождения¹³². Можно допустить, что обряд трупосожжения (во всяком случае, там, где встречается как исключение) применялся к наиболее почетным членам рода, которые имели преимущественное право на бессмертие и которым и в другом мире предстояло играть какую-то особую роль. По свидетельству И. Г. Георги, карагасы сжигали только тех покойников, «которых отменно почитали»¹³³. В этой связи очень интересно сообщение В. И. Матюченко, что среди группы ирменских погребений Еловского II могильника, сконцентрированных под отдельными курганами, одна могила почти всегда была сооружена по обряду трупосожжения¹³⁴. Видимо, в этих ритуалах нашла отражение зарождающаяся вера в два возможных варианта посмертной судьбы человека, предвосхитившая представление о рае и аде.

¹³¹ Чернецов В. Н., 1959.

¹³² Алексеенко Е. А., 1967, с. 202.

¹³³ Георги И. Г., 1799, с. 20.

¹³⁴ Матюченко В. И., 1974, с. 110.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя работа является первым опытом обобщения большого и чрезвычайно сложного материала по бронзовому веку Западной Сибири. Однако на необъятном западносибирском территориальном фоне имеющийся материал не выглядит слишком богатым и объемным. Во всяком случае, сейчас он еще недостаточен, чтобы показать локальные, культурные и хронологические особенности погребального ритуала и ряда других черт материальной и духовной культуры; в нашем распоряжении пока слишком мало данных для определения конкретных проявлений и удельного веса тех или иных сторон хозяйства в разных районах на разных исторических этапах; мы до сих пор почти ничего не знаем о бронзовом веке северной половины Западно-Сибирской равнины. На восполнение этих пробелов понадобятся многие годы активных полевых исследований всего коллектива западносибирских археологов.

Задачи дальнейшего изучения бронзового века Западной Сибири в значительной мере вытекают из нынешнего состояния археологической изученности этой темы. Новые археологические исследования, видимо, следует направить в первую очередь на изучение глубинных таежных районов, демонстрирующих наиболее «чистые» линии преемственности культурных традиций. Вместе с этим необходимо продолжать активные археологические работы в районах, лежащих на стыке культурных ареалов, особенно в Тюменском Притоболье и Томско-Нарымском Приобье, материалы которых отражают наиболее существенные культурные, социальные и экономические события древности, происходившие на территории Западной Сибири в целом. Другой важной задачей является изучение переходных эпох — от неолита к бронзовому веку и от бронзового века к железному. Эти узловые исторические периоды совпадают с самыми крупными социально-экономическими открытиями и достижениями первобытной эпохи. Выявление конкретных исторических, экономических и экологических обстоятельств, сопутствовавших этим «скачкам», внесло бы много нового в понимание содержания и динамики древних исторических процессов. Среди общих «сквозных» теоретических проблем наиболее важной и актуальной остается проблема происхождения современных западносибирских народов, и в этом отношении следует продолжать выявление и изучение этапов преемственности культурных традиций — с древнейших времен до этнографической современности. Это позволит в будущем успешней использовать ретроспективный метод в исследовании вопросов этногенеза.

В исследованиях ближайших лет необходимо также уделить внимание проблеме связей древнего населения Западной Сибири и Восточной

Европы. Это особенно важно в связи с выявлением на территории Западной Сибири гребенчатого, гребенчато-ямочного и отступающе-накольчатого культурных ареалов эпохи неолита и бронзы, которые по своим орнаментальным комплексам весьма близки неолитическим и энеолитическим культурам Восточной Европы. Разработка этой проблемы помогла бы снять многие неясности, касающиеся хронологии, происхождения, этнической принадлежности и исторических судеб древних западно-сибирских и восточноевропейских культур эпохи бронзы. Однако материалы об этих связях накапливаются почти исключительно пермскими, казанскими и отчасти уфимскими археологами. Дело в том, что в пределах таежной зоны археологически улавливаемые для бронзового века этнокультурные импульсы шли в основном с востока на запад: появление на гаринских поселениях Прикамья зауральской керамики аятского типа с тальковой примесью (эпоха ранней бронзы), активное распространение в Восточной Европе самусьско-сейминских бронз (развитой бронзовый век), внедрение в приуральские орнаменты многих элементов черкаскульско-замараевского декоративного комплекса (эпоха поздней бронзы) и др. К сожалению, эти данные почти не вводятся в научный оборот и до сих пор остаются по существу вне поля зрения западносибирских археологов.

Публикуемая монография выполнена на уровне имеющегося материала и в соответствии с реальными исследовательскими возможностями. Объем археологической информации из года в год увеличивается, и через некоторое время возникнет необходимость в новом обобщающем исследовании, где будут уточнены и дополнены изложенные нами данные и, возможно, пересмотрены отдельные положения. Это естественно, так как задачей обобщающих работ является не «заккрытие» темы, а прежде всего создание базы для новых плодотворных исследований, выявление наиболее рациональных и перспективных путей дальнейших научных поисков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К. Вынужденная эмиграция. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8.
- Маркс К. Капитал, т. I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23.
- Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 гг., ч. I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.
- Абрамович Д. И., Крылов Г. В., Николаев В. А., Терновский Д. Ф. Западно-Сибирская низменность. М., 1963.
- Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Отчет о работах Южно-Казахстанской экспедиции 1953 г. — ТИИАЭ АН КазССР, Алма-Ата, 1956, т. I.
- Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. Переселение народов и формирование этнических общностей. — СЭ, 1967, № 2.
- Алексеев Е. А. Кеты. Л., 1967.
- Алексеев Е. А. К вопросу о роли фактора родства в социальной жизни кетов. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
- Анушин Д. И. Древний остяцкий серебряный идол, изображающий слона. — Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом. М., 1893, т. I.
- Арсланова Ф. Х. Погребения эпохи бронзы Зевакинского могильника. — В кн.: Первобытная археология. Л., 1975.
- Артемчук Н. Л. Сравнительная оценка патологического генофонда изолированных популяций. — В кн.: Второй съезд Всесоюзного общества генетиков и селекционеров (тезисы работ). М., 1972, IV.
- Архипов С. А., Вдовин В. В., Мизеров В. В., Николаев В. А. Западно-Сибирская равнина. М., 1970.
- Бадер О. Н. Раскопки Турбинского I могильника. — В кн.: Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. М., 1959, вып. I.
- Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Прикамье. — МИА, 1961, № 99.
- Бадер О. Н. Древнейшие металлургии Приуралья. М., 1964.
- Бадер О. Н. Уральский неолит. — В кн.: Каменный век на территории СССР. М., 1970а.
- Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970б.
- Бакина Г. П., Варанкин Н. В., Кернер В. Ф., Паутова Т. М. Исследования на Андреевском озере. — АО 1977 г. М., 1978.
- Баранес А. П., Косарев А. Ф., Славин В. Д. Еловский археологический комплекс. — Учен. зап. ТГУ, 1966, № 60.
- Баргенов В. В. Понятия обдорских остяков о грехе. — ЕТГМ, 1895—1896, вып. V.
- Баргенов В. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб., 1896.
- Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках. — Изв. науч.-исслед. ассоциации Ин-та народов Севера. Л., 1945, вып. 3.
- Белокобыльский Ю. Г., Магюченко В. И. Исследования ранних памятников у деревни Могильники Кожвинковского района Томской обл. — ИИС, Томск, 1969, вып. 2.
- Берс Е. М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей. — МИА, 1951, № 21.
- Берс Е. М. Памятники и керамика гамаюнской культуры. — В кн.: Из истории Урала. Свердловск, 1960.
- Богданова Л. Ю., Варанкин Н. В., Стефанова Н. К. Раскопки на поселении Ташково I. — АО 1977 г. М., 1978.
- Борзунов В. А. Исследование городищ эпохи раннего железа на реках Багаряк и Синаре. — АО 1976 г. М., 1977.
- Борзунов В. А. Раскопки Зотинских городищ на р. Багаряк. — АО 1977. М., 1978.
- Борисов А. А. У самоедов. СПб., 1907.

- Буров Г. М. Результаты раскопок Висских торфяников. — Учен. зап. ТГУ, 1968, № 191.
- Буров Г. М. Прочная оседлость и закорное рыболовство у неолитических племен Северо-Восточной Европы. — В кн.: Первобытный человек и природная среда. М., 1974.
- Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И. [Рец. на кн.:] Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976. — СЭ, 1977, № 5.
- Василевич Г. М. Некоторые вопросы племени и рода у эвенков. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
- Васильев Б. А. Медвежий праздник. — СЭ, 1948, № 4.
- Васильев В. И. Лесные энцы. — В кн.: Сибирский этнографический сборник. М., 1963, т. V.
- Васильев В. И. Проблема формирования фратриально-родовой организации сибирских ненцев в этнографическом аспекте. — ИИС. Томск, 1976, вып. 21.
- Васильев Е. А. Работы в Нижнем Приобье. — АО 1977 г. М., 1978.
- Вебров Г. Д. Лесные ненцы. — СЭ, 1936, № 2.
- Викторов В. П., Борзунов В. А. Городище эпохи бронзы у с. Черноозерье на Иртыше. — ИИС. Томск, 1974, вып. 15.
- Викторова В. Д. Сосновый Остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья. — СА, 1968а, № 4.
- Викторова В. Д. Памятники лесного Зауралья в X—XIII вв. н. э. — Уч. зап. ТГУ, 1968б, № 191.
- Викторова В. Д., Юровская В. Т. Раскопки на Андреевском озере у г. Тюмени. — АО 1972 г. М., 1973.
- Викторова В. Д., Юровская В. Т. Работы Тюменского отряда. — АО 1974 г. М., 1975.
- Гаджиев И. М., Савина Л. Н. Палинологическое исследование дерново-подзолистых почв со вторым гумусовым горизонтом Западной Сибири. — В кн.: География и генезис почв Сибири. Новосибирск, 1976.
- Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Поселение Кокуй I. — ВАУ, 1969, Свердловск, вып. 8.
- Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Логиновское городище. — ВАУ, 1969, Свердловск, вып. 8.
- Генинг В. Ф., Гусеницова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья. — В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
- Генинг В. Ф., Ещенко Н. К. Могильник эпохи поздней бронзы Черноозерье I. — ИИС. Томск, 1973, вып. 5.
- Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, ч. III.
- Глазская З. К. Новое в искусстве неолита на Енисее. — В кн.: Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963.
- Голдина Р. Д. Городище Кучум-Гора. — ВАУ, Свердловск, 1969, вып. 8.
- Голдина Р. Д., Крижевская Л. Я. Одино — поселение эпохи бронзы в западносибирском лесостепе. — КСИА, 1971, вып. 127.
- Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1905.
- Гондatti Н. Л. Культ медведя у западносибирских инородцев. — Труды этнографического отделения О-ва любителей естествознания, археологии и этнографии. 1887, т. VIII.
- Гондatti Н. Л. Предварительный отчет о поездке в северо-западную Сибирь. М., 1888.
- Гордягин А. Предварительный отчет о геоботанических исследованиях в южной полосе Тобольской губ. — ЕТГМ, 1897, вып. VII.
- Городков Б. Очерк растительности низовьев Конды. — ЕТГМ, 1910, вып. XX.
- Городков Б. Путевой дневник. — ЕТГМ, 1913, вып. XXI.
- Горшенин К. П. Почвы Южной Сибири. М., 1955.
- Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. — СА, 1952, т. XVI.
- Грязнов М. П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. — КСИЭ, 1955, вып. XXIV.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби. — МИА, 1956а, № 48.
- Грязнов М. П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. — КСИИМК, 1956б, вып. 64.
- Грязнов М. П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. — КСИЭ, 1957, вып. XXVI.
- Гундризер А. Н. Рыбы из поселения Еловка на Оби. — Учен. зап. ТГУ, 1966, № 60.
- Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. — ТИЭ, 1967, т. 18.

- Денисов В. П. Культура эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры. — Учен. зап. ПГУ, 1967, № 148.
- Дзенс-Литовский А. И. Палеогеографическая стратификация донных озер и торфяных болот СССР. — Труды лаборатории озероведения АН СССР. М.; Л., 1957, т. V.
- Дмитриев П. А. Липчинская неометаллическая стоянка. — ТСА РАНИОН, 1928, вып. II.
- Дмитриев П. А. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы. — МИА, 1951а, № 21.
- Дмитриев П. А. Шигирская культура на восточном склоне Урала. — МИА, 1951б, № 21.
- Долгих Б. О. Образование современных народностей Севера СССР. — СЭ, 1967, № 3.
- Долгушин И. Ю. Влияние колебаний климата на природу и условия хозяйственного освоения Среднего Приобья. — Изв. АН СССР, Сер. геогр., 1968, № 5.
- Долуханов П. М., Тимофеев В. И. Абсолютная хронология неолита Евразии. — В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
- Дрябина Л. А., Кругских Н. А., Шорин А. Ф. Раскопки на островах оз. Аргазин. — АО 1976 г. М., 1977.
- Дрябина Л. А., Жилина И. В., Кругских Н. А., Шорин А. Ф. Исследование черкаскульских могильников в Челябинской обл. — АО 1977 г. М., 1978.
- Дульзон А. П. Землянка эпохи бронзы на Средней Оби. — Учен. зап. ТГУ, 1966, № 60.
- Дунин-Горкавич А. А. Север Тобольской губернии. — ЕТГМ, 1897, вып. VIII.
- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Тобольск, 1911, т. III.
- Евдокимова Г. В. К вопросу о молчановской культуре. — ИИС, Томск, 1973, вып. 7.
- Елькина М. В. Раскопки поселений раннего железа на Барсовой Горе близ г. Сургута. — АО 1975 г. М., 1976.
- Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье. — В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977.
- Ефимова Л. И., Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Эволюция почв и растительности Васюганья в позднем голоцене. — В кн.: Материалы исследования природной среды и населения Западной Сибири. Томск, 1975.
- Зайберг В. Ф. Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим. — КСИА, 1973, вып. 134.
- Западная Сибирь. М., 1963.
- Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области. — ВАУ, Свердловск, 1973, вып. 12.
- Зданович Г. Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишмыя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
- Земцов А. А. Геоморфология Западно-Сибирской равнины. Томск, 1976.
- Зубаков В. А. Палеогеография Западно-Сибирской низменности в плейстоцене и позднем миоцене. Л., 1972.
- Извлечения из дневника Красноуфимского отряда. — ЕТГМ, 1895—1896, вып. V.
- Иоганзен Б. Г. Природа Томской обл. Томск, 1963.
- Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847.
- Исмаилов Е. Д. Памятники черкаскульской культуры Бельско-Икского междуречья на территории Татарии. — В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
- Кац Н. Я. К истории позднечетвертичной флоры и климата Севера СССР. — В кн.: Материалы по четвертичному периоду СССР. М., 1952.
- Кинжалов Р. В. Серебряная пластина с изображением парфянского царя. — СА, 1959, № 2.
- Кипарисова Н. П. О культурах лесного Зауралья. — СА, 1960, № 2.
- Кирюшин Ю. Ф. Археологические работы в Среднем Приобье. — АО, 1971, М., 1972.
- Кирюшин Ю. Ф. Развитие керамических орнаментов эпохи бронзы в Нарымском Приобье. — В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973а.
- Кирюшин Ю. Ф. О культурной принадлежности памятников эпохи бронзы в Нарымском Приобье. — ИИС, Томск, 1973б, вып. 7.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — МИА, 1949, № 9.
- Киселев С. В. Неолит и бронзовый век Китая. — СА, 1960, № 4.
- Ковалева В. Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере. — В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977.

- Ковалева В. Т.* Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
- Ковалева В. Т., Варанкин Н. В.* К вопросу о происхождении боборыкинской культуры. — В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976.
- Ковалева В. Т., Варанкин Н. В.* Новые памятники на оз. Андреевском. — АО 1976 г. М., 1977.
- Комарова М. Н.* Погребения Окунева Улуса. — СА, 1947, IX.
- Комарова М. Н.* Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. — МИА, 1952, № 24.
- Комарова М. Н.* Неолит Верхнего Приобья. — КСИМК, 1956, вып. 64.
- Комарова М. Н.* Относительная хронология памятников андроновской культуры. — Археологический сборник Госэрмитажа. Л., 1962, 5.
- Кондратьев О. М.* Раскопки поселения эпохи ранней бронзы Черноозерье VI в 1970 г. — ИИС, Томск, 1974, вып. 15.
- Косарев М. Ф.* Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964.
- Косарев М. Ф.* О культурах андроновского времени в Западной Сибири. — СА, 1965, № 2.
- Косарев М. Ф.* Литейная форма из Среднего Приобья. — СА, 1966а, № 3.
- Косарев М. Ф.* Орнаменты на днищах сосудов бронзового века в низовьях Томи. — КСИА, 1966б, вып. 106.
- Косарев М. Ф.* О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири. — СА, 1972, № 2.
- Косарев М. Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974а.
- Косарев М. Ф.* К проблеме западносибирской культурной общности. — СА, 1974б, № 3.
- Косарев М. Ф.* По поводу статьи Д. П. Славина. — ИИС, Томск, 1975, вып. 16.
- Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1976.
- Косинская Л. Л.* Обследование неолитических поселений по Ишиму и Иртышу. — ИИС, Томск, 1974, вып. 15.
- Крашенинников М. В.* Гидрографическая характеристика района Васюгана. — В кн.: Природа и экономика Привасюганья. Томск, 1966.
- Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник. — Труды ГИМ, 1948, вып. 17.
- Крижевская Л. Я.* Некоторые данные о неолите и ранней бронзе западносибирского лесостепья. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
- Крижевская Л. Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977.
- Крылов Г. В.* Леса Западной Сибири. М., 1961.
- Кузнецов К. А.* Почвы Томской области. — В кн.: Вопросы географии Сибири. Томск, 1951, II.
- Кузьмина Е. Е.* Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников андроновского типа на Урале. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Кулемзин В. М.* Шаманство васюганско-ваховских хантов. — В кн.: Из истории шаманства. Томск, 1976.
- Липский А. Н.* Карасукские погребения в г. Абакане. — Краеведческий сборник. Абакан, 1956, № 1.
- Львов В.* Самоеды. М., 1908.
- Максимова А. Г.* Эпоха бронзы Восточного Казахстана. — ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1959, т. 7.
- Максимова А. Г.* Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-тары. — ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1962, т. 14.
- Маретин Ю. В.* Кочевые кубы Восточной Суматры и их место на ступенях эволюции общества. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
- Марков Г. Е.* Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии. — СЭ, 1973, № 1.
- Матюшин Г. Н.* К проблеме неолита Южного Урала. — В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
- Матюшин Г. Н.* Памятники эпохи раннего металла Южного Зауралья. — КСИА, 1971, вып. 127.
- Матюшин Г. Н.* О наконечниках кельминарского типа на Урале. — В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
- Матюшин Г. Н., Красновская Л. В., Куйбышев А. В., Рыжов Ю. Ф.* Южно-Уральская экспедиция. — АО 1972 г. М., 1973.
- Матющенко В. И.* Вопросы датировки томских неолитических памятников. — Учен. зап. ТГУ, 1960а, № 35.
- Матющенко В. И.* Неолит и бронзовый век в бассейне р. Томи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1960б.
- Матющенко В. И.* Самусьский могильник. — Тр. ТГУ, 1961а, № 150.

- Матюшенко В. И. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV. — СА, 1961б, № 4.
- Матюшенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья, ч. 1. Верхнеобская культура. — ИИС, Томск, 1973а, вып. 9.
- Матюшенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья, ч. 2. Самусьская культура. — ИИС, Томск, 1973б, вып. 10.
- Матюшенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья, ч. 3. Андроновская культура. — ИИС, Томск, 1973в, вып. 12.
- Матюшенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья, ч. 4. Еловско-прменская культура. — ИИС, Томск, 1974, вып. 12.
- Матюшенко В. И., Ложникова Г. В. Раскопки могильника у д. Ростовка близ Омска в 1966—1969 гг. — ИИС, Томск, 1969, вып. 2.
- Миненко Н. А. История Новосибирской области. Новосибирск, 1975.
- Могильников В. А. Культура племен лесного Прииртышья IX—XIII вв. н. э. — Учен. зап. ПГУ, 1968а, № 191.
- Могильников В. А. Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка II. — КСИА, 1968б, вып. 114.
- Могильников В. А. Находки из с. Пиковки. — СА, 1969, № 3.
- Молодин В. И. Преображенка III — памятник эпохи раннего металла. — ИИС, Томск, 1973, вып. 7.
- Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепной полосы Обь-Иртышского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1975а.
- Молодин В. И. Кротовская культура и ее окружение. — В кн.: Соотношение древних культур Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1975б.
- Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепной Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.
- Мошинская В. И. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде. — МИА, 1953, № 35.
- Мошинская В. И. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири. — МИА, 1957, № 58.
- Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника. — КСИА, 1964, вып. 101.
- Мягков П. М. Древности Нарымского края. — ТТКМ. Томск, 1929, т. II. Народы Сибири. М.; Л., 1956.
- Нейштадт М. И. Мировой природный феномен — заболоченность Западно-Сибирской равнины. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1971, № 1.
- Никонов С. П., Тарасенков Г. Н., Черезов И. В. География Тюменской области. Свердловск, 1968.
- Носилов К. Д. У вогулов. Очерки и наброски. СПб., 1904.
- Общественный строй народов Северной Сибири. М., 1970.
- Обыденков М. Ф. Памятники черкаскульской культуры на территории Башкирской АССР. — В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I, II. — МИА, 1950, № 18.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III. — МИА, 1955, № 43.
- Окладников А. П., Мартынов А. П. Сокровищница Томских писаниц. — М., 1972.
- Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. — ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1958, т. 5.
- Патканов С. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891.
- Патрушев В. С. Кельты старшего Ахмыловского могильника и их функциональное значение. — КСИА, 1971, вып. 128.
- Пелих Г. И. К вопросу о родоплеменном строе нарымских селькупов. — Труды ТГУ, 1963, т. 165.
- Пелих Г. И. К истории селькупского шаманства. — Труды ТГУ, 1964, т. 167.
- Пелих Г. И. Досамодийский тип жилища нарымских селькупов. — Учен. зап. ТГУ, 1966, № 60.
- Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.
- Петров А. И. Работы в таежном Прииртышье. — АО 1977 г. М., 1978.
- Попов А. А. Нганасаны. — ТИЭ, 1948, т. III.
- Попов Л. В. Динамика южнотаежных лесов Средней Сибири. — Сибирский географический сборник. М.; Л., 1967, 5.
- Посредников В. А. К вопросу о происхождении прменской культуры. — В кн.: Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска. Томск, 1968, т. 2. Секция гуманитарных наук.
- Посредников В. А. Большеларьякское поселение II — археологический памятник Surgутского Приобья. — ИИС, Томск, 1973а, вып. 5.

- Посредников В. А.* История еловского населения Среднего и Верхнего Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973б.
- Посредников В. А.* Хозяйство еловского населения Приобья. — ИИС. Томск, 1975, вып. 16.
- Потанов Л. П.* Этнографический очерк земледелия у алтайцев. — ТИЭ, 1952, т. XVIII.
- Потемкина Т. М.* К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов. — ИИС. Томск, 1973, вып. 7.
- Потемкина Т. М.* Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тоболе. — СА, 1975, № 1.
- Потемкина Т. М.* Культура населения Среднего Приобья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976.
- Потемкина Т. М.* Раскопки в таежном Приптышье. — АО 1976 г. М., 1977.
- Природа Челябинской области.* Челябинск, 1966.
- Прокофьева Е. Д.* О социальной организации селькупов. — ТИЭ, 1952, т. XVIII.
- Прокофьева Е. Д.* Представления селькупских шаманов о мире. — Сб. МАЭ, 1961, т. XX.
- Прыткова Н. Ф.* Металлическая культовая посуда у угров. — Сб. МАЭ, 1949, т. X.
- Пуляркин В. А.* Экономико-географические процессы в сельском хозяйстве развивающихся стран. М., 1976.
- Пьявченко Н. И.* Болота в биогеоценотическом аспекте. — Природа, 1971, № 4.
- Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. — Труды ГИМ, 1956, вып. 29.
- Романова М. В., Сузина Л. В.* Городища № 5 и 7 раннего железного века на Андреевском озере. — ИИС, Томск, 1974, вып. 15.
- Росляков И. П.* Похоронные обряды остяков. — ЕТГМ, 1895—1896, вып. V.
- Рыбаков С. Г.* Отчет о поездке к киргизам летом 1896 г. по поручению Императорского географического общества. — Живая Старина, 1897, вып. 2.
- Сабанеев Л. П.* Жизнь и ловля пресноводных рыб. М., 1874.
- Савинов Д. Г.* Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае. — В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
- Садовский К. Ф., Лаврентьев М. В.* География Курганской области. Челябинск, 1966.
- Сальников К. В.* К вопросу о стадиях в андроновской культуре. — В кн.: Первое Уральское археологическое совещание. Пермь, 1948.
- Сальников К. В.* Бронзовый век Южного Зауралья. — МИА, 1951, № 21.
- Сальников К. В.* Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. — СА, 1961, № 2.
- Сальников К. В.* Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы. — ВАУ, Свердловск, 1964, вып. 6.
- Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Симченко Ю. Б.* Тамги народов Сибири XVII в. М., 1965.
- Сляднев А. П.* Географические основы климатического районирования и опыт их применения. — Учен. зап. Новосибирского пединститута, 1965, № 21.
- Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. М., 1960.
- Смирнов Н. Г.* Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья. — ВАУ, Свердловск, 1975, вып. 13.
- Сорокин В. С.* [Ред. на кн.:] Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 1960, № 88. — СЭ, 1962, № 1.
- Софронов В. А.* Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы. — В кн.: VII Международный конгресс доисториков и протопристориков. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966.
- Старков В. Ф.* Кокшарово I — многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье. — СА, 1970а, № 1.
- Старков В. Ф.* К вопросу о периодизации зауральского неолита. — В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970б.
- Старков В. Ф.* Стоянка Шапкуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье. — В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976.
- Старков В. Ф., Куйбышев А. В.* Раскопки стоянки Шапкуль I в Тюменской области. — АО 1972 г. М., 1973.
- Старков В. Ф., Куйбышев А. В.* О работах Иртышского отряда — АО 1974 г. М., 1975.
- Старцев Г.* Остяки. Социально-экономический очерк. Л., 1928.
- Старцева Л. М.* Керамика городища Кижирова. — Учен. зап. ТГУ. Томск, 1966, № 60.

- Стефанов В. И.* Поселения эпохи бронзы в Среднем Припутье. — ИИС, Томск, 1974, вып. 15.
- Стефанов В. И.* Исследования в Среднем Припутье. — АО 1976 г. М., 1977.
- Стоколос В. С.* Культура населения Южного Зауралья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967.
- Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.
- Стойнов В. Е.* Ранний железный век Западносибирской лесостепи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.
- Студзицкая С. В.* Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы. — В кн.: Экспедиции ГИМ. М., 1969а.
- Студзицкая С. В.* Бронзовый кинжал из собрания ГИМ. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969б.
- Ступина Н. М.* Западносибирская лесостепь: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965.
- Тарасов В.* Хождение за девять рек. Новосибирск, 1971.
- Тахаев Х. Я.* Природные ресурсы Башкирской АССР. Уфа, 1959.
- Теплухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. — Материалы по этнографии. Л., 1929, т. IV, вып. 2.
- Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Прикамье. — МИА, 1960, № 90.
- Трошцкая Т. Н.* Памятники андроновской культуры. — Научные труды Новосибирского пединститута, 1969, вып. 31.
- Трошцкая Т. Н.* О культурных связях населения Новосибирского Приобья в VII—VI вв. до н. э. — В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
- Туголуков В. А.* Хантайские эвенки. — ТИЭ, 1963, т. 84.
- Ураев Р. А.* Кривошеинский клад. — ТТОКМ, 1956, т. V.
- Федорова Н. В.* Исследования на городище Потчеваш у г. Тобольска. — ИИС, Томск, 1974, вып. 15.
- Федорова Р. В.* Пожары на торфяных болотах. — Природа, 1973, № 1.
- Федорова-Давыдова Э. А.* Андроновское погребение XVI—XV вв. до н. э. — Труды ГИМ. 1960, вып. 37.
- Флоринский В. М.* Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Томск, 1894, ч. II.
- Харузин Н.* Медвежья присяга и тотемистические основы культа медведя у остяков и вогулов. М., 1899.
- Хлобыстин Л. П.* Липовая Курья — поселение «андроноидной» культуры Южного Зауралья. — КСИА, 1968, вып. 114.
- Хлобыстин Л. П.* Проблемы социологии неолита Северной Евразии. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
- Хлобыстин Л. П.* Поселение Липовая Курья. Л., 1976.
- Хомич Л. В.* Ненцы. Л., 1966.
- Хомич Л. В.* Некоторые особенности хозяйства и культуры лесных ненцев. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
- Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.
- Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
- Чалай Л. А.* Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки I, II. — В кн.: Поиски и находки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.
- Чемакин Ю. П., Коротаев В. П.* Много-слойное городище Барсов Городок 1/10. — В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976.
- Чернецов В. Н.* Вогульские сказки. Л., 1935.
- Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья. — МИА, 1953а, № 35.
- Чернецов В. Н.* Бронза усть-полуйского времени. — МИА, 1953б, № 35.
- Чернецов В. Н.* Усть-полуйское время в Приобье. — МИА, 1953в, № 35.
- Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. — МИА, 1957, № 58.
- Чернецов В. Н.* Представление о душе у обских угров. — ТИЭ, 1959, т. 51.
- Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. — САИ, 1964, В4—12.
- Чернецов В. Н.* Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем. — In: Congressus secundus internationalis fenno-ugristarum. Helsinki, 1965.
- Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. — САИ, 1971, В4—12 (2).
- Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, 1960, № 88.
- Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1970.
- Чиндина Л. А.* Могилиник Релка. — Вопросы истории Сибири. Томск, 1974, вып. 8.
- Членова Н. Л.* О культурах эпохи бронзы лесостепной зоны Западной Сибири. — СА, 1955, т. XXIII.

- Членова Н. Л. Датировка ирменской культуры. — В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
- Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
- Шатилов М. Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района. — ТТКМ, 1927, т. 1.
- Шатилов М. Б. Ваховские остяки. — ТТКМ, 1931, т. 4.
- Шнирельман В. А. Экологические аспекты неолитической революции в Передней Азии. — В кн.: Актуальные проблемы этнографии. М., 1973.
- Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. — Зап. Географического о-ва СССР, 1957, т. 16.
- Шумилова Н. В. Ботаническая география Сибири. Томск, 1962.
- Шухов И. Зыряне Тарского округа и их охотничий промысел. — Изв. Гос. Западно-Сибирского музея. Омск, 1928, № 1.
- Юровская В. Т. Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени. — БАУ, Свердловск, 1973, вып. 12.
- Юровская В. Т. Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс I. — БАУ, Свердловск, 1975, вып. 13.
- Юровская В. Т., Сосновкин И. Н. Поселение эпохи бронзы на берегу оз. Андреевского близ Тюмени. — В кн.: Вопросы истории Западной Сибири. Тюмень, 1974.
- Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала. — Труды ГИМ, 1940, вып. 10.
- Aberle D. F. Matrilineal Descent in Crosscultural Perspective. — In: Matrilineal Kinship. Berkely and Los Angeles, 1961.
- Binford L. Post-Pleistocene Adaptation. — In: New Perspectives in Archaeology. Chicago, 1970.
- Childe U. G. Man make himself. New York, 1951.
- Murdock G. P. World ethnographic Sample. — American Anthropologist, 1957, 59.
- Murdock G. P. The Current Status of World's Hunting and Gathering Peoples. — In: Man the Hunter. Chicago, 1968.
- Steinitz W. Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien. — Ethnos, Stockholm, 1938, N 4/5.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Берс Е. М. Отчет по раскопкам Палкинской археологической экспедиции Уральского университета в 1950 г. — Архив ИА, № 443.
- Берс Е. М. Альбом фотографий, прилагаемых к отчету по раскопкам Среднеуральской экспедиции за 1956 г. — Архив ИА, № 1305а.
- Берс Е. М. Отчет о раскопках 1957 г. Среднеуральской археологической экспедиции Уральского университета. — Архив ИА, № 1529.
- Берс Е. М. Отчет по раскопкам Среднеуральской археологической экспедиции за 1959 г. — Архив ИА, № 1906.
- Берс Е. М. Альбом к отчету по раскопкам Среднеуральской археологической экспедиции за 1959 г. — Архив ИА, № 1906а.
- Генинг В. Ф. Отчет об археологических исследованиях в Курганской области в 1962 г. — Архив ИА, № 2480.
- Грязнов М. П. Отчет Новосибирской экспедиции об археологических работах в 1954 г. в зоне затопления Новосибирской ГЭС. — Архив ИА, № 1059.
- Кипарисова Н. П. Отчет об археологических работах на берегах озер Иткуль и Черкаскуль в Каслинском районе Челябинской обл. в 1955 г. — Архив ИА, № 1113.
- Кирюшин Ю. Ф. Хронология памятников эпохи бронзы Васюганья (тезисы). Доклад прочитан на заседании сектора неолита и бронзы ИА 12 мая 1972 г.
- Косинская Л. Л. Отчет о раскопках поселения и могильника у д. Ир Абдского района Тюменской обл. за 1971 г. — Архив ИА, № 4571.
- Россадович А. П. Отчет об археологической экспедиции Нижне-Тагильского краеведческого музея за 1958 г. — Архив ИА, № 1947.

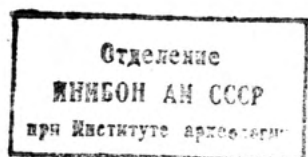
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЕТГМ	— Ежегодник Тобольского губернского музея
ИА	— Институт археологии
ИИС	— Из истории Сибири
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии
МИА	— Материалы и исследования по археологии
ПГУ	— Пермский государственный университет
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СО АН СССР	— Сибирское отделение АН СССР
СЭ	— Советская этнография
ТГУ	— Томский государственный университет
ТИАИАЭ АН	Труды Института истории, археологии
КазССР	и этнографии АН Казахской ССР
ТИЭ	— Труды Института этнографии
ТСА РАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТТКМ	— Труды Томского краевого музея
ТТОКМ	— Труды Томского областного краеведческого музея

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I	
ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БРОНЗО- ВОГО ВЕКА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	9
Глава II	
ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	16
Глава III	
ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ НЕОЛИТА К БРОНЗОВОМУ ВЕКУ	22
Нижнее Приоболье. Памятники с гребенчатой керамикой	23
Нижнее Приоболье и бассейн Исети. Памятники с отсту- пающе-накольчатой и линейно-накольчатой керамикой	32
Тюменское Приоболье. Комплексы с ямочной керамикой	48
Лесостепное и таежное Тоболо-Иртышье. Поселения с гре- бенчато-ямочной керамикой	53
Памятники эпохи раннего металла в Верхнем и Томско- Нарымском Приобье	63
Глава IV	
ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТОГО БРОНЗОВОГО ВЕКА (самусьско-сейминская эпоха)	76
Свердловско-тагильский регион. Коптяковский этап	77
Тюменское Приоболье. Поселения с гребенчато-ямочной керамикой (предсузгунский этап)	84
Самусьская культурная общность	86
Лесостепная Бараба. Кротовская культура	106
Глава V	
ВТОРОЙ ПЕРИОД РАЗВИТОГО БРОНЗОВОГО ВЕКА (андроновская эпоха)	111
Северные варианты андроновской культурной общности	112
Андроновидная культурная общность	132

Глава VI	
ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ БРОНЗОВОГО ВЕКА К ЖЕЛЕЗНОМУ	162
Эпоха поздней бронзы	162
Переходное время от бронзового века к железнму	181
Глава VII	
ХОЗЯЙСТВО	206
Глава VIII	
НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	230
Локальные особенности социального развития	231
Факторы социального развития	235
Глава IX	
ВЕРОВАНИЯ	246
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	266
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ	268
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	276

Михаил Федорович
Косарев

БРОНЗОВЫЙ ВЕК
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Е. П. Прохоров
Художник Э. А. Дорохова
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор З. Б. Павлюк
Корректоры Д. Ф. Арапова, Л. Д. Собко

ИБ № 22147

Сдано в набор 09.06.81.
Подписано к печати 14.09.81.
Т-10293. Формат 70×90^{1/16}
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 20,5. Усл. кр. отт. 20,8
Уч.-изд. л. 21,4. Тираж 1700 экз. Тип. зак. 463
Цена 3 руб.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В издательстве
«НАУКА»
готовится к печати:

Барцева Т. Б.

ЦВЕТНАЯ МЕТАЛЛООБРАБОТКА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

(лесостепное днепровское левобережье).

10 л. 1 р. 50 к.

В монографии на основании данных спектрального анализа большого числа проб дается общая и поэтапная картина развития цветной металлообработки на протяжении VI—III вв. до н. э. Изучение этой отрасли древнего хозяйства помогает выяснить общие закономерности ее развития, проследить динамику создания искусственных сплавов на медной основе, определить древние торговые пути и выделить ареалы родственных культур.

Для археологов, историков, этнографов.

* * *

Козенкова В. И.

ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(восточный вариант).

Свод археологических источников.

20 л. 3 р.

Выпуск Свода археологических источников содержит детальное исследование предметов, найденных при раскопках поселений и погребений восточного варианта кобанской культуры. Создание типологической и хронологической классификации помогает разрешению проблемы о происхождении данной культуры, позволяет выделить этапы ее развития. Книга снабжена богатым иллюстративным материалом, библиографией.

Для специалистов — археологов и историков, занимающихся изучением древностей Кавказа и в более широком плане — евразийских степей.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 Ленинград П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

4405